

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК**

СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

**III КАЗАНСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
САММИТ**

Казань, 14–19 ноября 2022 г.

Труды и материалы

Том 1

**КАЗАНЬ
2023**

УДК 81
ББК 81
С56

Под общей редакцией
И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой

С56 Современная лингвистика: от теории к практике: III Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 14–19 ноября 2022 г.): тр. и матер.: в 3 т. / под общ. ред. И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой. – Казань: Издательство Казанского университета, 2023. – Т. 1. – 526 с.

ISBN 978-5-00130-481-4 (т. 1)
ISBN 978-5-00130-480-7

В первый том трудов и материалов Казанского международного лингвистического саммита «Современная лингвистика: от теории к практике» включены материалы пленарных докладов и докладов, заявленных на сессиях «Компьютерная и корпусная лингвистика», «Палеорусистика и цифровая гуманитаристика», «Когнитивная лингвистика», «Клиническая и нейролингвистика, психолингвистика».

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-00130-481-4 (т. 1)
ISBN 978-5-00130-480-7

© Издательство Казанского университета, 2023

КОМПЬЮТЕРНАЯ И КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Антипова Алина Сергеевна

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
УДК 81'33

Некоторые аспекты полевой семантизации термина COVID-19 (корпусное исследование)

*COVID-19, семантическое поле, термин, терминосистема,
корпусное исследование*

В настоящее время наблюдаются очевидные тенденции активной гетерогенности языковой системы, особенно на лексическом уровне. В филологической парадигме все чаще появляются новые объекты научного осмысления в виде неологизмов, дериватов существующих лексем, новых терминов. Ввиду форсированного появления новых реалий возникла необходимость в их языковом обозначении, конвенциональном единообразии и последующем повсеместном использовании в разнообразных ситуациях информационного обмена. Если в традиционном смысле принято говорить о постепенном и эволюционном развитии лексической системы языка, которая тем не менее находится в постоянном движении [Forrester 2008: 110], то период 2020–2021 гг. представляет собой эпоху, когда этот процесс происходит с калейдоскопической быстротой, затрагивая большинство естественных языков.

Основным системообразующим фактором лексических изменений периода пандемии, на наш взгляд, является возникновение глобальной угрозы здоровью человечества, что предполагает максимальную вовлеченность в данную проблематику специалистов систем здравоохранения, а соответственно и ведущую роль медицинской терминологии в развитии глобальной лексической системы. В предлагаемом нами исследовании была осуществлена попытка определить состав семантического поля термина COVID-19 на начальном этапе становления информационной повестки об этом заболевании. Подчеркивая глобальную специфику изучаемого нами периода, представляется необходимым осветить лингвокультурный ас-

пект данного процесса, рассматривая, таким образом, появление новых способов номинирования множества возникших реалий на примере нескольких языков.

В данной работе представлен один из этапов нашего исследования (март – июль 2020 г.). Методом автоматизированного поиска при помощи алгоритма на языке Python нами был осуществлен отбор текстовых данных, которые впоследствии составили корпус для дальнейшего исследования. В состав корпуса вошли глоссарии, размещенные на официальных ресурсах Российской Федерации, США, Великобритании, Франции и Канады, а также на ресурсах Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в количестве 23 источников, включивших в себя 716 терминологических единиц. В описываемом исследовании единство терминологической единицы представлено сочетанием языкового знака, обозначающего специальное понятие и его дефиниции [Маджаева 2017; Шелов 2010].

На первом этапе проводился сравнительный анализ присутствия терминологических единиц в глоссариях, представленных на одном и том же языке. Важными компонентами интеллектуального анализа текста, который позволяет определить сходство или различие единиц, являются процедуры автоматического суммирования, тегирование частей речи, устранение неоднозначности и разбиение на фрагменты. Благодаря последовательному применению алгоритмов предварительной обработки в исследовании появилась возможность указать необходимые параметры для определения вхождения в корпус: основных номинативных категорий, основных действий, связанных с COVID-19, основных содержательных характеристик и качеств, связанных с анализируемой тематикой. В результате частотного анализа представленности терминологических единиц в русскоязычных, англоязычных и русскоязычных корпусах были составлены комплексные терминологические глоссарии по теме COVID-19 по каждому языку, а также сравнительно-сопоставительный глоссарий терминологических корреляций.

Центральными терминологическими единицами, получившим наибольшую частотность в рамках всех исследуемых источников, стали термины, непосредственно обозначающие анализируемую в исследовании категорию: COVID-19, Covid, coronavirus, SARC-CoV-2, infection, disease, maladie, virus, коронавирус, вирус, болезнь, инфекция, заболевание. Наиболее близкие терминологические единицы,

связанные с центральной категорией, нами были разделены на следующие группы: термины, обозначающие основные характеристики COVID-19, термины для обозначения симптоматических проявлений заболевания; термины, описывающие развитие и течение COVID-19; термины, связанные с превентивными действиями; термины, отражающие изменения в социальной сфере и действия социального характера; экономические термины.

В результате проведенного семантического анализа наиболее высокая частотность полевых стратификаторов и описательных характеристик, связанных с ключевой категорией COVID-19 в периоде март – июль 2020 года, получена в русском языке по единицам: новый, вирусный, инфекционный, заразный, патогенный, бессимптомный, подтвержденный, тяжелый; в английском языке по единицам: infectious, contagious, viral, respiratory, RNA и severe; во французском языке по единицам: infectieux, contagieux, viral, nouveau, respiratoire. К данной группе нами были отнесены: подгруппа уточняющих терминологических единиц, таких как штамм, Альфа, вариант Альфа, бетакоронавирус, Бета-штамм, вирусная нагрузка, вирулентность, вирусовыделение, патогенность, геном, РНК, репликация, шиповидные отростки в русском языке и их аналоги на английском и французском языках: strain, viralload, viralshedding, viralspread, virulence, genome, RNA, replication, club-shapedspikes, variante alpha, charge virale, excrétionduvirus, propagationvirale, génome, ARN, forme de massue (spicules). Период начала заболевания обозначается традиционно нейтральным для французского языка термином *épidémie de covid*, англоязычными эквивалентами *outbreak* и *onset*, описывающими динамический и стихийный характер начала пандемии и метафорическим, наиболее частотно встречающимся в сходных русскоязычных контекстах термином «вспышка COVID-19». При этом с превалирующей частотностью во всех исследуемых корпусах встречается метафорический аналог, обозначающий периоды пандемии: *wave – vague – волна*.

Терминологические единицы, номинирующие симптоматику, были дополнительно проанализированы в сопоставлении внутри всех языковых групп. Далее представлены совпадающие по всем трем корпусам единицы на русском языке: признаки поражения легких, агевзия, аносмия, потеря обоняния, депрессия, сухой кашель, отделение мокроты, кровохарканье и дыхательная недостаточность. Наибольшее количество терминологических единиц, обозначающих

симптоматику в целом, обнаружено в анализируемых материалах на русском языке. Дополнительный анализ этой группы выявил присутствие терминологических единиц двух подкатегорий: специальная медицинская терминология и эквиваленты медицинских терминов, использующиеся в качестве общеупотребимых дериватов, выполняющих функцию интерпретации, не являющейся ключевой в англоязычном и франкоязычном корпусах. Например: гемоптизис – кровохарканье; пневмония – воспаление легких и пр. Примечательно, что, несмотря на общую цель всех терминологических глоссариев – донести информацию о новом заболевании массовой аудитории, глоссарии на русском языке оказались наиболее дескриптивными, семантически емкими и направленными, таким образом, на более широкие круги населения.

В результате проведенного сопоставительного анализа была также обозначена категория лексических единиц, связанных с формированием восприятия текущей ситуации в период март – июль 2020 года. К этому блоку относятся такие существительные и прилагательные, содержащие определенные атрибутивные характеристики и номинативные категории, как: жизнеугрожающий, острый, критический, суицидальный, тяжелый, деструктивный, летальный, чрезвычайный; *life-threatening, acute, critical, suicidal, severe, destructive, lethal; mettant la vie en danger, aigu, critique, suicidaire, destructeur, mortel, d'urgence*; воспаление, депрессия, нарушение, потеря, утрата, риск, осложнение, коллапс, смертность, уязвимость, нагрузка; *inflammation, depression, impairment, loss, risk, complication, collapse, mortality, vulnerability, overload; inflammation, dépression, déficience, perte, perte, risque, complication, effondrement, mortalité, vulnérabilité*. Полученные данные свидетельствуют о присутствии в официальных источниках глубоко оценочного компонента, что подтверждает внеплановость возникновения ситуации, угрожающей глобальному мироустройству и неподготовленность к ней государственных систем здравоохранения и жизнеобеспечения.

Таким образом, наше исследование объективирует некоторую часть сравнительно-сопоставительного анализа в парадигме лингвокультурного функционирования термина как семантически специфической модели структурирования контекста конкретной тематической области. В анализируемых корпусах наблюдается присутствие социально-ориентированных терминологических единиц и единиц, свя-

занных с экономической тематикой. Русскоязычная модель представления терминологического единства понятия и дефиниции имеет более дескриптивный характер по сравнению с англо- и франкоязычными моделями. Аспектность обозначения различных категорий терминов отличается в зависимости от анализируемого корпуса. В русскоязычном корпусе большее значение имеют термины, связанные с директивными указаниями вышестоящих инстанций, в то время как в англо- и франкоязычных корпусах эта категория представлена более нейтральными моделями, предполагающими варианты самостоятельного выбора: социально-возможных способов взаимодействия (англоязычный корпус) или социально-одобряемых действий (франкоязычный корпус).

Полученные результаты позволяют продолжить рассмотрение функционирования терминосистемы COVID-19 в разнообразных типах письменной речи, что позволит не только проследить динамику развития новых терминологических категорий в естественном языке, но и описать психолингвистические аспекты их восприятия в разных экспериментальных группах.

Литература

Маджаева С.И. Актуальные проблемы современного терминоведения / С.И. Маджаева // Вестник Калмыцкого университета. – 2017. – С. 83–91.

Шелов С.Д. Еще раз об определении термина «термин» / С.Д. Шелов // *Non multum, sed multa: немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: сб. науч. тр. в честь В.Ф. Новодрановой* / ред. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков. – М.: Авторская академия, 2010. – С. 448–449.

Forrester J. A Brief Overview of English as a Language in Change / J. Forrester // *Asian Social Science*. – 2008. – № 6. P. 108–113.

**Квантификация непроизводных абстрактных субстантивов:
на материале базы данных рейтингов абстрактности**

*абстрактные существительные, множественное число,
база данных, рейтинг абстрактности*

При определении критериев разграничения существительных абстрактных и конкретных лексико-грамматических разрядов исследователи чаще обращаются к грамматическим признакам, а именно к признаку неполной числовой парадигмы, что и отражается на большинстве определений к абстрактным субстантивам. Так, согласно принятой в языкознании точке зрения, абстрактные существительные не должны использоваться в форме множественного числа, так как они не соотносятся с представлением о счете [Виноградов 2001]. Однако, например, Л.О. Чернейко указывает, что грамматический критерий не может являться достаточным основанием для объединения существительных в определенный лексико-грамматический разряд [Чернейко 1997: 6]. Существительные с неполной числовой парадигмой далеко неоднородны по своей семантике, и, как указывает Н.Г. Озерова [Озерова 1987: 88], общепринятое мнение о дефектности числовой парадигмы абстрактных субстантивов корректно только для имен, имеющих один лексико-семантический вариант. Анализ системы лексических значений полисемичных существительных показывает, что многие субстантивы имеют соотносительные формы числа только для части значений [Калинина 2008; Пазельская 2003].

Итак, мы отобрали 50 абстрактных единиц из созданной базы данных существительных с указанием числового показателя степени абстрактности/конкретности [Соловьев 2022; Volskaya 2020]. Во-первых, на основе метода дифиниционного анализа были проанализированы словарные статьи к данным словам по Большому толковому словарю под редакцией С.А. Кузнецова и Русскому семантическому словарю под редакцией Н.Ю. Шведовой. Во-вторых, на основе Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) и Google n-grams отобрали контексты, в которых данные слова употребляются в

форме множественного числа. В-третьих, проанализированы особенности значений абстрактных существительных (далее – АС) в форме множественного числа.

Анализ особенностей плюральных форм АС осуществлялся с опорой на словообразовательный и семантический критерии. В данной работе будут описаны особенности квантификации производных абстрактных субстантивов с высокой степенью абстрактности.

Перечислим особенности употребления производных АС, которые были выявлены в ходе анализа.

Во-первых, форму множественного числа возможно образовать от тех существительных, которые в единственном числе, могут подразумевать различные денотаты, каким-то образом связанные с понятием, названным абстрактным именем. В семантической структуре таких слов сигнификативного типа выделяются денотативные значения, т.е. абстрактное по своему характеру понятие (в зависимости от интерпретации, носителя языка и его языкового и личного опыта) подразумевает конкретный объект, либо событие, локализованное во времени и пространстве. В этом случае, базовый признак, лежащий в основе понятия, названного АС, переносится на денотаты, которые могут относиться к данному понятию или ассоциироваться с ним.

Модель переноса:

1. «отвлеченное понятие – человек, предмет, событие» (например, «судьба», «мечта», «идеал», «фантазия»);

2. «причина, названная АС – событие» (например, «удача»).

Во-вторых, на основе прямых значений слова в начальной форме может образоваться форма множественного числа в следующих значениях:

1. Множественное, подразумевающее «кванты» (части целого): абстрактное явление может «квантоваться», под «квантом» понимается минимальная единица целого явления как совокупности («мысль», «замысел»);

2. Разные проявления того, что названо абстрактным существительным. Такое значение возможно тогда, когда явление антропоцентрично, подразумевает связь с человеком, как основным актантом («судьба»);

3. Множественное видообразующие, которое может образовать «множественное эллипсиса»: искусства = несколько видов искусств; два искусства = два вида («свобода», «идеология», «искусство», «религия»).

В-третьих, для обоих типов значения слово в плюральной форме приобретает прототипическое значение множественности и/или дополнительную плюральную семантику:

1. множественное совокупное;
2. множественное разнородно-неопределённое;
3. множественное количественное (счетное);
4. дополнительная коннотация, усиливающая одно из значений в полисемичном слове.

Итак, анализ данной группы слов демонстрирует, что множественное число абстрактных субстантивов образовалось под влиянием лексикализации, поскольку, во-первых, плюральная форма разобранных лексем обладает семантикой, отличной от обычного множества названных объектов; во-вторых, квантификация приводит к конкретизации значений субстантивов с высокой степенью абстрактности.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90041.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): 4-е издание / В.В. Виноградова. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.

Калинина Л.В. О формах множественного числа абстрактных, вещественных и собирательных существительных / Л.В. Калинина // Русская литература. – 2008. – С. 43–46.

Озерова Н.Г. Многозначность существительного и его грамматическая характеристика / Н.Г. Озерова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 5. – С. 87–93.

Пазельская А.Г. Множественное число русских предикатных имён / А.Г. Пазельская // Труды международного семинара «Диалог» по компьютерной лингвистике и ее приложениям / ред. И.М. Кобозева, Н.И. Лауфер, В.П. Селегей. – М.: Наука, 2003. – С. 513–519.

Соловьев В.Д. Словарь русского языка с индексами конкретности/абстрактности // В.Д. Соловьев, Ю.А. Вольская, М.И. Андреева, А.А. Заикин // Russian Journal of Linguistics. – 2022. – Т. 26. – № 2. – С. 515–549.

Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л.О. Чернейко. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 353 с.

Volskaya Y.A. Dictionary of abstract the words of the Russian language: Nouns with high numerical measure of abstractness / Y.A. Volskaya, I.S. Zhuravkina, A.P. Lobanov // International Journal of Criminology and Sociology. – 2020. – № 9. – P. 2398–2405.

Гатиатуллин Айрат Рафизович
Кубединова Ленара Шакировна
Прокопьев Николай Аркадиевич
Абдураманов Ибраим Арсенович
Институт прикладной семиотики,
Академия наук РТ
УДК 004.822

**Инструментарий портала «Тюркская морфема»
для создания электронных корпусов тюркских языков
в рамках единого концептуального пространства**

*электронный корпус, концептуальное пространство,
лингвистический ресурс, тюркология*

1. Введение

Актуальность и важность создания электронных корпусов естественных языков как инструмента их сохранения и развития, а также как ресурсной базы для разработчиков NLP-технологий и исследователей языков, у специалистов не вызывает сомнения. В настоящее время благодаря возрастающей поддержке со стороны государственных органов, различных международных фондов и большому вниманию к проблемам исчезающих и малоресурсных языков со стороны ЮНЕСКО, наблюдается быстрый рост количества и объема электронных корпусов для множества языков, в том числе и для тюркских языков [UNESCO 2019]. Для многих из языков тюркского семейства существует уже по несколько электронных корпусов.

Вместе с тем, существует ряд проблем в процессе создания электронных корпусов, решению которых направлены представленные в статье исследования. В частности, адресована проблема создания новых корпусов для некоторых тюркских языков, так как не у всех желающих создать подобные ресурсы, имеется такая возможность. Разработчики сталкиваются с техническими проблемами размещения и поддержки функционирования таких крупных, требовательных к техническому обеспечению ресурсов как корпусы, а также со сложностями программной реализации собственного инструментария для разметки электронных корпусов с учетом особенностей языка.

2. Подходы к решению проблемы

Создание электронных лингвистических корпусов выдвигает перед разработчиками широкий спектр проблем и задач, успешное решение которых требует соединения результатов лингвистических исследований и современных компьютерных методов анализа языковых данных.

Анализ сложившейся ситуации [Kubedinova, Adali 2019] показывает, что в тюркской корпусной лингвистике, несмотря на генетическую и структурно-типологическую общность тюркских языков, пока не сформировалось общих принципов и подходов к лингвистической разметке текстов. По заключению участников конференции TurkLang [Psyanchin 2020], одной из важнейших задач тюркского языкознания является выработка единого стандарта представления лингвистической информации, который позволяет интегрировать существующие и создающиеся корпуса тюркских языков в единое информационное пространство. В качестве дополнения к организационным мерам необходимо иметь единые ресурсные базы и инструментарий. Такой ресурсной базой может стать портал «Тюркская морфема» [Gatiatullin 2020] (modmorph.turklang.net).

3. Инструментарий для создания корпусов

Инструментарий для создания новых корпусов в рамках портала «Тюркская морфема» обеспечивает структуру базы данных, которая пригодна для большинства корпусов. Сущности этой базы данных связаны с языковыми элементами Модели Тюркской Морфемы на основных уровнях: грамматическом, синтаксическом, семантическом.

База данных нового корпуса содержит пять основных сущностей для хранения корпусных данных на различных уровнях детализации:

1. «Документ» – хранит данные об отдельном текстовом документе корпуса, Эта сущность связана с сущностью «Язык» из базы данных портала.

2. «Предложение» – хранит данные об отдельных предложениях из текста «Документа».

3. «Клауза» – хранит данные о клаузах предложений из текста документа. Каждая запись сущности «Клауза» соответствует некоторой записи сущности «Ситуационный фрейм» из базы данных портала.

4. «Синтаксема» – хранит данные о синтаксемах клауз, в рамках портала записи данной сущности связываются с записями сущности «Ситуационная роль».

5. «Словоформа» – хранит данные об отдельных словоформах синтаксисом. Представляет собой отдельное слово, разобранные при помощи морфологического анализатора. Результат разбора связывает записи данной сущности с записями сущностей «Корневая морфема», «Аффиксальная морфема», «Аналитическая морфема». Корневые морфемы, в свою очередь, связаны с сущностью «Концепт». Для каждого нового корпуса создается отдельное типовое веб-приложение, называемое модуль корпуса.

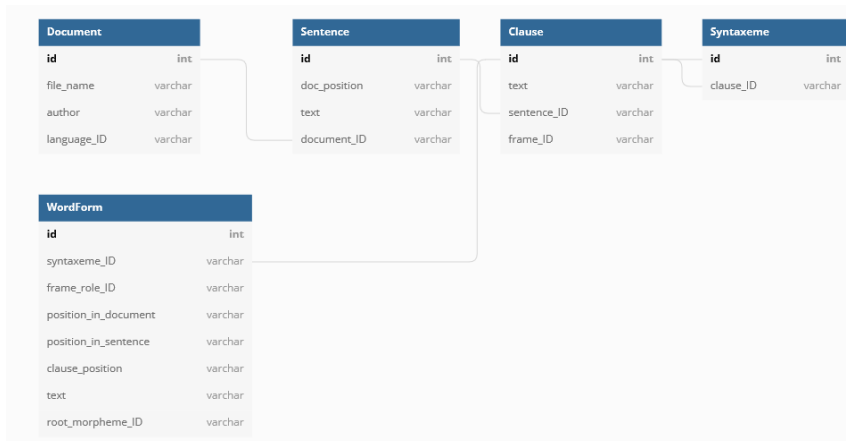
Каждый модуль корпуса связывается с базой данных портала через предоставляемый единый программный интерфейс (API). Кроме того, модули корпуса реализуют собственный единый API, который обеспечивает доступ к данным при помощи поисковых запросов и позволяет производить выгрузку данных.

4. Реализация модуля корпуса

Каждый модуль корпуса реализован как типовое веб-приложение на кроссплатформенном интерпретируемом языке Python с использованием фреймворка Django. Базовая кодовая и модульная структура такого шаблона может быть загружена на сервер пакетного менеджера pip в виде загружаемой библиотеки, таким образом упрощая возможную дальнейшую разработку. Далее рассмотрен пример создания нового корпуса на основе данного инструментария.

В качестве СУБД выбрана PostgreSQL. Модуль корпуса создает базу данных с таблицами, представленными на схеме на рисунке 1.

Рисунок 1. Физическая ER-диаграмма модуля корпуса

Пользовательский интерфейс модуля дает доступ для экспертов-лингвистов к заполнению данных корпуса с использованием автоматизированных средств. Каждая сущность базы данных модуля корпуса доступна для редактирования в интерфейсе.

После загрузки документа инициализируется алгоритм разбиения документа на предложения, которые записываются в базу данных модуля корпуса. Алгоритм основан на использовании библиотеки для обработки естественного языка NLTK. Сначала из документа извлекается текст с использованием библиотеки `textract`, позволяющей обрабатывать большинство текстовых и офисных форматов документов. Для разбиения на предложения используется функция `nltk.sent_tokenize`, дающая на выходе набор предложений, сохраняющихся далее в базу данных с вычисленной позицией в документе.

5. Заключение

В статье представлен инструментарий для создания новых корпусов корпусов тюркских языков в рамках портала «Тюркская Морфема», рассмотрена реализация отдельного модуля корпуса. Использование данного инструментария позволяет поддерживать единую иерархическую структуру корпусной базы данных, связанную с общезыковыми и языкозависимыми ресурсами портала и обеспечивает общий программный интерфейс доступа к данным для разработки и подключения программного обеспечения, такого как корпус-менеджер, инструменты для обработки естественного языка, графические интерфейсы для выгрузки и представления сводных данных по нескольким языкам и геолингвистические системы.

Литература

Gatiatullin A. About Turkic Morpheme portal, in Proceedings of the Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2020) / A. Gatiatullin, D. Suleymanov, N. Prokopyev, B. Khakimov // CEUR-WS, 2020. – Pp. 226–243.

Kubedinova L., Adali E. The Crimean Tatar Electronic Corpus vs the Electronic Corpus of the Turkish Language (Grammatical Tagging of Noun, Verb) / L. Kubedinova, E. Adali // in Proceedings of 2019 4th International Conference on Computer Science and Engineering (UBMK), 2019. – Pp. 783–788.

Psyanchin A.V. (Ed.) VIII International Conference on Computer Processing of Turkic Languages “TurkLang 2020”, Proceedings, IHLL UFRC RAS. – Ufa, Russia. – 2020.

UNESCO Headquarters International Conference Language Technologies for All (LT4All): Enabling Linguistic Diversity and Multilingualism Worldwide in the framework of the 2019 International Year of Indigenous Languages 4–6 December 2019. – Paris, France.

Применение метода Eye Tracking для выявления сложности экономических терминов в тексте

сложность текста, экономические термины, читабельность, частотность, айтрекинг-метод

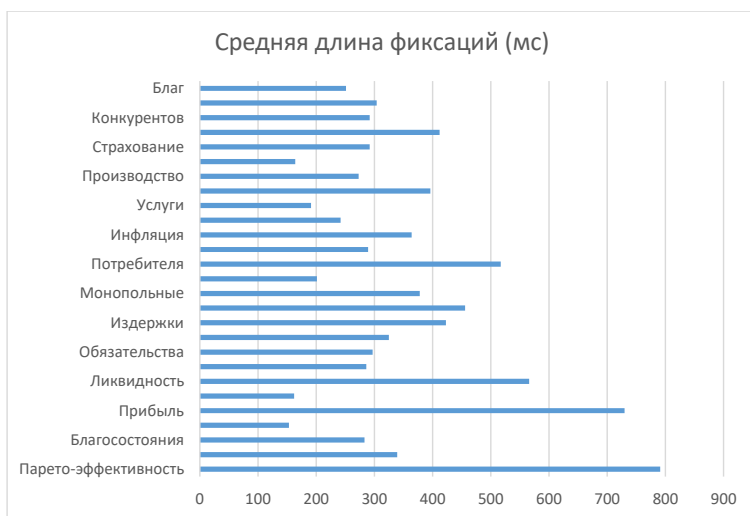
Введение. На сегодняшний день исследователи-лингвисты поднимают вопросы не только читабельности текста в целом, но и сложности отдельных слов. Исследования движений глаз позволяют детально описать процессы обработки визуальной информации и текста. Методика регистрации движения глаз с помощью инструмента Eye Tracking позволяет узнать, как читает человек. На сложных для обработки словах читающие обычно задерживают, фиксируют взгляд несколько раз (это называется рефиксацией) [Черниговская, Петрова 2018: 19]. Гипотеза, лежащая в основе исследования, заключается в том, что экономические термины в предложениях являются для читателей более сложными по сравнению с другими словами.

Материал и методы. В качестве экспериментальной базы были выбраны 20 учебников по макро- и микроэкономике на русском языке для студентов неэкономических специальностей. С помощью языка программирования Python был написан код для определения наиболее частотных терминов из современного экономического словаря-справочника [Гацалов 2001], встречающихся в этих учебниках. Таким образом, 36 экономических терминов вошли в основу эксперимента. Из текстов учебников были выбраны 20 предложений, содержащих термины. В исследовании участвовали 69 студентов 4 курса неэкономических специальностей в возрасте от 20 до 25 лет.

Для проведения эксперимента использовался аппарат для регистрации движений глаз SR Research Eyelink 1000 Plus. После прохождения калибровки участникам эксперимента предлагалось прочитать 20 предложений, включающих экономические термины, и ответить на вопросы по содержанию предложений с вариантами ответов для контроля понимания прочитанного. Каждое предложение предъявлялось испытуемым на отдельном слайде.

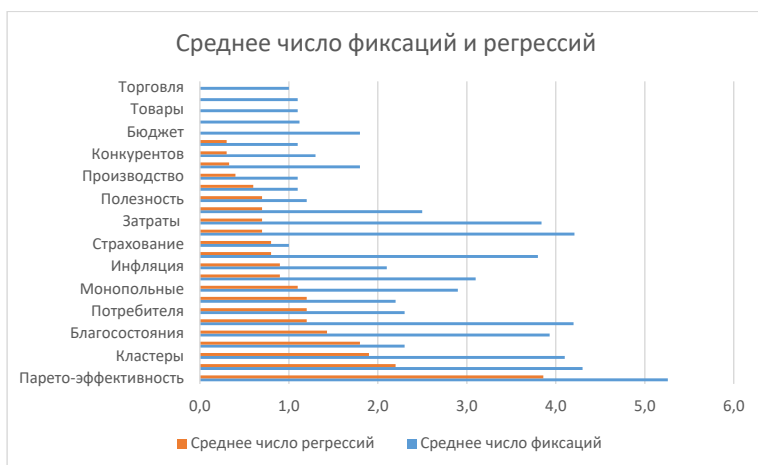
Анализ. В ходе обработки результатов эксперимента учитывались следующие параметры прочтения каждого предложения: средняя длительность фиксации, количество фиксаций, число регрессий. Неподвижное состояние глаз называется *фиксацией*. Во время фиксации происходит распознавание слов при чтении. Фиксации по длительности делятся на эксплицитные (от 250 мс) и имплицитные (до 250 мс) [Полевая и др. 2017: 8]. В исследовании мы принимали эксплицитные фиксации за значимые по длительности для целей эксперимента. *Число фиксаций* в выделенной области интереса – широко используемый показатель, который представляет собой количество раз, когда взгляд «замирает» в зоне интереса (слове). Увеличение числа фиксаций может быть связано с рядом когнитивных аспектов. *Длительность фиксаций* рассчитывается как суммарная продолжительность всех фиксаций в выделенной зоне интереса в ходе экспозиции изображения или как суммарная продолжительность первичных данных [Барабанщиков, Жегалло 2014: 98]. *Число регрессий* обозначает число возвратов взгляда испытуемого к слову, представляющему зону интереса. В результате было проанализировано 36 терминов, наиболее эксплицитные из которых представлены на Рисунке 1.

Рисунок 1. Средняя длина фиксаций

Анализ результатов показал, что 22 термина из 36 (61,1%) являются эксплицитными, то есть их средняя длина фиксаций составляет больше 250 мс. Дольше всего взгляд испытуемых фиксировался на следующих терминах: Парето-эффективность (791 мс), прибыль (730 мс), ликвидность (566 мс), потребителя (517 мс), экстернальные (456 мс), издержки (423 мс), монопольные (378 мс), дефицит (412 мс), облигации (396 мс), затраты (339 мс).

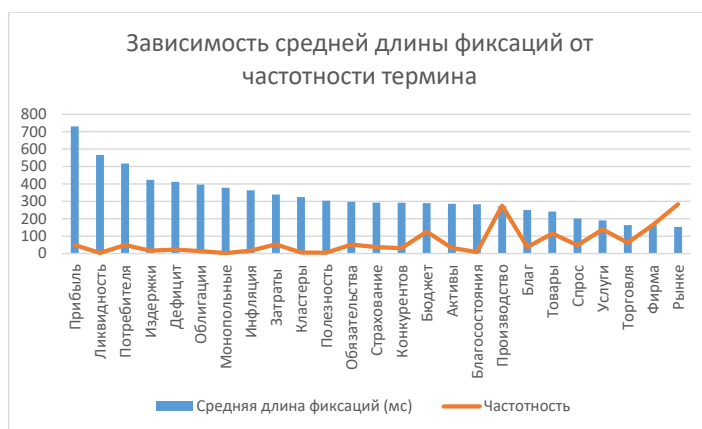
Рисунок 2. Среднее число фиксаций и регрессий

Согласно представленным данным, наибольшее число фиксаций имеют следующие термины: Парето-эффективность (5,3), ликвидность (4,3), прибыль (4,2) экстернальные (4,2), кластеры (4,1), благосостояния (3,9), затраты (3,8). Больше число фиксаций приходится на области предложения с высокой семантической значимостью, что говорит о большей сложности данных экономических терминов для студентов наряду с другими словами [Барабанщиков, Жегалло 2014: 102]. Наибольшее число регрессий имеют слова: Парето-эффективность (3,9), ликвидность (2,2), кластеры (1,9), дефицит (1,8), благосостояния (1,4). Число возвратов может использоваться, как один из показателей сложности интерфейса или, как в нашем случае, сложности отдельного термина [Барабанщиков, Жегалло 2014: 103].

На Рисунке 3 приведен график зависимости средней длины фиксаций от частотности термина: с уменьшением частотности слов, возрастает средняя длина фиксаций, что говорит об обратной пропорциональной зависимости этих параметров. Частотность, в свою очередь, обратно пропорциональна сложности текста [Лапошина и др. 2022]. По данным эксперимента, наиболее сложными терминами в выборке являются: Парето-эффективность, ликвидность, благосостояния, имеющие высокие показатели по каждому из трех параметров.

Рисунок 3. Зависимость средней длины фиксаций от частотности термина

Таким образом, можно утверждать о взаимосвязанности сложности предложений в эксперименте и средней длины фиксаций.

Выводы. Таким образом, сформулированная гипотеза подтверждается в ходе эксперимента: 61,1% экономических терминов в предложениях имеют эксплицитные фиксации, то есть взор испытуемых обращен к ним чаще, чем к другим словам. Данный факт подтверждает низкую частотность этих слов и их большую сложность для читателя, соответственно.

Литература

Барабанщиков В.А. Айттрекинг: Методы регистрации движений глаз в психологических исследованиях и практике / В.А. Барабанщиков, А.В. Жегалло. – М.: Когито-Центр, 2014. – 128 с.

Гацалов М.М. Современный экономический словарь-справочник / М.М. Гацалов. – Ухта.: УГТУ, 2002. – 371 с.

Лапошина А.Н., Лебедева М.Ю., Берлин Хеннис А.А. Влияние частотности слов текста на его сложность: экспериментальное исследование читателей младшего школьного возраста методом айттрекинга // Russian Journal of Linguistics. – 2022. – Т. 26. – № 2. – С. 493–514.

Полевая А.В. Практикум по методу EYE-TRACKING: учебно-методическое пособие / А.В. Полевая, В.А. Демарева, С.Б. Парин, С.А. Полевая. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2017. – 41 с.

Черниговская Т.В., Петрова Т.Е. Взгляд кота Шредингера: регистрация движений глаз в психолингвистических исследованиях / Т.В. Черниговская, Т.Е. Петрова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018. – 228 с.

Гунькова Дарья Евгеньевна
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
УДК 811.111

**Семантическая верстка как инструмент выявления
аксиологических ориентиров политического
комментатора – радиоведущего**

*корпусная лингвистика, политический дискурс,
аксиологические ориентиры, семантическое теггирование*

В настоящее время для предоставления объективных и верифицированных результатов выявления аксиологических ориентиров все чаще используются корпусные методы исследования, которые являются эффективным инструментом анализа объемных массивов текста, так как «активное использование корпусных технологий в анализе дискурсивных практик, осуществляющихся в текстах, позволяет актуализировать и репрезентанты аксиологических смыслов, объективно выявить социально значимую текстовую информацию, основываясь на применении количественных данных» [Кочетова, Конова 2019, 2: 66]. Данные методы отвечают нескольким требованиям одновременно: (1) дают количественные данные об искомых единицах текста, (2) способствуют систематизации текста, (3) демонстрируют актуализацию конкретной языковой единицы в рамках узкого контекста.

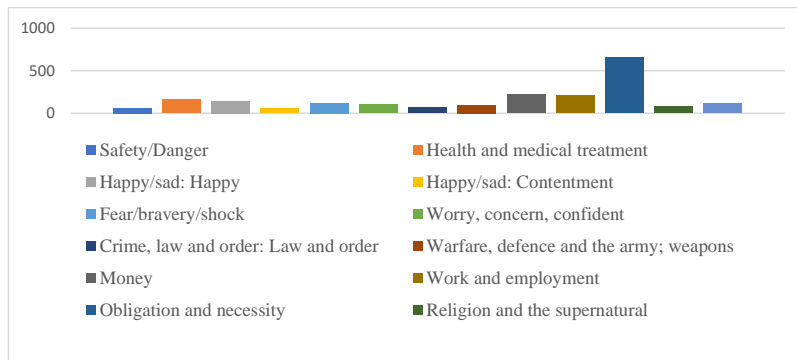
Объектом нашего исследования являются ценностные характеристики дискурсивной личности политического комментатора-радиоведущего. Эмпирической основой исследования являются транскрибированные радиопередачи трех американских политических комментаторов – ведущих авторских радиопередач (Гленна Бека 'The Glenn Beck Program', Майкла Алана Вайнера 'The Savage Nation', Майкла Алана Вайнера 'The Mark Levin Show'). Количество слов в объединенном корпусе – 115792. Коммуникативной целью комментаторов являются предвыборная агитация в рамках предвыборной кампании президента США (октябрь – ноябрь 2016 года) и обсуждение избрания Дональда Трампа на пост президента США (январь – март 2017 года).

Будучи разновидностью массмедийной личности, дискурсивная личность политического комментатора-радиоведущего обладает общей исторически сложившейся системой ценностей современной картины мира конкретного общества и индивидуальной системой личных аксиологических приоритетов. Таким образом, результатом исследования является обнаружение не только базовых, но и дискурсивно-специфических аксиологических ориентиров.

Ценностные ориентиры вербализуются в тексте благодаря словам-репрезентантам. Однако поиск данных репрезентант не ограничивается исключительно количественным подсчетом отдельных словоупотреблений, а включает подразделение текста на реализуемые в дискурсе политического комментария отдельные семантические классы. Одним из оснований является тот факт, что частотность актуализации дискурсивно-специфических аксиологических ориентиров уступает вербализации базовых ценностей, так как политический радиокomentатор стремится к солидаризации с аудиторией. В противном случае количественное преобладание отдельных слов приведет к ложным выводам об отсутствии или доминировании определенных аксиологических ориентиров. Тематический класс представляет собой аналог концептуального поля, включающего те семантические категории, которые прямо или косвенно репрезентуют ценности.

Благодаря использованию системы автоматической семантической разметки USAS исследовательского центра Ланкастерского университета (<https://ucrel.lancs.ac.uk/usas/>), корпус текстов был разделен на 21 глобальный тематический класс. Далее система автоматического анализа подразделяет классы на 232 семантические категории, устанавливая за каждой языковой единицей в тексте определенный тег: заглавная буква соответствует конкретному тематическому классу, а десятичное число – подкатегории, например 'P' – 'Education', 'P1-' соответствует 'Not educated'.

Рисунок 1. Тематические подкатегории, представленные в системе семантического анализа USAS, показавшие статистически значимые показатели

В результате исследования было установлено, что семантическими подкатегориями, имеющими статистически значимые показатели в корпусе текстов политических радиокomentarиев, являются 13 подкатегорий (см. Рисунок 1), из которых 6 представляют преобладающие семантические классы в дискурсе политического радиокomentarия: оппозиция ‘*Safety/Danger*’, а также ‘*Law and Order*’, ‘*Work and Employment*’, ‘*Money*’, ‘*Health and Medical Treatment*’ и ‘*Warfare/Defence*’. Следовательно, текстовая семантика в анализируемых корпусах аккумулируется вокруг следующих ценностных ориентиров: безопасность, законность, работа, деньги, здоровье и государственная защищенность.

Литература

Кочетова Л.А. Когнитивно-корпусный подход к анализу конструирования ценностных смыслов в рекламном дискурсе / Л.А. Кочетова, И.В. Кононова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – № 2. – С. 65–74. – DOI 10.20916/1812-3228-2019-2-65-74. – EDN ZBMWOD.

Программное обеспечение

UCREL Rayson P., Piao S., Moore A. UCREL Semantic analysis system [Computer Software]. – Lancaster, Lancaster University. – URL: <https://ucrel.lancs.ac.uk/usas/> (дата обращения: 30.09.2022).

Интеллектуальный анализ региональных текстов

Text Mining, квантитативная лингвистика, компьютерная лингвистика

В рамках исследования были рассмотрены возможности использования методов Text Mining [Большакова 2011; Нечипорук 2017; Донина 2017а, 2017b, 2019, 2022а, 2022b] для анализа районных новостных публикаций СМИ Воронежской области.

Объектом работы выступили публикации новостей тридцати трех районов Воронежской области, в объеме 13284 новостных статей за 9 лет (с 2013 по 2021 год) из онлайн источника «РИА Воронеж». Общее число словоформ составило 2 447 677.

При помощи инструментария для анализа данных (PolyAnalyst), морфологического анализа (MyStem) и создания вероятностной тематической модели (Topic Modeling Tool) из текстовой выборки были извлечены сущности [Ratinov 2009] (187054), факты [Богатырев 2016] (94104) и ключевые слова [Мотовских 2020] (12080); проведена кластеризация тремя способами [Liu 2004; Пархоменко 2017] (по k-средних (выявлено 9 кластеров), при помощи тематического моделирования [Апишев 2020] (15 кластеров) и bag-of-terms (30 кластеров)) и реализован анализ тональности [Pang 2008; Иванов 2015; Поляков 2015; Ажжолов 2019; Семина 2020; Зенищева 2021] (обнаружено 10870 оценочных конструкций). Полученные результаты были визуализированы при помощи графиков, графов и карт [Донина 2015; Пилецкий 2021].

Были реализованы шесть методов извлечения информации из текстовых данных на материале районных СМИ Воронежской области. На основе полученных результатов можно охарактеризовать важные элементы области. Например, каждый район и населенный пункт были отнесены к нескольким темам, что позволяет узнать о наиболее важных событиях и распространенных происшествиях; была получена информация о ключевых проблемах жителей и о том, что им нравится; были выявлены наиболее тесные связи между

людьми, компаниями, организациями, территориальными административными единицами, природными объектами и объектами культуры и инфраструктуры.

Отразим основные количественные и качественные результаты исследования:

- При извлечении сущностей было выявлено наибольшее количество административно-территориальных единиц (49062 сущности; города Воронежской области занимают 26,9% от общего числа населенных пунктов, а муниципалитеты Воронежа 84,3% от общего числа районов), людей (47284 сущности; наиболее упоминаемыми являются политики и должностные лица области), организаций (18118 сущностей; наибольшее число учебных заведений, больниц и административных учреждений) и компаний (11795 сущностей; преимущественно медиа, социальные сети, хозяйственные и добывающие предприятия);

- Результатом извлечения ключевых слов стали языковые единицы, связанные с населенными пунктами (район, область, регион, село), образованием (школа), происшествиями (уголовное дело, лишение свободы, пожар, ДТП);

- В ходе кластеризации публикации были объединены в группы, схожие с тематическими разделами «РИА Воронеж», однако наиболее крупные разделы были разделены (разделу «Общество» соответствует 4 кластера – «Культура и образование», «Семья», «Инфраструктура» и «Администрация», а «Происшествия» – «Пожары», «ДТП», «Уголовные дела» и «Суды и финансы»);

- Анализ тональности определил наиболее негативные (здоровье и травма в результате последствий происшествий) и положительную (работа как вид деятельности) языковые единицы в публикациях;

- В следующих населенных пунктах Воронежской области СМИ наиболее часто освящают происшествия (пожары, ДТП, убийства и т.п.): Верхняя Хава, Нововоронеж, Таловая, Борисоглебск, Терновка, Петропавловка;

- Районы, которые наиболее часто упоминаются в публикациях про ДТП: Каширский, Анинский, Калачаевский, Каменский, Грибановский и Рамонский;

- Деятельность администрации чаще освящается в таких районах как Нижнедевицкий, Семилукский, Кантемировский, Петропавловский и Каменский;

- Тема спорта наиболее актуальна для Бутулиновского, Хохольского, Терновского, Рамонского, Поворинского и Павловского районов;
- С 2016 года тема происшествий имеет нисходящую тенденцию, а публикации, посвященные деятельности населения, культуре, истории, музеям и заповедникам, становятся более актуальными;
- Если в новостной публикации в названии должности отражен пол, то женский персонал (работница и сотрудница) оценивается исключительно негативно, а мужской (работник и сотрудник) имеет больше положительных оценок, чем отрицательных;
- Самая большая группа объектов, которые оцениваются положительно в районных новостных публикациях – «Еда и напитки».
- Наибольшее число конструкций со словом «нравиться» связаны с: культурными местами и мероприятиями (выставка, фестиваль, музей), спортом (биатлон, футбол, тренажер,) и хобби (фотографировать, рукоделие, рисовать);
- Со словом «проблема» наиболее тесно связаны: здоровье (сердце, позвоночник, зрение, память) и жилищно-коммунальное хозяйство (вода, отопление, освещение).

Литература

- Акжолов Р.К. Анализ тональности текста / Р.К. Акжолов, А.В. Верига // Вестник науки. – 2019. – № 9. – С. 29–31.
- Апишев М.А. Эффективные реализации алгоритмов тематического моделирования / М.А. Апишев // Труды Института системного программирования РАН. – 2020. – № 32. – С. 137–152.
- Богатырев М.Ю. Извлечение фактов из текстов естественного языка с применением концептуальных графовых моделей / М.Ю. Богатырев // Известия ТулГУ. Технические науки. – 2016. – № 7. – С. 198–208.
- Большакова Е.И. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и компьютерная лингвистика: учеб. пособие / Е.И. Большакова, Э.С. Клышинский, Д.В. Ландэ, А.А. Носков, О.В. Пескова, Е.В. Ягунова. – М.: МИЭМ. – 2011. – 272 с.
- Донина О.В. Способы визуализации результатов криптоклассного исследования / О.В. Донина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 3. – С. 105–112.

Донина О.В. Применение методов Data Mining для решения лингвистических задач / О.В. Донина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. – 2017а. – № 1. – С. 154–160.

Донина О.В. Использование методов Data Mining и компьютерно-когнитивного моделирования в рамках криптоклассного анализа / О.В. Донина, М. Панков // Информатика: проблемы, методология, технологии. сборник материалов XVII международной научно-методической конференции: в 5 т. – Секция 6. Геоинформационные системы. – Секция 7. Интеллектуальные информационные системы. – Секция 8. Распределенные вычисления. – Секция 9. Поисковые методы. – Секция 10. Компьютерная лингвистика. – Секция 11. Квантовые информационные системы, квантовые алгоритмы, квантовая криптография. – Секция 12. САПР и цифровые технологии. – 2017b. – С. 240–245.

Донина О.В. Компьютерно-когнитивное моделирование лингвистических объектов / О.В. Донина, В.В. Гаршина // Сборник студенческих научных работ факультета компьютерных наук ВГУ: Сборник статей. – В 2-х частях. – Воронеж, 2019. – С. 89–94.

Донина О.В. Автоматизация лингвистических исследований: учебное пособие / О.В. Донина // Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2022а. –125 с.

Донина О.В. Введение в анализ текстовых данных: учебное пособие / О.В. Донина, К.А. Сидоров, Н.С. Горбунов // Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2022b. – 105 с.

Зенищева О.Н. Оценочные комментарии в новостном дискурсе / О.Н. Зенищева // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2. – С. 15–22.

Иванов В.В. Извлечение аспектов, тональности и категорий аспектов на основании отзывов пользователей о ресторанах и автомобилях. / В.В. Иванов, Е.В. Тутубалина, Н.Р. Мингазов, И.С. Алимова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – М.: РГГУ, 2015. – № 14. – С. 32–44.

Мотовских Л.В. Выделение ключевых слов для классификации текстов / Л.В. Мотовских // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2020. – № 9. – С. 79–84.

Нечипорук Д.В. Особенности технологии Data Mining / Д.В. Нечипорук // Молодой исследователь Дона. – 2017. – № 1 (4). – С. 62–65.

Пархоменко П.А. Обзор и экспериментальное сравнение методов кластеризации текстов / П.А. Пархоменко, А.А. Григорьев, Н.А. Астраханцев // Труды ИСП РАН. – 2017. – № 2. – С. 161–200.

Пилецкий Б.М. Распознавание пространственных данных из естественно языковых текстов с целью визуализации / Б.М. Пилецкий // Труды Кольского научного центра РАН. – 2021. – № 5. – С. 50–56.

Поляков П.Ю. Автоматическое определение тональности объектов с использованием семантических шаблонов и словарей тональной лексики / П.Ю. Поляков, М.В. Калинина, В.В. Плешко // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – М.: РГГУ, 2015. – № 14. – С. 66–75.

Семина Т.А. Анализ тональности текста: современные подходы и существующие проблемы / Т.А. Семина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. – 2020. – № 4. – С. 47–64.

Liu X. Croft W Bruce. Cluster-based retrieval using language models / X. Liu // Proceedings of the 27th annual international ACM SIGIR conference on Research and development in information retrieval. – ACM. – 2004. – P. 186–193.

Pang B. Opinion mining and sentiment analysis / B. Pang, L. Lee // Foundations and Trends in Information Retrieval. – 2008. – № 2. – P. 135.

Ratinov L., Roth D. Design challenges and misconceptions in named entity recognition // Proceedings of the Thirteenth Conference on Computational Natural Language Learning / Association for Computational Linguistics. – 2009. – P. 147–155.

**Контент-анализ произведения Е. Шварца
«Сказка о потерянном времени»**

*дискурс, дискурс-анализ, контент-анализ, детский дискурс,
детская речь, антитеза*

В современной лингвистике изучение дискурса занимает ключевое место в работах исследователей. Дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы [Нелюбин 2011: 47]. Данный термин рассматривается как сложное явление, изучаемое на стыке целого ряда научных направлений. Изучить речь именно в рамках определенной социолингвистической ситуации позволяет дискурс-анализ. Дискурс-анализ (discourse analysis) или (дискурсный / дискурсивный) анализ – это комплексное изучение языка с учетом социального контекста и экстралингвистических факторов [Гнатюк 2021: 68–71].

Информационные технологии продолжают развиваться, для обработки огромных объемов информации требуются различные средства. Среди современных методов анализа текста и дискурса выделяют: 1. Интент-анализ, позволяющий воссоздать интенции, то есть направленность автора на тот или иной объект. 2. В результате контент-анализа, подразделяющегося на качественный и количественный анализ, необходимо получить интерпретацию выявленных закономерностей. 3. Фоносемантический анализ подразумевает анализ текста только на фонетическом и семантическом уровнях. 4. Дискурс-анализ представляет собой совокупность техник и методик интерпретации текстов и высказываний [Беляков 2016].

До сих пор лингвистами не было выработано единого подхода к понятию дискурса, поэтому в поле дискурса попадают разнообразные лингвистические и речемыслительные явления. Детскую речь также с недавнего времени стали изучать в рамках дискурсивной деятельности. Считаем, что детская речь и детский дискурс – два синонимичных понятия. Однако в понятие детского дискурса входит не только вербальный компонент речемыслительной деятельности, но и ментальная составляющая [Ерастова 2021: 76–82].

Проведем контент-анализ произведения известного советского писателя Евгения Львовича Шварца (1896–1958) «Сказка о потерянном времени». Данная пьеса-сказка, написанная в 1940 году, предназначена для самостоятельного чтения детьми младшего школьного возраста. В 1964 году пьеса была экранизирована. В сказке повествуется о волшебных приключениях третьеклассника Пети Зубова, неожиданно превратившегося в старичка.

В своей работе мы будем использовать программу ATLAS.ti, рекомендовавшую себя как надежный помощник для проведения качественного контент-анализа текста, аудио, видео, графических документов. В программе уделяется особое внимание процессу кодирования материала. ATLAS.ti включает в себя средства исследования текста, управления и сравнения [Ерастова 2020: 51–58].

С помощью программы нам удалось определить частотность слов, встречающихся в тексте. Наиболее часто автор употреблял следующие слова (за исключением частиц, местоимений, предлогов и имени главного героя Пети Зубова): «волшебники» – 14 употреблений, «время» – 14, «ребята» – 11, «старушка» – 11, «старики» – 8, «мальчик» – 6, «лес» – 6, «настоящие» – 4, «понапрасну» – 4 и т.д.

Далее вручную присваиваем словам определенные коды, т.е. будем относить их к следующим категориям: *цвета, звук, старость, время, движение, числительные, негатив, позитив, фразеологизмы и архаизмы*.

В категории *звук* оказываются всего лишь несколько слов: «тихо», «тише-тише», «грохочут».

К категории *цвета* были отнесены следующие слова (10): «красный», «покраснели», «седая», «темная-темная», «темнеть», «засияла», «светло», «белеет», а также существительные, вызывающие ассоциации с белым цветом – «снег» и «мел». Как мы видим, прямых упоминаний цветов практически нет, но зато автор часто употребляет слова, ассоциирующиеся с контрастирующими цветами белый и черный.

В вечном споре негатива и позитива победил *негатив* – в произведении встретилось преобладающее количество слов с негативной коннотацией: «одинокий», «несчастный», «хмурые», «кряхтят», «охали», «вздохали», «злые», «бедные», «хриплый», «отставал», «опоздают», «опозданием», «лентяи», «плакать», «слезы», «двойки», «тройки», «застучит ногами», «замахнется» и пр.

К категории *позитива* были отнесены слова: «Успею!», «догону», «счастье», «засмеялись», «радости».

Категория *время*: «часов», «стрелки», «опоздают», «время терять», «полночь», «минуту», «скорее», «успеть», «опоздать», «отстал», «полдень», «подожду», «ходики».

Довольно много вхождений в категорию *старость*: «кряхтят», «охали», «морщины», «бледного», «худого», «седая», «затряслась», «бороду», «старика», «стареет», «состарились», «старыми стариками», «идет, не спеша», «старушка», «бабушка», «спотыкаются», «старички», «дряхлыми», «сгорбленными», «пригибало» и пр.

В категорию *числительные* вошли 20 употреблений: «раз, два, три», «третьеклассник», «двенадцать», «двойки, тройки» и т.д.

Около 50 вхождений имеет категория *движение*: «отставал», «догону», «побежали», «помчался», «успею», «опаздывал», «вбежал», «выбежал», «шел», «шагал», «поворошил», «идет, не спеша», «летят», «скорее», «бродит», «вдогонку», «бросился» и т.д.

Категорию *фразеологизмы* представляют следующие словосочетания: «держите ухо остро», «с бою взяли», «чудом вернули», «все пропало», «пошел куда глаза глядят», «жизнь кругом так и кипит», «как сквозь землю провалился», «с ног сбились», «на их счастье», «и в ус не дует», «ни на что не годен», «ноги унес». Выражения «не теряли времени даром», «пока нечего время терять», «терял времени понапрасну» буквально пронизывают данное произведение.

Категория *архаизмы* была озаглавлена таким образом условно, поскольку многие из данных слов не зафиксированы в словарях в качестве действительно архаичных. Однако, слова, отнесенные к этой категории, могут вызвать затруднения у детей младшего школьного возраста, поскольку в современном мире подобные предметы, игры и понятия не используются, а данное произведение было написано 80 лет назад. «Ходики», «гири», «маятник»; «керосиновая лампа»; «оконные медью счеты»; «поворошил сено»; «костяшки», «трешки», «классы», «гоняет камешек»; «на задвижку»; «забрёзжил»; «на колбасе», «колбасника» – многим из этих слов потребуется объяснение.

На основании проведенного контент-анализа мы можем сделать вывод, что данное произведение построено при помощи приема антитезы. Яркими примерами могут стать оксюмороны «злые волшебники» и «старые дети», а также множество противопоставлений «светлый-темный», «убегать-догонять», «старика-дети», «академики-школьники». Самой большой по количеству вхождений стала

категория движения, которая тесно перекликалась с категориями времени и старости. В лексемах преобладает негативное коннотативное значение.

Современным младшим школьникам будет интересно и легко читать данное произведение, поскольку оно написано живым, разговорным языком. Автор умело использует известные фразеологизмы, связанные с понятием времени. Некоторые, вышедшие из современного обихода, предметы и понятия нетрудно объяснить ребенку.

Литература

Беляков М.В. Анализ новостных сообщений сайта МИД РФ методом контент-анализа / М.В. Беляков // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – № 3.

Гнатюк О.А. Дискурс-анализ как важнейший метод комплексного исследования речи при двуязычии / О.А. Гнатюк // Дискурсивные практики в современном мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 27 ноября 2020 года. – М.: Московский государственный областной университет, 2021. – С. 68–71.

Ерастова Д.А. Программная реализация контент-анализа / Д.А. Ерастова // Язык и профессиональная коммуникация в цифровом обществе: сборник материалов национальной научно-практической конференции, Москва, 13 декабря 2019 года / Российский университет транспорта, Институт управления и цифровых технологий. – М.: Белый ветер, 2020. – С. 51–58.

Ерастова Д.А. Некоторые особенности детского дискурса / Д.А. Ерастова // Дискурсивные практики в современном мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 27 ноября 2020 года. – М.: Московский государственный областной университет, 2021. – С. 76–82.

Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 320 с.

Зиганшина Юлия Рашитовна
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
УДК 811.134.2

**Языковой корпус CORDIAM как средство сохранения
испанского культурного наследия на американском
континенте**

*корпус, CORDIAM, RAE, ASALE, Мексиканская Академия
испанского языка, сохранение культурного наследия*

Истинный смысл культуры следует искать
в трактовках исторических событий.

Америго Кастро¹

CORDIAM – это новый масштабный паниспанский проект Мексиканской академии испанского языка, в котором участвуют ученые и разработчики из Европы и Америки. Данный корпус задуман как мощный электронный ресурс, с помощью которого можно исследовать национальные варианты испанского языка Америки с точки зрения диахронии. В данной работе анализируются основные характеристики корпуса и его базовые концепты с целью показать, как с помощью средств корпусной лингвистики можно способствовать сохранению культурного наследия.

Аббревиатура CORDIAM расшифровывается как **El Corpus Diacrónico y Diatópico del Español de América**, и это название содержит его основные характеристики:

▪ **Diacrónico** означает то, что этот корпус содержит тексты, написанные в разные исторические периоды.

▪ **Diatópico** означает то, что все тексты имеют географическую привязку.

¹ Américo Castro (1885–1972) – известный испанский филолог и историк. Цитата, которая послужила эпиграфом к статье, прозвучала на презентации корпуса CORDIAM: «*El sentido real de las culturas se encuentra en el discurso de los acontecimientos históricos*» (здесь и далее перевод наш. – Ю.З).

▪ **Español de América** - несмотря на то, что единого испанского языка Америки не существует, известный латиноамериканский филолог Андрес Бельо уже в XIX веке выработал концепцию 'американского испанского', делая акцент на его отличиях от иберийского варианта (см.: [Andrés Bello]). Он даже предложил для него особую орфографическую систему, с учетом фонетических отличий.

В современной отечественной испанистике идеи Бельо нашли воплощение в концепции национальных вариантов испанского языка академика Г.В. Степанова [Нарумов, Челышева 2003: 224].

Идея создания корпуса CORDIAM возникла в силу того, что, по мнению его авторов, труды Королевской академии испанского языка (далее RAE), посвященные истории испанского языка на американском континенте и содержащие аутентичные тексты, созданные в разные века и на разных территориях, не отражают «всю панораму общей истории испанского языка в 5 веков длиной, на территории 19 стран, которые представляют собой площадь в 12 миллионов квадратных километров» [Crónica 2021: 581–582].

Разработку и финансирование проекта CORDIAM возглавила Мексиканская Академия испанского языка. В сотрудничестве с Национальной Академией Филологии Уругвая была создана база из трех миллионов слов, выбранных из архивов девятнадцати американских испаноязычных стран, Ямайки, Гаити и Гайаны, а также южных и западных штатов Америки. Специалисты из Центра Исследований и Вычислений и Национального Политехнического Института разработали интерфейс, который дает возможность узнать, как использовались разные слова старого испанского языка в трех тысячах письменных документов в Латинской Америке с появления испанского в этих местах и до XX века (то есть охвачен период в четыре века, с 1494 по 1905). Число включенных в базу документов планируется довести до тридцати тысяч [Proyecto].

Корпус CORDIAM позволяет изучать:

1) С одной стороны, историческую грамматику испанского языка, а также диалектные особенности национальных вариантов испанского языка в Латинской Америке, благодаря широкому географическому охвату.

2) С другой, – социальные, культурные и исторические феномены, отраженные в языке.

CORDIAM состоит из трех субкорпусов, содержащих *тексты документального характера* (административные документы, хроники,

юридические, письма и прочие), *литературные тексты* (прозаические и стихотворные произведения, пьесы и т.д.), *тексты публицистического характера* (комментарии, информационные статьи, публицистика, разные объявления). Самыми ценными текстами в базе, по мнению директора проекта Консепсьон Марии дель Пилар Компани Компани, являются личные письма, так как в отличие от юридических документов и публицистики, письма редко попадают в публичные архивы, тем не менее они содержат важную информацию для изучения быта, социально-культурных отношений и разговорного языка определенной эпохи [Presentación Del Pilar 2017].

В CORDIAM есть возможность поиска с учетом следующих метаданных: конкретная дата или промежуток времени (от месяца до нескольких веков), территориальная принадлежность (24 современные страны, включая Тринидад и Тобаго, Ямайку, Гайану, Белиз и Пуэрто-Рико), тип документа (с дополнительной классификацией), пол автора и этническая принадлежность, выбор основных периодических изданий [CORDIAM 2022].

В основу проекта CORDIAM заложены 5 *концептов*:

1) Корпус предназначен для изучения истории языка, поэтому снабжен соответствующим инструментарием, чтобы изучать изменение лексики и грамматики во времени.

2) Корпус является хранилищем культурного наследия в его разнообразии с учетом географии и социально-культурной принадлежности.

3) Поскольку каждой эпохе присущи своя грамматика и свои наиболее употребимые лексическо-грамматические конструкции, то при выборе текста в базу, отдается предпочтение самой первой редакции.

4) Принцип частотности отбора лексики является важным для специалистов. Поэтому по утверждению авторов, это единственный исторический корпус, который предоставляет статистические данные о числе совпадений, с учетом окружающих слов и лексико-грамматических конструкций; с числом текстов; а также показывает число текстов и лексико-грамматических конструкций, где искомое явление не было найдено.

5) В целях содействия развитию науки корпус является общедоступным, тексты возможно выгружать и анализировать в других программных системах.

Наиболее инновационными характеристиками CORDIAM являются:

1) большой список метаданных для уточнения поиска;

- 2) количественная информация о заданной области поиска;
- 3) возможность прочитать и сохранить **полный** документ;
- 4) функция автоматического сохранения конкорданса;
- 5) для каждого из трех субкорпусов указана типология текстов.

Стоит отметить грандиозную работу создателей корпуса, которые, используя современные технические достижения, собрали и оцифровали огромное количество уникальных архивных документов на испанском языке. Концепция свободного доступа позволяет любому исследователю в любой точке земного шара изучать тексты корпуса и тем самым вносить свой вклад в изучение культурного наследия народов, говорящих на испанском языке.

Примечательно, что корпус создается не только для сохранения диахронических текстов Мексики, а для всей испанской языковой общности Америки, что демонстрирует реальность современной концепции испанского языка, так активно продвигаемой RAE – *единство в разнообразии*.

Таким образом, в данном корпусе отражены самые современные лингвистические, культурные, социальные подходы, собрано огромное количество лексико-грамматической информации, идентифицирующей испанский язык Америки.

Подобный проект является примером, как можно зафиксировать и сохранить культурное наследие в письменной форме для других языков, в частности для тех языков, которые находятся на грани исчезновения.

Создатели корпуса собираются расширить проект – создать в будущем Корпус Атлантического Испанского языка и включить туда испанский язык Канарских островов, юга и юга-запада Испании.

Литература

Нарумов Б.П., Челышева И.И. Георгий Владимирович Степанов / Б.П. Нарумов, И.И. Челышева / Отечественные лингвисты XX века: Сб. ст. // РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. научн.-информ. исслед. Отд. языкознания. – М., 2003. – Ч. 2: (М – С). – С. 219–236.

Andrés Bello. Gramática de la lengua castellana destinada al uso de los americanos, Santiago de Chile, Imprenta del Progreso, 1847. Principios de la ortología y métrica de la lengua castellana, Santiago de Chile, Imprenta de La Opinión, 1835. Indicaciones sobre la conveniencia de simplificar y uniformar la ortografía en América, Biblioteca americana, 1823, Londres. – URL: <http://analitica.com/bitblib/abello/orto1.htm>. N. del E. (дата обращения: 30.09.2022).

CORDIAM. – URL: <http://www.cordiam.org>. (дата обращения: 30.09.2022).

Crónica de la lengua española 2021. – Espasa, Madrid, 2021. – 1272 с.

Presentación De María del Pilar Company Company. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=s04QZQ0T0mQ&ab_channel=elcolegionacionalmx (дата обращения: 30.09.2022).

Proyecto Estudios Indianos. Todos los Derechos Reservados. – 2023. – URL: <http://estudiosindianos.org/enlaces/corpus-diacronico-y-diatopico-del-espanol-de-america-cordiam/> (дата обращения: 30.09.2022).

Иванова Татьяна Константиновна
Казанский федеральный университет
УДК 811.112:811.161.1

**Сопоставительный анализ лингвистической репрезентации
понятия «союз» в английском, немецком и русском
медиадискурсе (по корпусным данным)**

*политический медиадискурс, союз, концепт,
корпусные данные, семантический маркер, частотность*

Аннотация. Лингвистические исследования медиапространства сегодня все чаще посвящены функциональным и семантическим аспектам речевого взаимодействия. В исследовании речь идет о семантических маркерах, соответствующих понятию 'союз' в политическом медиадискурсе, особенностям их использования в английском, немецком и русском языках в синхронном аспекте.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточностью исследований реализации разнообразных понятий или ключевых концептов в рамках публицистического дискурса (медиадискурс), а также должного внимания к анализу реализации отдельных семантических составляющих. Сопоставительный анализ реализации в английском, немецком и русском языках понятий с точки зрения семантики в рамках политического медиадискурса также носит единичный характер. Анализ проводился для выявления объема семантического соответствия / несоответствия данного понятия в сопоставляемых языках, а также особенностей восприятия данного понятия через призму перевода. С целью уточнения динамики семантики данных маркеров привлекались данные различных толковых и этимологических словарей. В ходе исследования было установлено, что понятие союз имеет в данных языках от 2 до 5 соответствий, которые обладают общим и более специфическими значениями, связанными с особенностями функционирования данных лексических единиц.

Исследование базировалось на материале корпусных данных современного английского (British National Corpus – BNC), немецкого (Digitales Woerterbuch der deutschen Sprache – DWDS) и русского языка (национальный корпус русского языка – НКРЯ) за период 1946-2021 гг. Была исследована частотность использования лексических

репрезентаций понятия 'союз' и его сочетаемость; сопоставление полученных результатов осуществлялись вручную методом сопоставительного анализа и сравнения с условно эталонными значениями. Результаты проверялись также с помощью ассоциативных, толковых и этимологических словарей., а также программы google ngram viewer. В ходе работы было проанализировано свыше 50000 словоупотреблений в контекстуальном окружении (на основании корпусных данных), в которых использовались от трех до пяти семантических маркеров, ассоциируемых с понятием 'союз'. На втором этапе отбора, основным критерием которого был факт наличия параллельного использования лексической единицы в разных корпусах, проводился сопоставительный анализ данных для выявления параллелизма в семантическом и функциональном планах, а также ассоциативных связей для уточнения целесообразности переводческих трансформации. Данные о частотности лексических единиц были получены из соответствующего корпуса и сравнены между собой и с эталонными значениями по каждому языку отдельно.

В ходе функционального анализа в сопоставляемых языках было установлено наличие концептуального расхождения на основе ассоциативных связей с семантическими маркерами в английском, немецком и русском языках. Проанализировав материал публицистического дискурса второй половины XX – начала XXI века, можно сделать вывод, что среди маркеров, которые использовались в политических статьях часто с понятием '*союз-union*' как гражданского объединения, выступают маркеры '*модернизация*', '*рабочий союз*', а также '*реализация политических стратегий*'. Данные маркеры представлены во всех трех языках. Дополнительно присутствуют маркеры, связанные с особенностями социально-политического развития конкретной страны, которые следует учитывать в переводческой деятельности.

Литература

Воробьева О.И. Политическая лексика: семантическая структура / О.И. Воробьева. – Архангельск, 1999. – 92 с.

Гейко Н.Р. Политический текст как объект перевода / Н.Р. Гейко // *Lingua mobilis*. – 2013. – № 7 (46). – С. 61–67.

Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В.З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / под ред. М.Н. Володиной. – М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. – С. 116–133.

Попова Т.Г. Политический текст и его лексические особенности / Т.Г. Попова, Н.В. Таратынова // Rhema. Рема. – 2012. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-tekst-i-ego-leksicheskie-osobennosti> (дата обращения: 02.05.2019).

Русакова О.Ф. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса / О.Ф. Русакова, Д.А. Максимов. – Екатеринбург: Полис, 2006. – № 4. – С. 26–43.

Уланович О.И. Концептуальная структура политического дискурса / Н.А. Сокол, О.И. Уланович // Лингвистическая теория и образовательная практика: сб. науч. ст./ Белорус. гос. ун-т; отв. ред. О.И. Уланович. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – С. 102–112.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 с.

Справочные издания

Национальный корпус русского языка (НКРЯ). – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 02.10.2022).

British National Corpus. – URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 02.10.2022).

DWDS. – URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 02.02.2022).

Online Etymology Dictionary. – URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 02.02.2022).

**Новозеландский английский и язык маори в современном
аудиопрактикуме: корпусной подход к решению
лингводидактической проблемы**

*новозеландский английский, Маори, корпусная лингвистика,
аудиопрактикум, лингводидактика*

Проблема взаимодействия языков и культур представляется актуальной в свете современной языковой политики, сохранения идентичности коренного населения, языкового разнообразия и иноязычного образования. Особый интерес в плане лингвокультурного взаимодействия представляет территория Новой Зеландии, и язык Маори, который занимает исключительное место среди национальных языков коренных народов, являясь вдохновляющим примером того, как можно противостоять угрозе исчезновения.

Исследования, проведенные ранее, указывают на то, что Майорийское влияние на английский язык наиболее ярко выражено на лексическом уровне [Крупа 1967]. Так, Новозеландцами были заимствованы названия растений и животных, топонимы, слова обозначающие культурные реалии или собирательные понятия, которые распространились не только в английском языке в целом, но и в других языках мира [Бекеева 2015].

Более поздние исследования (с 2018 г.), касающиеся новостного газетного дискурса, указывают на то, что лексика Маори встречается и широко употребляется в большинстве периодических изданий. Сфера заимствований затрагивает слова, обозначающие флору, фауну, культурные реалии.

Основываясь на собственных наблюдениях, сделанных при работе с новозеландскими аналитическими подкастами (2019-2022 гг.), можно заключить, что сегодня, помимо обозначенных выше единиц, в речи дикторы RNZ употребляют повседневные слова и фразы – приветствие и прощание, пожелание здоровья, название страны на языке Маори. Несмотря на то что в английском языке есть синони-

мичные фразы и конструкции, жители островов допускают использование их эквивалентов на языке Маори в контекстах делового и медиа дискурсов.

Появление заимствований Maori, не имеющих непосредственного отношения к языковым лакунам, в Новозеландский английский, их инфильтрация в деловой и медиа дискурс порождают не только лингвистические, лингвокультурологические, но и лингводидактические вопросы. В частности, возникает вопрос о целесообразности включения таких лексических единиц в современные пособия по английскому языку, в том числе в аудиопрактикум в рамках межкультурного подхода к развитию аудитивной компетенции [Tareva et al. 2017; Караваева, Абрамова 2022]. Актуальность работы с отдельными лексическими единицами на практических занятиях по английскому языку, обусловлена степенью их распространенности и местом, которое они занимают не только в новозеландском английском, но и в контексте английского языка, как глобального. Осведомленность обучающихся о такого рода лексических единицах поможет избежать коммуникативных барьеров и будет способствовать успешному декодированию информации на иностранном языке [Диалог культур 2017; Коммуникация 2020: 52–69].

Дать ответ на поставленный вопрос позволяет проведенное корпусное исследование частотности отдельных словоупотреблений из языка Maori, наблюдаемых в деловом и медиа дискурсах Новозеландского варианта английского языка, их распространенности в глобальном английском.

По результатам анализа материалов корпуса GloWbe было установлено, что изучаемые лексические единицы встретились по меньшей мере в 16 вариантах английского языка. Контексты употреблений были представлены новостными сайтами и сайтами о путешествиях, личными и кулинарными блогами.

Представленные примеры позволяют продемонстрировать, как функционируют повседневные фразы из языка Маори в британском, австралийском, канадском, американском и гонконгском вариантах английского языка.

- (1) Robbie it's been nice but times up thanks for the memories and **haere ra**. (до свидания) (GB)
- (2) I will be able to provide a sustainable surfboard that performs well too... **Kia Kaha**. (Будь здоров!) (Au)
- (3) Peace to you all. **Kia ora!** (здравствуйте / до свидания) (HK).

(4) **Ka pai**, boy! (молодец) (CA)

(5) Until next time, **ka pai te wiki**, have a great week. (хороших выходных) (US)

(6) The struggle for **Te Reo** Ma ori, the Maori language, goes on. (язык Maori) (Au)

(7) At least in this place, **Aotearoa**, I had a **whakapapa**, a genealogy that made me proud -- they may not have been Mormon blue blood bones -- but they were good people who survived a brutal colonial incursion with grace and dignity. (Новая Зеландия, родословная) (NZ)

Из числа рассматриваемых единиц встретились те, что в том или ином количестве присутствовали во всех вариантах английского языка первого круга (*Aroha* – любовь, *Pakeha* – белый человек, *kia ora* – здравствуйте, *Kia kaha* – будь здоров, будь сильным, *marae* – место встречи для церимонии, *te reo* – язык). Количество вхождений изучаемых единиц в корпус GloWbe в зависимости от варианта английского языка составляло от 1 до 54, не считая новозеландского английского, где максимальное число вхождений составило 2753 и пришлось на слово *iwī* (племя), а минимальное – 22 на фразу *Haere rā!* (До свидания!).

На основании проведенной работы можно заключить следующие. Влияние языка Maори на Новозеландский вариант английского языка на уровне лексики очевидно, как это отмечалось прежде. За последние 15 лет количество лексических единиц Maори в английском языке неизменно растет. Помимо заимствований, касающихся флоры, фауны и культурных ценностей наблюдаются заимствования из сферы повседневного общения. Данные заимствования употребляются не только в бытовых беседах, но и по наблюдениям автора, активно используются в подкастах, что может быть связано с современной языковой политикой Новой Зеландии. С 2019 г. наблюдается активное распространение лексики Maори в сети с пиком в 2020 г., что может быть связано с периодом локдауна и переносом общения в Интернет. Это создает благоприятную почву для распространения лексических единиц Maори, связанных с повседневным общением в другие варианты английского языка. Они становятся узнаваемыми не только в Новой Зеландии.

Литература

Барышников Н.В. Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности: Коллективная монография /

Н.В. Барышников, А.Л. Бердичевский, Л.Г. Викулова [и др.]. – М.: НЕОЛИТ, 2017. – 424 с.

Бекеева А.Р. Особенности английского языка в Новой Зеландии [Текст] = Peculiarities of New Zealand English: [монография] / А.Р. Бекеева. – М.: Российский ун-т дружбы народов, 2015. – 154 с.

Караваева В.Г. Формирование фонетической компетенции студентов языкового вуза посредством аудиопрактикума / В.Г. Караваева, Г.С. Абрамова // Межкультурная парадигма лингвообразования: теоретические аспекты и технологические решения: сборник научных трудов. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2022. – С. 121–138.

Коммуникация. Теория и практика: учебник / Л.Г. Викулова, М.Р. Желтухина, С.А. Герасимова, И.В. Макарова. – М.: ВКН, 2020. – 336 с.

Крупа В. Язык Маори / В. Крупа. – М.: Наука, 1967. – 79 с.

Tareva E.G. Intercultural content of a foreign language textbooks: Concept, texts, practices / E.G. Tareva, A.V. Schepilova, B.V. Tarev // XLinguae. – 2017. – Vol. 10. – No 3. – P. 246–255.

Климова Маргарита Андреевна
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Виклова Анна Валерьевна
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Оверникова Дарья Алексеевна
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
УДК: 81'33

**Аннотирование учебного корпуса
в аспекте его использования для исследовательских задач**

*учебный корпус, аннотирование ошибок, экспериментальные
исследования, компьютерный анализ ошибок*

Компьютерный анализ ошибок осуществляется на базе учебных корпусов [Dagneaux 1998], снабженных специфическим типом разметки – аннотированием ошибок, изучающих язык. Выбор системы аннотирования определяется исследовательскими и педагогическими задачами, для которых предназначен корпус. От этого, в частности, зависит набор тегов и выбор между базовыми стратегиями классификации ошибок – отражением модификации области исправления и лингвистической интерпретацией [Van Rooy 2015]. В данной статье рассматривается классификация ошибок, используемая в учебном корпусе REALEC, в аспекте ее соответствия требованиям и приспособленности для исследовательских задач.

Корпус REALEC (Russian Error-Annotated Learner English Corpus), созданный в Школе лингвистики НИУ ВШЭ в 2014 году, насчитывает более 18 тыс. студенческих экзаменационных текстов, в сумме содержащих порядка 4,3 миллионов слов. Основной задачей корпуса является репрезентация русско-английского интервьюязыка в академической среде. Аннотация ошибок в REALEC осуществляется с помощью системы тегов, которые состоят из 6 групп: Punctuation, Spelling, Capitalisation, Grammar, Vocabulary и Discourse. Первые три группы не имеют подтегов, однако лексические, грамматические и дискурсивные ошибки имеют дальнейшую иерархию. Так, грамматические ошибки

дополнительно подразделяются на морфологические (сгруппированные в категории по частям речи) и синтаксические, а словарные – на ошибки выбора слова и ошибки словообразования. При создании корпуса количество тегов составляло 151, однако в 2021 году число тегов было сокращено до 55. Это изменение стало частью общей реформы корпуса, призванной сделать систему разметки доступнее для новых аннотаторов и повысить качество аннотации.

Эффективность системы аннотирования учебного корпуса обеспечивается соблюдением таких требований к классификации ошибок, как информативность, последовательность, гибкость, возможность использования для других языков [Granger 2003]. В то время как возможность соблюсти последнее требование в отдельных случаях оказывается ограниченной из-за компромисса в пользу большей информативности, соответствие корпуса REALEC прочим требованиям подтверждается как сопоставлением с другими учебными корпусами, так и опытом исследований, проведенных на его основе. В частности, REALEC сопоставим по подробности разметки и наличию в ней иерархии с такими корпусами, как FRIDA [Granger 2003], HKU-CAES [Crosthwaite 2018], Cambridge Learner Corpus [Nickolls 2003].

Поскольку корпус REALEC позволяет производить отбор данных по конкретному тегу, его удобно использовать в качестве источника материала для проведения различных исследований. Так, на материале выборки ошибок, отмеченных тегом Choice of tense, было рассмотрено, как русскоязычные студенты используют видо-временные формы глаголов в учебных текстах на английском языке и в какой мере ошибки в выборе форм обусловлены межъязыковой интерференцией [Виноградова 2021].

Кроме того, REALEC функционирует и как платформа для осуществления экспериментальных исследований в русле изучения особенностей усвоения второго языка (SLA – Second Language Acquisition). На базе корпуса был составлен и проведен психолингвистический эксперимент, оценивающий успешность распознавания правильных и неправильных написаний слов с частотными ошибками, в рамках исследования, посвященного влиянию частотности орфографических ошибок в слове на качество его репрезентации в ментальном лексиконе. Материалом для исследования стали слова с наиболее частотными ошибочными написаниями, отобранные из корпуса по тегу Spelling, специально предназначенному для орфографических ошибок.

Еще одной областью, где применение REALEC открывает широкие перспективы, стало использование корпусных технологий в преподавании иностранных языков – DDL (data-driven learning). В качестве примера можно привести работу М.А. Климовой и коллег [Klimova 2021], в которой рассматриваются так называемые *confusables* – синонимы и паронимы, трудно различимые для учащихся и зачастую становящиеся причиной ошибок. В рамках данного исследования был проведён педагогический эксперимент, материал для которого был отобран по двум лексическим тегам: *Choice of lexical item* и *Words often confused*.

Процесс проведения экспериментов на основе корпусного материала во многом зависит от состояния разметки корпуса. Очевидно, что большое количество размеченных текстов означает, что в исследовании может быть рассмотрено больше данных. Увеличение объёма размеченных текстов в REALEC отчасти обеспечивается постепенным переходом от полностью ручной аннотации к использованию как труда аннотаторов, так и компьютерных программ. В настоящее время автоматически осуществляются частичная разметка и первичная аннотация с помощью инструмента *Heptabot*, работающего на основе нейросети. После завершения работы *Heptabot* разметка проверяется экспертами, а общие теги заменяются на теги основной разметки корпуса, более точно описывающие имеющиеся в тексте ошибки.

Для экспериментальной деятельности важно и качество аннотации, что мотивировало реформу системы тегов, значительно сократившую их количество. Хотя разметка меньшим количеством тегов предоставляет меньше возможностей для поиска конкретных ошибочных конструкций, слишком подробная система разметки может привести к снижению её общего качества. В частности, это относится к тегу *Verb pattern*, ранее содержавшему более 20 подтегов, многие из которых имели собственные подразделы. Некоторые теги этого раздела не ставились в корпусе вообще (*infinitive restoration alteration*), тогда как некоторые зачастую использовались аннотаторами неверно.

Экспериментальная деятельность сама по себе может привести к изменениям в системе разметки: так, в ходе подготовки педагогического эксперимента было принято решение об упразднении тега *Words often confused*, ранее находившегося в разделе *Vocabulary*. Его можно было истолковать как подходящий для разметки как омофонов (например, *lose* и *loose*), так и частичных синонимов (*opportunity* и

possibility), из-за чего результаты проверки этим тегом с трудом поддавались анализу. При обновлении системы аннотации было решено считать второй случай полностью словарной ошибкой, а для разметки омофонов использовать сочетание словарного тега Choice of lexical item и тега Spelling. Это повлекло за собой дальнейшие уточнения в разметке и позволило более точно размечать сложные ошибки правописания сочетанием тегов из разных разделов, что, в свою очередь, позволило провести исследование правописания с точки зрения SLA. Таким образом, аннотация корпуса и исследовательская деятельность взаимосвязаны: аннотация делает возможным проведение экспериментальных исследований, тогда как их результаты позволяют совершенствовать систему разметки.

Исследование выполнено в рамках исследовательского проекта Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» «2022 – ONKOPP (ONCORR) – онлайн-корректор для ввода английских текстов».

Литература

Виноградова О.И. Межъязыковая интерференция при выборе видо-временных форм английских глаголов в эссе русскоязычных студентов: корпусное исследование. / О.И. Виноградова, А.В. Виклова. Текст: непосредственный // Межкультурное пространство: лингвистический и дидактический аспекты. – Ч. 2: Материалы секций «Межкультурная лингвистика», «Межкультурная транслатология» и студенческого научного форума. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2021. – С. 17–27.

Crothwaite P. Does EAP writing instruction reduce L2 errors? Evidence from a longitudinal corpus of L2 EAP essays and reports / P. Crothwaite. Текст: непосредственный // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. – 2018. – Т. 56, вып. 3. – С. 315–343.

Dagneaux E. Computer-aided error analysis / E. Dagneaux, S. Denness, S. Granger. Текст: непосредственный // System. – 1998. – Т. 26, вып. 2. – С. 163–174.

Granger S. Error-tagged learner corpora and CALL: A promising synergy / S. Granger. Текст: непосредственный // CALICO journal. – 2003. – Т. 20, вып. 3. – С. 465–480.

Klimova M.A. Using an Error-Annotated Learner Corpus (REALEC) in DDL Lessons / M.A. Klimova, V.K. Smilga, D.A. Overnikova. Текст: непосредственный // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2021». – СПб: Издательство Скифия-принт, 2021. С. 112–122.

Nicholls D. The Cambridge Learner Corpus: Error coding and analysis for lexicography and ELT / D. Nickolls. Текст: непосредственный // Proceedings of the Corpus Linguistics 2003 conference. – 2003. – Т. 16. – С. 572–581.

Van Rooy B. Annotating learner corpora / B. Van Rooy. Текст: непосредственный // Granger S. The Cambridge handbook of learner corpus research / S. Granger, G. Gilquin, F. Meunier. – Cambridge University Press, 2015. – С. 79–106.

Монахов Сергей Игоревич
Йенский университет им. Ф. Шиллера
Турчаненко Владимир Владимирович
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Чердаков Дмитрий Наилевич
Санкт-Петербургский государственный университет
УДК 81`33, 373

Векторизация корпусных данных как метод сопоставительного изучения терминопотребления

термин, терминология, корпусный анализ, векторное представление, Word2Vec, учебник

Отечественное терминоведение имеет богатые традиции, однако слабо охватывает как некоторые дискурсивные сферы, так и ряд аспектов функционирования терминов. Так, мало изучена насыщенная терминами школьная учебная литература, при этом практически не описано текстовое поведение терминов, например частотность их употребления и синтагматические связи. Именно в этом аспекте компьютерные методы исследования могут дать результаты, трудно достижимые при традиционном анализе — в первую очередь потому, что он плохо применим к большим массивам данных. В основе этих методов лежит ряд операций: создание исследовательских (иначе — целевых) корпусов; автоматическое извлечение терминов из корпуса; векторизация корпуса с помощью технологий Word2Vec. Ниже кратко излагаются некоторые результаты проведенного с помощью данных методов сопоставительного изучения употребления терминов в разных сферах их бытования.

Основными целевыми корпусами явились созданные нами: (а) корпус текстов современных школьных учебников на русском языке (212 учебников с 5-го по 11-й класс, входивших в 2020 г. в федеральный перечень Министерства просвещения; 21 подкорпус в соответствии с школьными учебными дисциплинами; примерно 14 370 000 словоупотреблений), (б) корпус специальных научных текстов на русском языке, извлеченных из современных высокоцитируемых научных журналов (57 журналов; 15 подкорпусов в соответствии с областями знания; примерно 10 795 500 словоупотреблений).

Автоматическое извлечение терминов из целевых корпусов осуществляется в соответствии с доказанной статистической закономерностью [Kilgariff et al. 2014] в специальных текстах термины употребляются с относительной частотой, значительно превышающей относительную частоту употребления тех же лексем в неспециальных текстах; в качестве корпуса неспециальных текстов, иначе — референтного корпуса, был избран корпус Russian Web 2011 Sample, содержащий более 900 миллионов словоупотреблений из русскоязычных интернет-текстов (подробное описание алгоритмических решений см.: [Монахов и др. 2020; Monakhov et al. 2022]). Векторизация корпуса предполагает применение компьютерных алгоритмов Word2Vec, основанных на принципах дистрибутивной семантики, согласно которым значение слова математически определяется как сумма контекстов, в которых это слово встречается, и может быть представлено как векторное пространство, определяемое особенностями его типичной сочетаемости [Jones, Mewhort 2007; Durda, Buchanan 2008; Mikolov et al. 2013]. Различие между значениями слов в таком случае высчитывается как расстояние между соответствующими векторами. Результаты векторизации проецируются из векторного пространства в двумерную плоскость, что дает соответствующую семантическую карту терминопотребления для каждого корпуса или его подкорпусов, соответствующих определенным областям знания.

Результаты векторизации целевых корпусов позволяют провести разноаспектный сопоставительный анализ употребления терминов в различных сферах. Так, сопоставление семантических карт терминопотребления в школьных учебниках и в текстах научной периодики демонстрирует существенные отличия между этими двумя сферами бытования терминов, прежде всего в аспекте актуализации терминов того или иного раздела некоторой области знания. Например, в сфере лингвистической терминологии обнаруживается существенное преобладание в школьных учебниках дискурсивно актуализированных терминов, относящихся к формально-грамматическим аспектам языка, – в ущерб терминологическим единицам, содержательно связанным с семантикой и прагматикой (что является актуальной дидактической проблемой). В то же время в актуальном научном дискурсе на русском языке в области русистики подобной диспропорции нет, узуальный перевес имеют скорее термины семантической направленности (более подробное описание алгоритмов и результатов см.: [Монахов и др. 2022]).

Небезынтересны результаты сопоставления функционирования терминов в сфере школьной и научной литературы с терминопотреблением в сфере общеупотребительного языка, в том числе в научно-популярных текстах. Для этого сопоставления использовались (а) дистрибутивно-семантическая модель Word2Vec, обученная на материале корпуса, объединяющего созданные корпуса школьных учебников и научной периодики (далее – объединенный корпус), и (б) предоставляемая ресурсом RusVectoĝes модель ruwikiruscorpora-superbigrams_skipgram_300_2_2018, обученная на 600 миллионах словоупотреблений из Национального корпуса русского языка и Википедии за декабрь 2017. Векторные представления всех терминов объединенного корпуса, которые встречаются в словаре модели RusVectoĝes, были разделены на четыре группы: векторные представления (1) терминов школьных учебников в модели RusVectoĝes, (2) терминов школьных учебников в модели объединенного корпуса, (3) терминов научной периодики в модели RusVectoĝes, (4) терминов научной периодики в модели объединенного корпуса. Внутри каждой из четырех групп были получены все возможные парные комбинации отнесенных к этой группе векторных представлений терминов и для каждой парной комбинации высчитана мера косинусной близости. Среднее арифметическое всех парных мер косинусной близости определяет, насколько термины данной группы близки друг к другу в векторном пространстве, то есть в какой степени они образуют семантически спаянную группу.

Полученные данные, с одной стороны, отчетливо противопоставляют дисциплины общественно-гуманитарного цикла (в частности, «Русский язык», «Литературу» «Историю», «Обществознание», «Правоведение», «Искусствознание», «Музыковедение») точным и естественным наукам (в частности, «Биологии», «Химии», «Математике», «Физике»). Термины второй группы в модели RusVectoĝes характеризуются гораздо более высокими показателями средней косинусной близости, чем термины первой группы. Это свидетельствует о том, что дискурсивно актуализированные термины точных и естественных наук при употреблении вне сферы учебной и научной литературы сохраняют свою семантическую близость, выступают как относительно цельная лексико-семантическая группа. Термины общественных и гуманитарных наук, напротив, попадая в сферу общеупотребительного языка, теряют сходство в своём текстовом поведении и предстают как семантически расплывлённое облако. С другой стороны, в модели

RusVectōrēs термины научной периодики в большинстве сфер знания имеют более высокие показатели средней косинусной близости, чем термины школьных учебников, что говорит о том, что актуальная школьная терминология в целом обладает гораздо меньшим потенциалом автономной системности, чем собственно научная.

Разработанные в ходе исследования программные коды на языке Python позволяют воспроизвести алгоритмы на материале любого текстового корпуса. Все материалы и результаты исследования помещены в научное хранилище открытого доступа по адресам: <https://zenodo.org/record/4079198#.X4Mrfy1h29Y>; <https://zenodo.org/record/5722495#.YZ7FUSZ2PpA>.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-14032 мк «Изучение терминологических подсистем современных школьных учебников на русском языке с помощью моделей анализа семантики естественных языков Word2Vec и нейронных сетей».

Литература

Монахов С.И., Турчаненко В.В., Федюкова Е.А., Чердаков Д.Н. Изучение терминологических подсистем современных школьных учебников на русском языке с помощью модели анализа семантики естественных языков word2vec / С.И. Монахов, В.В. Турчаненко, Е.А. Федюкова, Д.Н. Чердаков // *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*. – 2020. – Vol. 2. – № 2. – P. 118–146.

Монахов С.И., Турчаненко В.В., Чердаков Д.Н. Школьная и научная терминология: корпусное исследование и кластеризация / С.И. Монахов, В.В. Турчаненко, Д.Н. Чердаков // Информатизация образования и методика электронного обучения: цифровые технологии в образовании. Материалы VI Международной научной конференции. В 3-х частях / Под общей ред. М.В. Носкова. – Красноярск, 2022. – Ч. 3. – С. 228–233.

Durda K., Buchanan L. WINDSORS: Windsor improved norms of distance and similarity of representations of semantics / K. Durda, L. Buchanan // *Behavior Research Methods*. – 2008. – Vol. 40. – P. 705–712.

Jones M., Mewhort D. Representing word meaning and order information in a composite holographic lexicon / M. Jones, D. Mewhort // *Psychological Review*. – 2007. – Vol. 114. – P. 1–37.

Kilgarriff A., Jakubíček M., Kovář V. et. al. Finding Terms in Corpora for Many Languages with the Sketch Engine / A. Kilgarriff, M. Jakubíček, V. Kovář // Proceedings of the Demonstrations at the 14th Conference the European Chapter of the Association for Computational Linguistics, April 26–30, 2014. – Gothenburg, 2014. – P. 53–56.

Mikolov T., Yih W., Zweig G. Linguistic regularities in continuous space word representations / T. Mikolov, W. Yih, G. Zweig // Human Language Technologies – North American Association for Computational Linguistics. – Stroudsburg, PA. – 2013. P. – 746–751.

Monakhov S., Turchanenko V., Fedyukova E., Cherdakov D. New method of automated terminology extraction: case study of russian-language textbooks / S. Monakhov, V. Turchanenko, E. Fedyukova, D. Cherdakov // Lecture Notes in Networks and Systems. – 2022. – Vol. 359. – P. 363–373.

Расширенные возможности поиска по морфологическим свойствам в системе управления корпусными данными

*корпус, корпусные данные, система управления корпусом,
поисковая система*

Введение. Система управления корпусными данными [Невзорова 2015: 344], разработанная автором, имеет возможность работы с разнообразными лингвистическими корпусами, ориентируясь в первую очередь на поддержку тюркских и других агглютинативных и флективных языков. Функционал системы включает в себя поиск лексических единиц, поиск по морфологическим свойствам, лексико-морфологический поиск, поиск синтаксических единиц, поиск n-грамм, поиск списков словоформ или лемм, поиск с учетом метаданных документов, поиск с группировкой по документу, контексту, словоформе, лемме, морфологическим признакам. Поисковые технологии реализованы на базе современных общедоступных программных средств [Mukhamedshin 2018: 105]: система управления базой данных MariaDB и хранилище данных Redis. Благодаря концептуальной модели представления корпусных данных [Мухамедшин 2018, 31: 653], поиск в корпусе производится менее, чем за 0,05 сек. в 98,71% случаев.

В данной статье будут рассмотрены расширенные возможности поиска по морфологическим свойствам.

Синтаксис поискового запроса. В интерфейсе системы управления корпусными данными для удобства пользователей имеется возможность формирования поисковых запросов различной сложности (Рисунок 1). После выбора типа запроса – по словоформе или по лемме – в первом поле формы для каждой части запроса пользователь может указать словоформу или лемму; часть словоформы или леммы (неизвестная пользователю часть должна быть заменена на символ «*»); список словоформ или лемм, разделенных символом «|»; минус-словоформы и минус-леммы. При этом, используя расширенный синтаксис, можно переключиться между словоформами и леммами, указав их в кавычках.

Во втором поле «Опции» пользователь может указать морфологические свойства, которые должны быть присущи указанной словоформе или лемме (если первое поле осталось пустым, поиск будет производиться по всем словоформам). Морфологические свойства можно указать как путем ввода морфологических тегов в поле, так и выбрав их из набора, нажав кнопку «Опции». Сразу после поля «Опции» имеется возможность включения или отключения точного соответствия морфологической части запроса. Более подробно поисковый функционал, связанный с морфологическими свойствами, будет рассмотрен в статье ниже.

Также поисковая форма предоставляет возможность указания типа группировки результатов поиска и поиска по метаданным документа: названию, автору, годам публикации, источникам и дополнительным метаданным.

Рисунок 1. Интерфейс формирования поисковых запросов

The screenshot shows the search interface of the 'Туган Тел' (Tugan Tel) corpus. At the top, there are navigation links for 'Рус', 'Тат', and 'Энг' (Russian, Tatar, English), along with 'Корпусы', 'Поиск', 'Публикации', and 'Инструкции'. A search input field contains 'Слово или фраза' and a checkbox for 'Неточный' search. Below this, the main search section is titled 'Поиск в основном корпусе по словоформе'. It features a search input field, a '+' sign, and an 'Опции' (Options) button. There is a checkbox for 'Точное соответствие' (Exact match) and a 'Поиск' button. Below the search section, there are radio buttons for grouping results: 'без группировки', 'контексту' (selected), 'документу', 'словоформе', 'лемме', and 'морфологическим свойствам'. A 'Метаданные' (Metadata) section includes fields for 'Название', 'Автор', 'Год публикации', 'Источник', and 'Все' (All), with a dropdown menu and a 'Дополнительно' (Advanced) button.

Морфологические формулы. Синтаксис поисковых запросов системы управления корпусными данными поддерживает формулы из морфологических тегов с использованием операций конъюнкции (знак «,»), дизъюнкции (знак «|»), отрицания (знак «!»), а также указания приоритета операций при помощи круглых скобок. Набор данных операций позволяет отправлять системе сложные поисковые запросы. Например, чтобы найти словоформы, которые являются существительными, обозначающими лицо деятеля по роду занятия, которые применяются в контексте либо в единственном числе, но не в именительном падеже, либо во множественном числе и в родительном или направительном падеже, можно указать данные правила в виде морфологической формулы:

$$N, PROF, (!NOM, SG)|(PL, (GEN|DIR))$$

Данный пример показывает, что порядок использования морфологических тегов в формуле не имеет значение, операции конъюнкции, дизъюнкции и отрицания могут применяться и для выражений в скобках, а приоритет операций может задаваться на любой глубине. В результате выполнения запроса с указанием данной морфологической формулы будут выведены контексты, содержащие хотя бы одну словоформу, имеющую набор морфологических свойств, соответствующий описанным правилам.

Благодаря тому, что наборы морфологических тегов хранятся в БД в виде бинарных векторов, морфологические формулы с конъюнкцией могут быть представлены как наложение битовой маски вектора набора морфологических тегов из поискового запроса на вектор набора морфологических тегов словоформы, хранящегося в БД. Если в результате данной операции получен вектор набора морфологических тегов из поискового запроса, словоформа считается соответствующей запросу. Морфологические формулы с дизъюнкцией обрабатываются так же, но результатом выполнения операции должен быть непустой вектор (т.е. должен содержать хотя бы одну 1). В случае морфологической формулы с отрицанием наложение битовой маски должно вернуть пустой вектор. Сложные морфологические формулы, содержащие более одного вида операций или содержащие выражения в круглых скобках, формируются как набор более простых выражений, а операции конъюнкции и дизъюнкции между ними заменяются на аналогичные операции в SQL-запросе к БД.

Поиск с точным соответствием. По умолчанию морфологические формулы обрабатываются системой по принципу содержания указанных морфологических тегов в наборе тегов словоформы. Это означает, что кроме указанных морфологических тегов словоформа может содержать и другие теги, не указанные в запросе.

Для того, чтобы пользователь системы управления корпусными данными имел возможность поиска с точным соответствием набора морфологических тегов из запроса набору морфологических тегов словоформ, был расширен поисковый функционал системы и добавлен соответствующий переключатель в интерфейсе поисковой формы. Таким образом, включив переключатель «Точное соответствие», в поле «Опции» необходимо указать полный набор искомых морфологических тегов. В данном случае также имеется возможность использования расширенного синтаксиса морфологических формул, описанного выше.

При обработке морфологических формул с включенным переключателем «Точное соответствие» операции конъюнкции выполняются иначе, фактически они заменяются на операцию равенства.

Заключение. Описанные в данной статье функциональные возможности системы управления корпусными данными применяются в системе управления корпусом «Туган Тел» [Сулейманов 2014: 88]. В совокупности с другими широкими возможностями системы это делает ее незаменимым инструментом для исследований татарского языка.

Общий подход к решению задач в системе управления корпусными данными позволяет использовать разработанную систему не только для работы с электронным корпусом текстов на татарском языке, но и с корпусами других языков, без существенных изменений в системе.

Литература

Мухамедшин Д.Р. Система корпус-менеджер: архитектура и модели корпусных данных / Д.Р. Мухамедшин, Д.Ш. Сулейманов // Программные продукты и системы. – 2018. – Т. 31. – № 4. – С. 653–658.

Невзорова О.А. Корпус-менеджер для тюркских языков: основная функциональность / О.А. Невзорова, Д.Р. Мухамедшин, Р.Р. Билалов // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2015». – СПб.: С.-Петербургский гос. университет, филологический факультет, 2015. – С. 344–350.

Сулейманов Д.Ш. и др. Размеченный корпус татарского языка «Туган тел»: аспекты реализации // Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2014. – 2014. – С. 88–93.

Mukhamedshin D. Choosing the Right Storage Solution for the Corpus Management System (Analytical Overview and Experiments) / D. Mukhamedshin, D. Suleymanov, O. Nevzorova // International conference on the Sciences of Electronics, Technologies of Information and Telecommunications. – Springer, Cham, 2018. – С. 105–114.

Эволюция образа кавказского горца в русском языковом сознании (на материале языковых корпусов)

*корпусная лингвистика, образ, кавказский горец,
русское языковое сознание*

Корпусный подход сравнительно недавно стал применяться в лингвистике. Тем не менее довольно сложно представить современное исследование языка и языковых явлений без обращения к корпусу. Оно позволяет, как дополнить размышления ученого объективными фактами, так и по-новому взглянуть на уже изученные темы. Данный подход дает новые возможности для изучения образов, функционирующих в сознании носителей языка. Рассмотрим это на примере образа *кавказского горца*.

Цель настоящего исследования – рассмотреть эволюцию образа *кавказского горца* в русском языковом сознании. Материалом для анализа послужили данные, полученные из языковых корпусов. Исследование проведено на материале текстов Корпуса русского литературного языка (narusco.ru/) (далее – [КРЛЯ]) и Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru/) (далее – [НКРЯ]).

Лингвисты нередко обращаются к соотношению *слова* и *образа* в сознании человека, однако единой трактовки того, как определяется понятие 'образ' в языкознании до сих пор не дано. В настоящем исследовании, вслед за Н.А. Лукьяновой, под 'образом' понимается «целостное представление о некотором предмете, явлении, которое бессознательно или осознанно возникает в ментальном пространстве носителей данного языка и данной культуры путем его соотнесения с представлением о другом предмете, явлении, уже существующем в коллективном и / или индивидуальном сознании и речевой практике говорящих на данном языке» [Лукьянова 2003: 169].

Если обратиться к определению слова 'горец', то в толковых словарях можно выявить схожие трактовки: «Житель гор» [Ожегов 2006: 139]; «человек, живущий в горах или родившийся там» [Бабенко 2005: 121]; и пр. Примечательно то, что словосочетание *кавказский горец* не отражено в лексикографических источниках.

В ходе работы с КРЛЯ удалось установить, лишь 5 вхождений словоформы 'горец' в 3 файлах. Иные словоформы в данном корпусе установлены не были. Два из выявленных вхождений не удовлетворяют цели настоящего исследования, т. к. в обоих случаях речь идет о траве 'гор'ец'. Одно из вхождений установлено в разделе «Беллетристика» – это фрагмент из автобиографической повести А.И. Приставкина «Ночевала тучка золотая» (1981): «Он существует, верней, существовал в какие-то отдалённые непонятные времена, когда палил во врагов *чернобородый, взбалмошный* горец Хаджи Мурат, когда предводитель мюридов имам Шамиль оборонялся в осаждённой крепости» [КРЛЯ]. Данный фрагмент отражает восприятие характера *горца*. Два из найденных вхождений выявлены в разделе «Научно-популярная литература» и принадлежат авторству М. Кондратьевой – это фрагменты из очерка, опубликованного в журнале «Вокруг света» в 1978 г. Оба фрагмента на первый взгляд описывают внешний вид *горца*: 1) «Все дни соревнований раньше других зрителей являлся *дед-горец*. В развесистой *золотистой папахе*, в *черкеске*, в *галошах* на *тонких мягких сапогах*, он, *прямой и статный*, зачем-то опирался на плечо смиренного подростка» [КРЛЯ]; 2) «С уважением смотрел на него дед в *золотистой папахе*. И как трогательно пытались они объясниться – мадьяр из венгерской степи – пушты и северокавказский горец – после трудного конкурса Яноша» [КРЛЯ]. Тем не менее, в обоих отрывках прослеживаются отличные от ранее упомянутых характерные черты *кавказского горца*. Он *уважителен, сдержан и трогателен*.

Хотелось бы отметить, что результаты работы с КРЛЯ позволили выявить вхождения, которые датированы 70-80-ми годами XX века. Данный факт не дает возможности оценить изменение в восприятии образа *кавказского горца* в диахронии, что напрямую соотносимо с целью настоящего исследования.

НКРЯ существенным образом расширил эмпирическую базу для работы. В ресурсах данного корпуса (лексико-грамматический поиск) было установлено 845 документов, где лексема *горец* (во всех формах парадигмы этого существительного) встретилась 3 576 раз. Последующий анализ результатов поиска внутри корпуса позволил исключить ряд упоминаний ключевой лексемы, поскольку они не соответствуют цели настоящего исследования (документы до 1750 года, цитаты о «Кремлевском горце», и пр.). В итоге в качестве приемлемых для исследования отмечено 774 документа.

Если обратить внимание на фрагменты, которые выдаются в разделе «Конкорданс», аналогично КРЛЯ, в НКРЯ можно встретить не только цитаты, в которых описывается внешний облик *горца*, но и его натура / характер: 1) «в цвете возраста, сухой, оплетенный сетью толстых жил, *плечистый* и *сильный*, как слон» [НКРЯ]; «*пухлогубый немолодой мирный*» [НКРЯ]; 2) «*нахмурился и молчал*» [НКРЯ]; и пр.

Продуктивным оказался просмотр результатов корпуса по N-граммам.

Элемент 2-граммы позволил выявить лексемы ближней периферии к центральной, среди них: *молодой* (18), *старый / старик* (10), *настоящий* (6), *кавказский* (5), *сам* (5), *седой* (5), *знаменитый* (4), *рядовой* (5), *красивый* (3), *джигит* (2), *оборванный* (2), *почтительный* (2), *вольный* (2), *плечистый* (2), *дикий* (2), *кровожадный* (1), *нахмурился* (1), и т. д. Данный набор характеристик ключевой леммы позволяет описать образ *кавказского горца* в русском языковом сознании в первом приближении. *Кавказский горец* – это молодой или старый человек, красивой внешности; вольный, дикий, воинственный и хмурый широкоплечий джигит; почтителен к окружающим.

Анализ эмпирического материала по 3-граммам добавляет к уже указанным такие характеристики, как: *в [кудрявой] папахе* (5), *в черкеске* (2), *по рождению* (2), *в черном / темном* (2), *будущий [горец]* (1); *новорожденный* (1), *быстроглазый абрек* (1), *брат* (1), *высокий* (1), *здоровенный* (1), *гордоголовый* (1), *великий* (1), *в лохмотьях* (1), и т. д. Выявленные характеристики позволяют дать более развернутое определение того, какой образ *кавказского горца* сложился в сознании русских. Он человек высокого роста; абрек; горец от рождения; высоко ценит свою семью и род; предпочитает носить одежду темных цветов, на голове у него папаха или черкеска.

Из сложившегося в ходе исследования образа *кавказского горца* можно понять, что отношение к нему достаточно противоречивое: *молодой / старый; русский / седой; дикий / мирный*; и пр. Для того, чтобы оценить, как складывалось подобное отношение, необходимо сфокусироваться на диахронической трансформации представлений о *кавказском горце* в русском языковом сознании.

Для данной цели был использован встроенный в НКРЯ инструмент «График по годам». На данном графике отображаются употребления центральной леммы с 1782 по 2019 гг.

Если обратиться к наиболее ранним упоминаниям, то в начале XIX века превалирует отношение к *кавказским горцам*, как к людям

вольным, суровым, но порядочным, преданным своему роду: «горец нахмурился и молчал» [НКРЯ]; «вольный горец в полном смысле этого слова» [НКРЯ]; «по ней может пробраться один только пеший и ловкий горец» [НКРЯ]; «горец дипломатично уступит вам» [НКРЯ]; и т. д. Складывается некий романтизированный образ *кавказского горца* – из проанализированных 37 фрагментов из НКРЯ с 1822 по 1902 г. лишь три случая выдают негативное отношение к *горцу* («отвечал ему с злой улыбкой горец» [НКРЯ]). Вероятно, что подобная романтизация связана с большим количеством художественных произведений того периода о Кавказе.

XX век ознаменован несколько раз меняющимся отношением к *кавказским горцам*. Так, в 1903 г. появляются их сугубо негативные описания, которые не были свойственны более ранним упоминаниям («горец, осужденный за убийство» [НКРЯ]). На протяжении всего XX века все еще можно выявить двойственность характеристик рассматриваемого образа: веселый / недобрый, плечистый / сухой, вежливый / грубый, энергичный / спокойный, и др. Начало 1990-х гг. показательно в плане полной смены романтизированного литературного образа *кавказского горца* на негативный и неприятный: «горец проклятый» [НКРЯ]; «даже зубная щётка, торчавшая из его кулака, казалась коротким кинжалом» [НКРЯ]; и пр. Подобное кардинальное изменение в восприятии рассматриваемого образа в русском языковом сознании видится неслучайным и, вероятнее всего, связано с Первой чеченской войной 1994-1996 гг. Превалирование крайне негативного отношения к кавказскому горцу по данным НКРЯ продолжается вплоть до начала XXI века.

Так, с 2000 г. *кавказский горец* уже не враг, а друг («Сибиряк и горец с Кавказа дружили» [НКРЯ]), он «безумно отважен, смел, находчив», «он крепкий и мудрый», страдает людям («горец пожалел эту — женщину» [НКРЯ]). Вновь можно встретить описание его внешности и традиционной одежды – *седой / молодой, в папахе / в черкеске* («здоровенный горец, который с одинаковым успехом режет быка и развешивает конфеты» [НКРЯ]). Тем не менее, для кавказского горца все еще характерны такие черты как *резкость, дерзкость, грубость, даже свирепость*, все то, что свойственно для его природы и в русском языковом сознании напрямую ассоциируется с горными народами Северного Кавказа.

Стоит сделать вывод, что образ *кавказского горца* в сознании носителей русского языка противоречив и нестабилен, неразрывно

связан с литературой и историей России. Восприятие данного образа эволюционирует сквозь столетия от романтизированного до нейтрального, от нейтрального до противоречивого, от противоречивого до негативного, от негативного до положительного. Анализ ресурсов корпусной лингвистики, в отличие от подходов лингвистики традиционной, вполне эффективно позволяет проследить эти изменения в диахронии.

Литература

Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М., АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с.

Лукиянова Н.А. Когнитивные источники образных слов / Н.А. Лукиянова // Сибирский филологический журнал. – 2003. – № 3–4. – С. 169–186.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

Social Network Analysis of Covid19 in Internet Discourse: Russian Experience

*Social network analysis, Twitter, Framing, Communication,
Health risk management*

Today social media is an extremely important tool that enables community members to get involved in topical discussions with experts and policymakers. Social media enables different actors to discuss issues which concern them. Even after the end of the Covid19 pandemic still bothers modern society.

Introduction. The uncertainty surrounding the Covid19 pandemic developed a wide range of methods and approaches taken to cope with spreading misinformation in different discourses. This study seeks to investigate how public reactions and expert opinions are connected and examine their network structure.

Considering public viewpoints as a specific network will make it possible to understand the nature of different viewpoints and how public opinion differs from the official viewpoint concerning the situation that equally affects all participants and carries a risk to health and quality of life.

This study aimed to map and analyze the dialogue between the community and experts surrounding Covid19 topic on Twitter [Gesser-Edelsburg 2021]. To investigate the opinions of the public regarding the positions of the policymakers during the pandemic.

Materials and methods. The structure of the Covid19 debate on Twitter as a part of Internet discourse presented tweets posted during the pandemic onset was evaluated using social network analysis (SNA).

R Studio (version 4.1.2.) was used to examine the structure of the social network of actors discussing #Covid19 on Twitter in the Russian Federation. The dataset was formed from tweets containing the following hashtags (Table 1).

Table 1

Hashtags used to form the Twitter dataset

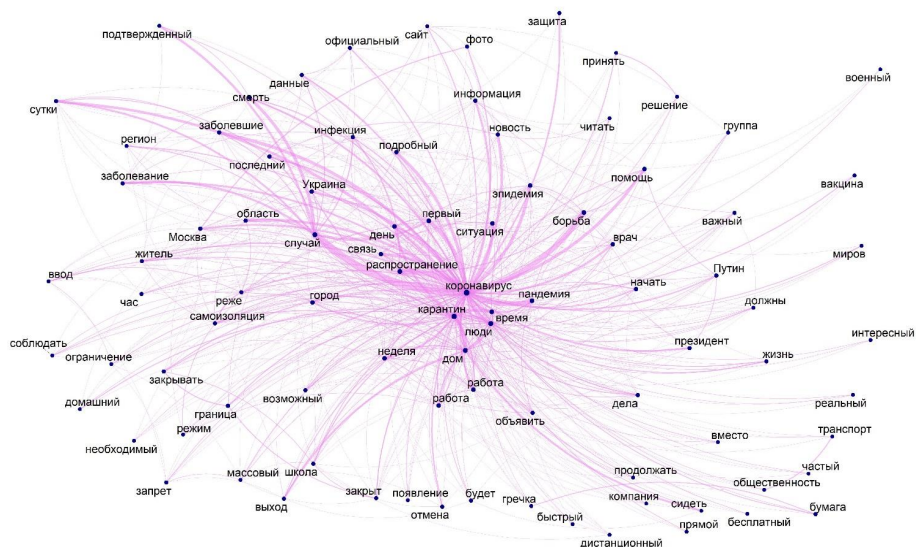
Hashtags in English	Hashtags in Russian (equivalent)
#Covid	#Ковид
#Covid19	#Ковид19
#Coronavirus	#Коронавирус
#Pandemic	#Пандемия
#Lockdown	#Самоизоляция
#Quarantine	#Карантин

Hashtags in Russian and English were taken. It is a crucial part of the analysis because Twitter users in the Russian Federation tend to use bilingual texts – they usually post tweets in Russian accompanied with hashtags in English, so adding hashtags in English broadens the analysis and shows the comprehensive network structure. The dataset of 784 597 words ($n=784\ 597$) was formed.

All gathered tweets were analyzed as potential indicators of the most influential topics being discussed. The most frequently used tweets formed the nodes of the network structure. Tweets included in the dataset were added to the Twitter platform within the following period from 01.03.2020 to 31.03.2022. Since the sample sizes differ significantly, during their processing, the data were normalized using the {dplyr library} of the R-package. SNA was performed using {quanteda. textplots} of the R-package.

Results. The network included 108 unique nodes and only 2 duplicate nodes entitled «работа».

Figure 1. Structure of the thematic breakdown on Twitter reflecting the opinion of the public regarding Covid19 in the Russian Federation

In the center of the network structure, there was the only one unique node «коронавирус». This node has connections with all nodes in the network. The most pronounced connections this node has with the following nodes: «карантин» – this node demonstrates the strongest connection with the node «коронавирус», which highlights that Twitter users most frequently posted tweets included these two topics, less frequently Twitter users posted tweets with a combination of topics «коронавирус»+«пандемия», «коронавирус»+«случай», «коронавирус»+«карантин», «коронавирус»+«время», «коронавирус»+«люди». It is fair to say that in the center of the network structure there are nodes that demonstrate the most popular topics on Twitter, on the periphery, there are the least popular topics about which the public expressed an opinion on the social network (Fig.1).

The network demonstrates tweets containing chosen hashtags (Table 1), tweets posted as a reply to tweets containing the hashtag, or mentioned in those tweets. The network included 108 unique nodes, indicating a close connection between topics. Six key topics were identified: «коронавирус», «карантин», «пандемия», «случай», «время», «люди». The SNA shows that the network is well-connected, it can be highlighted by the density of tweets. The network and associated network data demonstrated that the dialogue and debates across the Covid19 topic were spread among many users who were involved.

Analyzing the network structure, we can see that Covid19 debates include many distinct groups, it is indicated by the clustering of topics in the graph (Fig.1). It also demonstrates that Covid19 topics had kind of community network shape because there are a big diverse in Twitter users bothering and conversing around the topic.

The unique nodes were distinct, because users' groups who posted tweets, connected with the topic (node), were not sharing content. Although all nodes have connections between each other, this is apparent as there are connections that traverse between groups as users are mentioning, replying to, or sharing tweets [Bridge 2021]. Six nodes highlighted in this study have the greatest influence over the flow of information, these nodes also have low geodesic distances from others. Network data shown on the graph also reveals that the greater the connection to and from each node, the more connections the user had to others in the network, and the more relations among the whole debate the topic has.

Conclusion. The analysis demonstrates that tweets connected to the Covid19 topic were more consistent and connected among users discussing the pandemic spreading (node «пандемия»), quarantine measurements (node «карантин»), and Covid19 statistics (node «случай»). The study also highlights the importance of social media platforms, which provide the community with the effective option to engage in and potentially influence topical public issues. Also, it should be noted, that any findings in this study must consider the mediation through the Twitter platform limitations, such as the limit of 240 words of characters for each tweet, and the fact that connections between nodes can only be measured using retweets, mentioning, and forwarding to direct messages analysis [Bridge 2021]. Future research should focus on comparing official and Internet discourse, understanding how policymakers share their opinions on topical issues and how community members get these messages and what risks are accompanying this process.

References

Bridge G. A mixed-method analysis of the #SugarTax debate on Twitter / G. Bridge, SW. Flint, R. Tench // Public Health Nutrition. – 2021. – 24(11). – P. 3537–3546.

Gesser-Edelsburg A. Who are the “Real” Experts? The Debate Surrounding COVID-19 Health Risk Management: An Israeli Case Study / A. Gesser-Edelsburg, M. Zemach, R. Hijazi // Risk Management and Healthcare Policy. – 2021. – V. 14. – P. 2553.

**Foreign media portrayal of Russia:
A corpus-based critical discourse analysis**

Russia, Corpus Linguistics, CDA, Media

Despite the fact that the international politics admits Russia as one of the leading world powers, the media discourse does not always represent emotional support and neutrality. On the contrary, the media is possible to demonstrate negativity and verbal pressure. After the past decade two main images of Russia have been brought up in the Western media discourse; 1. A strong opponent and enemy; and 2. A weak and split country (Russia under Boris Yeltsin) [Zheltukhina et al. 2018, 2: 11].

Modern Western media discourses present a far from objectivity, often negative image of Russia. Therefore, it is important to distinguish between the concepts of 'image of Russia' and 'media image'. The first concept is based on the historical aspects, meanwhile the other is created based on the media's purpose [Zelentsov 2015, 2: 4].

Media's intentions of describing Russia need support from audiences. The main important tool to complete the image construction is the target audience. Different audiences require different standard of image. The message may differ in content or specific techniques [Moiseenko 2019]. Based on a linguistic point of view, the use of verbal expression and semantic content of Russia's image leads to something bigger and able to construct certain idea among audiences.

Accordingly, the present study investigates the portrayal of Russia in foreign media from 2010 to 2022. With application of corpus-based approach, the researcher will collect the quantitative data and present based on countries where the news' origin. On the other hand, the qualitative data will be collected from January 1, 2022 to October 1, 2022. The researcher will try to analyze the discourse raised by the media. Furthermore, the data will be analyzed using the approach of critical discourse analysis. Corpus linguistics and critical discourse analysis (CDA) are relatively young approaches in linguistics, yet their significant parts have led largely separate lives [Mautner 2009: 32–46].

At present, corpus-based studies becomes one of of the major research paradigms in linguistics. A relatively young approach of corpus linguistics which is based on electronic texts to conduct automated searches and frequency measurement has become more popular. In prior decades, corpus linguistic was applied to help the service of lexicography and language teaching. Recently, it has been applied in a number of various areas of linguistic inquiry like language variation studies, critical discourse analysis, and forensic linguistic [Koteyko 2014].

Sinclair [1991] stated, 'thirty years ago, almost everyone thought it is not possible to process a corpus which contains millions of words; twenty years ago, this was considered highly unlikely; today, it is quite common'. Keyword and collocations are two main concern in corpus linguistics [Palmer 1959].

This present research applies qualitative analysis. The focus is on the quantitative aspect, however, the sample size in this research was not large enough to be statistically processed. Dörnyei [2007; 38] stated, 'Although qualitative data is not collected to be directly measured in an objective way, the analysis can define categories through certain aspects of qualitative data can be quantified'. In conclusion, the quantitative data and qualitative data represented in this research complete each other. The mixed-method design is conducted in present research. Quantitative and qualitative approaches are combined to provide more data and to complete understanding compared if it is alone [Creswell & creswell 2018].

The corpus carried out in the present research is News on The Web (NOW) corpus. NOW corpus is one of the ten corpora published by English-corpora.org. It was established since 2010. This corpus is believed to have about 300 thousand articles [Sujatna et al. 2022, 1: 24]. The researcher will collect several data from NOW corpus. Furthermore, collocations will be collected to investigate the discourse. According to Haider [2016], collocation can be used in discourse studies to investigate ideologies by the use of language.

According to the finding, there are 20 countries (up to October 7, 2022) that conduct news about 'Russia' as the in NOW corpus. From those countries, there are several countries that frequently state 'Russia' (see Table 1). The highest rate is in the United States, in which the frequency touches number up to 695375 (43.89%). This number is radically high compared to another countries. The second highest rate is Great Britain (14.18%) which also one of western countries. Meanwhile country from Asia which has the highest rate is India (10.78%).

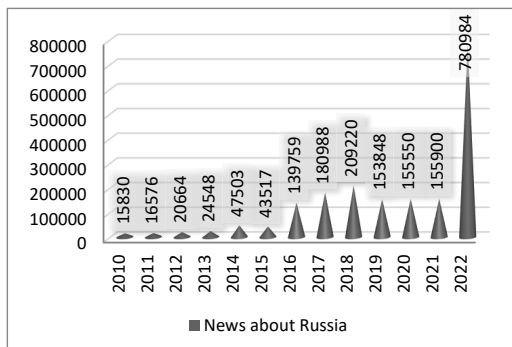
Table 1

Distribution of the word 'Russia' in 8 countries in 2010–2022

Country	Frequency	Rate
United States	695375	43.89%
Canada	145172	9.16%
Great Britain	224683	14.18%
Ireland	102034	6.44%
Australia	104891	6.62%
New Zealand	44186	2.79%
India	170856	10.78%
Singapore	97226	6.14%
Total	1584423	100.00%

Besides of data from several countries, this paper also provides the data of distribution based on its year. In addition, the following data was arranged by year. It is found that the frequency word of 'Russia' has increased exponentially in the past seven years (up to October, 2022) (see Figure 1). In 2016 is the beginning of raising trend that particularly prominent. The extraordinary rise of trend happens in 2022, where in 2021 it is only 155900 and in 2022 it becomes 780984 (rise up to 500%). Therefore, it is reasonable for this paper to analyze discourses in 2022.

Figure 1. Distribution of the word 'Russia' in 2010–2022

Initially, to examine the news discourse about Russia, a total of 100 discourses in 2022 were collected. Afterwards, the collocations of the word 'Russia' were collected and the three main collocations were meticulously read and analyzed to find the discursive strategies used in the foreign media.

After carefully read the texts related to those three collocations, three main topics can be conducted; 1. Russia-Ukraine war; and 2. Western sanctions on Russia. The collocation of 'invasion' is connected to the war situation between Russia and Ukraine. Even though, economic issues were dominantly found related to the collocation. Some media even brought up discourses about Russian rubles, one of which said that the value of bitcoin was more worth than rubles [03-03-22, buzz.ie].

On the aspect of economy, the media raised the oil issue as well. The policy of purchasing oil with rubles became one of them. Through the media, one of the discourses raised is for Russia to think about the consequences [29-03-22, cnbc.com]. The dependence of several European countries on oil imports from Russia is the reason why this policy became an important issue. According to the sales data, crude oil, petroleum products, and natural gas account for two thirds of total export revenues of Russia's, and the destination of most of the exports is Europe. Unfortunately, the word 'consequences' written on the news seems to threaten Russia to cancel that policy because it could cause bad economic impacts to those European countries.

Apart from the economic aspect, the collocation 'invasion' is related to situation of international politics. One of the media raised the issue of Finland and Sweden's decision to seek NATO membership [13-04-22, cnbc.com].

The collocation of 'sanctions' is connected to international policy, in which this collocation is related to a step taken by Western countries as Russia took war action in Ukraine. Thus, the sanctions here is pointed to Russia as, in many news, the main actor of the war. In another news, it talked about 'sanctions' as a step that America and its European alliances are taking. In this news the sanctions taken as a response to Russia's actions in Ukraine [06-04-22, nbcnews.com].

Several economic sanctions have been given to Russia, however, there was a media cited American politician, mentioned that sanctions itself is not enough for Russia. America's administration would give more pressure on Russia. It mentioned that Russia can avoid sanctions [27-02-22, news.yahoo.com].

According to the analysis above, the researcher found that both collocations related to Russia on the aspects of economy and foreign policy. The word 'invasion' is related to the act of war between Russia and Ukraine, however, in media Russia is the main actor. Even though, the news related to that issue were not entirely neutral, there were attempts to lower the portrait of Russia such as comparing rubles to bitcoin.

In the present research, the researcher conducted a corpus-based critical discourse analysis to study how Russia is constructed on foreign media. The researcher used NOW corpus as its corpus provides online news corpus. This research did not lean only on quantitative corpus analysis, and so used several CDA notions to explain the findings.

According to the analysis, the researcher found that America is the country that gets the most news about Russia, the rate is 43.89%, almost half of the total. On the other side, based on the year distribution, there was an extraordinary increase of rate in 2022. The collocations that have the highest frequency range are 'invasion' and 'sanctions'.

The researcher found that both collocations related to the aspects of economy and foreign policy. The word 'invasion' is related to the act of war between Russia and Ukraine, however, in media Russia is portrayed as the main actor. Even though, the news related to that issue were not entirely neutral, there were attempts to lower the portrait of Russia such as comparing rubles to bitcoin.

References

Dörnyei Z. (2007). Research methods in applied linguistics: quantitative, qualitative and mixed methodologies.

Haider A.S. (2016). A Corpus-assisted Critical Discourse Analysis of the Representation of Qaddafi in Media: Evidence from Asharq Al-Awsat and Al-Khaleej Newspapers. *International Journal of Linguistics and Communication*, 4(2), 11–29. <https://doi.org/10.15640/ijlc.v4n2a2>.

Koteyko N. (2014). Language and politics in post-Soviet Russia: A corpus assisted approach. Springer.

Metelitsa A. (2014). Oil and Natural Gas Sales Accounted for 68% of Russia's Total Export Revenues in 2013.

Moissenko L.V. (2019). Discursive techniques negativity image of Russia in Western media. *К90 Культура и Образование: Социальная Трансформация и Мультикультурная Коммуникация= Culture and Education: Social Transformations and Multicultural Communication*, 322.

Palmer H.E. (1959). *A grammar of English words*. Longmans.

Repina E.A., Zheltukhina M.R., Kovaleva N.A., Popova T.G. & Garcia C. (2018). International media image of Russia: trends and patterns of perception. 11 (2), 557–565. <https://doi.org/10.18355/XL.2018.11.02.45>

Rogers R., Schaenen I., Schott C., O'Brien K., Trigoso-Carrillo L., Starkey K. & Chasteen C.C. (2005). Critical Discourse Analysis in Education: A Review of the Literature. *Review of Educational Research*, 75(3), 365–416. <https://doi.org/10.3102/0034654316628993>

Sinclair J. (1991). *Corpus, Concordance, Collocation*.

Sujatna E.T.S., Sujatna M.L., Sugianto L.P.M. & Muljono P.M.S. (2022). Picturing “Coronavirus” in news on the web (NOW) corpus: A corpus linguistic study. *Sosiohumaniora*, 24(1).

Tampubolon S., Sipayung K., Napitupulu F.D. & Sidabutar U. (2021). Corona delta varian news text: critical discourse analysis on TV talkshows' head line. *Linguistics and Culture Review*, 5(S3), 1692–1703. <https://doi.org/10.21744/lingcure.v5ns3.1952>

Tsygankov A.P. (2015). Nobody loves Russia : how western media have perpetuated the myth of Putin ' s ' neo-Soviet autocracy . ' 1–3.

Xiao R., Yue M. & Baker P. (2009). *Contemporary Corpus Linguistics*.

Zelentsov M. (2015). Actors of Forming the Image of Russia'in the Foreign Media Space. *THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES OF JOURNALISM*, 4(2), 159–169.

Степаненко Андрей Александрович
Резанова Зоя Ивановна
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
УДК 81'322

Эмоционально-оценочная лексика в гендерной и жанровой атрибуции текстов

*автоматическая атрибуция текста, гендер, жанр, устная
диалогическая речь, компьютерно-опосредствованная
коммуникация*

В статье представлены результаты анализа использования эмоционально-оценочной лексики в качестве языковых маркеров гендерной принадлежности автора текста в дискурсах личностной коммуникации с применением статистических методов. В качестве материалов исследования были использованы тексты компьютерно опосредствованной коммуникации (личные сообщения и тексты стен социальной сети (СС) «ВКонтакте») и устной диалогической речи.

Эмоционально-оценочное маркирование речи являет собой универсальную языковую характеристику, однако степень и характер ее выражения значительно варьируются под влиянием множества коммуникативных факторов, к числу которых относим дискурсивно-жанровую форму коммуникации и гендерную принадлежность коммуникантов. В работе была проверена гипотеза о том, что использование эмоционально-оценочной лексики в текстах личностно ориентированной коммуникации может быть маркером гендерных различий, однако диагностирующая сила использования данного признака в задачах автоматической атрибуции находится в зависимости от жанрово-дискурсивных форм общения.

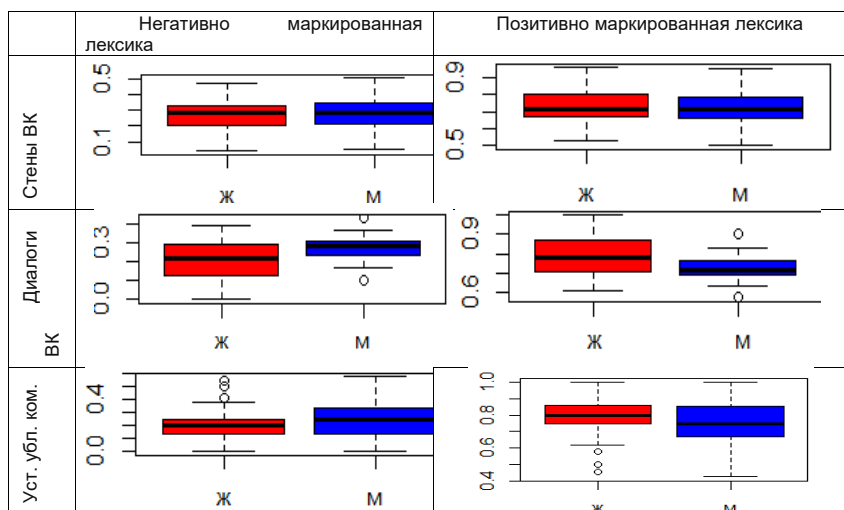
В качестве материала анализа нами были использованы тексты персональных страниц социальной сети «ВКонтакте» (объем материала – 114 046 слов), тексты стен СС ВКонтакте (9 951 001 слов) и транскрипты корпуса устной русской речи билингвов RuTuBiC (617 846 слов) (Описание корпуса см. [Резанова 2017, 11: 105–118]).

Чтобы минимизировать влияние объема текстов на результаты статистического анализа была использована формула условной вероятности для нормализации абсолютных величин.

Все действия были реализованы в языке программирования R 4.0.5 и библиотеки `quanteda`. В качестве маркеров оценочной лексики и типов эмоционально-оценочной лексики мы использовали данные словаря Л.Г. Бабенко «Алфавит эмоций: словарь тезаурус эмотивной лексики» [Бабенко 2021]. Словарь был оцифрован, данные структурированы в соответствии с параметрами характеристики, разработанными автором словаря, и представлены в табличном формате `.csv`. Далее на основе выделенных в словаре денотативно-идеографических групп слов (ИДГ) была произведена полуавтоматическая разметка групп тегами «neg» (негативная оценка) и «pos» (позитивная), затем полученные данные были скорректированы в процедуре экспертной оценки.

Далее был проведен анализ распределения частот использования оценочно маркированной лексики в трех типах жанровых форм коммуникации, результаты представлены на рисунке 1.

Рисунок 1. Диаграмма размаха относительной частоты использования оценочно маркированной лексики мужчинами и женщинами в текстах трех жанровых форм

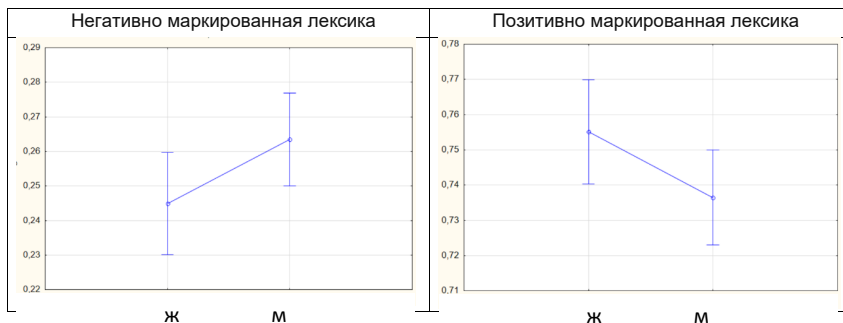

Как можно видеть на графиках, существуют незначительные отличия в относительной частоте использования оценочно маркированной лексики мужчинами и женщинами в проанализированных вариантах жанровых форм.

Далее была определена степень статистической значимости данных различий с использованием корреляционного анализа, который выявил обратную линейную зависимость использования оценочно маркированной лексики со значением -1 и уровнем значимости $p < 0.05$, что явилось основанием предположения о том, что использование оценочно маркированной лексики не зависит от гендерной принадлежности автора текста.

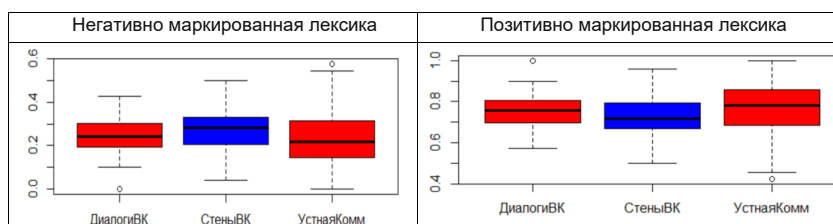
Данное предположение было проверено с использованием метода обобщенных линейных моделей, применение которых подтвердило отсутствие зависимости использования местоимений в зависимости от гендерной принадлежности автора текста в исследуемых вариантах коммуникации (уровень значимости $p = 0.07$ для двух типов оценочно маркированных слов), что является «пограничной» областью значимости. Данные зависимости визуализированы на графике на рисунке 2.

Рисунок 2. Частоты использования негативно и позитивно очиниваемой лексики в текстах мужчин и женщин

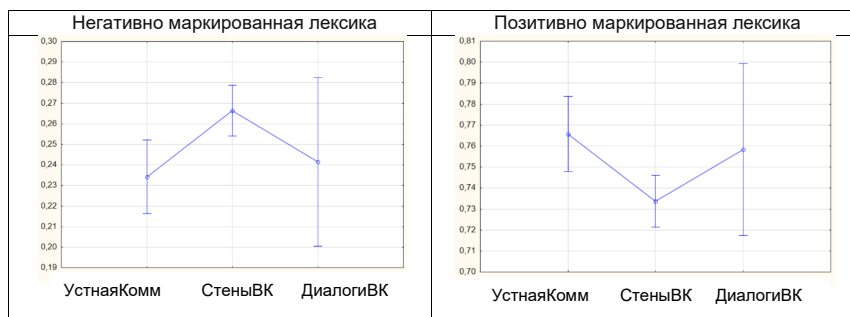
Далее были проанализировано использование оценочно маркированной лексики в зависимости от жанра вне гендерно принадлежности автора текста. Результаты анализа визуализированы на графиках на рисунке 3.

Рисунок 3. Диаграмма размаха относительной частоты использования оценочно маркированной в текстах трех жанровых форм

Как видно на графиках, во всех жанровых формах позитивно маркированная лексика используется чаще, чем маркированная негативно. Значимые отличия использования оценочно маркированной лексики были подтверждены с использованием метода линейных моделей ($p = 0,01$), результаты визуализированы на рисунке 4.

Рисунок 4. Частоты использования негативно и позитивно очиниваемой лексики в текстах трех типах жанровых форм

Таким образом, мы делаем вывод о том, что использование оценочно маркированной лексики зависит в большей степени от жанровой принадлежности текста, нежели от гендерной принадлежности его автора. При этом в наибольшей степени противопоставленными оказались тексты стен ВКонтакте.

Литература

Бабенко Л.Г. Алфавит эмоций: словарь тезаурус эмотивной лексики / Бабенко Л.Г. – Екатеринбург, Москва, 2021. – 432 с.

Резанова З.И. Подкорпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири: типологически релевантные признаки // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 11. – С. 105–118.

Standard Dargwa Corpus¹

Corpus, Standard Dargwa, morphological annotation

1. Introduction

This paper describes an ongoing project of creating Standard Dargwa Corpus. Dargwa < East Caucasian is one of the written languages of the Republic of Dagestan (Russia). Standard Dargwa is the standardized language used in writing: in the Soviet period it was created based on the dialect of Aqusha. It has official status and is used in the media (television, radio, press). The pilot version of the corpus is based on newspaper texts. The texts have a morphological annotation and a word-by-word translation into Russian based on the Dargwa-Russian dictionary by [Yusupov 2017].

2. Standard Dargwa Corpus

At the first stage, we included only newspaper texts from archives of the Dargwa newspaper "Zamana"² (2010–2020) into our corpus. The topics are politics, sports, economy, society, culture, anti-terror, finance, etc. There are approximately 50 issues per year. The total number of issues is 505. Each issue contains 40-50 texts of different length.

As a corpus platform, we use Tsakorpus [Arkhangelskiy 2012]. It allows to present data with different layers of annotation. The standard set of layers includes wordforms, lemmas, grammatical annotation and glosses. Thus, one can search a context by a wordform, a lemma, a gloss or the translation of a lemma from the dictionary (which is the gloss of a stem) in our corpus. An example of a result of a corpus search for the lemma *zamana* 'time' is presented in fig. 1.

¹The research was supported by RSF (project No. 22-28-01648 "Variation in the discourse and lexicon: an investigation of closely related languages with digital methods")

² <https://zamana.info/>

Fig. 1. Search result for the wordform *zamana* ‘time’

Илгъуна	замана	нушачи	глергъила	бархли	савли	баклибсирн
1. ил	замана	нуша	глергъиласн	1. бар	1. савли	1. бакн
ил-гъуна	замана	нуша-чи	глергъила	бар-хи	савли	б-акн-иб-с-н-ри
он-подобный	время	мы-SUPER	следующий	бар-IN	утро	N-прнйти-AOR-TSG-TSG
	N			N		

3. Morphological parser

Texts are annotated with the *Uniparser-morph* technology and published through the *Tsakorpus* corpus platform. The corpus size is ~9.8 million wordforms. Parsed coverage is 6.8 million wordforms (~69.7%).

3.1. Uniparser overview

Uniparser-morph is a rule-based morphological analysis tool, developed by T. Arkhangelskiy (Arkhangelskiy 2012). It was created primarily for under-resourced languages which don't have enough data for training statistical parsers. It requires two main files to be used: *lexemes.txt* which contains a list of all lexemes and *paradigms.txt* which contains a list of affixes linked to each other in a specific order.

Each entry in *lexemes.txt* starts with a *-lexeme* line which opens a dictionary:

```
(1) -lexeme
lex: абалк
stem: а.алк.
gramm: V,tr
paradigm: vclass
gloss: зажечь
```

lex stands for the dictionary form of the word. *stem* describes the lexeme as a morpheme object: a dot indicates a place where affixes from an inflectional paradigm can be inserted. In (1), a stem contains two dots: the first is for the class agreement paradigm, and the second is for inflectional morphology. *gramm* includes grammatical tags describing a lexeme (e.g. part of speech, gender, transitivity, etc.). *paradigm* is a link to an inflectional paradigm from the *paradigm.txt* file which contains a list of affixes that are used to create inflected wordforms of this lexeme. *gloss* contains a translation.

The *paradigms.txt* file contains a collection of inflectional affixes grouped into paradigms. Each paradigm has a unique name (*vclass* in (2)).

(2) -paradigm: vclass
 -flex: .д.<.>>//.д<.>>//д.<.>
 gramm: pl
 gloss: PL
 -flex: .б.<.>>//.б<.>>//б.<.>
 gramm: n
 gloss: N

...
 paradigm: vforms_1

-flex introduces a morpheme. Within each morpheme a dot marks the position where it can be attached to a stem. In (2), each morpheme has three variants of adpositioning: infix (.д.), suffix (.д) and prefix (д.). <.> means that a wordform continues with a subsequent paradigm that is linked in the end (*paradigm: vforms_1*). *gramm* includes grammatical tags that are associated with this morpheme, and *gloss* is the gloss for the morpheme. A *paradigm* key introduces a link to a subsequent paradigm.

3.2. Uniparser for Dargwa

The file *lexemes.txt* contains all lexemes from the Dargwa-Russian dictionary [Yusupov 2017], including geographical names, human names and Russian borrowings.

Most frequent Russian stems are taken from [Lyashevskaya, Sharoff 2009] (<http://dict.ruslang.ru/>). Nouns are assigned the most frequent nominal paradigm. Verb borrowings are formed as *Russian infinitive + bares/bires* (Dargwa verb ‘to do’), e.g. *защитить-бурес* ‘protect-do’ “to protect”.

We are able to provide analysis for 20 741 lexemes (~16% of them are Russian borrowings with Dargwa morphology) and 179 335 individual wordforms (~6% are Russian borrowings), see Table 1.

Table 1

The number of analyzed lexemes and wordforms

	lexemes	wordforms
Russian borrowings	3390	11024
Dargwa	17351	168311
Total	20741	179335

340 978 entities remained unanalyzed. 24 782 are irrelevant: these are numbers, words in other languages (English, Arabic, etc.), random characters, etc. 49 439 are words that were tagged as Russian using the python package *pymorphy2* (Korobov 2015). The rest 266 757 are Dargwa wordforms that are not recognized by the current version of the uniparser and need further investigation.

3.3. Annotating gender/number for verbs

In Standard Dargwa, the majority of verbs have gender/number agreement markers, which are usually controlled by the argument in the absolutive case (the single argument for intransitive verbs, and the P argument (patient, stimulus, theme) for transitive verbs).¹ The markers distinguish between masculine, feminine and neuter in the singular, and human and non-human in the plural.

The *lexeme.txt* file includes verb stems from the Dargwa-Russian dictionary (Yusupov 2017). They are classified based on the type of their gender/number paradigm. Gender/number paradigms are distinguished based on how the markers are expressed, and what positions they occupy. Firstly, paradigms differ in how the singular masculine and the plural features are expressed. Secondly, there can be from 1 to 3 gender/number markers in one verb. The masculine singular can be formed with *w*, *j* or null affixes, while the plural uses *d* or *r* affixes, *b* is used for the neuter and *r* for the feminine. For example, the wordforms in (5) contain two positions for gender/number markers. In (5a), the neuter singular is realized as the infix <*b*> in both positions, meanwhile, in (5b), the masculine singular is realized as a null infix in the first position and the infix <*j*> in the second position.

- (5) a. амч<б>иреска<б>ир-ес
go.bald<N>-INF
b. амчиреска<й>р-ес
go.bald<M>-INF

Taking into consideration all the morphological variations in the paradigms and the number of gender/number positions there are 40 different strategies of marking the gender/number agreement in Standard Dargwa verbs (morphological classes). 19 strategies include irregular

¹ There are some cases when an Ergative argument triggers gender agreement.

forms in the masculine class: the neuter marker *b+V* (where V is a subsequent vowel) is replaced by *w*, *j*, or a null affix. Uniparser technology does not provide solutions for such cases, therefore, the masculine forms of such lexemes are entered as separate lexemes in the *lexemes.txt* file.

The rarest paradigms *vclass_double_v* and *vclass_trio* were not found in texts. A verb belonging to the *vclass_trio* paradigm type has three places for inserting a gender/number marker and includes two patterns for marking a masculine gender: 1) the masculine marker is *-w-* in all three positions; 2) the masculine marker is *-w-* in the first two positions and zero in the third. The *vclass_double_v* paradigm has two positions for a class marker and unites two patterns for the masculine gender: 1) the first position is *-w-* and the second is *-ww-*; 2) both positions have *-w-*.

The most frequent paradigm is *vclass_bdel* which has a zero marker for the masculine gender. The rarest paradigm among those attested in the texts is *vclass_double*: it has geminate markers for neuter, feminine, and masculine genders, and *-rd-* for plural.

4. Publishing corpus

The corpus is available for linguistic research through an online interface¹. One can search by wordforms, lexemes, translation, and glosses. Regular expressions are available.

References

Архангельский Т.А. Принципы построения морфологического парсера для разноструктурных языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21 / Т.А. Архангельский. – М., 2012. – 24 с.

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка: на материалах Национального корпуса русского языка. 2- издание, испр. и доп. / О.Н. Ляшевская, С.А. Шарова. – М.: Словари.ру, 2015.

Юсупов Х.А. Дарган-урус словарь Даргинско-русский словарь: около 40 000 слов и фразеологических выражений, 2017. – URL: <https://uniparser-morph.readthedocs.io/en/latest/index.html>. (дата обращения: 28.10.2022).

¹ http://lingconlab.ru/standard_dargwa/search

Korobov M. Morphological Analyzer and Generator for Russian and Ukrainian Languages / M. Korobov // Analysis of Images, Social Networks and Texts. – 2015. – P. 320–332.

**Речевые акты в русскоязычном интернет-дискурсе: на примере
комментариев пользователей сети «ВКонтакте»**

*речевые жанры, речевые акты, интернет-дискурс,
социальная сеть, комментарии*

Введение. Всемирная паутина в настоящее время стала неотъемлемой частью жизни общества. В связи с интенсивным развитием технологий появилась возможность проводить множество различных исследовательских операций. Современная интернет-коммуникация имеет большое количество нерешенных вопросов, которые требуют всесторонней научной практики, что обусловило актуальность настоящей работы. Самым популярным дискурсивным пространством в русскоговорящем интернете, пожалуй, является социальная сеть «ВКонтакте». В статье рассматриваются речевые акты в комментариях, оставленных пользователями соцсети «ВКонтакте», которые и послужили материалом для данного исследования. Цель – проанализировать речевые акты в интернет-дискурсе и выявить наиболее частотные из них. Для структурирования и более четкого понимания материала было решено отбирать комментарии к публикациям медицинской тематики. Автор опирается на типологию речевых актов (РА), представленную Дж. Серлем.

Основная часть. Считается, что теория речевых актов зародилась в исследованиях американского философа Дж. Остина и нашла свое развитие в трудах его последователя Дж. Серля. Речевой акт представляет собой производство предложения в условиях прагматики [Арутюнова 1990: 412]. Иначе говоря, речевой акт – это целенаправленное высказывание в условиях коммуникации, входящее в структуру речевого жанра. РА в совокупности создают дискурс.

Дж. Серль в своей прагматической классификации РА выделил несколько типов иллокутивного акта: репрезентативы (ассертивы, цель которых дать информацию), директивы (цель – побудить к чему-либо), комиссивы (обещание), экспрессивы (эмоции), декларации

(декларативы, объявление) [Серль 1986]. Мы остановили свое внимание на репрезентативах, директивах и экспрессивах, так как комиссивов и декларативов найдено не было.

Анализ комментариев в социальной сети «ВКонтакте», которые были даны к новостным публикациям на тему «Медицина, показал, что доминирующую позицию занимают репрезентативы, выступающие в виде высказываний-утверждений.

Цели таких речевых актов: 1) сообщить то, что лицо думает относительно той или иной проблемы, выразить личное мнение; 2) создать диалог посредством рассказа о личной ситуации, так или иначе связанной с тематикой новостной публикации, как правило, такие высказывания имеют ответные реплики от нескольких пользователей; 3) побудить к действиям.

Последняя установка подтверждает тот факт, что ассертивы относятся к так называемому периферийному типу иллокутивного речевого акта, позволяющему предложению в утвердительной форме оказывать влияние на мыслительные процессы адресата. Приведем несколько примеров к каждому пункту (орфография и пунктуация сохранены): 1) *«Название страшное, не буду прививаться...»* (о новом препарате против короновирусной инфекции «Молнупиравир Валента»); *«У нас прекрасно развивается медицина, смотря на такие новости хочется действительно гордиться страной!»*; 2) *«Скажу больше, в нашем закрытом городе успешно лечат рак ядерной медициной уже как лет 10, но только для избранных», «в нашем городе ещё пару лет назад опухоль, которая ещё не рак, можно было вырезать по показаниям врачей бесплатно. Теперь только за деньги»*; 3) *«Пневмонию всю жизнь лечили антибиотиками. Залечили народ двоечники!»*, *«люди до такой степени идиоты, что верят абсолютно всей лапше, которую на уши вешают»*.

На второй позиции по частоте расположились директивы. Главное их отличие от периферийных ассертивов в том, что побудительные предложения носят прямой открытый характер, тогда как репрезентативы-побудители представлены в косвенной форме: *«Тогда за одно нужно и всю табачную продукцию запретить, а так же крепкие алкогольные напитки. Ведь употребление этой дряни провоцирует уже много сотен лет развитие тех же заболеваний»* (в данном высказывании прослеживается сочетание директива – первое предложение, и репрезентатива – второе предложение); *«Начинается. Почему даже в такое трудное время многие стараются за*

бугор слетать? Раз понимает человек, что он может привезти угрозу для окружающих и всё равно едет туда, то нужно предупредить перед отлётом: если, что-то подцепите там, там и останетесь. Зачем с такими церемониться?».

Экспрессивами являются реплики, наполненные эмоциями, которые способны усилить перлокутивный эффект воздействия на читателя, в то же время сами по себе экспрессивы не имеют цель увеличить это воздействие, а отражают лишь психологическое состояние, главное условие которого искренность относительно ситуации и положения вещей [Мощева 2015, 12, 4: 45]: *«Побольше бы таких врачей! Низкий вам поклон!»*, *«Что бы вы сдохли там все от этой оспы!»*; *«Ненавижу наших докторов с филькиной грамотой вместо диплома!»*; *«Надоели с своими лжеландемиями!!!»*; *«...надоели вы уже»*.

Заключение. Таким образом, анализ речевых актов в социальной сети «ВКонтакте» позволяет раскрыть особенности русского интернет-дискурса и установить характер текстов в электронном пространстве.

Литература

Арутюнова Н.Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 412.

Мощева С.В. Экспрессивные речевые акты в медиакоммуникации (на материале коммерческой рекламы) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика, 2015. – Т. 12. – № 4. – С. 45–48.

Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – URL: https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/word-documents/_4.htm (дата обращения: 30.09.2022).

Хакимов Булат Эрнстович
Казанский федеральный университет
Гафарова Вилюза Робертовна
Институт прикладной семиотики АН РТ
УДК 81'33, 81.512.1

Размеченный корпус именованных сущностей на татарском языке

*татарский язык, автоматическая обработка естественного
языка, именованная сущность, ономастика, разметка*

Для использования в задачах распознавания именованных сущностей (named entity recognition) в татарском языке был создан размеченный корпус объемом более 5800 предложений. Данная стандартная задача автоматической обработки естественного языка (natural language processing), решаемая методами машинного обучения с использованием нейронных сетей для татарского языка находится на начальном этапе. Отдельные подходы и экспериментальные модели представлены в немногочисленных публикациях [Nevzorova et al. 2018] либо в специализированных репозиториях [NER].

Основным ресурсом при создании моделей извлечения именованных сущностей являются размеченные наборы данных. Набор размечаемых категорий именованных сущностей может различаться в зависимости от поставленных целей, их количество может достигать нескольких десятков, как, например, в [GROBID]. Возможны подходы с многоуровневой разметкой, в частности, предложенный на платформе OpenCorpora для соревнований Dialogue Evaluation [Starostin et al. 2016], либо без вложенных и пересекающихся сущностей с присвоением каждому токenu единственного класса [Можарова, Лукашевич 2016]. Следует также принимать во внимание тот факт, что разметка именованных сущностей может иметь особенности в зависимости от конкретного языка или национальной, культурной и иной специфики. Для разметки нашего корпуса использовался специальный веб-интерфейс на базе инструментария Label [Open], разработанный А.Ф. Хусаиновым. Было выделено 11 типов именованных сущностей без пересечений и вложений: PERSON – собственные имена,

ассоциируемые с людьми; TITLE – должности, звания, титулы и т.п.; ORGANIZATION – организации, учреждения; LOCATION – географические локации; DATE – даты; TIME – временные периоды; MONEY – денежные единицы; QUANTITY – любые измерения количества; CARDINAL – прочие числа; FACILITY – отдельные материальные объекты и сооружения; OTHER – другие неклассифицируемые сущности.

1. В категорию PERSON были включены реальные или вымышленные имена, фамилии, отчества (в том числе с компонентами *кызы, улы/углы*), прозвища, никнеймы людей, имена персонажей художественных произведений. В качестве специфики татарского языка были размечены употребления следующих терминов родства и традиционных обращений в сочетании с личными именами: *ала* букв. 'тетя/старшая сестра', *абый* букв. 'дядя/старший брат', *түти* букв. 'тетя', *дәдәй* букв. 'дядя', *ага* букв. 'старший брат', *бабай* букв. 'дед', *әби* букв. 'бабушка', *карчык* букв. 'старуха', *карт* букв. 'старик', *әфәнде* 'господин', *ханым* 'госпожа', *туташ* 'девушка', *хәзрәт* и др. Непродуктивная в настоящее время модель имени-отчества по арабскому образцу с компонентами *ибн (ибне, бин)* 'сын', *бинт* 'дочь': *Шуһабетдин бине Баһаветдин, Мөхлисә бинт Габделгалләм*, встречающаяся в исторических, религиозных и других текстах, также была размечена в данной категории.

В случаях употребления личного имени безотносительно конкретного референта, оно не размечалось. Если в тексте упоминалась группа людей, имеющих общую часть имени, например: «*Дилия белән Зилә Нурмөхәммәтовалар*», весь фрагмент размечался в качестве единого элемента. Имена и фамилии в составе названий организаций и объектов размечались как единый элемент в соответствии с тем, что значит эта именованная сущность в целом. Например, *Г. Тукай исемендәге аэропорт* 'аэропорт имени Г. Тукая', *В.И. Ленин музей-йорты* 'дом-музей В.И. Ленина' были размечены как сущности категории FACILITY (объекты и сооружения). Имена людей, названия мест, организаций и т.п. в кавычках размечались в соответствии с разновидностью именованного объекта (например, «*Мәскәү*» *кунакханәсе* 'Гостиница «Москва»' – FACILITY).

2. В свою очередь, в категорию TITLE вошли наименования должностей, званий, функций, возлагаемых на персону и т.д. Названия уникальных должностей размечались вместе с наименованием связанной локации или организации.

3. К категории ORGANIZATION были отнесены именованные сущности, которые являются местом работы или иной коллективной деятельности людей. В эту категорию вошли любые названия организаций, компаний, фирм, партий, ансамблей, команд, клубов и т.п.; сокращённые названия организаций (*ЭЭМ, КПРФ*); типы юридического лица (*ААЖ, ЯАЖ, РайПО*); названия организаций с зависимыми от них уточняющими словами (например, указывающими на принадлежность к месту: *Казан шәһәре Сәләмәтлек саклау идарәсе* 'Управление здравоохранения города Казани'); названия организаций, являющиеся именами собственными; названия территорий, обозначающие общество, связанное с этой территорией или правительство, государственные органы (*Татарстанның данын яклау*); страны и государства, не существующие сейчас или существовавшие под другими названиями (*Идел буе Болгар дәүләте* 'Волжская Булгария', *Алтын Урда* 'Золотая Орда', *Казан ханлыгы* 'Казанское ханство', *Советлар Союзы* 'Советский Союз').

4. В качестве локаций (LOCATION) размечались сущности, указывающие на местоположение в пространстве и направления движения в пространстве: географические объекты, названия городов, стран, регионов, улицы, номера домов и/или квартир, названия гор, озер, морей, океанов и т.д. В состав соответствующих сущностей были включены слова, указывающие на принадлежность или отношение к географическому объекту (*өлкәсе* 'область', *шәһәре* 'город', *бистәсе* 'поселок, слобода', *урамы* 'улица', *йорты* 'дом', *елгасы* 'река' и т.д.). Вложенные географические объекты размечались отдельно. Точные адреса, состоящие из нескольких элементов разного уровня, считались одной именованной сущностью.

5. В категорию DATE вошли обозначения дат и периодов в различных форматах: *20.01.2001, 2009 нчы елда, 2017 елның сентябре, 1934 елның 1 маенда, 1990 нчы-2000 нче еллар, 1990-2000 еллар, 8-14 октябрь 2020, 1895-1919, 965 ел (б.э.к.)* и т.д. Названия месяцев хиджры также были включены в разметку.

6. В категорию TIME были включены временные периоды меньше суток, как правило, с использованием слов *сәгать* 'час', *минут*, *секунд*.

7. Категория MONEY включала упоминания денежных сумм в сочетании с названиями валют: *3 миллиард евро, 1 млрд 400 млн сум*.

8. В категорию QUANTITY вошли любые количественные измерения (такие как вес, расстояние, скорость, длина и др.). Числа размечались вместе с названиями единиц измерения (*метр, литр, тонна*), с их сокращенными обозначениями (*м, кг, ц*) и специальными знаками (например, °). Составные сущности, когда численное значение величины выражено несколькими единицами измерения, например: *5 м 25 см*, размечались как одно целое.

9. В категорию CARDINAL вошли прочие числа, которые не могут быть соотнесены с денежными единицами, датами, временем и измерениями. Числительные могли быть выражены как лексически, так и цифрами и размечались без определяемого слова.

10. Категория FACILITY была предназначена для обозначения названий отдельных сооружений, объектов на местности и т.п.: *Казан Кремле, «Жинү проспекты» станциясе, Жәлил исемендәге Татар опера һәм балет театры, Коркачык поселогы аэродромы*.

11. В категорию OTHER вошли остальные разнообразные неклассифицируемые отдельно объекты: названия событий (войн, сражений, спортивных соревнований и др.), названия ураганов, планет; названия книг, песен, любых произведений искусства, конкурсов, фестивалей, премий, праздников и памятных дней; названия законодательных актов, процентные обозначения, номера телефонов и др.

Разработанный корпус может быть использован для создания и тестирования систем распознавания именованных сущностей в текстах на татарском языке. Предлагаемые подходы к разметке отдельных случаев являются дискуссионными и могут способствовать выработке единых подходов к разметке различных категорий именованных сущностей.

Литература

Инструкция по разметке сущностей для Dialogue Evaluation 2016. – URL: <http://opencorpora.org/wiki/Nermanual/2/model>. (дата обращения: 30.09.2022).

Можарова В.А., Лукашевич Н.В. Двухэтапный подход к извлечению именованных сущностей // Труды конференции по искусственному интеллекту КИИ-2016. – Т. 2., 2016. – С. 81–88.

GROBID NER Named entity classes. – URL: <https://grobid-ner.readthedocs.io/en/latest/class-and-senses/> (дата обращения: 30.09.2022).

NER_in_Tatar. – URL: https://github.com/ksemiya/NER_in_Tatar.

(дата обращения: 30.09.2022).

Nevzorova O., Mukhamedshin D., Galieva A. Named Entity Recognition in Tatar: Corpus Based Algorithm // Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018). CEUR, vol. 2303. – P. 58–68.

Open Source Data Labeling. – URL: <https://labelstud.io/>. (дата обращения: 30.09.2022).

Starostin A. et al (2016). FactRuEval 2016: Evaluation of Named Entity Recognition and Fact Extraction Systems for Russian // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Вып. 15 (22). – М.: Изд-во РГГУ, 2016. – С. 688–705.

ПАЛЕОРУСИСТИКА И ЦИФРОВАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА

Афанасьева Татьяна Игоревна

Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук
УДК 94(47)

Русские книжники, работавшие в Константинополе в 80–90 гг. XIV в.: новые данные

история русской средневековой письменности, история русского языка, текстология, становление письменности Московской Руси

Тема о русской письменности в византийской столице начата Соболевским. Соболевский собрал и сообщил о девяти приписках конца XIV – первой половины XV века, в которых упоминается о том, что данная рукопись писалась в Константинополе. Мы сознательно ограничимся только концом XIV века, а именно временем митрополитства Киприана (1378–1406). Напомню, что фигура Киприана была очень необычной среди русских митрополитов, это был церковный деятель, входящий в константинопольскую элиту, это был патриарший синкелл. По наблюдениям Е.Е. Голубинского, русскими митрополитами как правило были провинциальные греческие иерархи, которые зачастую не хотели ехать в северные регионы патриархии и воспринимали свое назначение как наказание. Киприан, несомненно, был исключением из этого правила – патриарх Филофей был крайне заинтересован в союзничестве Византии со славянским миром из-за османской угрозы и посылал в эти регионы преданных себе людей. Как я постараюсь показать, книжники круга митрополита благодаря связям Киприана имели большие возможности работать в частных и монастырских библиотеках византийской столицы, переводить и копировать интересующие их тексты. Эти наблюдения позволят по-новому посмотреть на ключевую проблему истории русской письменности – проблему второго южнославянского влияния, русский компонент которого оказался явно мало изучен.

Нам уже приходилось писать о племяннике Серия Радонежского Феодоре Симоновском – переводчике круга Киприана, сопровождавшего митрополита из Константинополя в Москву в 1390 году. С его деятельностью можно связать переводы богослужебных песнопений:

канонов и молитв [Афанасьева 2016: 107–122]. Еще одним переводчиком, несомненно, был лисицкий игумен Иларион, переведший особый канон всем святым, причем он пользовался рукописью, принадлежащей патриаршему сакелларию Феодору Мелитениоту, а значит, благодаря связям Киприана, русские книжники были допущены в частные библиотеки византийской элиты [Афанасьева 2017: 191–197].

В настоящем сообщении речь пойдет еще о нескольких книжниках, которые работали в Константинополе. Прежде всего, это известный книжник Игнатий Смольнянин, создавший «Пименово хождение в Царьград», известное в большом числе списков. Сегодня мы расскажем о малоизвестном произведении Игнатия – о его Требнике, который сохранился лишь в двух списках рубежа XV и начала XVI в. – *Никиф. 30* и *Погод. 312*. В Погодинском списке сохранился колофон, благодаря которому мы знаем, как работал Игнатий. Он составлял свой требник в монастыре Иоанна Предтечи, где у смоленского епископа Михаила было две братские доли – два аделфата. По-видимому, и составление требника делалось по распоряжению Михаила для распространения новых богослужебных текстов в своей епархии. Однако вхождение Смоленска в 1396 году в состав Великого княжества Литовского не дало этому сборнику распространиться широко, он известен лишь в двух списках, которые происходят с южнорусских территорий.

Исследование состава Требника Игнатия показало, что он не переводил его с греческого, а составлял из уже имеющихся славянских переводов. Он использовал Сербский требник, созданный при царе Стефане Душане, и выписал из него службы, нужные для общежительного монастыря. Кроме этого, он использовал так называемую Мазуринскую кормчую, составленную на основе Сербской кормчей. Из нее Игнатий выписал канонические правила, необходимые для служения различных служб: крещения, погребения, схимы и т.д. Для монахов смоленского монастыря Игнатий выписал в свой требник несколько литературных новинок, которые были весьма популярны в это время у монахов-исихастов.

Остановимся на еще одной важной рукописи, которая свидетельствует о работе русского книжника в Константинополе. Это бумажная рукопись Венской библиотеки Phil. gr. 171 с филигранями 40-х гг. XIV века, впервые обнаруженная и описанная В. Копитаром. Он указал, что это греческий лексикон Гезихия, на полях которого много русских

гloss, и по начертаниям они очень напоминают Чудовский Новый Завет [Kopitar 1839]. Листы с русскими глоссами находятся не везде, а лишь на некоторых листах: 1–15, 275–278. После Копитара рукопись изучал В.Е. Ушаков, но его внимание было обращено на акцентные знаки, которые есть как в словаре, так и в ЧНЗ, и он разделил мнение Копитара и Соболевского о схожести почерков ЧНЗ и данной рукописи и о том, что вполне могли принадлежать митрополиту Алексию [Ушаков 1971: 44–58]. Действительно, глоссы написаны старшим русским полууставом, такими почерками пишутся многие русские рукописи второй половины XIV в. Таким образом, перед нами попытка составить греческо-русский словарь для какой-то крупной филологической работы. Нам известно, что подсобный филологический инструментарий всегда делался для подобных проектов: для перевода Геннадиевской Библии переводится грамматика Доната, для филологов на печатном дворе создаются разные азбуковники. Видимо, и данном случае потребовался греческо-русский словарь, который, возможно, свидетельствует о начале какого-то большого филологического проекта. Мы знаем, что в 80-х гг. в Константинополе переводится Евхологий Великой церкви – патриарший требник, использовавшийся в храме св. Софии, и это делали русские книжники по заказу митрополита Киприана [Афанасьева 2019]. Возможно, для этого была взята рукопись из какой-то личной библиотеки и было разрешено писать в ней русскому книжнику. Рукопись написана на качественной бумаге каллиграфическим почерком, что может свидетельствовать о ее происхождении их хорошей и большой библиотеки, где подобный словарь не был единственным экземпляром. К сожалению, среди глосс не оказалось каких-то редких слов, чтобы можно было связать эти глоссы с каким-то переводом. Поэтому мы можем лишь предполагать, кто мог это делать. Но опять-таки напрашивается мнение о том, что такой словарь мог быть отдан в распоряжение русским книжникам лишь по разрешению владельца этой библиотеки, а это мог быть либо како-то сановник, вроде Федора Мелитениота, либо игумен одного из Константинопольских монастырей. Такое разрешение мог получить известный константинопольский иерарх, каковым и был митрополит Киприан.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 20-18-00171).

Литература

Афанасьева Т.И. Русские переводы конца XIV в. // Сборник статей памяти В.М. Живова. – М., 2016. – С. 107–122.

Афанасьева Т.И. К истории русско-византийских литературных связей второй половины XIV в.: Феодор Мелитениот и священномних Ларион // *Byzantinoslavica* LXXV (1–2), 2017. – С. 191–197.

Афанасьева Т.И. Евхологий Великой церкви в славяно-русском переводе конца XIV в. Исследование и текст / Т.И. Афанасьева, В.В. Козак, Г.А. Мольков, М.Г. Шарихина. – М.-СПб., 2019. – 400 с.

Ушаков В.Е. Древнерусский перевод греческого словаря // *Русский язык: источники его изучения*. – М., 1971. – С. 44–58.

Kopitar B. Hesychii glossographi discipulus et επιγλωσσιστης Russus in ipsa Constantinopoli sec. XII-XIII. – Vindobonae, 1839. – S. 3–19.

Баранов Виктор Аркадьевич
Ижевский государственный технический университет
имени М.Т. Калашникова
Гнутиков Роман Михайлович
Удмуртский государственный университет
УДК 519.2:801.82(045)

**Дистрибутивный словарь славянских текстов X–XV веков:
параметры запросов и визуализация результатов**

*корпус славянских рукописей X–XV веков, лексическая
дистрибуция, корпусный менеджер*

Известное положение традиционной лингвистики о взаимозаменяемости как критерии синонимии (см., напр.: [Белов 2018]) получил развитие в качестве дистрибутивной гипотезы [Sahlgren 2008], согласно которой слова, использующиеся в окружении одних и тех же слов, близки и по смыслу. Эти положения, а также сведения о количественных и/или статистических характеристиках лексического окружения анализируемых слов в настоящее время легли в основу разработанных прикладных методов и инструментальных средств извлечения из текстов близких по семантике лингвистических единиц (см., напр.: [Белов и др. 2020: 11, 12; Максименко 2018]). Сопоставление сведений о лексическом составе контекстов, в которых встречаются две анализируемые лингвистические единицы, с аналогичными данными для всех других пар единиц в некотором объеме текстов позволяет выявить степень близости лексического окружения слов, а соответственно, найти в текстах близкие по парадигматическим свойствам слова [Шайкевич 1976]. Вычисление отклонения совместной встречаемости двух лингвистических единиц от статистически ожидаемой составляет основу статистических методик и позволяет получить синтагматические характеристики лингвистических единиц – степень их статистической тесноты (близости) [Максименко 2019: 94]. Как было неоднократно показано, между количественными и статическими подходами, а соответственно, парадигматическими и синтагматическими свойствами текстовых единиц существует корреляция: чем чаще слова встречаются в одних и тех же контекстах и чем сильнее их статистическая близость при этом, тем выше их парадигматическая связь [Шайкевич 1976: 370; Захаров 2018: 4; Максименко 2019: 94].

Одним из популярных приемов вычисления семантической близости слов являются операции с векторами слов, полученными в результате извлечения из текстовых корпусов числовых значений их (слов) сочетаемости (см., напр.: [Золотарев и др. 2018: 43-45]). За единицу совместной встречаемости могут быть приняты различные величины – абсолютная или относительная совместная встречаемость двух лингвистических единиц или одна из статистических мер их тесноты, например PPMI [Белов 2020: 13, 16-17], или иная (MI, PMI, Log-Likelihood, T-score и др.).

Особым направлением работы в области автоматического семантического анализа является создание специализированного компьютерного инструментария, предназначенного для обработки больших массивов лингвистических данных. Чаще всего компьютерные общедоступные сервисы, программы, процедуры ориентированы на решение широкого круга задач, объектом которых являются современные тексты (см., напр.: [Золотарев и др. 2018: 45–46; Белов 2020: 18–20]). Хорошо известны, например, веб-инструменты, демонстрирующие возможности автоматического нахождения близких по семантике слов, – проекты «Serelex: поиск семантически связанных слов», «WebVectors: word embeddings online», «RusVectōrēs: семантические модели для русского языка».

В публикации [Баранов 2022] дано описание прототипа исторического дистрибутивного словаря – оснований и методов, текстового материала, процедур менеджера, параметров запроса для демонстрации семантически близких слов. Построенный на лингвистических данных исторического корпуса «Манускрипт» (manuscripts.ru), содержащего транскрипции славянских рукописей X–XV вв., модуль позволяет выявить в корпусе семантически близкие леммы или текстовые прецеденты и вывести их на экран в виде списка с указанием статистической величины их близости и графа. В основу алгоритмов вычисления близости слов положена модель дистрибутивной семантики word2vec, единицами которой являются k-skip-n-граммы некоторого подкорпуса, представленные в виде векторов лингвистических единиц и косинусного расстояния между ними.

Вторая версия словаря существенно доработана. Основные изменения касаются способов подготовки данных для выборки, увеличения количества параметров запроса, а также интерфейса.

В настоящее время пользователю предлагается простой и расширенный вариант интерфейса словаря:

http://manuscripts.ru/mns/mns_evp.vec.simple;

http://manuscripts.ru/mns/mns_evp.vec.main.

Простая запросная форма предоставляет возможность ввода с помощью старославянского или современного алфавита в поле маски анализируемого слова в его начальной форме (по мере ввода подгружаются соответствующие маске леммы) с последующим выводом перечня семантически близких ему слов той же части речи и графа, в котором с помощью ребер показаны связи не только между анализируемым словом и его семантическими аналогами, но и между самими аналогами.

Расширенный вариант запросной формы предлагает пользователю настроить запрос в соответствии с решаемыми задачами. Так, помимо тех параметров, которые были в версии модуля, описанной в [Баранов 2022], (выбор подкорпуса, типа лингвистической единицы, величины косинусного расстояния и нек. др.), в текущем варианте а) реализован алгоритм приведения текстовых прецедентов к одной и только одной лемме, б) предусмотрен анализ гиперлемм и лемм, снабженных частеречной характеристикой, в) предоставлена возможность при вычислении векторов использовать не только абсолютную величину совместной встречаемости слов, но и величину их статистической тесноты (Mutual Information, Point MI, Log-Likelihood, T-score и нек. др.).

Для вывода результатов на экран пользователь может а) задать диапазон расстояний как между векторами анализируемого слова и его семантических эквивалентов, так и между векторами самих эквивалентов, б) использовать частеречный фильтр, в) запустить процедуру извлечения из корпуса биграмм, на основе которых вычислена близость слов, и просмотреть их контексты и др.

Результатом запроса является анализируемое слово (текстовый прецедент) (или список из нескольких слов (текстовых прецедентов), соответствующих маске поиска), его семантические аналоги с указанием статистической близости анализируемому, перечень слов, являющихся лексическим окружением пары *анализируемое – семантический аналог*, и количественные сведения об этом окружении. Вот один из примеров: в подкорпусе славянских Паримейников XII–XIV вв. (объем 195 628 текстовых форм) пятью первыми семантическими эквивалентами слова *господь* являются *аврамь* 0.739, *застопьникь* 0.737, *богъ* 0.709, *люди* 0.703, *отьць* 0.678.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 20-18-00206).

Литература

Баранов В.А. Дистрибутивный словарь исторического корпуса «Манускрипт»: постановка задачи, материал, методы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – № 2. – С. 94–106.

Белов В.А. Взаимозаменяемость как критерий синонимии (экспериментальное и корпусное исследование) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Язык и литература. – 2018. – Т. 15. – Вып. 3. – С. 390–410.

Белов С.Д. Обзор методов автоматической обработки текстов на естественном языке / С.Д. Белов, Д.П. Зрелова, П.В. Зрелов, В.В. Кореньков // Системный анализ в науке и образовании. – 2020. – № 3. – С. 8–22. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44288349_53267953.pdf (дата обращения: 14.10.2022).

Захаров В.М. Дистрибутивно-статистический анализ как инструмент автоматизации формирования семантических полей (на примере поля «империя») // Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018) co-located with the 15th TEL International Conference on Computational and Cognitive Linguistics (TEL 2018). – Kazan, Russia, November 1, 2018. – URL: <http://ceur-ws.org/Vol-2303/paper11.pdf> (дата обращения: 14.10.2022).

Золотарев О.В. Современные подходы к обработке многоязычных текстов, основанные на методах дистрибутивной семантики / О.В. Золотарев, М.М. Шарнин, А. Еромасова, Ф.М. Тезадова // Труды Международной научной конференции по физико-технической информатике СРТ2018, 2018. С. 43–47. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35081401_42451913.pdf (дата обращения: 14.10.2022).

Максименко О.И. Квантитативные методы в языковых исследованиях: ретроспективный анализ // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2018. – № 2 (22). – С. 30–39. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36782916_13097817.pdf (дата обращения: 14.10.2022).

Максименко О.И. Автоматизированный дистрибутивно-статистический анализ как системная обработка текста // Вестник Российского

университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 1. С. 92–100. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37217201_33053109.pdf (дата обращения: 14.10.2022).

Шайкевич А.Я. Дистрибутивно-статистический анализ в семантике // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 353–378.

Sahlgren M. The Distributional Hypothesis. From context to meaning // *Rivista di Linguistica*. – 2008. – Vol. 20, № 1. – P. 33–53.

Serelex: поиск семантически связанных слов. – URL: <http://serelex.org/ru> (дата обращения: 14.10.2022).

RusVectōrēs: семантические модели для русского языка. – URL: <https://rusvectors.org/ru/about/> (дата обращения: 14.10.2022).

WebVectors: word embeddings online. – URL: <http://vectors.nlpl.eu/explore/embeddings/en/> (дата обращения: 14.10.2022).

Ермолова Мария Вадимовна
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук
УДК 811.161.1

К вопросу о происхождении антирезультативного значения у плюсквамперфекта в истории русского языка

*плюсквамперфект, антирезультатив, результатив,
давнопрошедшее, древнерусский язык, русские диалекты*

Обозначение антирезультатива (в понимании [Плунгян 2001]), т.е. прекращенного или недостигнутого действия – «одна из основных вторичных функций плюсквамперфекта в языках мира» [Сичинава 2013: 28]. Как известно, в древнерусских памятниках это значение является характерным и для «книжного» плюсквамперфекта, так и для сверхсложных форм ([Петрухин, Сичинава 2006; Шевелева 2007] и др.).

О происхождении антирезультативного значения в истории русского языка нет единого мнения. Опираясь на типологические данные, В.А. Плунгян связывает возникновение антирезультатива с давнопрошедшим значением, также свойственным плюсквамперфекту, относя их к одной семантической зоне «сверхпрошлого» [Плунгян 2001: 71]. Такой же точки зрения в отношении древнерусского материала придерживаются П.В. Петрухин и Д.В. Сичинава, указывая на тот факт, что сверхсложные формы, именно на базе которых в русском языке развилась конструкция с частицей «было», исконно не обладал результативным значением и выражал именно неактуальное прошедшее [Петрухин, Сичинава 2006]. В свою очередь, М.Н. Шевелева, анализируя материал древнерусских летописей, приходит к выводу, что «антирезультативность развивается в контексте противопоставления дальнейшему развитию событий на базе перфектного значения» [Шевелева 2007: 242].

Материал древнейших летописей и не изученных ранее западно-русских летописей (далее ЗРЛ), а также современных говоров с т.н.

«новым» перфектом подтверждает мнение М.Н. Шевелевой и свидетельствует в пользу происхождения антирезультативного значения из результативного.

В ЗРЛ¹ преобладают результативное и антирезультативное значения плюсквамперфекта, в то время как значение давнопрошедшего представлено единичными случаями. Рассмотрим пример с антирезультативным значением:

(1) Супр. л. 89 **кнѣзь великии Ягаило далъ бы(л) По(л)тескъ братоу своему. Скириганлоу и уни его не приняли** – 'князь Ягаило дал / дал было Полоцк своему брату Скиргайлу, но они (полочане) его не приняли';

В ЗРЛ количество контекстов с антирезультативным значением совпадает с количеством контекстов с результативной семантикой, и говорить о преобладании одного или другого значения на основании исследованного материала нельзя. Контекстов же со значением давнопрошедшего встретилось в два раза меньше. Приведем пример:

(2) Ув. л. 10 об. по **сѣрти пакъ кнѣзя великаго Кестуѣтиа пошлетъ кнѣзь великии Ягаило. кнѣзя великаго Витовта во Крево(ж). и женою. и велитъ его твердо стеречь в комнату. помѣцаа Войдила. што были за него сестроу свою дали** (контекст повторяется в Ак. л. 177, Вил. л. 444, ЛРП л. 490 об.) – Войдила был убит по приказанию князя Кестута. После смерти последнего князь Ягаило захватил его сына Витовта с женой, мстя за убийство Войдила, 'за которого выдал замуж свою сестру'. Для последнего действия используется форма плюсквамперфекта. Оно является давнопрошедшим (произошедшим сильно раньше, чем описываемые события), в то же время представляется важным для пишущего (об этой функции плюсквамперфекта см., напр.: [Жукова, Шевелева 2010]).

Таким образом, в ЗРЛ у плюсквамперфекта преобладают антирезультативное и результативное значения; семантика давнопрошедшего находится на периферии.

Если принять во внимание отсутствие результативного значения у плюсквамперфекта в тех украинских говорах, где он сохранился [Толстая 2000: 137], а также в польском языке [Kowalska 1976] вместе

¹ Западнорусское летописание развивалось в Смоленске и Полоцке в XIV-XVI вв. В данной работе рассматриваются следующие по изданию [ПСРЛ, т. 17].

с тем, что и в украинских говорах, и в польском языке (со среднепольского периода) давнопрошедшее значение широко представлено (см. те же работы), кажется логичным сделать вывод о развитии значения сверхсложных форм от результативного к давнопрошедшему.

О развитии антирезультативного значения именно из результативного, а не давнопрошедшего, свидетельствует материал и древнейших летописей, где значение давнопрошедшего не представлено вовсе, в то время как антирезультативные контексты уже есть (см. подр: [Скачедубова 2019: 204–211]). Показательным подтверждением этой версии являются контексты, в которых в значении антирезультатива в нарративе употреблен не плюсквамперфект, а *-л-*форма без связки в результативном значении, ср.:

(3) НПЛ мл л. 178 об. **Тогда Литва посадиша своего князя в Полоцькѣ; а полочанъ пүстиша, конхъ вяху помалѣ с княземъ ихъ, и миръ взяша** – НПЛ ст. л. 140 об. **Тогда Литва посадиша свон князь в Полотьскѣ; а полочанъ пүстиша, которыхъ изъимали с княземъ ихъ, а миръ взяша** – перед нами два одинаковых контекста, которые демонстрируют отмену совершенного ранее результативного действия: 'Тогда Литва посадила своего князя в Полоцке; а полочан, которых захватили / были захватившими / захватили было с их князем, отпустили и заключили мир'. При этом в одном случае использована форма плюсквамперфекта, в другом – *-л-*форма без связки в результативном значении, обе – в контекстуально антирезультативном значении.

Таким образом, материал ЗРЛ в совокупности с материалом древнейших летописей демонстрирует, как результативное значение контекстуально может осложняться семантическим компонентом антирезультативности, что, на наш взгляд, подтверждает гипотезу о происхождении антирезультативного значения у плюсквамперфекта в истории русского языка из результативного, а не из значения давнопрошедшего, как это часто бывает в языках мира. Это утверждение не противоречит тому, что в берестяных грамотах XII в., а также в древнейших русских летописях сверхсложные формы имеют преимущественно давнопрошедшее значение (на этом основании П.В. Петрухин и Д.В. Сичинава считают, что «русский» плюсквамперфект исконно не обладал результативным значением и выражал именно неактуальное прошедшее [Петрухин, Сичинава 2006]). Вполне возможно, что перестройка старой временной системы и превращение *-л-*формы в финитную в западном ареале произошло позже, чем в

среднерусских и севернорусских говорах. Об этом говорит и то, что контаминированные формы, в которых к *-л*-форме присоединяется показатель лица, взятый либо из аористных форм, либо из глагола-связки, типа польск. *postawylesz, radowalysmy, prawiechmy* и укр. *видгълем* (1л. ед.ч.), *упалесь* (2л. ед.ч.), *почалихмы* (1л. мн.ч.) появляются довольно поздно: в польском формы – с конца XV в. [Ананьева 2013: 245], в украинском – в XVI–XVII вв. [Німчук 1978: 325]. Возникновение таких форм было бы невозможным, если бы к этому времени старая временная система была полностью утрачена и *-л*-форма окончательно превратилась в единственную форму прошедшего времени.

Литература

Ананьева Н.Е. История и диалектология польского языка / Н.Е. Ананьева. – М.: Изд-во Московского университета, 1994. – 301 с.

Жукова Т.С. «Новый» плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV–XVI вв. и современных украинских говорах в сравнении с великорусскими / Т.С. Жукова, М.Н. Шевелева // Вопросы русского языкознания. – 2010. – Вып. 13. – С. 171–191.

Німчук 1978 – Історія української мови: Морфологія / [М.А. Жовтобрюх та ін.]. – Київ: Наукова думка, 1978. – 539 с.

Петрухин П.В. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе / П.В. Петрухин, Д.В. Сичинава // Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова. – М., 2006. – С. 193–214.

Плунгян В.А. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики, 1: Глагольные категории. – М.: Гнозис, 2001. – С. 50–88.

ПСРЛ, т. 17 – Полное собрание русских летописей. – Т. 17. Западнорусские летописи. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 688 с.

Сичинава Д.В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. – М., 2013. – 384 с.

Скачедубова М.В. Функционирование *-л*-формы в древнерусском нарративе (на материале ранних летописей): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2019.

Толстая М.Н. Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балто-славянские исследования 1998–1999. – Вып. 14. – М.: Индрик, 2000. – С. 134–143.

Шевелева М.Н. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. – 2007. – № 2 (14). – С. 214–252.

Kowalska A. Ewolucja analitycznych form czasownikowych z imiesłowem na -Ł w języku polskim. – Katowice, 1976. – 162 p.

**Глаголы-местоимения в древнерусском языке
(на материале исторического корпуса Манускрипт)**

*древнерусская письменность, исторический корпус
Манускрипт, количественная дистрибуция, глаголы, дейксис*

В отечественной традиции ряд известных исследователей – А.В. Исаченко, Ю.С. Маслов, Н.Ю. Шведова – выделяют высший надкласс указующих слов, в который входят, наряду с местоимениями-существительными, местоимениями-прилагательными, местоимениями-числительными, местоимениями-наречиями и местоимениями-предикативами, также местоимения-глаголы (см.: [Крылов 2020: 341]). В свою очередь в частеречном классе глаголов возможно выделение личных глаголов, которые подразумевают связь с одушевленным субъектом действия и употребляются в формах 1 и 2 лица, в отличие от неличных глаголов, у которых наличие форм 1 и 2 лица не предполагается (ср.: *желать* vs. *ржавеет*) (см.: [Князев 2020: 105]). Личные глаголы в формах 1 и 2 лица связаны с ролевым дейксисом, как и личные местоимения 1 и 2 лица. В ролевом дейксисе нейтрализуется противопоставление референции и номинации (см.: [Виноградов 2020: 139]). Грамматические категории времени и таксиса также являются дейктическими.

В отечественной русистике представлено направление семантических исследований, в котором выделяются так называемые дейктические глаголы. Данный тип глаголов описывается в «Русском семантическом словаре» (далее – РСС). К этому типу относят глаголы, которые означают «наивысшие ступени языковой абстракции» и «вместе с местоимениями формируют собственно языковой строй языка» [РСС 2007: 4]. Такие глаголы подразделяются на ядерные, со свободной сочетаемостью и неядерные, со связанной сочетаемостью. Ядерные глаголы, включая устаревшие и разговорные, в одном из своих наиболее абстрактных значений в РСС приведены следующие (в статьях словаря даются также видовые пары): *ведать*, *вести*, *выполнить*, *дать*, *действовать*, *делать*, *знать*, *испытать*, *опери-*

ровать, осуществить, ощутить, переделать, поступить, произвести, работать, совершать, создать, творить, устроить, учинять, чинить (см.: [РСС 2007: 28–30]). Лишь три глагола из этого перечня в отдельных значениях отнесены также к многочисленной ядерной подгруппе: *вести*, *дать*, *делать*. Заметим, что глаголы *делать* и *творить* из этого списка имеют сходную семантическую природу в древнерусском языке, однако названное толкование дейксиса как лексической абстракции не укладывается в классическое и общепризнанное его понимание. Вместе с тем трудно отрицать, что заместительная функция у таких глаголов как *делать* / *сделать* роднит их с функциональной природой местоимений.

В древнерусском языке вместо одной видовой пары глаголов-местоимений *делать* / *сделать* существовало три пары таких глаголов с соотносительно высокой частотностью: *дѣлати* (542) / *сѣдѣлати* (154) [СДРЯ III: 156–157; XII: 363–366]; *дѣяти* (328) / *сѣдѣяти* (138) [СДРЯ III: 172–173; XII: 373–375]; *творити* / *сѣтворити* [СлРЯ 26: 236–237; 29: 253–258] (в материалах СДРЯ указывается общая частотность глагола в разных значениях по данным картотеки, в СлРЯ указаний на частотность нет; а йотированное здесь и далее передается графемой я). Способность замещать другие глаголы проявляется в наиболее сложной семантической структуре данных глаголов: у однокоренных глаголов *дѣлати* и *дѣяти* в СДРЯ выделяется по шесть значений, включая наиболее отвлеченные ‘совершать, осуществлять; делать, действовать, поступать’; у глагола *творити*, помимо устойчивых сочетаний, в СлРЯ выделено 19 значений, в том числе синонимичные для вышеуказанных значения ‘делать, совершать, осуществлять; действовать, поступать’. Таким образом, имея сверхсложную семантическую структуру глаголы *творити* / *сѣтворити* обладают наибольшей силой заместительной функции. Этот факт находит непосредственное отражение в количественных параметрах.

Рассмотрим количественное распределение данных глаголов (включая причастные формы) в источниках из четырех подкорпусов, представленных в историческом корпусе «Манускрипт» – в Типографском четвероевангелии XII в. (далее – ТЕ), Христинопольском Апостоле XII в. (далее – ХА), Козминском паримейнике 1312–1313 гг. (далее – КП), Ипатьевской летописи ок. 1425 г. (далее – ИЛ) и в трех ее частях – Повести временных лет (ПВЛ), Киевской летописи (КЛ) и Галицко-Волынской летописи (ГВЛ).

Источник	<i>дѣлати / съдѣлати</i>	<i>дѣяти / съдѣяти</i>	<i>творити / сътворити</i>
ТЕ	16 / 3	18 / 0	150 / 180
ХА	55 / 5	36 / 12	159 / 129
КП	10 / 11	3 / 6	51 / 237
ПВЛ	8 / 4	13 / 1	82 / 120
КЛ	0 / 0	5 / 0	4 / 46
ГВЛ	1 / 1	17 / 1	40 / 162
ИЛ	9 / 5	35 / 2	122 / 328

Количественные данные свидетельствуют, что глаголы *творити / сътворити* имеют наиболее высокую частотность во всех источниках, значительно превосходящую частотность других глаголов. Глаголы *творити / сътворити* занимают в древнерусской письменности то место, какое в современном русском языке занимают глаголы *делать / сделать*. Произошла коренная перестройка синонимического лексического ряда: глагол *дѣяти* перестал употребляться, оставив несколько дериватов, глагол *творити* сместился на периферию, приобретя стилистическую маркированность как устаревший и связанный с высоким стилем. Высокий семантический и дискурсивно-прагматический потенциал глагола *дѣлати* получил отражение уже в таком раннем и важном источнике, как ХА, где он имеет высокую частотность. Апостол каждый день читался за богослужением. С точки зрения дейксиса Апостол выделяется также тем, что в нем преобладают формы несовершенного вида, которые связаны преимущественно с формами настоящего времени. Иная картина наблюдается в летописях, где существенно преобладают формы совершенного вида, как и в КП, которые имеют почти исключительно формы прошедшего времени. Так, одних только аористов 3 лица ед. числа *сътвори* в ИЛ насчитывается 150 форм и 3 лица мн. числа *сътвориша* – 57. Аористы – главное повествовательное время в древнерусской письменности. В этом отношении ИЛ близка КП, сообщая главным образом об уже состоявшихся событиях. Преимущества глагола *дѣлати*, проявившиеся в ХА, обусловлены его словообразовательной связью с высокочастотным существительным *дѣло* (101 форма), а также преобладанием в этом случае настоящего времени – дейксиса на оси «сейчас».

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 20-18-00206).

Источники

ИЛ – Ипатьевская летопись, ок. 1425 г. (БАН, 16.4.4). – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32151080 (дата обращения: 19.09.2022).

КП – Козминский паримейник, 1312-1313 гг., 156 л. (РГАДА, ф. 381, № 61, лл. 1–151), (ГИМ, Син. 172, лл. 198–202). – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=100603725 (дата обращения: 20.09.2022).

ТЕ – Евангелие тетр, XII в. (РГАДА, ф.381 (Син. Тип.), № 1), 193 л. – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=54366871 (дата обращения: 21.09.2022).

ХА – Христинопольский апостол, XII в., 299 л. (Национальная библиотека Украины имени В. И. Вернадского, ИР, ф. VIII, № 3, лл. 1–8; Львовский исторический музей, ОР, № 37, лл. 9–299). – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=94065041 (дата обращения: 22.09.2022).

Литература

Виноградов В.А. Дейксис // Русский язык: Энциклопедия / Под общ. ред. А.М. Молдована. – М., 2020. – С. 139–140.

Князев Ю.П. Глагол // Русский язык: Энциклопедия / Под общ. ред. А.М. Молдована. – М., 2020. – С. 103–107.

Крылов С.А. Местоимение / С.А. Крылов, Н.К. Онипенко // Русский язык: Энциклопедия / Под общ. ред. А.М. Молдована. – М., 2020. – С. 340–344.

РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 4: Глагол / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: РАН Ин-т рус. яз., 2007. – 952 с.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–XII–. М., 1988–2019–.

СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31–. – М., 1975–2019–.

Иордани Наталья Павловна
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской Академии наук
УДК 811.161.

**О конкуренции форм сослагательного наклонения
и инфинитива с частицей *бы*
(на материале жалованных грамот XV–XVII вв.)**

*сослагательное наклонение; жалованные грамоты;
личные местоимения*

Инфинитив с частицей *бы* в современном русском языке занимает периферийное положение по сравнению с формами сослагательного наклонения: употребляется эта глагольная форма достаточно редко, развивая оценочную семантику – модальные значения ‘желательность’ и ‘необходимость’ [Добрушина 2016: 92]. В более ранний период – в XV–XVII вв. – инфинитив с частицей *бы* можно считать полноценным конкурентом сослагательного наклонения [Булаховский 1958: 350].

Возникает вопрос, существовали ли какие-либо закономерности в распределении этих форм. В рамках данной работы особенности их употребления этих глагольных форм будут рассмотрены на материале такого жанра деловой письменности как жалованные грамоты.

Жалованные грамоты XV–XVII вв. представляют собой источники, где высокопоставленное лицо, как правило, князь или архимандрит, присваивало в собственность землю или подтверждало право владеть каким-либо имуществом. Встречаются также и иммунитетные грамоты, которые регламентируют торговые отношения, устанавливают льготы или освобождают от податей и повинностей [Комочев 2022: 19]

В рамках исследования были проанализированы документы, относящиеся к этому жанру деловой письменности, представленные в историческом подкорпусе Национального корпуса русского языка, где были выявлены контексты, на основе которых удалось сделать неко-

торые вывод о соотношении исследуемых форм. Дело в том, что нередко такого рода документы писались в ответ на челобитные, где излагались различные прошения. По этой причине многие жалованные грамоты по структуре распадаются на две части: первая представляет собой достаточно подробный пересказ челобитной, где излагаются просьбы, вторая же содержит ряд указаний и распоряжений, направленных на удовлетворение запросов челобитчиков. В рамках данной работы мы рассмотрим только контексты первого типа.

Нужно отметить, что самой употребительной глагольной формой в челобитных, ответами на которые можно считать жалованные грамоты, является форма повелительного наклонения. Основной объем контекстов в них составляют клишированные употребления с глаголами **велети** и **пожаловати**:

(1) *Милосердью государь царь и великий князь Алексеи Михайлович... **пожалуи** меня холопа своего за мою приказную работишку и за службы, **вели** государь меня поместным окладом поверстать как тебе великому и милосердому государю все известить* (Челобитная подьячего приказа к Галицкой чети Василия Никитина (1664-1665, 1700)).

Поскольку императив не способен употребляться в косвенной речи, в содержащих пересказ контекстах, которые возникают в жалованных грамотах, эта глагольная форма требует замены. В такого рода контекстах можно заметить распределение между формами сослагательного наклонения и инфинитива с частицей **бы** в зависимости от лица местоимения, заполняющего субъектную валентность при глаголе. В случае, если субъект стоит в 3-м лице, сослагательное наклонение употребляется чаще, чем инфинитив с частицей **бы**, в то время как с местоимениями 1-го лица сочетается только инфинитив с **бы**. При этом субъекты при обеих глагольных формах отсылают к должностному лицу – государю, который становится адресатом челобитной и адресантом жалованной грамоты. Рассмотрим некоторые примеры:

(2) *Се яз, князь великий Иван Васильевич всеа Руси, пожаловал есми с Вятки арских князей Сяйтяка Алисуфова да Касыма Газыева, да Шеислама Мурзеитова. О том мне били челом, а сказывали, что де ис казанских мест казанские люди вотяки и чювашене хотят итти на мое великого князя имя на опас на Вятку жити... и мне **бы** тех арских князей **пожаловати**, **велети б** им ис казанских мест вотяков и чюваш призывати жити на Вятку на мое великого*

князя имя на опас, да и грамота **бы** мне им **дати** своя опасная, чтобы им казанских вотяков и чюваш ис казанских мест за меня за великого князя призывати жити розно (Жалованная «опасная» и бережельная грамота Ивана IV каринским князьям (06.05.1542).

(3) *Бил челом царю и великому князю архимандрит Левкея з братьею... после де князя Ондreja замосковская волость Селна была за царем государем и великим князем, и в четьредесят шестом году на те их села и на деревни государева жаловалная грамота им дана ж, а на царево де и великого князя имя та грамота не подписана, а о данех и о всяких податех государев указ в той грамоте написан таков же, как во княж Андрееве жаловалной грамоте написано. И государь **бы** их пожаловал, велел **бы** им на те их села и на деревни свое жалованье во всем указ свои подписати на сеи грамоте* (Жалованная грамота ц. Ивана Васильевича (13.09.1564).

Возникает вопрос, почему сослагательное наклонение не употребляется в косвенной речи в контекстах с местоимениями 1-го лица? Мы полагаем, что причиной становится ограниченное употребление местоимений 1-го лица в Им.п.

Дело в том, сослагательное наклонение, в состав которого входило *л*-причастие, не имеющее грамматических показателей лица, требует при себе употребления субъекта в И.п. [Сичинава 2004: 310]. Однако личные местоимения 1-го и 2-го в И.п., заполнявшие субъектную валентность при предикате, в древнерусском и старорусском языках употреблялись ограниченно – в контрастивном или эмфатическом значении [Буденная 2017: 50]. По этой причине местоимения **азъ**, **язъ**, **я** и **мы** тяготеют к инициальными формулам жалованных грамот. Приведем несколько примеров:

(4) *И **язъ** царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи, выслушалъ съ тѣхъ грамотъ списковъ, Кандалашского монастыря игумена Селивестра съ братьею пожаловалъ, велѣлъ тѣ грамоты написати на свое царево и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи имя* (Жалованная несудимая грамота Кандалакшскому Богородицкому монастырю (20.05.1615)

(5) *Божіею милостію, **мы** великій государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичь, всеа Великія и Малыя Росіи самодержецъ, пожаловали есмя отца нашего и богомолца, великого государя святѣйшаго Никона, патріарха московскаго и всеа Великія и Малыя Росіи* (Царская жалованная грамота Иверскому монастырю (04.1655)

Дело в том, что в контекстах, сходных с (4) и (5), личные местоимения в И.п. выполняют дейктическую функцию, в то время как в употреблениях, аналогичных (2), местоимения в Д.п. выражают анафорическую функцию без какой бы то ни было эмфазы.

Вероятно, такая яркая семантика и особая функция личных местоимений в И.п. наложила ограничение на их употребление в анафорических контекстах. В результате, сослагательное наклонение, требующее при себе субъекта в И.п., было вытеснено из контекстов 1-го лица формой инфинитива с частицей **бы**, сочетающегося с дативным субъектом. Местоимения **онъ** и др. и существительные в И.п., выступающие в роли субъекта 3-го лица, контрастивного или эмфатического значения не развивали, поэтому никаких ограничений на употребление вместе с ними сослагательного наклонения не возникало.

Таким образом, получается, что сослагательное наклонение и инфинитив с частицей **бы** могли выступать в функции заместителя императива в косвенной речи и контекстах с пересказом. Важную роль в выборе между глагольными формами с частицей **бы** играло лицо субъекта.

Литература

Буденная Е.В. Экспансия местоимений в истории русского языка: именные клаузы // *Rhema*. – Рема. – М., 2017. – Т. 3. – С. 40–64.

Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. – Киев, Государственное учебно-педагогическое издание «Рядянська школа», 1958. – 488 с.

Добрушина Н.Р. Семантика косвенного наклонения: корпусное исследование грамматической полисемии: дис. ... докт. филол. наук. – М., 2016.

Комочев Н.А. Жалованные грамоты русских царей светским лицам 1613–1696 гг.: опыт реконструкции корпуса источников. – М.: Институт славяноведения РАН, 2022. – 212 с.

Национальный корпус русского языка. – 2003–2022. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.09.2022).

Сичинава Д.В. К проблеме происхождения славянского условного наклонения // *Исследования по теории грамматики*. – М.: Гнозис, 2004. – С. 292–312.

Мольков Георгий Анатольевич
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук
УДК 811.161.1

Влияние древнерусского бытового письма на книжное в XIII веке

*древнерусская орфография, бытовое письмо, Захариинский
паримейник, редуцированные гласные*

Характерной особенностью древнерусского книжного письма XIII века является интенсивное проникновение в него элементов бытового (неполноразличительного, в терминологии А.А. Зализняка) письма. Это связано с тем, что именно в этот период частотность использования приемов неполноразличительного письма в самих берестяных грамотах «круто возрастает» и «достигает максимума в XIII в.» [Зализняк 2002: 607–608].

Традиционно в палеорусистике высказывается мнение о слабом влиянии бытового письма на книжное – его проявлении в долях процента от оформления в книжном памятнике всех позиций соответствующих букв [Живов 2006: 95]. Во многом такая оценка вызвана отсутствием в исследованиях по древнерусской орфографии специального интереса к этой проблематике – вкрапления бытового письма при описании книжных памятников, как правило, рассматриваются в общих обзорах орфографических особенностей той или иной рукописи [Schaeken 2000: 329; Кузовенкова 2013: 73; Баранкова 2017: 15–16 и др.].

Предпринятое нами специальное рассмотрение полной выборки примеров бытовой записи букв в ряде древнерусских книжных памятников XIII в. (Служебник РНБ, Соф. 519, Евангелие РГАДА, РС № 816, Захариинский паримейник 1271 г.) показывает, что интенсификация в использовании приемов неполноразличительной записи букв *ѐ*, *о*, *ъ*, *ь* и *ѣ* у непрофессиональных писцов оказывает ощутимое влияние и на орфографию пергаменных рукописей. Это влияние почти не отражается в общей доле бытовых написаний в тексте рукописи, но хорошо заметно на материале отдельных позиций написания *еров*, *ѐ* и *о* – с повышенной частотой проявления бытовых рефлексов. Эти позиции релевантны с орфографической точки зрения – по ним можно

понять, как переписчик церковной рукописи, владевший при этом навыками бытового письма, членил языковой материал.

Наблюдения над позициями с повышенной частотностью использования бытовых приемов в книжном памятнике позволяют сделать следующие выводы:

1) Благоприятные условия для проникновения элементов бытового письма в книжное складывались в тех словоформах, для которых можно выделить соотносимые фрагменты (морфемы, последовательности букв), различающиеся буквами ϵ и ь , o и ъ [Мольков 2021: 792–797], т.е. в «квазиомонимах».

2) В отдельных позициях (морфемах, основах, сочетаниях слогов) вариант записи с бытовым эффектом мог становиться предпочтительным для писца и составлять более половины всех употреблений, приближаясь к узусу некнижных текстов. В частности в почерке евангельского списка под воздействием написания сверхчастотной частицы $\text{ж}\epsilon$ возникла в орфографии форм императива на -жь : в 65% случаев они записаны с эффектом $\text{ь} > \epsilon$; почти в половине примеров третьего почерка Захариинского паримейника (14 из 34, т.е. 41%) гласный находится в слоге с шипящим.

3) Уникальный материал демонстрирует хорошо известный Захариинский паримейник 1271 г. Его данные позволяют сравнить узус нескольких писцов, работавших совместно. Применение бытовых написаний у каждого из четырех писцов рукописи имеет количественную и качественную специфику и показывает, что книжные написания косвенно отражают разницу в наборе приемов, которыми те же писцы пользовались в ситуации бытового письма.

4) В то же время некоторые из приемов, возникших под влиянием бытового письма, объединяют почерки разных рукописей XIII в., что позволяет говорить об относительной устойчивости в книжном письме некоторых приемов, возникавших под влиянием неполноразличительной графики в период ее наибольшей активности.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18001).

Литература

Баранкова Г.С. О некоторых графико-орфографических и языковых особенностях Новгородской кормчей 1280 г. // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика / отв. ред. В.С. Ефимова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2017. – С. 7–26.

Живов В.М. Восточнославянское правописание XI–XIII века / В.М. Живов. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 312 с.

Зализняк А.А. Древнерусская графика со смещением *ъ-о* и *ь-е* // «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию / А.А. Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 577–611.

Кузовенкова А.И. Региональные изводы книжного языка и второе южнославянское влияние (об орфографии Захариинского паримейника 1271 г.) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155, кн. 5. – С. 70–76.

Мольков Г.А. Рефлексы бытовой графической системы в орфографии древнерусской рукописи Евангелия XIII века // *Slavia Orientalis*. – 2021. – Vol. LXX. – № 4. – S. 785–798.

Schaeken J. Notes on the later Russian part of Sava's Book // *Russian Linguistics*. – 2000. – Vol. 24. – P. 321–337.

Новак Мария Олеговна
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук
УДК 811.161.1.04

**О метаморфозах имен собственных
в восточнославянских паримейниках XII–XIV вв.
(на материале электронной коллекции «Манускрипт»)**

*паримейник, древнеславянский перевод, лексика,
имена собственные, факторы варьирования*

В сообщении обсуждается рецепция библейских личных имен в средневековых восточнославянских списках Паримейника (ветхозаветного лекционария), которые изучаются и вводятся в состав исторического корпуса «Манускрипт» в рамках международного исследовательского проекта. Машиночитаемые транскрипции к настоящему моменту созданы для пяти источников:

- Лазаревский (Сковородский) паримейник первой трети либо середины XII в. (РГАДА, ф. 381, оп. 1, Тип. 50, 126 л. – далее Лаз);
- Федоровский II паримейник XIII в. (РГАДА, ф. 381, оп. 1, Тип. 60, 107 л. – далее Фед);
- Захарьинский паримейник 1271 г. (РНБ, Q.п.1.13, 264 л. – далее Зах);
- Козминский паримейник 1313 г. (РГАДА, оп. 1, ф. 381, Тип. 61, 151 л. – далее Козм),
- паримейник из собрания Троице-Сергиевой лавры XIV в. (РГБ, ф. 304/1, № 4, 142 л. – далее Тр4).

Данные восточнославянских паримейников сопоставляются с материалом южнославянского паримейника Григоровича XII в. (РГБ, ф. 87, № 2, 104 л. – далее Григ).

Основная задача нашего этюда – выявить и систематизировать факторы, обусловившие широкую вариативность личных имен в древнеславянском переводе ветхозаветных чтений, которая отражается как на фонетико-орфографическом, так и на грамматическом уровне.

Первый фактор, замеченный еще А.В. Михайловым, определяется вариативностью внутри греческой рукописной традиции. Очень хорошо это видно в четвертой главе книги Бытия (чтение о потомках

Каина, паримия среды 2-й недели Великого Поста), например: малелѣла (Лаз л. 31), малаила (Зах л. 59), малоуила (Фед л. 5, Козм л. 38об.), маоула (Тр4 л. 22б – ср. маоулъ в Григ л. 27/31). Греческие эквиваленты действительно разнятся по рукописям: Μαλελεήλ, Μαίήλ, Μαουήλ и др. [Михайлов 1912: 181].

Экзотичность имен также представляет собой фактор варьирования. Именно неосвоенностью лексических единиц можно объяснить как вышеприведенные факты неустойчивости их облика, так и, например, межслоговую метатезу гласных: матоусалоу (Лаз л. 31, Фед л. 5, Козм л. 38об., Тр4 л. 22б) vs. матасоула (Зах л. 59) – ср. греч. Μαθουσαλά. Впрочем, последняя может быть и результатом механической ошибки писца.

Фонетическое разнообразие в передаче личных имен может определяться и закономерностями славянской фонетики. Так, имена Адда и Селла (Быт. 4:19–22) могут как передаваться в соответствии с греческим Αδδᾶ и Σελλά (адда, селла в Лаз л. 31), так и отражать развитие неорганической гласности: адьда (Фед л. 5, Козм л. 38об.), адада (Зах л. 59, ср. то же в Григ л. 27/31), сельда (Фед л. 5, с опиской; ср. сельла в Григ л. 27/31). Прояснение вставочных гласных, фиксирующее процесс падения еров, наблюдается в Тр4: адода, селла (л. 22б).

В той же главе книги Бытия (4:18) налицо случаи грамматического варьирования: малелѣль роди **матоусалоу**, а **матосула** роди ламеха (Лаз л. 31, Фед л. 5, Козм л. 38об.) vs. малаиль роди **матасоула** и **матасоулъ** роди ламеха (Зах л. 59), маулъ же роди **матусалу матусаль** же ро(ди) ламеха (Тр4 л. 22б). Колебания в роде связаны с финалью –а, а также с омонимией форм номинатива и аккумулятива данного имени в греческом: Μαίήλ ἐγέννησεν τὸν Μαθουσαλά (ВП), καὶ Μαθουσαλά (ИП) ἐγέννησεν τὸν Λάμεχ.

Замечательный факт грамматического переосмысления обнаруживается в третьей главе книги Даниила (история трех отроков в печи, чтение на вечерне Великой Субботы), где фигурирует вавилонское имя Ἀβδεναγώ. В Словаре старославянского языка Чешской Академии наук [SJS I: 4] древнеславянская параллель фиксируется в статье с заголовочным словом **аведенаго**, где приводятся контексты из Григ и Зах. Судя по показаниям наших источников, эта лексическая единица была воспринята славянскими книжниками как местоименная форма прилагательного мужского рода, причем это впечатление

крепло с течением времени. Так, в наиболее раннем списке Лаз находим унифицированную форму авьдьнаго (л. 100–100об.), в которой удвоение гласного а имитирует нестяженную адъективную форму. В Фед (лл. 97–97об.) и Козм (л. 124–125) наряду с формами авьдьнаго/ав(ь)денаго спорадически (один раз в Фед и дважды в Козм) уже встречается авьдьный/авденыи, ср. в Фед: и моужи триє седрахъ мисахъ и **авьдьныйи** (л. 97об.). В самом младшем списке, Тр4, из семи форм имени, употребленных в Дан.3, четыре выглядят как адъектив мужского рода в номинативе (во всех контекстах, где присутствие номинатива синтаксически очевидно): седрахъ мисаль **аведныйи**; аще воистиньну седрахъ мисахъ **аведныйи**; ѿвѣщавъ седрахъ мисахъ **аведныйи** глше; і въвержени мужи триє седрахъ мисахъ **аведныйи** хожаху посреди печи (лл. 106об.–107). Это не выглядит случайностью и нуждается, на наш взгляд, в лексикографической фиксации.

Последний сюжет, который хотелось бы обсудить, – чтение из книги Исаии. Стих 7:3, из паримии пятницы 2-й недели Великого Поста, содержит имя сына пророка, которое в русском синодальном переводе воспроизводит двухэлементное древнееврейское Шеар-ясув (Shear-jashub). Согласно толкованиям, оно, как и многие имена в Библии, имеет символический характер и означает ‘остаток спасется’ [Цитата из Библии]. Древнеславянский перевод опирался на греческий текст, в котором первая часть имени была переведена: ὁ καταλειφθεὶς Ἰασοῦβ ὁ υἱὸς σου, где καταλειφθεὶς – причастие пассивного аориста от глагола καταλείπω ‘оставлять (в т.ч. после себя или в наследство), сохранять’ [Alpha]. Закономерным образом в ряде списков Паримейника появилась форма оставленыи – например, в Зах: и **оставленыи** асувь снъ твои (л. 65 об.). Однако вторая часть имени осталась в греческом без перевода, и в целом имя оказалось трудным для понимания славянских книжников. При корректном чтении в Зах мы наблюдаем в других источниках различные искажения, затрагивающие как первую, так и вторую часть имени: и ослабленыи соугоубъ (Фед л. 10 об., Козм л. 42), и оставлены на сонъ (Тр4 л. 26 об.). В Григ это чтение также неточно, однако по характеру неточности не совпадает с восточнославянскими: **встави ны** асоувъ снъ твои (л. 29/33). Налицо попытки конъектуры, в результате которых создаются новые единицы текста и новые синтаксические связи. Здесь

факторами варьирования оказываются, с одной стороны, осложненная ситуация «перевода перевода», а с другой – бытование текста, когда искажения возникают при переписывании.

Таким образом, фонетико-орфографическая и грамматическая рецепция библейских личных имен в восточнославянских списках Паримейника XII–XIV вв. сопровождается влиянием следующих факторов: вариативность в греческой рукописной традиции, отраженная в переводе; закономерности развития общеславянской фонетической системы; попытки грамматического освоения иноязычных форм, внешне схожих с хорошо знакомыми славянскими, и рационализирующей конъюнктуры в синтагме.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18001).

Литература

Михайлов А.В. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Часть I. Паримейный текст / А.В. Михайлов. – Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1912. – 460 с.

Цитата из Библии – Цитата из Библии. Софт-твари: бесплатный христианский софт // JesusChrist.ru – сервер христианского общения. 1999–2021. – URL: <http://jesuschrist.ru/software/bqt5.exe> (дата обращения: 08.10.2022).

Alpha. Древнегреческо-русский словарь И.Х. Дворецкого // Version: 3.0. Release: 1 May, 2005. Alpha. Copyright 2005 Sergey Gurin: [программное обеспечение]. – URL: <http://www.gurin.tomsknet.ru/alpha.html> (дата обращения: 08.10.2022).

SJS – Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae palaeoslovenicae). I–IV. – Praha: Nakl. Československé akademie věd, 1966–1997.

**О лингвистических особенностях апостольских чтений
в раннедревнерусских рукописях
(на материале исторического корпуса Манускрипт)**

*древнерусская письменность, исторический корпус
Манускрипт, паримейник, апостол, раннедревнерусские
рукописи*

Большая часть дошедших до нас раннедревнерусских рукописей представлена церковно-книжными текстами. Такие памятники являются ценным материалом для изучения как языка древнейших переводов, так и важным источником, содержащем свидетельства о бытовании древнерусского языка на раннем этапе его развития [Крысько 2007: 12]. Одним из важнейших сакральных текстов является Апостол, значимость свидетельств которого для изучения истории русского языка переоценить сложно [Новак 2017: 59]. Апостольские чтения также являются составной частью ряда книг литургического, богослужебного жанра, в том числе и паримейников.

В данном докладе обсуждаются лингвистические особенности чтений из Апостола, представленных в Лазаревском паримейнике XII в. (далее – Лаз) [Жолобов 2020: 90, прим. 1] в сопоставлении с текстом Христинопольского Апостола XII в. (далее – АпХр). Отметим, что Лаз является самым ранним списком древнеславянского паримейника из числа сохранившихся; ХрАп, в свою очередь, является одним из самых ранних сохранившихся списков толкового Апостола.

В качестве иллюстрации в рамках данной статьи рассмотрим апостольское чтение, содержащее фрагмент 1Ин. 3:21-4:6 (л. 114-114 об. в Лаз; 74 об. – 75 об. в АпХр.). Лингвистический анализ проводится на материале машиночитаемых интернет-изданий портала «Манускрипт».

Прежде всего, следует отметить, что текст Лаз содержит некоторые лакуны, поскольку представляет избранные чтения (здесь и далее титла раскрыты, выносные буквы записаны в строке в скобках, лигатура ук имеет начертание у, еры – ы, а йотированное обозначено графемой я).

Ср.:

	Лаз	АпХр
1Ин. 4:2-4:3	w семь ра/зоумѣваете ду/хъ б(о)жиѣ • всакъ/ д(оу)хъ исповѣда/ють • і(исоу)с(а) х(рист)а въ плъ/ти пришьдѣша / w б(ог)а нѣсть • и се/ юсть антих(рист)ъ • югоже слышасте яко градеть • и ны/нѣ въ мирѣ юсть / оуже (л.114-114об.)	ṡ сего разоумѣ/те б(о)жиѣ и д(оу)хъ лѣстьчѣ • <u>всакъ д(оу)хъ/ иже исповѣдають і(исоу)с(а) х(ри)с(т)а • въ плъ/ть пришьдѣша • ṡ б(ог)а юсть • и всакъ д(оу)хъ иже не исповѣдають і(исоу)с(а) х(ри)с(т)а • нѣсть ṡ / б(ог)а</u> • и се юсть антих(ис)тъ • югоже вы / слышасте яко градеть • и нынѣ / въ всемъ мирѣ юсть (л. 75)
1Ин. 4:6	мы ṡ ни/хъ нѣсмъ • вѣды/и б(ог)а послушае/тъ насъ (л. 114об.)	мы же ṡ б(ог)а юсмъ • разоумѣя б(ог)а / послушають насъ • <u>а иже нѣсть ṡ / б(ог)а не послушають насъ • ṡ сего ра/зоумѣемъ д(у)хы истинны • и д(у)хы / лѣстивы</u> (л. 75об.)

Среди графико-орфографических особенностей, отличающих данные рукописи можно отметить следующие черты: палатальность /n'/', /l'/' в АпХр в ряде случаев передана при помощи надстрочной точки и йотированных букв, что не характерно для Лаз. Также в АпХр в редких случаях наблюдается маркирование вторично смягченных согласных. В АпХр маркируется также начальный диграф *ou*. Ср.:

	Лаз	АпХр
1Ин. 3:21	възлюблениѣ (л. 114)	възл'юблениѣ (л. 74об.)
1Ин. 3:22	ṡ него; съблюдаемъ; прѣ/дъ нимъ (л. 114)	ṡ нѣго; бл'юдемъ; прѣдъ н'имъ (л. 74об.)
1Ин. 3:23	любимъ (л. 114)	л'юбимъ (л. 74об.-75)
1Ин. 3:24	съблюдая; въ/ немъ; въ не/мъ (л.114)	събл'юдая; въ нѣмъ; въ нѣмъ (л. 75)
1Ин. 4:1	възлюбле/нии (л. 114)	възл'юблениѣ (л. 75)
1Ин. 4:3	ны/нѣ (л. 114-114об.)	нынѣ (л. 75)
1Ин. 4:4	болиѣ (л. 114об.)	бол'ии (л. 75-75об.)

На графико-орфографическом уровне в рассматриваемом фрагменте апостольского чтения также отмечен один пример сохранения редуцированного в слабой позиции в Лаз. Ср. чтение 1Ин. 4:1: **вЪсако/моу** (Лаз., л. 114) и **вСакомоу** (АпХр, л. 75).

Некоторые отличия наблюдаются при сопоставлении глагольных форм. Как правило, различия обусловлены выбором различных лексем при переводе (см., например, использование приставочных дериватов в Лаз во фрагменте 1Ин. 3:22), значительно реже встречаются случаи использования различных глагольных форм в одном и том же контексте (см., например, использование аориста для атематического глагола *дати* в Лаз. и перфекта со связкой в АпХр во фрагменте 1Ин. 3:23). Ср.:

	Лаз	АпХр
1Ин. 3:22	вѣ/спросимъ; съблю- даемъ, сътвори/мъ (л. 114)	просимъ, бл'юдeмъ, твo- римъ (л. 74об.)
1Ин. 3:23	вѣ/роуемъ; дасть (л. 114)	вѣроу имемъ; далъ естъ (л. 74об.-75)
1Ин. 3:24	сего ради вѣ/мъ (л.114)	ѡ сего разоумѣемъ (л. 75)
1Ин. 4:1	вѣроу / юмлѣте (л. 114)	вѣры имѣте (л. 75)
1Ин. 4:5	г(лаго)леть (л. 114-114об.)	г(лаго)лють (л. 75об.)

Во фрагментах с лексемой *миръ* в АпХр отмечается использование определительного местоимения *всь*, которое отсутствует в Лаз. Примечательно, что писец АпХр во фрагменте чтения 1Ин. 4:5 исправляет «ошибку», вычеркивая излишнюю лексему. Ср.:

	Лаз	АпХр
1Ин. 4:1	вѣ/ миръ (л. 114)	вѣ вь миръ (л. 75)
1Ин. 4:3	вѣ мирѣ (л. 114-114об.)	вѣ всемъ мирѣ (л. 75)
1Ин. 4:4	вѣ/ мирѣ (л.114об.)	вѣ всемъ мирѣ (л. 75-75об.)
1Ин. 4:5	ѡ ми/ра; ѡ мира (л. 114об.)	ѡ всегo ми/ра; ѡ всегo мира (л. 75об.)

В результате проведённого анализа можно отметить определённое сходство двух раннедревнерусских памятников в области отражения графико-орфографических и грамматических особенностей. Большая часть различий связана либо с индивидуальными особенностями правописных систем писцов (см. маркирование палатальных и палатализованных в АпХр), либо проявляется на лексическом

уровне, что может указывать на расхождения в разных редакциях исходных греческих текстов.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18001).

Источники

АпХр – Христинопольский апостол, XII в., 299 л. (Национальная библиотека Украины имени В.И. Вернадского, ИР, ф. VIII, № 3, лл. 1–8; Львовский исторический музей, ОР, № 37, лл. 9–299). – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=94065041 (дата обращения: 10.10.2022).

Лаз – Лазаревский (Сковородский) паримейник, XII в. (РГАДА, Тип. 50. 126 л.). –URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=99829379 (дата обращения: 10.10.2022).

Литература

Жолобов О.Ф. Диагностические глагольные формы в древнерусских паримейниках и Толстовском сборнике XIII в. // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2020. – № 1: Грамматические процессы и системы в диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка. – С. 88–105.

Крысько В.Б. Очерки по истории русского языка / В.Б. Крысько. – М.: Гнозис, 2007. – 423 с.

Новак М.О. Феноменология и типология ошибок в древнерусских списках Апостола XII–XIV вв. // Slověne = Словѣне. – 2017. – № 1. – С. 290–306.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Абдрахманова Регина Ренатовна
Солнышкина Марина Ивановна

Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 81

Основные параметры для проверки сложности текста при помощи метода окулографии на примере синтаксических конструкций

*сложность текста, метод окулографии, лингвистическая
статистика, параметры, eye-tracker*

Существует множество способов визуализации отслеживания глаз, позволяющих наблюдать динамику и направление взгляда человека. Одним из таких способов является метод окулографии или айтрекера (eyetracker) [Барабанщиков 1994: 88].

Метод окулографии (или айтрекера) выявляет комплексный и полный анализ прочитанного респондентом текста, однако не все параметры данных как правило являются необходимыми для определения объективной оценки уровня сложности того или иного текста. Помимо айтрекера есть и другие текстовые анализаторы, такие как: «Текстометр», «Rulingva» и др., однако все они не задействуют положение человеческого глаза на момент прочтения текста, как это делает камера и хост в айтрекере.

В рамках представленного исследования, нацеленного на оценку синтаксической сложности текста с помощью метода окулографии, в качестве основных критериев использовались следующие: количество фиксаций, продолжительность максимальной фиксации, средняя продолжительность фиксации, средняя амплитуда саккады, количество саккад и продолжительность работы со стимулом. В исследовании был использован окулограф модели EyeLink 1000 plus.

В ходе исследования была верифицирована гипотеза о том, что предложения, содержащие причастный оборот в препозиции, представляют большую когнитивную сложность для читателя, чем предложения, содержащие причастный оборот в постпозиции. Обязательным условием также является сохранение всех других параметров

предложения. Исследование осуществлялось с двумя группами участников, каждой из которых предлагалась только одна группа предложений – с причастным оборотом в пре- или постпозиции. При этом для исключения возможности выявления участниками цели исследования данные предложения предлагались в блоках с другими предложениями разных грамматических конструкций. Например, Писатель опровергает тезисы, написанные автором этих строк. Писатель опровергает написанные автором этих строк тезисы.

Общий объем материала исследования составили 20 предложений, одна часть которых была извлечена из **Национального** корпуса русского языка, а вторая – модифицирована. Модификация включала переструктуризацию предложения, т.е. перенос причастного оборота в препозицию определяемого слова. Для удобства два блока предложений маркировались цифрами и буквами: ОТ – оригинальный текст и МТ – модифицированный текст. Например, ОТ2 Мария вспомнила доклад, прочитанный редактором нового журнала. МТ2 Мария вспомнила прочитанный редактором нового журнала доклад.

Выборка составила 30 студентов от 2 до 4 курсов педагогического образования с двумя профилями подготовки, а также аспиранты и работники НИЛ «Текстовая аналитика» КФУ – носителей русского языка – дали согласие на добровольное и безвозмездное участие в исследовании. Алгоритм исследования утвержден Этическим комитетом КФУ.

Исследование проводилось в три этапа:

1). Отбор и тестирование участников исследования. Заполнение добровольного согласия в проведении эксперимента.

2). Прохождение калибровки на айтрекере, валидация (проверка всех показателей, ратификация). Чтение предложений с экрана (процесс регистрации глаза).

3). Обработка и анализ результатов данных.

По результатам первого этапа исследования была составлена Табл. 1, демонстрирующая метрики изучаемых параметров.

Таблица 1

Описательная статистика основных параметров

	Кол-во действ. единиц	Сред. знач.	Мин. зна- чение	Макс. значение	Станд. от- клонение
Количество фиксаций	300	12,72	4	70	5,93
Максимальная продолжительность фиксаций	300	365,04	179	1400	167,25
Средняя про- должительность фиксаций	300	185,17	96	275	30,72
Средняя ам- плитуда саккад	300	3,14	1,41	8,45	0,99
Количество саккад	300	12,01	3	69	5,89
Время работы со стимулом	300	2993,09	647	16309	1519,14

Фиксация – это точка, в которой задерживался взгляд участника эксперимента на определенное количество времени. Количество фиксаций – это наиважнейший критерий сложности текста, поскольку количество точек в предложении говорит о том, сколько раз респондент возвращался к тому или иному слову. Саккады – это отрезки, показывающие амплитуду и длину движения глаза между фиксациями. Количество саккад не менее важный показатель сложности текста (средняя продолжительность саккады 20-40 миллисекунд и чем больше их амплитуда, тем больше длительность отрезка. Время работы со стимулом – это суммарное время прочтения всех предложений одного из 2 вариантов.

На втором этапе исследования был осуществлен сам эксперимент и отбор значений, показывающих нормальное распределение: время работы со стимулом (Lilliefors $p > .20$); среднее количество фиксаций (Lilliefors $p > .15$); среднее количество саккад (Lilliefors $p > .5$); максимальная продолжительность фиксаций (Lilliefors $p > .6$).

На третьем этапе были осуществлены анализ и визуализация данных 4 параметров (см. Рис.1–4).

Как видим, при прочтении модифицированных предложений наблюдается более длительная продолжительность фиксации взгляда (343 vs 365) и среднее количество фиксации также выше (12,59 vs 12,72). Данные различия являются статистически значимыми.

Средняя продолжительность работы со стимулом визуально различается с большей амплитудой, в отличие от остальных параметров (2912 vs 2993). Количество саккад в среднем у MT также выше, чем у OT (11,87 vs 12,01). Данные различия являются статистически значимыми.

На основании полученных данных, демонстрирующих статистически значимые различия между двумя блоками предложений (OT и MT), можно утверждать, что предложения, имеющие причастный оборот в препозиции, представляют большую когнитивную трудность для читателей, дольше обрабатываются сознанием читателей и поэтому имеют большую лингвистическую сложность.

Литература

Барабанщиков В.А., Милад М.М. Методы окулографии в исследовании познавательных процессов и деятельности // Ин-т психологии РАН. – М., 1994. – 88 с.

Нейроконика А. История айтрекинга в лицах и картинках. – URL: <https://usabilityin.ru/eye-tracking-history/> (дата обращения: 15.04.2022).

Barlow H.B. Eye Movements During Fixation // From the Psychological Laboratory, University of Cambridge, 1952. – Pp. 290–306.

Wilson G.F., Russell C.A. Real-time assessment of mental workload using psychophysiological measures and artificial neural networks // Human factors. – 2003. – № 45. – С. 635–644.

**Особенности процесса метафоризации в англоязычном
массмедийном нутрициональном дискурсе
(на материале кулинарных рецептов)**

*массмедийный нутрициональный дискурс, кулинарный рецепт,
когнитивная метафора, морфологические особенности,
английский язык*

Изучение метафоры осуществляется на протяжении нескольких тысячелетий. Однако, несмотря на значительное количество работ по теме и не менее значительный накопленный опыт, исследование феномена метафоры продолжается и сегодня. Тенденция подобного рода объясняется уникальной природой метафоры и ее способностью отображать посредством аналогии различные процессы и явления действительности [Калинин 2020; Лакофф 2004; Чудинов 2004; Ширяева 2011 и др.].

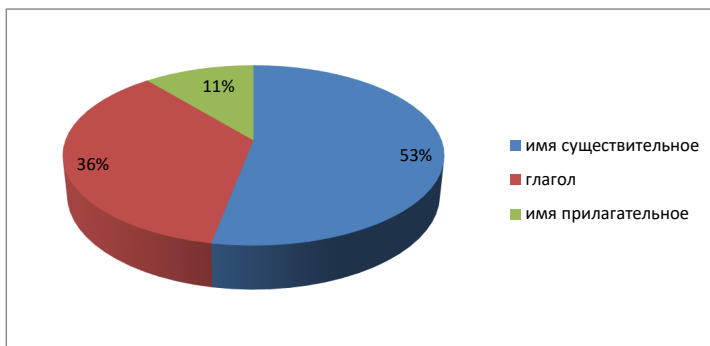
Разделяя позицию ученых относительно того, что вся жизнь человека во всех ее проявлениях метафорична [Лакофф 2004: 25 и др.], особо подчеркнем ее значимость в сфере СМИ, поскольку именно здесь метафора выступает неотъемлемым атрибутом коммуникации и эффективным средством воздействия на адресата [Милетова, Чалая 2022: 134]. Помимо этого, распространенность и разнообразие современных СМИ обеспечивают интерес ученых к языку СМИ, имеющему динамичный характер и свою уникальность [Анненкова 2011; Durant 2009].

В рамках настоящей статьи рассмотрим специфику процесса метафоризации в пространстве современных СМИ. Отметим, что исследовательским полем служит массмедийный нутрициональный дискурс, трактуемый нами как пространство устных и письменных англоязычных массмедиа, представленных, в том числе, электронными версиями журналов, затрагивающих вопросы правильного питания.

Эмпирический анализ фактического материала, включающего 500 текстов кулинарных рецептов, опубликованных в журналах Olive и Cooking light и размещенных на официальных сайтах указанных из-

дательств, показал, что, с точки зрения морфологии, в процессе актуализации метафорического значения участвуют определенные средства языка, конкретные части речи, а именно: а) имена существительные; б) глаголы; в) имена прилагательные. Каждая лексическая категория, указанная выше, имеет свой показатель частотности в пределах выборки (см. Диаграмма 1).

Диаграмма 1. Частеречные вербализаторы метафоры в англоязычных текстах кулинарных рецептов

Согласно Диаграмме 1, самым распространенным языковым средством, при помощи которого в контексте англоязычных кулинарных рецептов реализуется метафора, является имя существительное (53% всех метафорических употреблений в выборке). На наш взгляд, подобного рода тенденция объясняется прагматикой самого кулинарного рецепта и интенцией автора текста максимально эффективно представить целевой аудитории обсуждаемое блюдо, ассоциируя его с тем или иным предметом, явлением и т.д., вербализуемым семантикой имени существительного. Приведем примеры:

1). Made from roasted red peppers and chiles, **harissa** (“**Moroccan ketchup**”) is a **flavor bomb that transforms this dish** [URL: <http://www.cookinglight.com/>].

2). **Spend ten simple minutes tossing this together, and you’ll end with a deliciously filling vegetarian masterpiece** [URL: <http://www.cookinglight.com/>].

3). If you can find white sweet potatoes, use them – **they're drier and less sweet than their orange cousins**, but traditional sweet potatoes will work just fine, too [URL: <http://www.cookinglight.com/>].

В каждом из представленных выше фрагментов кулинарных рецептов наличествует метафора, ключевым семантическим элементом которой служит имя существительное: в примере (1), стремясь сделать акцент на превосходном вкусе, автор текста отождествляет обсуждаемое блюдо с **бомбой (bomb)**, способной произвести эффект и преобразовать кулинарное творение; в примере (2) содержится аналогия, в основе которой – ассоциация блюда с **произведением искусства (masterpiece)**; в примере (3) при описании необходимых ингредиентов подчеркивается идея о тесной связи продуктов и их взаимозаменяемости, в соответствии с чем, тот или иной продукт, подобно человеку, имеет «родственников» (**cousin**), наделенных схожими характеристиками. Очевидно, что в рамках анализируемых метафор именно лексемы-существительные **bomb, masterpiece, cousin** содержат компонент оценки и актуализируют собой основную метафорическую нагрузку в контексте.

Вторую позицию по степени вербализации метафорического значения в выборке занимает глагол, на долю которого приходится 36% всех случаев использования метафоры. Как правило, в этом случае подразумеваются те или иные способности блюда, т.е. подчеркивается его действенный характер и наблюдается аналогия в выполнении конкретных действий. Так, в примерах, представленных ниже, делается акцент на привлекательной стоимости продуктов и их способности разорить потенциального покупателя (пример 4), а также на удачное сочетание определенных продуктов, которые успешно образуют пару (пример 5). Полагаем, что именно семантикой соответствующих глагольных конструкций (**break the bank, pairs perfectly with**) достигается эффект метафоры и воплощается замысел автора текста.

4). **Plenty of stores, like Trader Joe's, offer diet friendly foods that won't break the bank** [URL: <http://www.cookinglight.com/>].

5). Rich brown crab **tartare sauce pairs perfectly with** delicate white crabmeat in this classic starter idea [URL: <https://www.olivemagazine.com/>].

Наконец, третью позицию по степени репрезентации в выборке занимают метафоры, актуализируемые именами прилагательными (11% от общего количества проанализированных метафор). Следует

сказать, что подобного рода метафоры, как правило, строятся по схеме Adj + N, где имя прилагательное – ключевой смысловой элемент метафоры, определяющий последующее существительное. Рассмотрим примеры:

6). These moist, **5-star pumpkin muffins get a burst of sweet and sour notes** from the dried cranberries [URL: <http://www.cooking-light.com/>].

7). **As this tempting dessert bakes**, the cake batter rises and buckles around the fruit, giving **it a wrinkled appearance** [Cooking light].

Здесь в метафорах, образованных с участием имен прилагательных, отмечаем, что лексемы-прилагательные **5-star, tempting, wrinkled**, в соответствии с прагматикой и их частеречной спецификой [Милетова 2009: 127], служат экспрессивным средством оценки блюда. Полагаем, что использование указанных языковых единиц в кулинарных рецептах является неслучайным и, несмотря на краткость и четкость самого рецепта, они актуализируют, с одной стороны, значимую информацию относительно качества, вкуса и внешнего вида продукта, с другой – определенную ассоциацию, например, с человеком (**wrinkled**).

Резюмируя все сказанное выше, отметим, что метафора играет важную роль в пространстве массмедиа и выступает, с одной стороны, способом вербализации значения оценки, а с другой – средством воздействия на целевую аудиторию. Применительно к кулинарным рецептам, представленным в англоязычных электронных тематических журналах по здоровому питанию, подчеркнем, что для реализации метафорического значения в указанных текстах преобладают определенные частеречные лексические категории (существительные, глаголы и прилагательные), каждая из которых имеет свою практическую ценность и значимость.

Литература

Анненкова И.В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. – М., Издательство Московского университета, 2011. – 390 с.

Калинин О.И. Метафора как предмет лингвистических исследований. – М.: Русайнс, 2020. – 124 с.

Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / *Metaphors we live by*. – М.: ЕДИТОРИАЛ УРСС, 2004. – 256 с.

Милетова Е.В. Из истории развития частеречных классификаций. Место прилагательного в системе языка: его значение и функции // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 1. – С. 126–131.

Милетова Е.В., Чалая Ю.П. Процесс метафоризации в дискурсе СМИ (на материале британской газеты the Guardian) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2022. – № 15. – С. 125–134.

Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование метафоры в текстах СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2004. – Т. 2. – С. 175–197.

Ширяева Т.А. Метафоры как фактор формирования бизнес-сознания (на материале современного английского языка) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 3. – С. 128–132.

Cooking light [сайт]. – URL: <http://www.cookinglight.com/> (дата обращения: 03.10.2022).

Durant A., Lambrou M. Language and Media. – Routledge, 2009. – 200 p.

Olive [сайт]. – URL: <https://www.olivemagazine.com/> (дата обращения: 03.10.2022).

**Лексико-стилистические средства актуализации
самопрезентации (на материале выступлений кандидата
в премьер-министры Великобритании Риши Сунака)**

*стратегия самопрезентации, политический предвыборный
дискурс, коммуникативная тактика*

Стратегия самопрезентации стала предметом изучения относительно недавно, но тем не менее привлекла внимание исследователей из разных научных направлений. На сегодняшний день существует значительное количество определений данного феномена.

По мнению А.М. Борис, самопрезентация представляет собой значимую с коммуникативной точки зрения стратегию, предполагающую речевое воздействие на адресата с целью произвести благоприятное впечатление и достичь поставленных адресантом целей [Борис 2018: 4].

Другие исследователи описывают самопрезентацию как самоподачу, навык управления впечатлением, признак социального поведения и презентация желаемого имиджа аудитории [Демешкина 2020, 24: 47].

Принимая во внимание все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что данное понятие не имеет единого и общепринятого определения.

Однако, ученые-лингвисты сходятся во мнении, что при помощи названной стратегии индивид стремится создать выгодный для себя образ в глазах аудитории, манипулировать ею, а также решить поставленные перед собой задачи. Наиболее активно данная стратегия применяется в политической сфере. По мнению И. Гофмана, в процессе коммуникации с аудиторией политический деятель, как и любая другая личность, стремится «мобилизовать свою активность» с целью демонстрации своего выгодного образа, расположения аудитории к себе и своим идеям и решить поставленные перед адресантом задачи [Гофман 2000: 203].

Изучая тексты политической проблематики, ученые выделяют так называемый политический дискурс. Важно отметить, что на сегодняшний день в отечественной науке отсутствует единое мнение относительно дефиниции этого понятия. По мнению некоторых ученых, данный вид дискурса представляет собой общепринятую категорию политической коммуникации, продиктованную общественно-историческими условиями и усиленную интерпретационными клише политических текстов [Суханов 2017: 147].

Политический дискурс является достаточно сложным и многогранным явлением. Ученые выделяют множество его подвидов: президентский дискурс, дискурс политического режима (монархии, тоталитаризма, демократии и т.д.), предвыборный дискурс и ряд других. В данной статье интерес для нас представляет реализация стратегии самопрезентации посредством коммуникативных тактик в предвыборном дискурсе, так как на наш взгляд, данный процесс остается недостаточно изученным.

Рассмотрим этот процесс на примере речи кандидата в премьер-министры Великобритании – Риши Сунака [Rishi], который в начале своего выступления произносит интересную с точки зрения самоподачи фразу: *Be in no doubt I am the underdog.* (Не сомневайтесь, я – аутсайдер) (здесь и далее перевод наш. – И.А.).

Кандидат на пост премьер-министра использует по отношению к себе существительное *underdog*. Longman Active Study Dictionary дает следующую дефиницию данному слову: «the person or team in a game or competition that is not expected to win» [Longman]. Исходя из этого определения можно сделать вывод, что человек, по отношению к которому употребляют данную лексическую единицу, не имеет шансов одержать верх над соперником. На наш взгляд, использование подобного слова следует воспринимать в контексте политической ситуации.

На момент произнесения речи большинство аналитиков склонялось к тому, что победу в борьбе за пост премьер-министра одержит конкурент Сунака – Лиз Трасс. Подчеркивая тот факт, что он начинает кампанию как неудачник, Сунак демонстрирует свою честность перед избирателями, что, по нашему мнению, можно считать проявлением тактики передачи объективной информации о себе. В следующих же высказываниях политик заявляет аудитории, что он не просто готов говорить о проблемах страны, но и предлагать те пути решения, благодаря которым население Великобритании сможет улучшить свой уровень благосостояния: ... *I don't just offer change. I don't just offer*

grip. I'm offering hope (... я не просто предлагаю перемены. Я не просто предлагаю проведение иной политики. Я предлагаю надежду).

По нашему мнению, данный элемент речи можно отнести к актуализации тактики обещания. Помимо этого, следует обратить внимание на использование такого стилистического средства как повтор, а именно анафоры: *I don't just offer ... I don't just offer*, которая играет значительную роль в повышении эмфатической выразительности высказывания [Таюпова 2019: 222]. Используя данный прием, Риши Сунак делает дополнительный акцент на своей предвыборной программе.

Далее кандидат останавливается на проблемах, которые на его взгляд являются наиболее серьезными – проблемы в сфере здравоохранения, нелегальная миграция и экономические трудности.

Говоря о сложностях, с которыми столкнулась система здравоохранения Великобритании, Риши Сунак использует тактику самовосхваления: *I'm the candidate in this contest who can say unequivocally the NHS will be safe in my hands* (Я являюсь тем кандидатом в этой гонке, который может однозначно сказать, что Национальная служба здравоохранения будет в безопасности в моих руках).

Также важно обратить внимание на то, что адресант употребляет метафору *NHS will be safe in my hands* (в моих руках), которая «способна не только вызвать у адресатов эмоциональные ассоциации, но и помочь им наглядно представить, а также глубже осознать сущность объективной ситуации» [Таюпова 2022: 92].

Помимо этого, при обсуждении проблем в сфере здравоохранения и миграции, адресант активно использует тактику интеграции, реализуемой в речи при помощи анафоры, а именно – повтора местоимения первого лица множественного числа *we* (мы): *We need a fundamentally different approach. We will take the best of our covered response and apply those lessons to clearing the massive backlog in the NHS.* (Нам нужен кардинально иной подход. Мы возьмем лучшее и применим это для преодоления большого отставания в сфере здравоохранения); *...we must be tougher, and we must be uncompromising...* (... мы должны быть жестче, и мы должны быть бескомпромиссны ...).

Затрагивая вопросы миграции, Риши Сунак использует метафору *product of immigration* (плод иммиграции) и тем самым, на наш взгляд, стремится вызвать симпатию и сочувствие аудитории: *and as someone who is the product of immigration and the warm and welcoming embrace of this country I know it can work but only legally* (и как тот, кто

сам является плодом иммиграции, и теплых объятий этой страны, я знаю, что данный процесс может работать только на основании закона).

Обращаясь к экономической ситуации, кандидат на пост премьер-министра снова использует тактику самовосхваления: *I've already made real progress as chancellor* (Будучи министром финансов, я уже добился видимого прогресса). Адресант использует эпитет *real progress* (видимый прогресс), который акцентирует внимание реципиентов на уже имеющихся у кандидата успехах и придает речи динамичность.

Таким образом, мы рассмотрели лексико-стилистические средства актуализации стратегии самопрезентации. Было установлено, что кандидат на пост премьер-министра использует с этой целью определенные лексические единицы и следующие стилистические приемы: анафору, метафору и эпитет.

Литература

Борис Е.М. Речевая стратегия самопрезентации в немецкоязычном имиджевом интернет-дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Архангельск, 2018. – 199 с.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с. англ. – М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. – 302 с.

Демешкина Т.А., Толстова М.А. Коммуникативная стратегия самопрезентации в женском диалектном дискурсе (на материале автобиографических рассказов) // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2020. – № 24. – С. 47–67. – DOI: 10.17223/23062061/24/3.

Суханов Ю.Ю. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Т. 9. – № 1. – С. 200–212. – DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-200-212.

Таюпова О. И. Концептуальная метафора и метонимия в немецком экологическом интернет-дискурсе // Немецкий язык в Башкортостане: проблемы и перспективы: мат-лы XV Всероссийской научно-практич. конф. с международным участием (г. Уфа, 29 апреля 2022 г.). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. – С. 91–95. – DOI: 10.33184/NYVB-2022-04-29.15

Таюпова О. И. Повторы и их роль в текстах различных дискурсов // Вестник Башкирского университета, 2019. – Т. 24. – № 1. – С. 220–224.

Longman Study Active Dictionary. – 5th edition. – Person Education Limited. – 1040 pages.

Rishi Sunak delivers campaign speech. – URL:
<https://www.youtube.com/watch?v=CvdqiyYTFel> (дата обращения:
01.10.2022).

**Гендерные особенности стратегии самопредъявления
в текстах объявлений международного сайта знакомств**

*самопредъявление, текст объявления, сайты знакомств,
интернет-пространство*

В современную эпоху интернационализации и цифровизации основной информационной средой выступает Интернет-пространство [Таюпова 2020], где с помощью телекоммуникационных технологий развивается, самовыражается, реализует коммуникационные потребности и получает разнообразные возможности для организации досуговой деятельности современный человек.

Особый интерес для исследователей представляют сайты знакомств, где человек с помощью текстов объявлений имеет возможность реализовать свою потребность в аффилиации. Объявления о знакомстве являются популярным способом начать коммуникацию, преследуя различные цели: для романтических свиданий, поиска партнера, переписки, серьезных matrimониальных отношений. Следует отметить, что успешность интернет-коммуникации зависит от эффективного самопредъявления коммуникатора в представленных текстах знакомств.

В лингвистических исследованиях самопредъявление анализируется на материале научного (В.И. Карасик, В.В. Овсянникова, У.В. Хоречко, В.Е. Чернявская), политического (Н.Д. Арутюнова, Т.А. ван Дейк, А.А. Карамова, О.И. Таюпова, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал), автобиографического (С.В. Волошина, В.В. Минзюкова, А.В. Тараринов, Т.Г. Шамонина), рекламного (Г.А. Золотова, С.О. Калганова, А.А. Карева, Е.В. Медведева, Б.П. Паршин, Ю.К. Пирогова), интернет-дискурса (Н.Г. Асмус, Е.Н. Галичкина, Р.А. Газизов, И.Г. Горошко, Л.М. Зайнуллина, D. Crystal, S. Herring, F. Yildmm, T. Tahiroglu) и других типов дискурса.

В данной работе самопредъявление рассматривается в ракурсе интернет-дискурса как коммуникативная стратегия, которая представляет собой демонстрацию человеком личностных характеристик

с помощью совокупности речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи адресата [Иссерс 2003]. При этом каждая коммуникативная стратегия реализуется с помощью разнообразных тактик, в основе которых практические действия в процессе речевого взаимодействия соотносятся с определенными намерениями коммуниканта [Кашкин 2000: 27].

Актуальность исследования обусловлена активным развитием интернет-коммуникации в сфере межличностных отношений и необходимостью их изучения, в том числе, на основе лингвистического анализа речевого самопредъявления в публикуемых на сайтах знакомств анкетах. При этом на основе анализа тактико-стратегических средств и гендерной специфики, представленных в текстах объявлений, можно выделить речевые способы, которые коммуникатор использует для произведения впечатления на участников взаимодействия и достижения цели коммуникации.

В лингвистических исследованиях категория «гендер» представляет собой «конвенциональный идеологический конструкт, в котором аккумулированы представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данной культуре» [Кирилина 2000: 31]. Этот феномен соотносят с моделями речевого поведения, которые приписывают мужчинам и женщинам на основе их биологического пола. Следует отметить, что существуют типичные стратегии и тактики, характерные для коммуникативного поведения женщин и мужчин, которые актуализируются благодаря языку. Мы вслед за И.П. Шкуратовой считаем, что пол и связанные с ним социальные ожидания отражаются на выборе речевых стратегий и тактик самопредъявления личности, определяя создаваемый образ [Шкуратова 2009: 106].

Цель исследования – выявить специфику самопредъявления британских мужчин в интернет-коммуникации на основе публикуемых ими текстов объявлений.

В качестве материалов исследования выступили англоязычные тексты объявлений, размещенные на международном сайте знакомств www.russiancupid.com. Всего использовано 75 объявлений, составленных британскими мужчинами в возрасте 45–55 лет. Отметим, что в интернет-пространстве пользователи создают персональные профили («personal profile»), в которых указывают сведения о себе и желаемые качества предполагаемого партнера по коммуникации и заполняют их по шаблону, предлагаемому администрацией сайта.

Мы проанализировали тексты объявлений о знакомстве, используя гиперстратегию «самопредъявление» и субстратегию «самоописание». В нашем исследовании названная субстратегия реализовывались посредством таких тактик как «описание индивидуально-типологических особенностей», «описание социально-демографических особенностей», «описание индивидуальных предпочтений», «проявление инициативы».

Тактика «описание индивидуально-типологических особенностей» выражается с помощью характеристики личностных особенностей, внешности, черт характера, интеллектуальных и волевых способностей, собственных ресурсов, например: *I'm a Strong minded man that cares for everyone that's close to him and can look at things from other people's perspectives, turn the problem round and look with your other eyes, and you can lean on me I won't fall over. I'm ambitious I'm driven and I don't give up that easily, if you're looking for a wet drip I'm not him!* (Я мужчина сильный духом, который заботится обо всех, кто ему дорог, и могу смотреть на проблему глазами других людей, и ты можешь положиться на меня, я не подведу! Я амбициозный, целеустремленный, упорный, если вы ищете слабака, я не он!) (здесь и далее перевод наш. – Е.А.). В данном примере гендерная специфика выражается с помощью акцентирования внимания на принадлежности к мужскому полу, типичных личностных особенностях и волевых способностях мужчин, а также принятии на себя ответственности, что выражается такими лексическими единицами как *I'm a Strong minded man, you can lean on me, I'm ambitious I'm driven and I don't give up that easily*.

Приведём еще один пример: *I am a kind, genuine and very romantic English gentleman. I am full of love and affection for the right person. I am not a game player and am very serious about my intentions.* (Я добрый, искренний и романтический джентльмен из Англии. Я полон любви и привязанности к моему избраннику. Я не легкомысленный и настроен на серьезные отношения). На этом примере гендерные особенности проявляются при помощи слова *gentleman*, которое также подчеркивает половую принадлежность.

Переходя к тактике «описание социально-демографических особенностей», можем сказать следующее. Эта тактика отражает сведения о биографических данных автора самопредъявления: возрасте, профессии, месте жительства, семейном положении, наличии детей. Ср.: *I'm a man of 45 years old. I am currently based in London but looking*

to come to Philippines. I am divorced and have 2 children. (Я мужчина. Мне 45 лет. На данный момент я проживаю в Лондоне, но ишу возможность переехать на Филиппины. Я разведен, у меня 2 детей.). В данном примере гендерное своеобразие подчеркивается с помощью обозначения половой принадлежности: *I'm a man. I am divorced.*

Используя тактику «описание индивидуальных предпочтений», автор текста объявления сообщает информацию о своих интересах, пристрастиях, проведении досуга и хобби. Не вызывает сомнений, что мужчины и женщины различаются как потребностями, интересами, увлечениями, так и имеющимися возможностями, что в свою очередь, выражается в досуговой деятельности. В перечисленных ниже примерах гендерная особенность подчеркивается выбором хобби. Среди увлечений чаще всего мужчины указывают игру на музыкальных инструментах, увлечение боевыми искусствами, например: *I like to play the guitar* (Я люблю играть на гитаре); *I prefer to play the drum* (Я предпочитаю играть на барабане); *I like rock climbing and martial arts* (Мне нравится заниматься скалолазанием и боевыми искусствами).

Тактика «проявление инициативы» используется автором самопредъявления для обозначения собственных позиций относительно правовых основ взаимоотношений с партнером по коммуникации. Гендерная специфика данной тактики выражается при помощи употребления представителем мужского пола таких высказываний, как *Please note I am looking to meet slim sporty lady only!* (Обратите внимание, я ишу только стройную и спортивную женщину!). *Talk to me, you'll be glad you did!* (Поговори со мной, ты будешь этому рада!).

Таким образом, гендерные особенности самопредъявления в текстах объявлений о знакомстве британских мужчин выражаются при помощи определенного набора лексических средств, которые подчеркивают гендерную идентичность мужского пола и позволяют представить себе классический образ мужчины.

Литература

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд-е 3-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.

Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: учеб. пособие. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. –175 с.

Кирилина А. В. О применении понятия «гендер» в русскоязычном лингвистическом описании / А.В. Кирилина // Филологические науки. – 2000. – № 3. – С. 28–36.

Таюпова О.И. Современный интернет-дискурс в лингвокультурном пространстве // Язык для специальных целей: система, функция, среда: Мат-лы VIII Международной научно-практической конф. (г. Курск, 14–15 мая 2020 г.). – Курск: ЮЗГУ, 2020. – С. 416–421.

Шкуратова И.П. Самопредъявление личности в общении. – Ростов на Дону: изд-во ЮФУ, 2009. –192 с.

Russiancupid: сайт знакомств. – URL: <https://www.russiancupid.com> (дата обращения: 15.09.2022 г.).

Батулина Анна Валерьевна
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого
УДК 81

**‘Дух пытливости и желание увидеть чудеса природы’:
познавательная активность как средство формирования
индивидуального лексикона**

когнитивная лингвистика, лексикон, языковая личность

Одной из актуальных задач когнитивной лингвистики является исследование взаимозависимости субъективированных знаний о мире и языковой семантики [Караулов 2006: 174; Попова, Стернин 2007: 61]. Объектом нашего внимания является отраженное в художественном тексте влияние акта познания на процесс развития лингвокогнитивной составляющей индивидуального лексикона.

Ситуация расширения индивидуального внеязыкового опыта является сюжетообразующей особенностью жанра путешествия, в основе которого ‘описание путешественником достоверных сведений о каких-либо, в первую очередь незнакомых или малоизвестных, странах, землях, народах’ [Гуминский 1987: 314].

Роман Н. А. Лейкина ‘Где апельсины зреют’ [Лейкин 2019] – юмористическое описание поездки купца Николая Ивановича Иванова, его жены Глафиры Семеновны и их приятеля купца Ивана Кондратьевича Конурина в Италию. Герои Н.А. Лейкина – малообразованные люди, плохо знающие иностранные языки, историю и географию, – постоянно оказываются в трагикомических ситуациях, обусловленных непониманием чужого языка и культуры. Поскольку автор, в силу установки на комический эффект, несколько утрирует трудности, с которыми сталкиваются персонажи при обретении новых знаний о мире, коммуникативное поведение купеческой четы Ивановых, как нам представляется, может служить удачной иллюстрацией процесса развития лингвокогнитивной составляющей индивидуального лексикона в ситуации обретения нового знания и его оязыковления.

Причиной познавательной активности персонажей является нарушение автоматизма восприятия, вызванное встречей с неизвестным, осознание несовпадения энциклопедических знаний о жизни в

Европе с актуальной реальностью. Можно выделить два типа изменений индивидуального лексикона, представленных в тексте: расширение объема тезауруса благодаря усвоению новых понятий и обогащение уже существующих концептов через знакомство с культурой и бытом европейцев.

Появление новых единиц на лингвокогнитивном уровне происходит в типичной для рассматриваемого текста ситуации, когда героям требуется опознать географические и национально специфичные культурные объекты. При приобретении и сохранении в сознании знаний о мире большое значение имеет установка, мотивация: 'с избирательностью узнавания тесно связана его пристрастность, обусловленная тем, что узнавание всегда преломляется через мотивы и потребности субъекта психического отражения и реализуется на определенном эмоционально-оценочном фоне' [Залевская 2005: 287]. Избирательность познающего субъекта в выборе объекта познания иллюстрируют многочисленные контексты, в которых персонажи демонстрируют полное безразличие к отвлеченным понятиям и историческим сведениям, однако проявляют устойчивый интерес к вопросам, связанным с повседневной практической жизнью.

По репликам, посвященным одному и тому же объекту восприятия, можно проследить процесс возникновения, развития и изменения содержания единиц индивидуального тезауруса. Например, процесс обрастания концепта 'Ницца' набором индивидуальных ассоциаций иллюстрируют контексты:

– *Ну, город!* – проговорил Конури́н. – *Как же здесь по ночам-то? Ведь это значит, коли ежели кто-нибудь на тебя ночью нападет, то сколько хочешь 'караул' кричи, так к тебе никто и не прибежит. А еще говорят цивилизация* [Лейкин 2019: 77];

– *А и здорово же я вчера хватил этого проклятого коньячищи! А все Ницца, чтобы ей ни дна ни покрышки! Такой уж, должно быть, пьяный город. Пьяный и игорный <...>* [Лейкин 2019: 92–93].

Таким образом, для Конурина определяющими для слова-декриптора 'Ницца' являются признаки 'не охраняемое городским местом', 'место, в котором пьют и играют'.

Энциклопедические знания о Ницце Глафиры Семеновны дополняются эмпирическими сведениями, полученными от ее нового знакомого Капитона Васильевича:

– ... *Ведь мы в Ницце, в аристократическом месте <...>* [Лейкин 2019: 69];

– *Русские... – улыбалась Г.С. – Правду Капитон Васильевич ска- зывал, что здесь в Ницце русских много. И замечательно... – при- бавила она [Лейкин 2019: 85].*

Как следует из приведенных контекстов, в представлении Гла- фиры Семеновны Ницца – это ‘аристократическое место’, ‘место, где много русских’, ‘место, где состоялось приятное знакомство с Капито- ном Васильевичем’, которого Глафира Семеновна ошибочно при- няла за аристократа.

После неудачного опыта игры на деньги концепт ‘Ницца’ у всех трех персонажей приобретает новый ассоциативный признак, преоб- ладающий над всеми появившимися ранее: ‘город, в котором проиг- рано много денег’. Приведенные контексты иллюстрируют отмечае- мую исследователями тенденцию к иерархическому способу органи- зации единиц тезауруса [Караулов 2006: 172].

В репликах персонажей объективируется обогащение содержа- тельными компонентами единиц индивидуального лексикона, прежде всего – представляющих заграничные реалии, имеющие соответ- ствия в России: ‘извозчик’, ‘ресторан’, ‘железная дорога’, ‘женщина’, ‘иностранец’, ‘француз’, ‘англичанин’, ‘итальянец’, ‘закуска’, ‘стои- мость товаров и услуг’, например:

– *А извозчики здесь полированные. Видите, какие стоят? Ведь это извозчики. Здесь на них даже нет извозчичьей одежды, как на парижских извозчиках. Так же одеты, как вы с Николаем Ивановичем: пиджачная пара, шляпа котелком и при часах и цепочке [Лейкин 2019: 77].*

Типичной для романа является ситуация, в которой персонажи осознают несовпадение сформировавшихся у них представлений о жизни в Европе с актуальной действительностью:

... – *То есть скажи мне в Питере, что на заграничных желез- ных дорогах стакана чаю на станциях достать нельзя – ни в жизнь бы не поверил [Лейкин 2019: 22];*

– *И, матушка, здесь придумают! Здесь специалисты. Скажи мне в Петербурге, что можно проиграть триста французских четвертаков в детскую вертушку с лошадками и поездами – ни в жизнь не поверил бы, а вот они проиграны у меня [Лейкин 2019: 97].*

Как показывают контексты, узнавание нового не всегда заканчи- вается его принятием:

– *А обер-кельнер говорит, что это у англичан самый любимый салат к жаркому.*

– Провались он со своими англичанами! Да и врет он. Где англичанам такую еду выдержать, которую уж русский человек не может выдержать! [Лейкин 2019: 191].

Такого рода примеры, как нам представляется, свидетельствуют об устойчивости когнитивных признаков отдельных концептов.

Поиск сходства и различия между европейскими и российскими реалиями осуществляется персонажами с учетом освоенных ими социальных и культурных норм, приобретенных представлений и оценок:

– Ведь вот здесь в Риме позволяют развалившимся постройкам рядом с хорошими домами стоять, не боятся, что кого-нибудь они задавят, а будь это у нас в Питере – сейчас бы эти самые развалины приказали обнести забором – ломай и свози кирпич и мусор куда хочешь [Лейкин 2019: 208].

Итак, несмотря на то, что почти все персонажи романа Н. А. Лейкина относятся к одному и тому же лингвокультурному типуажу, в большинстве сцен романа совместно принимают участие в коммуникации и, как следствие, в познавательной деятельности, выбор объекта восприятия и появляющиеся в результате акта познания ассоциативные признаки познаваемого являются индивидуальными. Обширное номинативное поле, обнаруживаемое в большом количестве языковых средств обозначения концептов и их ассоциативных признаков, имеют коммуникативно релевантные единицы тезауруса, объективирующие предметы, признаки, ситуации, имеющие соответствия в России, а также так или иначе отражающие субъективные ценностные установки персонажей.

Литература

Гуминский В.М. Путешествие // Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987. – С. 314.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М., 2005. – 542 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М, 2006. – 264 с.

Лейкин Н.А. Где апельсины зреют: Юмористическое описание путешествия супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых по Ривьере и Италии // Где апельсины зреют: Юмористи-

ческое описание путешествия супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых по Ривьере и Италии; Дачные страдальцы: [Шесть] юмористических рассказов. – М., 2019. – С. 13–370.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебное издание. – М., 2009. – 314 с.

**Лингвистические исследования с применением eye-tracking
в области образования и науки**

*айтрекинг, количество фиксаций, длительность фиксаций,
эксплицитность, эксперимент*

В статье предложен алгоритм использования метода окулографии для оценки сложности текста.

Исследование осуществлялось для тестирования следующей нулевой гипотезы: сложность предложения, содержащего деепричастный оборот, выше сложности его синтаксического аналога с глаголом в личной форме. В качестве критерия сложности текста использован индекс длительность фиксации. А при сравнении чтения испытуемых в качестве основной единицы измерения использовалась средняя продолжительность фиксации взгляда на слове, т.е. «среднее количество времени в миллисекундах, затраченное на чтение тестируемого слова». Таким образом, нулевая гипотеза конкретизируется следующим образом: длительность фиксации взгляда на сложных словах выше длительности фиксации взгляда на простых словах. В представленном исследовании данная гипотеза тестируется на двух группах предложений, отличающихся формой глагола: длительности фиксации на деепричастии «пронзая» в предложении «Ущелье, пронзая хребты, тянется на многие километры» выше, чем длительность фиксации на глаголе «пронзает» в предложении «Ущелье пронзает хребты и тянется на многие километры».

Анализ производился на материале 12 предложений из художественной литературы. Источником предложений послужили тренировочные варианты ЕГЭ по русскому языку [Дистанционная]. В эксперименте приняли участие 70 студентов 4 курса Казанского федерального университета.

Алгоритм исследования включал следующие этапы: 1) сбор материала для чтения – 12 предложений и их последующая модификация; 2) распределение 70 испытуемых на две равные группы по 35 человек, инструктаж и настройка айтрекера; 3) чтение

12 предложений каждым испытуемым; участники группы А читали предложения с глаголом, участники Б читали предложения с деепричастием; 4) сравнительный анализ полученных результатов – длительности фиксаций взгляда на глаголе и деепричастии.

Данные длительности фиксации взгляда при чтении представлены в таблице № 1.

Таблица 1

Данные длительности фиксации взгляда

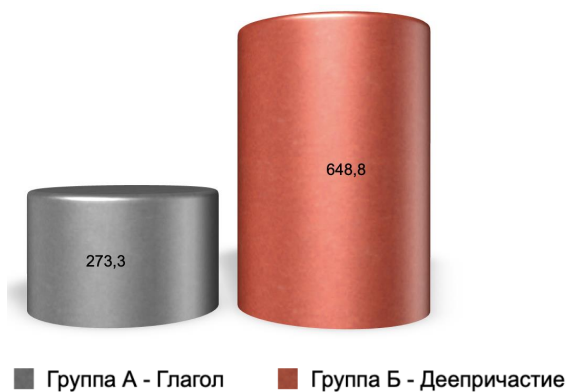
RECORDING_SESSION_LABEL	TRIAL_INDEX	IA_FIXATION_COUNT	IA_DWELL_TIME	NUMBER_OF_SESSION	MODIFIER	WORD
Test1	1	1308	6	1	D	пройдя
Test2	1	293	2	1	V	прошли
Test3	2	1235	6	2	D	пронзая
Test44	2	563	1	2	V	пронзает
Test11	3	689	3	3	D	высматривая
Test6	3	195	2	3	V	высматривает
Test29	4	853	4	4	D	вытаращив
Test8	4	348	2	4	V	вытаращил
Test5	5	337	1	5	D	отпустив
Test19	5	170	1	5	V	отпустил
Test11	6	736	3	6	D	поражая
Test12	6	258	3	6	V	поражает
Test13	7	632	1	7	D	рисую
Test14	7	403	2	7	V	рисовал
Test25	8	236	1	8	D	занимаясь
Test27	8	176	1	8	V	занимался
Test18	9	261	1	9	D	составив
Test15	9	141	3	9	V	составил
Test46	10	468	2	10	D	соблюдая
Test38	10	123	1	10	V	соблюдал

Продолжение табл. 1

RECORDING_SESSION_LABEL	TRIAL_INDEX	IA_FIXATION_COUNT	IA_DWELL_TIME	NUMBER_OF_SENT	MODIFIER	WORD
Test22	11	786	3	11	D	работая
Test52	11	428	2	11	V	работал
Test36	12	245	1	12	D	смекнув
Test16	12	182	1	12	V	смекнет

Среднее значение длительности фиксации в группе А составило 273,3; среднее значение длительности фиксации в группе Б составило 648,8 – рис.1.

Рисунок 1. Среднее значение длительности фиксации

Проанализировав данные респондентов, прочитавших 12 предложений, мы получили следующий результат: сложность предложения, содержащего деепричастный оборот, выше сложности его синтаксического аналога с глаголом в личной форме. Предложения с деепричастным оборотом имели наибольшее количество фиксации.

Среднее значение длительности фиксаций при чтении с использованием глагольной конструкции составило 273,3, а среднее значение длительности фиксаций при чтении деепричастного оборота составило 648,8.

Литература

Cooper R.M. The control of eye fixation by the meaning of spoken language // *Cognitive Psychology*. – 1974. – Issue 6. – P. 84–107.

Duchowski A.T. *Eye-Tracking Methodology: Theory and Practice*. – New York: Springer, 2007. – 360 p.

Rayner K. Eye movements in reading and information processing: 20 years of research // *Psychological bulletin*. – 1998. – Т. 124. – № 3. – С. 372.

Tanenhaus M. K. et al. Integration of visual and linguistic information in spoken language comprehension // *Science*. – 1995. – Т. 268. – № 5217. – С. 1632–1634.

Дистанционная обучающая система для подготовки к государственным экзаменам «РЕШУ ЕГЭ». – URL: <http://решуегэ.рф>; <http://ege.sdangia.ru> (дата обращения: 01.10.2022).

Белова Полина Евгеньевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» – Нижний Новгород
УДК 811.161.1

**Особенности реализации концепта
«пространство» в русской поэзии
(на материале поэтического подкорпуса НКРЯ)**

*концепт, пространство, концептуальные признаки,
поэтический подкорпус, НКРЯ*

Пространство как ментальная категория занимает важное место в миропонимании каждого человека. Это первая реальность, в которой человек осознает себя и организует свое существование. И именно пространство предстает одной из основных когнитивных структур формирования знания и отражения этого знания в языке.

Данная статья содержит результаты анализа особенностей языковой реализации концепта «пространство» на материале поэтического подкорпуса НКРЯ, содержащего обширную коллекцию русских поэтических текстов XVIII–XXI веков. Но исследование было начато с этимологического и дефиниционного анализа лексемы «пространство», номинирующей концепт.

Анализ внутреннего значения этой лексемы в этимологических словарях показал, что в русский язык существительное «пространство» пришло из старославянского языка и является производным от прилагательного «пространный» в значении «широкий, просторный» [Шанский 2000]. То есть пространство связывалось не столько с определенным местом, имеющим границы, сколько с безграничной ширью, являющейся отличительной чертой русской природы.

Со временем представления о пространстве и, соответственно, языковая репрезентация концепта менялись, а его основные концептуальные признаки закреплялись в словарных дефинициях. Так, в толковом словаре В.И. Даля еще отсутствовала словарная статья «пространство», но приводились значения прилагательного «пространный», которое раньше употреблялось с конкретной лексикой, обозначающей место. Дополнительно давалось также временное значение пространства (о речи или письме).

В толковых словарях русского языка, созданных в XX веке под редакцией Д.Н. Ушакова (1935–1940), С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1998), С.А. Кузнецова (1998), Т.Ф. Ефремовой (2000), в МАС по ред. А.П. Евгеньевой (1999) лексема «пространство» уже присутствует и фиксируется от трех до пяти ее значений, то есть данная лексема является многозначной. Объединяя ее значения в указанных словарях, можно сказать, что пространство – это:

1) Одна из форм существования бесконечно развивающейся материи, характеризующаяся протяженностью и объемом (Ушаков; Ожегов и Шведова; Кузнецов; Евгеньева; Ефремова).

2) Протяженность, место, неограниченное видимыми пределами (Ожегов и Шведова; Кузнецов; Евгеньева; Ефремова).

3) Промежуток между чем-нибудь, место, где что-н. вмещается (Ушаков; Ожегов и Шведова; Кузнецов; Евгеньева; Ефремова).

4) Поверхность, земельная площадь (Ушаков; Евгеньева).

5) Большая площадь чего-л. (Кузнецов; Ефремова).

6) Временной промежуток (устар.) (Евгеньева).

Анализ словарных дефиниций позволил выделить следующие концептуальные признаки пространства: форма существования материи; неограниченная протяженность; промежуток; вместительность; большая площадь; земная поверхность и временной промежуток. У лексем «пространство», употребляющейся в большинстве из приведенных значений, имеются синонимы, которые расширяют, уточняют исследуемое понятие и позволяют полнее описать его признаки: протяженность, простор, промежуток, место, поверхность, площадь. Анализ дефиниций этих лексем показал, что синонимы объективируют следующие признаки концепта «пространство» в русском языке: простирающееся в разных направлениях; имеющее большой размер; неограниченное, предназначенное для кого-, чего-либо; разделяющее что-нибудь, находящееся между чем-нибудь.

Верификация исходных когнитивных признаков концепта «пространство» проводилась на материале поэтического подкорпуса НКРЯ. Было проанализировано 1786 вхождений лексем «пространство» в 1560 текстах. Первое появление пространства в поэтических текстах подкорпуса НКРЯ датируется серединой XVIII века, а наибольшая частотность использования этой лексем приходится на вторую половину XX века.

Основной массив примеров связан с физическим пространством, не имеющим предела, с пространством, которое невозможно охватить, ибо оно неизмеримо, бесконечно, а также с мировым пространством, включающим земное, небесное (космическое), водное пространство: «Я пролетал *безмерные пространства...*» (С.М. Соловьев. «Когда я в бездну пал, внимая злобный...»); «Не смутишь ни акул, ни медуз, ни китов / в *бесконечности водных пространств...*» (Н. Байтов. «Я слегка завираюсь, я, может быть, пьян...»).

Кроме того, пространство воспринимается мастерами слова как место, имеющее направление и расстояние, ориентированное горизонтально (даль, ширь) и вертикально (высота): «Кони фыркали, били копытом, маня / Понестись на *широком пространстве земном...*» (Н.С. Гумилев. «Баллада»); «И между трех *пространств – / Назад, вперед и ввысь...*» (А.К. Лозина-Лозинский. «Средь трех пространств»).

Несмотря на то что в большинстве текстов дается абстрактное представление пространства, в некоторых оно определяется и уточняется: пространство «между яблоней и сливой» (С.В. Кекова. «На троне царь сидит, как на костях...»), «между лесом и рекой» (С.В. Кекова. «Здесь часто плачут; здесь на Рождество...»), «В тот дом на Поварской, / в пространство, что зовется мастерской / художника» (Б.А. Ахмадулина. «Потом я вспомню, что была жива»).

Особо стоит обратить внимание на взаимосвязь времени и пространства. Это две наиболее важные базовые концептуальные области человеческого мышления, которые лежат в основе представлений людей о мире: «*Время – волна, а Пространство – кит*» (И.А. Бродский. «Письмо в бутылке»); «*Время больше пространства. / Пространство – вещь*» (И.А. Бродский. «Колыбельная трескового мыса»). С помощью понятий времени и пространства мы распознаем и описываем объекты и события окружающей среды, и все наши действия в пространстве протекают во времени. По мнению культуролога Г.Д. Гачева, «Пространство и Время русскому интимнее, роднее – Пространство. Недаром и священное слово «страна» – того же корня» [Гачев 2003: 17]. В поэтических текстах встретились также единичные примеры употребления лексемы «пространство» в значении временного промежутка: «*Пространство двадцати веков*» (С.М. Соловьев. «8 декабря» («И двинулись, воздев знамена...»)).

В ходе анализа данных НКРЯ были выявлены некоторые новые когнитивные признаки исследуемого концепта. Так, пространство является некой абстрактной субстанцией, к которой можно обратить свой взор, мысли, чувства: «Пугливо и слезливо озираясь, / Он жаловался, как дитя, в пространство» (Д. Кнут. Парижский рассказ: «Я шел из запыленного предместья...»); «И вот кричу теперь в пространство без ответа...» (Б.А. Садовской. «Полузадумчиво, медлительно, сурово...»). Кроме того, пространство может представляться живым существом. Подобное олицетворение выражается в следующих строчках стихотворения С.В. Петрова:

*Пространство лежало и никому,
казалось бы, не мешало.*

*Пространство зевнуло и улеглось
вздремнуть бегемотом в болоте.*

В поэтических текстах для выражения пространственных значений и описания особенностей пространства авторы также используют синонимы ключевой леммы: место (для обозначения занятого пространства, на котором что-либо расположено), простор, приволье, раздолье (для описания безграничного свободного пространства), площадь, промежутки, даль, ширь и др.

Расширяют семантику пространства определяющие его прилагательные. Здесь частотны определения, характеризующие пространство по наполненности (пустое, пустынное, безлюдное, свободное, бездушное), ограниченности и протяженности (бесконечное, безбрежное, беспредельное, безмерное, огромное).

Пространство уточняется и несогласованными определениями, сочетаясь с существительными: пространство мира, жизни, бытия, души, земли, зеркал, крыш, вечности, лет, времен, любви.

Анализ глаголов, употребляющихся с пространством, показывает, что оно чаще выступает объектом, на который направлено действие (прогнуть, втягивать, разметить, образовать, растянуть, разрубить, рвать, ловить пространство) или местом, куда направлено действие субъекта (кануть, ринуться, стремиться, упасть, кинуться, вторгаться, уходить, плыть в пространство).

Таким образом, в ходе анализа поэтических текстов были выявлены следующие концептуальные признаки пространства: оно представляет собой некую абстрактную субстанцию, к которой можно обратить свой взор, мысли, чувства; уподобляется живому существу, характеризуется наполненностью, неограниченностью и протяженностью, цветом, расположением, степенью освоенности, температурой; обладает и эмоционально-оценочной коннотацией.

Смысловое наполнение концепта «пространство» характеризуется широтой, разноплановостью и свидетельствует о включенности концепта в когнитивные парадигмы. Анализ языкового воплощения концепта «пространство» по данным поэтического подкорпуса НКРЯ выявил реальность его словарных признаков и позволил обнаружить не отмеченные ранее элементы смысла.

Литература

Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Соседи России. Польша, Литва, Эстония / Г.Д. Гачев. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 384 с.

Национальный корпус русского языка. – URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 15.09.2022).

Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. – 2-е изд. – М.: Дрофа, 2000. 399 с.

**A comparative research of the concept of marriage and family
in proverbs of Han and Anglo-Saxon nations**

English language, Chinese language, proverbs, ethnic culture, marriage

1. Introduction

To understand the marriage practices of different peoples is to understand the culture of different peoples. Marriage is a social form of a union between a man and a woman, a conjugal relationship recognized by the social system of the time [Andersson 2012: 9; Kövecses 2017: 307]. A comparative analysis of a large number of Chinese and English proverbs on the concept of marriage reveals the unique marriage and family cultures of the two peoples embedded in these proverbs.

2. Comparison of the purpose of marriage in Chinese and English proverbs

The Han are dominated by the Confucian concept of patriarchy, in which men are the natural elders of state power and in the family, and are in an absolute position of dominance. The aim of Han marriage is to seek to have many children and grandchildren. For example: 男孩子落地，一家人欢天喜地，女孩子落地，一家人鼓嘴憋气。（‘When a boy is born in the family, the family rejoices, and when a girl is born, the family sulks.’）The above proverbs show that the Han must pursue a large number of children and grandchildren [刘文明 2003; 朱正健2006].

The Anglo-Saxon nation practises Christianity. Christians believe in the afterlife and can hope for their own immortality and eternal life, so that the old and simple desire to continue their lives in their children tends to fade [刘亲成1995, 3: 105]. For example: ‘It is good to marry late or never.’; ‘Better be half hanged than ill wed.’ [Wilson 1970: 950].

3. Comparison of marriage forms in Chinese and English proverbs

娶妻之如何？必告父母。……娶妻之如何，匪媒不得。（‘Before a man wants to get married, he must tell his parents first. …… After that the man's family must find a matchmaker and go to the woman's family to help you propose marriage!’） [刘文明2003]. You must obey your parents in all

matters, even in marriage, and let them make the arrangements. Young men and women were not allowed to take the initiative to pursue love, let alone make a private decision, and when two parents were not in a position to discuss marriage directly, they needed an intermediary, 'a matchmaker', to match them, which was the 媒妁之言 ('matchmaker's word.')[陈鹏 2005].

Christian culture is reflected in marriage through self-selection of a spouse. For example: 'A man may woo where he will, but he will wed where his hap is.'; 'In choosing a wife, and buying a sword, we ought not to trust another.' [Wilson1970: 950; 刘文明 2003].

4. *Comparison of interpersonal relations in marital life in Chinese and English proverbs*

Traditional Chinese culture, which is dominated by Confucianism, emphasises the relationship between husband and wife as one of righteousness and obedience, with men being superior to women, and the relationship between husband and wife is precisely one of domination. For example: 夫唱妇随，夫荣妻贵。(‘The husband sings and the wife follows, and the husband honours the wife.’); 跟了官，官娘子；跟了贼，贼婆娘。(‘If you follow an official, you'll have an official wife; if you follow a thief, you'll have a thief wife.’) For Christian women, the emphasis is on the equality of husband and wife in soul and the subordination of men to women in the flesh. For example: 'A married woman has nothing of her own but her wedding-ring and her hair-lace.'; 'Better a dinner of herbs where love is than a stalled ox where hate is.' [刘文明 2003; 朱正健 2006].

There are many kinds of non-sibling relationships derived from marriage, such as mother-in-law - daughter-in-law, father-in-law - daughter-in-law, father-in-law - son-in-law and mother-in-law - son-in-law relationships. Among them, the most important and difficult one is the relationship between mother-in-law and daughter-in-law. [班固 1962; 陈鹏 2005]

In Han Chinese tradition, a woman leaves her parents' home to live in her husband's home and becomes a part of his family. It is considered unfilial for a man to leave his parents and live elsewhere. A wife not only lives in her husband's house, but also serves her husband's in-laws, thus creating a very special family relationship - that of the mother-in-law - daughter-in-law. The particularity of the relationship between mother-in-law and daughter-in-law is that it is neither an affinity relationship between the sexes nor a blood relationship between mother and daughter, but a family

relationship derived from the marriage relationship. This kind of relationship lacks flesh-and-blood affection, and also lacks the affection between the relations, which determines that their intimacy is much less than that of spouses and blood relations, and determines their psychological and emotional gap. In addition, there was emotional competition between mother-in-law and daughter-in-law. After her son's marriage, the mother felt that her son was not as caring and considerate as before, and naturally blamed everything on her daughter-in-law, believing that '白眼狼, 娶媳妇忘了娘' ('White-eyed wolf refers to someone who is ungrateful and self-serving, married to a daughter-in-law and forgot his mother'). [温瑞政2011; 朱正健 2006;] In addition, both mothers-in-law and daughters-in-law are the main household managers and have many different views on household expenses, housework, grandchildren's education and lifestyles, which can easily lead to conflicts between them. In contrast, there is less contact between the father-in-law and the daughter-in-law and the conflict is not as serious. [陈鹏2005] In Christian culture, no matter how well-off the family is, adult children are expected to live alone apart from their families, let alone married men and women. When they leave their parents to live elsewhere after marriage, there is naturally little conflict between mother-in-law and daughter-in-law. In contrast to the many Chinese proverbs on the relationship between mother-in-law and daughter-in-law, there are very few English proverbs on the relationship between mother-in-law and daughter-in-law, for example: 'Mother-in-law and daughter-in-law are a tempest and hail storm.'; ' Happy is she who marries the son of a dead mother.' [刘亲成1995,3:105;刘文明 2003;韦斯特马克 1992].

5. Conclusion

Based on the analysis of the proverbial materials and the relevant research results, a comparative analysis of the purpose of marriage, the form of marriage and the interpersonal relationships in marriage between the Han and Anglo-Saxon peoples can provide a clearer understanding of the different marriage and family cultures of the two peoples in the proverbial language, with the following three main points:

1. the purpose of marriage: the Han are dominated by Confucian culture, with a focus on the reproduction of offspring and a light or even loveless marital union. The Anglo-Saxon nation, on the other hand, are influenced by the Christian culture, where love unions are the main focus, and the reproduction of offspring is the secondary focus.

2. Forms of marriage: The young people of Han are not free to fall in love and choose their marriage partner, they must first obtain the consent of their parents, while the man's family must find a matchmaker to assist in proposing marriage to the woman's family. If you have not the matchmaker to help you, none of women will marry with you. The Anglo-Saxon nation is more likely to fall in love freely, with their parents not interfering in the choice of the marriage partner, and the forms of marriage are more free and unrestricted.

3. Marriage and family relations: The most important relationships among Han are between husband and wife and between mother-in-law - daughter-in-law. The relationship between husband and wife is dominated by the will of the husband, while the wife is at the disposal of the husband. The relationship between mother-in-law and daughter-in-law is a particularly difficult one to reconcile, and a poor resolution can have a significant impact on the stability and harmony of the relationship. The Anglo-Saxon nation has only a husband-wife relationship, without a mother-in-law - daughter-in-law relationship. Because they leave their families of origin to form their own new families after marriage, they are independent and do not interfere with each other, so there is no mother-in-law - daughter-in-law relationship and the relationship between husband and wife becomes the main one and emphasising mutual respect and affection.

Through the above 3 points, we can see the similarities and differences between the two ethnic groups in terms of marriage, which deepens our understanding of the two ethnic groups and opens up our horizon of ethnic marriage culture.

References

Andersson D. "Courting Is Like Trading Horses, You Have to Keep Your Eyes Open": Gender-Related Proverbs in a Peasant Society in Northern Sweden / *Journal of Northern studies*. – Vol. 6 (2). – 2012. – Pp. 9–36.

Kövecses Z. Context in Cultural Linguistics: The Case of Metaphor / Sharifian F. (eds) *Advances in Cultural Linguistics*. Cultural Linguistics. Springer. – Singapore, 2017. – Pp. 307–323.

Wilson F.P. *The Oxford Dictionary of English Proverbs* (3rd edition). – Oxford University Press, 1970. – 950 p.
C. 137–139.

- 班固.汉书[M],北京:中华书局 1962.
- 陈鹏,中国婚姻史稿[M].北京:中华书局, 2005.
- 刘亲成.西欧中世纪基督教婚姻观[J].首都师范大学学报,1995,
(3):105-110.
- 刘文明.上帝与女性—传统基督教文化视野中的西方女性[M].武汉:武汉大学出版社,2003.
- 司马迁.史记[M],北京:中华书局 1963.
- 韦斯特马克,人类婚姻简史[M].北京:商务印书馆, 1992.
- [温端政.中国谚语大全(辞海版)[Z].上海:上海辞书出版社, 2011.
- 朱正健.4500双解英语谚语[M].上海:上海译文出版社, 2006.

Боженкова Наталья Александровна
Катышев Павел Алексеевич
Иванов Петр Константинович

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
УДК 81–13

Диагностика статуса языковой личности в рамках автороведческой экспертизы

*языковая личность, языковые/речевые нарушения,
интерференция, русский язык как родной, русский язык
как иностранный*

Автороведческое исследование, будучи сложным процессуальным действием, решающим комплекс идентификационных и диагностических задач (стандартных / нестандартных) и направленным на выявление социально-биографических и идиоэтнических характеристик автора определенного речевого продукта, базируется на многофокусном анализе составленного им текста как сложного структурного образования с закономерностями отношений связи его элементов.

Наиболее интересным в этом процессе (и, бесспорно, самым творческим звеном) является выявление комплекса коммуникативных (в широком смысле) нарушений, которые *однозначно* отличают речь инофона (билингва) от речи носителя русского языка как родного. В данной ситуации целью исследования является поиск речевых «отклонений», которые частотны в текстах иностранцев и квалифицированно невозможны для русскоязычных в силу различной природы ошибок, встречающихся у этих двух типов субъектов речи. Так, у носителя русского языка как родного (ЯЛРКР) трудности вызывают, как правило, случаи несовпадения звукового облика слова с его графическим отражением, а также нормативные варианты, обусловленные историей развития языка и плохо объяснимые с точки зрения его современного состояния. При этом универсальные принципы языка и письменности применяются ЯЛРКР интуитивно, а большая часть многообразной системы языковых единиц и их форм, закономерностей грамматики и словообразования усвоены и закреплены еще в детстве. В речи инофонов (ЯЛРКИ), напротив, преобладают нарушения, связанные с неясным представлением об устроенности системы

языка (и потому не объяснимые с точки зрения ее организации), что дает основания эксперту рассматривать явление интерференции как отклонение от нормы (ошибку), обусловленную *вероятным* влиянием той или иной системы родного языка субъекта речи. Отметим в этой связи точку зрения Ю.А. Жлуктенко: интерференция – это «все изменения в структуре языка, а также в значениях, свойствах и составе его единиц, возникающие вследствие взаимодействия с языком, находящимся с ним в контактной межъязыковой связи» (цит. по: [Игнатъева 2016: 20–21]).

В рамках такого исследования специалистам необходимо решить ряд вопросов: (1) является ли русский язык родным для автора текста? (2) имеются ли в предоставленном тексте признаки иноязычия? (3) на каком уровне автор текста владеет русским языком? (4) если русский язык не является родным для автора текста, то носителем какого языка он может являться? (5) владеет ли автор текста русским языком в достаточной мере, чтобы понимать речь носителей этого языка?

В этой связи экспертно-исследовательская деятельность разбивается (условно) на пять этапов:

- первый этап связан преимущественно с описанием объекта; цель данной процедуры состоит в формировании общего представления об исследуемом тексте, поиске в нем содержательно неполных/неясных/двусмысленных фрагментов, установлении основных элементов его содержания – тематического (пропозициональный уровень текста) и интенционального (интенциональный уровень текста) наполнения, в основе чего лежат классические методы и приемы лингвистического анализа; результатом этапа становится краткая характеристика текста с точки зрения указанных параметров, что имеет значение как для ответа на вопрос о степени владения русским языком как иностранным (умение создавать коммуникативно успешные тексты с опорой на определенные речевые жанры выступает одним из основных критериев оценки коммуникативной компетентности), так и для всего последующего исследования материала;

- второй этап характеризуется применением процедуры классификации: целью является выявление и классификация структурно-языковых нарушений (ошибок), его результатом – их перечень, представленный в соответствии с четырьмя основными языковыми уровнями: фонетическим, грамматическим (морфологическим и синтакси-

ческим), словообразовательным и лексическим, при этом добавляется пятый уровень, где выявляются нарушения, связанные с закономерностями русской письменности – орфографические и пунктуационные ошибки;

- третий этап, в ходе которого задействуется, главным образом, процедура анализа, является центральным для исследования материала по вопросам 1, 2, 3. Содержание данного этапа исследования включает в себя два основных модуля.

- ✓ модуль 1, основной целью которого выступает *квалификация* выявленных структурно-языковых нарушений и нарушений закономерностей письменности в аспекте их допустимости/ недопустимости с точки зрения типологических особенностей русского языка, что характеризует субъекта речи как ЯЛРКР / ЯЛРКИ (например, исследователь выясняет, является ли нахождение частицы *же* в препозиции по отношению к семантически связанному с ней слову (*же так*) типичным свойством русского языка). Наиболее диагностически значимыми нарушениями являются те, которые связаны с реализацией нормативных грамматических закономерностей и лексических свойств языковых единиц (см. фрагмент разбора кейса 1):

Представленный на исследование текст демонстрирует вариативность письменного проявления языкового навыка автора, что выражается в следующих нарушениях:

- непоследовательность в словоизменении (**ВИПУСТЕТ ОБРАШЕНИЯ** – *чтоб услышали **обращений** – ЛИБО ОБРАШЕНИЙ – ЛИБО ОБРАШЕНИ – ОНА НАМ СКИНЕТ НОВЫЙ **ОБРАШЕНИ***; *здесь не блокируют – патом кафери блокировали*);

- правописание безударной гласной в основе слова: (**ЛИБО** – **ЛИБА**; **ЗАБЛАКИРОВАЛИ** – *блокировали*; **ДОЛЖНО** – *далжно*);

- правописание суффикса инфинитива: (**ОБЕШАЛИ ВПУСТИТ** – *чтоб открыть* – *можно так **открыт***);

- согласование прилагательного с определяемым существительным по роду (*открыть **новый телеграм** – **открыт *новой телеграм****).

Отдельного внимания заслуживают признаки неразличения палатализованных/непалатализованных согласных (**ДОЛЖНО БИТЬ**; *услышали*; *далжно **бילו вййте***; **ВИПУСТЕТ**; **ОБРАШЕНИЯ**; **ОБЕШАЛИ**; *открыть*; **НОВЫЙ**; *открыт*) и устойчивость их графической фиксации, а также значительное искажение фонетического облика заимствованного слова (*акунт*), свойственные инофонам.

В совокупности данные нарушения указывают на несформированность письменной языковой компетентности автора и *наличие признаков иноязычия в тексте*.

✓ Модуль 2, цель которого заключается в *сравнении* выявленных нарушений с параметрическими системами типичных нарушений ЯЛРКР / ЯЛРКИ, разработанными авторами ранее (см. фрагмент разбора кейса 2):

Представленный на исследование текст демонстрирует вариативность коммуникативной компетентности автора, что выражается в следующих нарушениях:

– ошибка в образовании страдательного причастия настоящего времени * *выдержимо* (стандартно данные причастия образуются от переходных глаголов несовершенного вида);

– ошибки в выборе лексем, а именно: употребление существительного *пессимист* в значении показателя состояния (*Извини, что я опять **пессимист**, но я очень переживаю*); смешение паронимов, вследствие чего остается незаполненной обязательная валентность выбранной лексики (*Я **слушала**, что даже почта наша *** не работает с связи с Россией*); смешение союзов (*Конечно, **чем** нужно этот ресторан*).

– ошибка в координации главных членов предложения: *Конечно, **чем** нужно этот ресторан*;

– ошибки в порядке слов, а именно: инверсия, нарушающая тема-рематическое членение высказывания (*Но там работали люди, у которых **семья есть** ...*); употребление наречия *ещё* в контактной позиции с несколькими словами, способными заполнить его обязательную валентность, что приводит к формированию двусмысленности высказывания (*Я надеюсь, что когда-то **будет ещё лучше***).

В совокупности данные нарушения указывают на «нестабильность» в ряде случаев письменной языковой компетентности автора, снижение когнитивных механизмов контроля над письменной речью в результате интерферирующего влияния другой языковой системы, что определяет *наличие признаков иноязычия в тексте*;

• четвертый этап связан с процедурой объяснения, позволяющей диагностировать вероятный источник интерференции. Наличие структурно-языковых нарушений, не объяснимых с точки зрения русского языка, дает основание для утверждения гипотезы о том, что когнитивно-коммуникативная деятельность субъекта письменной речи

протекает с участием иной языковой системы. В этой связи особенности речи автора письменного текста *интерпретируются с точки зрения типологических закономерностей других языковых систем*, при этом учитывается ряд наиболее характерных языковых нарушений, установленных на основе анализа письменных работ инофонов, для которых первыми выступают 8 языков – французский, английский, немецкий, украинский, польский, таджикский, арабский и китайский [Боженкова, Иванов, Катышев, Огорелков 2021];

- пятый этап связан с установлением оценкой уровня владения русским языком как родным / иностранным. В случае если русский язык является для автора родным, данная процедура проводится с опорой на параметрическую модель типов речевой культуры, что нивелирует вопрос о способности автора понимать речь других носителей русского языка. Если же русский язык является для автора иностранным, оценка коммуникативной компетентности осуществляется в двух аспектах: (1) на основе соотнесения проявленных коммуникативных навыков с содержанием уровней владения русским языком как иностранным, отраженным в соответствующем государственном стандарте, характеризуется продуктивная составляющая компетенции ЯЛРКИ; (2) формулируется предположительный вывод о рецептивной составляющей компетенции ЯЛРКИ, где ответ коррелирует с выявленным уровнем владения: зафиксированный высокий уровень (С1 и выше) не требует отдельного анализа способности автора понимать речь на русском языке; при выявлении более низкого уровня владения русским языком исследование по данному вопросу может быть проведено только при наличии текстов, отражающих диалогическое взаимодействие автора с иными коммуникантами.

Литература

Боженкова Н.А., Иванов П.К., Катышев П.А., Огорелков И.В. Диагностика межъязыковой интерференции в рамках автороведческого исследования // Российский журнал исследований билингвизма. – 2021. – С. 9–15.

Игнатъева Н.Д. Современная русско-чешская интерференция (лексико-фразеологический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2016. – 151 с.

**Боярская Елена Леонидовна
Шевченко Елизавета Валерьевна
Томашевская Ирина Валерьевна**

Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта,
Российский государственный гуманитарный университет
УДК 811.111

Манипуляция: структура событийного фрейма

манипуляция, событие, фрейм, слоты

В последнее время внимание исследователей, работающих в разных направлениях науки, привлек концепт *манипуляция*, его структура, типы, стадий и последствия реализации. В рамках данного исследования манипулятивное воздействие в медийном пространстве исследуется с позиций когнитивной лингвистики, а его структура для удобства анализа представлена в виде событийного фрейма. Манипуляция часто задумывается и реализуется в условиях неопределенности. Именно этим и объясняется наблюдающийся в последние годы повышенный интерес как с собственно понятию 'манипуляция', так и к ее отдельным типам и способам реализации манипулятивного воздействия в целом и средствах массовой информации в частности. В отечественной и зарубежной лингвистике появлялось значительное количество работ по этой теме. Исследовалась природа и характер манипулятивного воздействия [Askergaard 1995; Barnhill 2014], психологические аспекты манипуляции [Доценко 1997], анализировались различия между манипуляцией и обманом [Handelman 2009], анализировались манипулятивные приемы в политическом дискурсе [Gorton 2016], манипуляция в медийном пространстве и интернет-коммуникации. Необходимо отметить, что само определение понятия 'манипуляция', вызывает оживленные научные споры как среди философов, так и среди психологов, лингвистов, журналистов и т.д. Любое манипулятивное воздействие подавляет полностью или частично способность объекта [в терминологии события – пациента] к рациональному восприятию и интерпретации информации. Манипуляция отличается от рационального убеждения

тем, что влияет на поведение пациента средствами, которые не задействуют его рациональные аналитические способности, а реализуются через иные формы воздействия [Noggle 2018].

Как справедливо отмечает А. Акопова, манипулятивное воздействие может быть реализовано на различных уровнях, в том числе на уровне «сознание личности, поскольку, сознание отдельной личности интегрировано в общественное сознание и, таким образом, сознание отдельной личности становится ключом доступа к общественному сознанию» [Акопова 2013]. Структура сознания личности неоднородна, так как она по своей природе является отражением концептуальной системы человека, фиксирующей информацию универсального, культурно-специфического и индивидуального характера [Боярская 2019]. В этом плане целью манипулятивного воздействия, реализуемого в любом виде дискурса, гипотетически может являться каждый из сегментов концептуальной системы и сознания индивидуума в целом. Любое манипулятивное воздействие есть суть интенция достижения определенной цели.

В научной литературе существует несколько общих концепций манипуляции, которые могут быть условно разделены на три категории: манипуляция, понимаемая как воздействие, идущее в разрез с логическим и рациональным; манипуляция как форма обмана; манипуляция как принуждение к определенному действию. Доминирующим признаком всех типов манипуляции является имплицитный характер воздействия, а собственно акт манипуляции в подавляющем большинстве случаев не осознается индивидуумом. Отсутствие осознания объектом однозначно намеренного и целенаправленного воздействия является одним из неотъемлемых характеристик манипуляции. В отличие от принуждения манипуляция не предполагает прямого вмешательства или давления на индивидуума, так как манипулятивное воздействие «извращает тот способ, которым человек принимает решения, формирует предпочтения или цели» [Raz 1988].

Несмотря на то, что трактовка манипуляции, понимаемой как ложь или обман, например, подтасовка фактов, редактирование изображений, публикация данных различных опросов, намеренный миснейминг (ср. Democratic party vs the Party of Democrats) или явно манипулятивная эвфимизация (double speak) может считаться одной из наиболее очевидных, под нее все же не подпадает целый ряд классических манипулятивных стратегий и тактик, таких как обаяние,

используемое как средство достижения своей цели, давление со стороны сверстников или коллег, эмоциональный шантаж и т.д. Тем не менее, данные тактики все всякого сомнения являются манипулятивными по своей природе, так как способствуют достижению определенной цели, поставленной отнюдь не самим индивидуумом. Они относятся к пониманию манипуляции как формы оказания давления на индивидуума или группу индивидуумов, заставляющее его [их] следовать целям и сценариям поведения манипулятора. К этой же группе манипулятивных тактик относится так называемая культура отмены, формирование негативных ассоциаций, использование с этой целью специальных языковых средств, явным примером которого является печально известный документ «Language: A Key Mechanism of Control» (1994), предписывающий употребление специальных языковых единиц для достижения определенного эффекта воздействия. Справедливости ради необходимо отметить, что не все случаи манипулятивного воздействия этой категории преследуют заведомо негативные цели. Манипуляция может быть использована для достижения положительных целей, как например, в случае использования манипулятивных тактик родителями в воспитательных целях или же в практике психотерапии.

Манипуляция представляет собой форму воздействия, которая не является прямым принуждением, но и не соответствует рациональному убеждению, основанному на достоверных фактах. Анализ структуры манипулятивного воздействия как события, выполненный на материале текстов медийного дискурса, позволил представить структуру события МАНИПУЛЯЦИЯ в форме фрейма, имеющего следующие слоты: 1) агент – инициатор манипулятивного диктума; 2) отношение агента к манипулятивному диктуму; 3) пациент – адресат манипулятивного диктума; 4) мотив – события, предшествующие инициации манипулятивного диктума; 5) цель – цель, преследуемая агентом, формулирующим манипулятивный диктум; 6) диктум – сообщение, соответствующее или несоответствующее объективной реальности; 7) характер манипулятивного диктума – характеристика, установление связи между фактами; 8) манера выражения диктума – эксплицитная, имплицитная; 9) восприятие манипулятивного диктума агентом – позитивное, негативное, нейтральное, иное 10) пост-эффекты манипулятивного диктума – события, следующие за диктумом; 11) контр-агент[ы] – агент[ы], препятствующий или деформирующий манипулятивный диктум.

Таким образом, манипуляция является стратегией контроля агенса над пациенсом в ситуации, когда агенс намеренно избегает прямого принуждения, преследуя, тем не менее, свои собственные цели, идущие в разрез с целями и рациональностью пациенса. В этом заключается отличие манипулятивного воздействия от убеждения и открытого влияния, которые в каждом случае их применения основаны на прямом и открытом посыле. Манипулятивное воздействие имеет сложную структуры и включает несколько групп акторов, каждая из которых демонстрирует характерные для нее стратегии и тактики поведения. Понимание особенностей структуры фрейма манипулятивного воздействия, характера информации его слотов может способствовать идентификации различных типов манипуляции и противодействия им.

Публикация подготовлена в рамках проекта РФФ 22-18-00594 «Когнитивные модели идентификации и противодействия манипуляциям в медийном пространстве».

Литература

Акопова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник ННГУ. – 2013. – № 6–1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-i-taktiki-politicheskogo-diskursa> (дата обращения: 30.09.2022).

Боярская Е.Л. Концептуальное моделирование структуры события // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 38. – С. 514–520.

Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.

Ackerman F. The Concept of Manipulativeness // *Philosophical Perspectives*. – 2015. – № 9. – P. 335–340.

Barnhill Anne. (2014). "What Is Manipulation?" in Coons & Weber 2014: 51–72. – DOI:10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0003

Gorton William. Manipulating Citizens: How Political Campaigns' Use of Behavioral Social Science Harms Democracy // *New Political Science*. – 2016. – № 38:1. – P. 61–80.

Handelman Sapir. (2009). *Thought Manipulation: The Use and Abuse of Psychological Trickery*, Santa Barbara: Praeger Publishers.

Language: A Key Mechanism of Control. –1994. – URL: <http://web.archive.org/web/20130902053532/http://web.utk.edu/~glenn/Gopac-Memo.html> (дата обращения: 21.10.2022).

Noggle R. The Ethics of Manipulation, The Stanford Encyclopedia of Philosophy [Summer 2022 Edition], Edward N. Zalta [ed.]. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2022/entries/ethics-manipulation/> (дата обращения: 21.10.2022).

Raz J. The Morality of Freedom (Oxford, 1988; online edn, Oxford Academic, 1 Nov. 2003). – URL: <https://doi.org/10.1093/0198248075.001.0001> (дата обращения: 20.10.2022).

Бузинова Людмила Михайловна
Пашковская Наталья Дмитриевна
Московский международный университет
УДК 81'373.7

Концепт *учитель* в немецкоязычной лингвокультуре

концепт, лингвокультура, вербализация, метафора

Интерес к изучению данного концепта обусловлен его широким информационно-понятийным полем. Учитель может быть одновременно и воспитателем, и ментором, и другом, и соратником, и наставником и т.д. В коллективном сознании нации существует представление о том, что учителя не только обучают подрастающее поколение в широком смысле этого слова, но и воспитывают его, формируют у обучающихся мировоззрение и нравственные ценности, развивают когнитивные способности. Наличие у учащихся необходимых компетенций также зависит от профессиональной деятельности педагога. «Лишь на первый взгляд учительская профессия может показаться ретрансляцией знаний. На самом деле — это высокая миссия, предназначение которой — сотворение и самоопределение личности...» [Педагогический 2002: 303].

Поскольку язык является инструментом организации, обработки, хранения и передачи информации, то когнитивный подход, используемый для исследования языковых явлений, позволит более глубоко изучить структуру данного понятия. Основной формой репрезентации знаний являются концепты. В современной науке понятие концепта продолжает вызывать оживлённый интерес, о чем свидетельствует обширная литература по данной проблематике. Обзор современных лингвистических источников позволяет выделить наиболее значимые для нашего исследования дефиниции. З.Д. Попова, И.А. Стернин понимают данный термин как «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания» [Попова, Стернин 1999: 4]. С.А. Аскольдов-Алексеев представляет концепт как «сгусток мысли, обобщенный образ, созданный национальным сознанием народа-языкотворца, вложившего в него свой многовековой опыт нравственных оценок бытия» [Аскольдов-Алексеев 1997: 267]. Совершенно справедливо подчеркивает нацио-

нально-культурные характеристики Н.Ф. Уфимцева, определяя концепты как «культурные таксоны», отмечая их прочное укрепление «в сознании представителей конкретных этносов» [Уфимцева 2000: 4].

В организационном формате «концепт может быть описан в русле традиционной концепции поля или фреймовой семантики» [Романцова 2005: 34]. В рамках атомарного структурирования концептуальной системы, по теории А.П. Бабушкина выделяют «ядро (центр) и периферию концепта» [Бабушкин 1996, 2001]. С позиции фреймowego подхода структура концепта может быть представлена «узлами» и «терминалами» (по М. Минскому: [Minsky 1980]). Нам близка атомарная организация концепта, где ядро включает конвенциональные, стереотипные представления о конкретном явлении, а периферию вербализуют факультативные вторичные номинации. К дальней периферии относят порождаемые концептом ассоциации, что позволяет выявить новые коннотации рассматриваемого явления.

В контексте анализа обыденного языка существенное место отводится его метафоричности, влияющей на восприятие, упрощение и усвоение информации, сквозь призму ярких представлений этноса о реальности. Это обусловлено тем, «что метафора широко распространена в повседневной жизни, а не только в языке... Наши обычные концептуальные представления, в терминах которых мы и думаем, и действуем, метафоричны по своей сути и по своей природе» [Lakoff, Johnson 1980: 3]. Благодаря переносу метафорического значения создается яркая и зримая образность на основе выделения существенно информативных для данной языковой общности признаков.

В рамках статьи рассматривается метафорическая вербализация концепта УЧИТЕЛЬ в немецком языке. Данное исследование базируется на анализе школьного дискурса с точки зрения особенностей и частотности употребления языковых единиц, на основе текстового корпуса¹ представителей немецкой языковой культуры.

Респондентам предложено продолжить фразу «*Ein Lehrer ist wie...* (Учитель – это...)». На первом этапе были собраны наиболее яркие, повторяющиеся манифестанты рассматриваемого концепта. Сюда относятся:

1. Schäfer (пастух);
2. Schauspieler (актер);

¹ В университете г. Мангейма (Германия) был составлен тематический корпус, описывающий учителя и его деятельность: <https://www.ids-mannheim.de/digspra/kl/projekte/korpora/> (дата обращения: 30.09.2022).

3. Schiffskapitän (капитан);
4. Gärtner (садовник);
5. Architekt (архитектор);
6. Multiplikator (мультипликатор);
7. Kompass (компас);
8. Dirigent (дирижер);
9. Baumeister (строитель);
10. Sonne (солнце);
11. Bildhauer (скульптор);
12. Moderator (модератор);
13. Leuchtturm (маяк);
14. König (король);
15. Puppenspieler (кукловод);
16. Trainer (тренер);
17. Richter (судья);
18. Dompteur (дрессировщик);
19. Coach (коуч);
20. Kerze (свеча).

Далее выявляется в семантической структуре высказывания неразложимый и неустранимый компонент смысла, а именно коннотативная сема, которая входит по смежному признаку в состав соответствующих понятийных полей высказывания. Эти метафоры относятся к концептуальным категориям, индуктивно сформированными независимыми респондентами.

Рассматривая наиболее частотные метафорические изречения, наблюдается, с одной стороны, тенденция к использованию метафор, манифестирующих внимание, заботу, теплоту, надежду и другие аспекты. На лидирующих позициях, такие номинации, как *Sonne* (солнце), *Bildhauer* (скульптор), *Schiffskapitän* (капитан), *Kerze* (свеча), *Schauspieler* (актер), *Kompass* (компас) и *Leuchtturm* (маяк).

Обращают внимание номинации *Sonne*, *Kerze*, *Leuchtturm*, коррелирующие с понятием «света» в разной формации. Вряд ли это связано с пословицей «Ученье – свет, а неученье – тьма», однако пары ассоциатов *свет – наука*, *свет – познание* могут апеллировать к этой пословице.

С другой стороны, делается акцент на «авторитетных» метафорических изречениях, манифестирующих право контролировать, указывать, поучать. Среди них *Puppenspieler* (кукловод), *Trainer* (тренер), *Richter* (судья) und *Dompteur* (дрессировщик), *Dirigent* (дирижер),

Schäfer (пастух), *König* (король) и др. Например, «Ein Lehrer ist wie ein König, der alles bestimmt und beherrscht» (Учитель как король, который все определяет и всем управляет).

Среди редко указанных номинаций отмечаются следующие: *Heiler* (целитель); *Arzt* (врач); *Reparateur* (ремонтник).

Таким образом указанный концепт рассматривается как ментальное представление о реальном образовательном школьном процессе. Ограничиваясь рамками статьи, на базе метафорических выражений была представлена незначительная экспликативная периферия концепта, включающая в себя манифестацию воспитательных и эдиктменных компонентов личности учителя. Подобный подход позволит выявить типологические черты рассматриваемого концепта в различных лингвокультурах.

Литература

Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов-Алексеев // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / Ин-т народов России [и др.]; под общ. ред. В.П. Нерознака. – М., 1997. – С. 267–279.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996. – 104 с.

Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А.П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 49–54

Попова З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – 30 с.

Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад. – М.: Большая Рос. энцикл., 2002. – 528 с., портр.

Романцова Л.М. Концептуализация процессуального изменения релятивными глаголами современного немецкого языка: специальность 10.02.04. «Германские языки»: канд. дис. ... канд. филол. наук / Л.М. Романцова. – Белгород, 2005. – 21 с.

Уфимцева Н.В. Речевое воздействие: науч.-инф. бюллетень Воронежской риторической ассоциации, психолингвистической ассоциации / Н.В. Уфимцева. – Воронеж: ВГУ, 2000. – Вып. 5. – 23 с.

Lakoff G. & Johnson M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago, London: The University of Chicago Press. – 1980. – 242 p.

Minsky M. A framework for representing knowledge / M. Minsky // Frame conceptions and text understanding / ed. D. W. Metzger. – Bern, 1980. – P. 1–25.

Символические признаки макроконцепта *Род*

*макроконцепт; символические признаки; структура
макроконцепта; языковая картина мира; лингвокультурология*

Представления о *Роде* возвращают нас к истокам мифологического сознания человека и открывают иное понимание глубинных процессов порождения мифа, его идеализации и интерпретации. Символические признаки рода можно сгруппировать в пять основных блоков: 1) род – рождение; 2) род – бог; 3) род – общий предок; 4) род – родители (отец, мать); 5) род – судьба, доля. Основной термин исследования – макроконцепт, который вслед за М.В. Пименовой понимается как «сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями» [Пименова 2001: 32].

Первое упоминание о боге *Роде* можно встретить в древнерусских поучениях XI–XII веков, основной мыслью которых является поприцание язычества. «Слово об идолах» древнерусского автора написано на основе сочинения Григория Богослова (IV век), в котором языческие обряды подвергаются резкой критике, упоминается имя бога *Рода* [Гальковский 2013: 288–289]. В этом древнерусском памятнике бог *Род* – божество, предшественник *Перуна*. В 1855 году И.И. Срезневский написал статью о рожаницах, А.Н. Веселовский именует Бога *Рода* первопредком и обосновывает идею происхождения рода и рожаниц. Б.А. Рыбаков считал бога *Рода* «самым загадочным и наименее изученным славянским божеством» [Рыбаков 1997]. Б.А. Рыбаков дает описание бога *Рода* как «всеобъемлющего божества Вселенной со всеми ее мирами: верхним, небесным, откуда идет дождь и молнии, средним миром природы и рождения и нижним с его огненным родством» [Рыбаков 1997: 624].

В древнерусском тексте «Слово о твари и о днии рекомом неде» XII–XIII вв. есть упоминание о рожаницах и боге *Свете*. Традиционный праздник бога *Рода* отмечали 26 декабря, день собора или «полога» богородицы. В этот праздник в церковь приносили хлебы и

пироги. Еще одним праздником, который отмечали славяне 21 апреля, был День Рода, иначе Радогощ. В.В. Колесов приписывал богу Роду функции рождения живого и неживого [Колесов 1986]. В научной традиции изучение бога Рода происходило в сопоставлении с божествами других народов: например, бога Рода сравнивают с Озирисом, с Саваофом (христианским богом Вселенной), с Ваалом, с Иисусом Христом (косвенно), с «Артемидой». Бог Род сравнивается с богом плодородия и жизни, мифологическим персонажем древних евреев и финикийцев Гадам, или Ваалом (Баал-Хадд), который посылает дождь и росу. Ученые рассматривают Бога Рода в связи с богом плодородия и урожая Святовитом, божеством западных славян. Мифологическим символом бога Света был образ «уткокони», на которых он перемещался через море, например, в финно-угорских сказаниях воссоздается этот мистический образ.

Символом бога Рода считали утку и щуку. Древнее представление об «утке» в своей основе содержит понимание создателя, творца и ипостаси бога. Существовали мифы о водоплавающей птице, способной со дна Мирового океана достать землю, например, бог повелел гагаре нырнуть на Дно Мирового океана, и она трижды нырнула, прежде чем достать ил (землю). В.В. Напольских относит к группе «утка» и поганку, гусей, лебедей, символизирующих благополучие рода [Напольских 1992: 14]. В космогонических мифах утка считается прародительницей рода, первопредка: *«Но настало время всему быть, и появилась утка чож...»* [Доронин 1996: 9]. В «Калевале» описывается утка на коленях божественной девы Ильматар, которая снесла 7 яиц (землю, звезды, тучи и месяц). В саамской мифологии на травинке в мировом океане утка снесла пять яиц (растения, источники, рыбы, птицы, звери, мужчину и женщину). Утка была символом урожая, благополучия рода, счастья: *«в прошлом утки-солонки играли обрядовую роль: отец обычно дарил такую утку своей дочери в день свадьбы»* [Грибова: 19]. Утка выполняла обережную функцию, *«подчеркивая своей монументальностью торжественность события, его «космическую целесообразность», символизируя единство рода»* [Макарова 2004: 16]. После принятия христианства славяне продолжали наделять грудную кость утки сакральным смыслом, считая, что она может уберечь от несчастий, поэтому она лежала с божницей. В сказке утка символически наделялась могуществом, силой и скрывала Кощею смерть.

В мифологической символике макроконцепта *род* сохранилось указание на место рода: родовое гнездо, семейное гнездо, родительское гнездо, уютное гнездышко и др. Неизменный символ гнезда связан в структуре макроконцепта с понятийным признаком 'родители', потому что они, как и птицы, обустроивают гнездо или лишаются гнезда в силу внешних обстоятельств (*В считанные дни родительское гнездо оказалось разоренным*. Сергей Гандлевский. НРЗБ // «Знамя», 2002). Щука была своего рода защитой рода от болезней, нечистой силы, темных сил. Щука могла «выгрызть болезни», отпугивать нечистую силу [Грысык 1992: 57]. Волшебные свойства щуки представлены в сказочной традиции. Щука могла вылечить человека: заговорить грыжу, выгрызть ее зубами. Щука обитала на камне серого, янтарного или синего цвета (*Мозг его постепенно заполнялся прежними обитателями домашнего зверинца посреди леса и у водоема, где бойкими всплесками мысли резвилась рыба молодь и глухо брякала хвостом по глади вод мудрая престарая щука*. Анатолий Азольский. Монахи // «Новый Мир», 2000) В сказке «Байка о щуке зубастой» А.В. Афанасьев пишет: «Экая щука родилась зубастая! И стала она расти не по дням, а по часам: что день, то на вершок прибавится...» [Афанасьев 1995: 296]. Щука-охотница опасна, поэтому описываются её железные, костяные, медные зубы (*И где-то здесь караулит их зубастая щука*. Борис Екимов. Житейские истории // «Новый Мир», 1999). В водной стихии она является полновластной хозяйкой (*На то и щука в море, чтобы карась не дремал*. Евгений Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание). Сила, могущество мифологического образа щуки так же, как и у утки, заключается в том, что она хранит тайну о бессмертии Кощея, который был ипостасью Великого Чернобога (*Наша смерть в игле, – сказал он, – а игла в яйце, а яйцо в щуке, а щука в море*. Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей)

Ф.С. Капица рассматривает бога Рода как мифологического персонажа, покровителя единства рода. По мнению Ф.С. Капицы, после принятия христианства Род преобразовался в духа – покровителя семьи, в «домового деда», а позже в охранителя новорожденных.

Заключение

В ходе исследования были выделены символические признаки макроконцепта Род. Богу Роду в славянской традиции молятся, бьют поклоны, кладут требы. После установления патриархального уклада к демиургическим функциям рода добавляется понятийный признак «рождение», связанный с пониманием бога-отца. Символические признаки макроконцепта *род* группируем в пять основных блоков: 1) род – рождение; 2) род – бог; 3) род – общий предок; 4) род – родители (отец, мать); 5) род – судьба, доля. Вершителем судьбы людей является бог Род, которому поклоняется человек. Многочисленные метафоры родства указывают на нечто большее, чем олицетворение рода и могущества сил бога Рода в мифотворческом наследии русского народа. В русской лингвокультуре есть устойчивое выражение «На роду написано», которое определяет отношение русского человека к своей доле, предопределенности судьбы.

Литература

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. – М.: Совр. писатель, 1995. – 414 с.

Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. – М.: Академический проект, 2013.

Грысык Н.Е. Щука в верованиях, обрядах и фольклоре русских / Н.Е. Грысык // Из культурного наследия народов Восточной Европы. – СПб., 1992. – С. 56–61.

Доронин П.Г. Сотворение мира / П.Г. Доронин // Жизнь национальностей. – М., 1996. – № 4. – С. 9.

Колесов В.В. Концепты «Природа», «Родина», «Народ» в русском языковом сознании // Политическая лингвистика. – 2019. – № 2. – (74). – С. 12–23.

Макарова И.В. Произведения декоративно-прикладного искусства в контексте народного праздника коми-зырян: автореф. дис. ... канд. искусствоведения / И.В. Макарова. – СПб., 2004.

Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (приуральский космогонический миф): автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Ижевск, 1992.

Пименова М.В. Концепты внутреннего мира человека (русско-английские соответствия): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Марина Владимировна Пименова. – СПб, 2001. – 497 с.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – М.:
Акад. проект, 2013. – 638, [1] с.: ил.; 22 см.

**Когнитивная обработка падежных форм русских
существительных: влияние фактора одушевленности¹**

*окулографическое исследование, метод эксперимента,
билингвальная интерференция, херитажный биллингвизм,
категория одушевленности*

Мировая психолингвистика активно обсуждает проблемы когнитивной обработки грамматических форм языков, как родных, так и усваиваемых. Данная проблема тесно связывается с проблемами ментального лексикона билингва и хранением в нем грамматических форм и парадигм второго языка, а также с более общими вопросами в области биллингвизма.

Формируемые гипотезы проверяются преимущественно с помощью экспериментальных методов. Когнитивная обработка падежных форм активно изучается лингвистами, в том числе и на русском языке, однако множество дизайнов исследований применимо к разным задачам. Мы понимаем, что падежная форма актуализирует определенные семантические роли и может обрабатываться носителями вне контекста, однако частные значения реализуются именно в контексте. Более того, эффекты контекстной предсказуемости нивелируют влияние фактора частотности употребления падежных форм, так как оказывают наибольшее влияние [Bertram 2000, 15: 381].

В исследовании мы сравниваем обработку выбранных форм носителями русского языка как родного и билингвами, поэтому фактор частотности словоформ внутри парадигмы не требует экспериментального контроля ввиду дизайна эксперимента, так как группы респондентов находятся в тождественных условиях. Исследуемая языковая интерференция проявится в различиях когнитивной обработки между группами респондентов, а не между условиями лингвистического контекста.

Целью исследования является выявление влияния родного татарского языка сибирского диалекта на обработку грамматических

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

форм второго русского языка с использованием экспериментальных методов. Сибирские диалекты татарского языка относятся к языкам малочисленных народов (сибирские татары), функционирование родного татарского языка ограничивается сферой семейного и бытового общения. Русский язык является доминирующим особенно у более молодых носителей, которые практически не говорят свободно на родном (первом) татарском языке.

Мы считаем, что уровень владения вторым языком – важнейший фактор в билингвальных исследованиях наряду с соотношением языковых структур и положением исследуемых категорий в структуре языков. В мировой когнитивистике выявлено, что насколько бы высоким уровень владения вторым языком ни был, при обработке как первого, так и второго языка, оба языка взаимовлияют друг на друга [Hoshino 2008, 106: 509].

Экспериментальное исследование

В данной статье представляется экспериментальное исследование когнитивной обработки падежных форм носителями русского языка и татарско-русскими билингвами. Основой для нашего исследования послужило корпусное исследование речевых практик татарско-русских билингвов, полученных рамках проекта «Языковое и культурное разнообразие Южной Сибири: взаимодействие языков и культур». Анализ данных корпуса устной речи тюркско-русских билингвов RuTuBic [Резанова 2019, 21: 205–206] выявил отклонения от речевого стандарта (ОРС) в сфере грамматики, обусловленных интерферентным влиянием родных тюркских языков билингвов. Мы предполагаем, что интерферентные явления могут проявиться не только при производстве речи, но и при обработке языка.

Выбор конкретных падежных форм при моделировании дизайна эксперимента также основывался на данных корпусного исследования и на анализе соотношений падежных систем в языках. Наиболее частотными ОРС оказались формы именительного падежа в позиции винительного падежа со значением прямого объекта и в позиции субъекта в пассивной синтаксической конструкции, а также пропуск предлога в локативных конструкциях, употребленных в предложном падеже, или же употребление формы именительного падежа в локативных конструкциях без пропуска предлога. В дальнейшем в данной статье мы сфокусируемся на первом типе ОРС.

В татарском языке прямое дополнение может быть как оформленным, так и неоформленным, оно может не иметь аффикса вин.п,

это обусловлено категорией определенности: объектное значение в соединении со значением неопределённости не маркируется аффиксально [Байрамова 1989: 26–29].

Наша **гипотеза** – билингвы менее чувствительны к зарегистрированным в корпусе ОРС, чем к нетипичным для них ошибкам, это проявится в различии скорости обработки целевых слов в сконструированных предложениях. Для проверки данной гипотезы был создан дизайн окулографического эксперимента.

В качестве **целевых слов** отобраны 150 нарицательных существительных по «Новому частотному словарю русской лексики» О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова [Ляшевская 2009] для трех типов конструкций. Для предложений, в которых целевое слово является прямым объектом, выбрано 30 существительных одушевленного женского рода, 30 слов неодушевленного женского рода, 30 слов одушевленного мужского рода. Существительные неодушевленного мужского рода не могли быть отобраны из-за совпадения форм вин.п и им.п. Для предложений, в которых целевое слово выражает пространственное значение и в которых является субъектом в тв.п, отобрано по 30 существительных.

Чтобы избежать влияния значимых факторов на скорость прочтения целевых слов, все стимулы контролировались по фактору длины слова и объективной частотности употребления.

Респонденты

Контрольная группа составила 40 человек (18 мужчин) в возрасте от 17 до 39 лет, все носители русского языка как родного.

Экспериментальная группа составила 11 татарско-русских билингвов (6 мужчин) в возрасте от 17 до 53 лет.

Дизайн данного эксперимента представляет собой сочетание трех независимых переменных: тип предложения; тип ОРС с тремя уровнями: 1) грамматически корректное предложение, 2) предложение с зарегистрированными ОРС, 3) предложение с нетипичным отклонением; родной язык респондента с двумя уровнями: русский или татарский.

Процедура

После успешной процедуры калибровки на экране появлялась фиксационная точка и текст, сообщающий респонденту, что для появления стимула ему необходимо зафиксировать взгляд на точке и нажать клавишу «пробел». По окончании чтения предложения респондентам предлагалось перейти к следующему предложению, так же зафиксировав взгляд на фиксационной точке и нажав «пробел». После прочтения нескольких предложений предлагались вопросы, направленные на проверку осмысленности чтения, которые появлялись в случайном порядке в 33% случаев.

Результаты

Всего было собрано 8497 наблюдений, из которых 1753 наблюдения составляли данные о чтении целевых слов билингвами. Были использованы непараметрические методы анализа (по критерию Пирсона ($p < 0.01$)). Приведены результаты анализа времени полной фиксации на целевых словах. При анализе всех предложений вне зависимости от одушевленности в группе татарско-русских билингов выявлен главный эффект корректности предложения ($p < 0.01$): предложения, в которых прямое дополнение было употреблено в вин.п., обрабатываются быстрее предложений с любым типом ОРС. В группе носителей русского языка как родного выявлена статистически значимая разница между всеми тремя типами предложений, которые обрабатываются в следующей последовательности: корректные предложения, предложения с выявленными в корпусных данных ОРС и предложения с нетипичными для билингов ОРС ($p < 0.01$). Однако при обработке группой билингов предложений с неодушевленным объектом (30 существительных ж.рода) значимой разницы между типами предложений не обнаружено вовсе ($p = 0.74$). Паттерн обработки носителями русского языка как родного остается прежним. В татарском языке разделение имен на одушевленные и неодушевленные грамматической значимости не имеет наряду с грамматическим родом, однако различаются задаваемые вопросы к лицам и к остальным именам. Такое разграничение действительно могло повлиять на когнитивную обработку объекта билингвами, поскольку лицо, на которое направлено действие, всегда будет важнее неодушевленных предметов, которые не представляют собой концептуальной важности для обработки вне зависимости от корректности употребления данных имен.

Литература

Байрамова Л.К., Сафиуллина Ф.С. Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков. – Казань: Издательство Казанского университета, 1989. – 200 с.

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Новый частотный словарь русской лексики. – М.: Азбуковник, 2009. – URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php?> (дата обращения: 30.09.2022).

Резанова З.И., Дыбо А.В. Языковое взаимодействие в речевых практиках шорско-русских билингвов Южной Сибири // Изв. Урал. федер. ун-та. – Сер. 2: Гуманитар. науки. – 2019. – Т. 21. – № 2 (187). – С. 195–211.

Bertram R., Hyönä J., Laine M. The role of context in morphological processing: Evidence from Finnish. *Language and Cognitive Processes*, 2000. – Vol. 15. – No. 4/5. – P. 379–382.

Hoshino N., & Kroll J. F. Cognate effects in picture naming: Does cross-language activation survive a change of script? // *Cognition*. – 2008. – 106. – Pp. 501–511.

Деструктивный текст как объект лингвокогнитивных исследований

деструктивность, деструктивный текст, деструктивная интенция, аксиологическая структура текста

Текст в современных гуманитарных исследованиях представляет собой широкое по объему и разнообразное по содержанию понятие. В теории постмодернизма текст – это симулякр реальности, «ткань», продуцирующая «следы» прошлых текстов и эпох [Рубцова 2018: 133], весь мир есть текст; Ю. Лотман говорит о тексте как о «конденсаторе культурной памяти» [Лотман 1996: 10]. В лингвистике текст также трактуется по-разному: от узкого подхода, представленного в трудах О.С. Ахмановой [Ахманова 1969], И.Р. Гальперина [Гальперин 1974] и др., до предельно широкого, согласно которому текст включает «визуализированные произведения, произвольно организованные речевые высказывания (например, естественная письменная речь), транслируемые по разным каналам восприятия и направленные на обслуживание разных сфер современной жизни» [Ионова 2018].

Деструктивный текст – понятие, новое в лингвистических исследованиях, хотя в некоторых работах упоминаются тексты «деструктивной направленности» [Злоказов 2015; Гостюнина 2021], под которыми понимаются тексты, «констатирующие, иллюстрирующие агрессивные и насильственные действия или призывающие к их совершению» [Злоказов 2015: 25]. Представляется, однако, что деструктивный текст должен отвечать ряду критериев или параметров, чтобы называться таковым. Попытки параметризации деструктивного общения уже проводились (см. [Волкова 2014]), и, применительно к деструктивному типу общения можно вести речь о пяти параметрах, которые включают в себя наличие деструктивной интенции, эмоционального стимула, соответствующей коммуникативной ситуации (деструктивное общение реализуется в ситуациях открытой, скрытой и

пассивной деструктивности), а также фиксации негативной эмоциональной реакции адресата и позитивной эмоциональной реакции адресанта, соответственно.

Однако если в дискурсивной практике проведение подобного рода параметризации видится вполне выполнимой задачей, то в случае текста параметры деструктивности требуют корректировки. В частности, невозможность непосредственно оценить обратную связь и реакцию адресанта предполагает переосмысление последних двух параметров.

Ключевым моментом в анализе деструктивных текстов является выявление деструктивной интенции в рамках когнитивно-функционального подхода. Не погружаясь глубоко в разбор понятия «интенция», возьмем за основу понимание интенции П. Грайсом, а именно: интенция есть то, что конкретный говорящий имеет в виду (means) под своим высказыванием [Grice 1969]. Выявление деструктивной интенции тесно связано с анализом содержательных компонентов деструктивности в тексте, ибо интенцию нельзя рассматривать как изолированное явление, не связанное с текстом. Рассмотрение деструктивной интенции также предполагает использование качественных методов, в частности, метода контекстуального анализа, который обязывает исследователя быть «чувствительным к контексту» [Щербакова 2009], т.е. демонстрировать умение видеть конфликтную ситуацию, понимать ее, учитывая возможные последствия. Приведем пример:

Накануне бывший министр культуры, помощник президента и председатель Российского военно-исторического общества назвал тварями педагогов этого факультета с либеральными взглядами. <...> «Журфак МГУ забит этими тварями из числа либеральных преподавателей», – цитирует экс-министра РИА Новости (<https://govoritmoskva.ru/news/336974/>).

Использование лексемы «тварь» по отношению к человеку является в данном контексте вербальным выражением интенции оскорбить и унижить определенную группу лиц. Эксплицитную отрицательную реакцию обобщенного адресата на данное высказывание можно проследить в беседе радиостанции «Говорит Москва» с П. Гусевым, председателем московского регионального отделения Союза журналистов России, членом СПЧ: «Я отношусь к этому очень отрицательно». (<https://govoritmoskva.ru/news/336974/>)

В качестве примера четко выраженной деструктивной интенции, представленной обсценной лексикой, можно привести ответ бывшего посла Украины в Германии, дипломата А. Мельника американскому предпринимателю И. Маску в Twitter на его предложение о мире между Россией и Украиной: *Fuck off is my very diplomatic reply to you @elonmusk* (<https://twitter.com/MelnykAndrij/status/1576977000178208768>).

Тот факт, что оскорбительный текст не был удален, свидетельствует о том, что автор не сожалеет о его содержании. Более того, данный твит может рассматриваться как иницирующий текст, т.е. текст, который вызывает комментарии пользователей, также содержащие деструктивный компонент.

Деструктивная интенция может быть представлена не только обсценной, эмоционально-маркированной или стилистически сниженной лексикой. В тексте может быть реализована установка на физическое уничтожение объекта, что сближает рассматриваемый вид текстов с экстремистскими текстами. В качестве примера можно привести выдержки из беседы журналиста А. Красовского с писателем С. Лукьяненко, где журналист прокомментировал рассказ С. Лукьяненко о «поездке ребенком на Украину в 1980-е годы, где некоторые дети, по его воспоминаниям, говорили, что «Украина оккупирована москалями»: *«Вот прям топить этих детей, топить. Это не ваш метод, вы интеллигентные люди, писатели-фантасты, а это наш метод. Вот прямо сказал, что «москали оккупировали», и сразу прямо бросаешь в реку с буйным, бурным течением»* (<https://www.forbes.ru/forbeslife/480190-bastrykin-porucil-proverit-vyskazyvania-zurnalista-krasovskogo-o-detah>). Данное высказывание вызвало бурную отрицательную реакцию буквально со всех сторон, что привело к увольнению А. Красовского, несмотря на принесенные им публично извинения.

Однако существуют тексты, в которых представлена обсценная и/или стилистически сниженная и/или оскорбительная, негативно окрашенная эмоционально-оценочная лексика, но при этом отсутствует деструктивная интенция:

*Ненависть к Галине Леонидовне достигла такой острой формы, что Андрей Николаевич возжелал её, мстительно представив себе **ненавистную тварь** в, так сказать, непарламентской позе – бегуньей на старте* (Анатолий Азольский. Попушок // «Новый Мир», 1998. НКРЯ).

В данном примере оскорбительное значение слова «тварь» нивелируется за счет ироничного стиля автора и его умения создать комический эффект.

Мы полагаем, что, кроме наличия в тексте определенного набора содержательных компонентов деструктивности, для определения деструктивной интенции и отнесения текста к разряду деструктивных необходимо ввести еще один параметр. Речь идет об изменении аксиологической структуры текста. Если в тексте фиксируется преобладание враждебных эмоций в форме их номинации, экспрессии или дескрипции и адресант использует языковые средства понижения статуса адресата, то нарушенными оказываются базовые принципы общения, в частности, принцип кооперативности общения. Таким образом, происходит нарушение аксиологической структуры текста: коммуникативные ценности, которые, по своей сути, являются инструментом проникновения в сознание носителей лингвокультуры, подменяются анти-ценностями. Лингвокогнитивный подход к анализу деструктивных текстов позволяет рассмотреть роль языковых средств в актуализации «анти-ценностной картины мира», связать деструктивную интенцию со средствами ее вербализации и, в конечном итоге, проследить динамику глобальных изменений в коммуникативном сознании социума.

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стер. – М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.

Волкова Я. А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. – 304 с.

Гальперин И.Р. О понятии «текст» // Вопросы языкознания. – 1974. – № 6. – С. 68–77.

Гостюнина В.А. Метод и алгоритмы классификации текстовой информации по индикаторам деструктивной направленности: дис. ... канд. техн. наук. Астрахань, 2021. –146 с.

Злоказов К.В. Контент-анализ текстов деструктивной направленности // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1 (51). – С. 244–251.

Ионова С.В. Лингвистика текста в стремлении к точности и широте // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2018. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-teksta-v-stremlenii-k-tochnosti-i-shirote> (дата обращения: 27.10.2022).

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.

Щербакова О.И. Контексты в конфликтологии. – М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2006. – 80 с.

Grice P. Utterer's Meaning and Intentions // The Philosophical Review. –1969. – 78 (2). – P. 47–77.

Цвет как способ активации подсознательных мотиваций

цветовое ощущение, коннотации, маркетинговый дискурс, мотивации, культурный знак

В рамках психолингвистических исследований цвет трактуется с точки зрения цветового ощущения и воздействия цвета на эмоции и поведение человека [Фрумкина 1984: 6; Люшер 1995; Мерло-Понти, 1999: 272; Пастуро 2017: 144]. В этой связи цвет может рассматриваться как манипуляция покупателем, поскольку активизирует подсознательные мотивации, основанные на психоэмоциональном восприятии объектов и предметов реального мира. В статье анализируются цветовые ассоциации и коннотации, которые создаются маркетологами в рамках коммуникационной стратегии для продвижения товаров и услуг.

Ученые доказали, что в основе мотиваций и побуждений, вызванных восприятием цветовых оттенков, всегда находятся фоновые знания (субъективный опыт, воспоминания, ценностные приоритеты). Покупая товары, человек проецирует свой индивидуальный опыт (воспоминания, желания, сожаления) на вещи. Например, если оттенок синего цвета связан с положительными воспоминаниями (морской отдых, свежесть бриза), то возникают положительные коннотации. Напротив, если этот оттенок вызывает отрицательные воспоминания (автокатастрофа с участием машины похожего оттенка), то коннотации будут отрицательные.

Субъективность потребительского поведения используется маркетологами для создания культурных знаков, формирующих положительные дополнительные смыслы или коннотации (уверенность, престиж, статус, защищенность, красота, здоровье, оригинальность и др.). Французский социолог Ж. Бодрийяр полагает, что потребитель, спасаясь от стрессов окружающего мира, получает душевное спокойствие и ощущение счастья через образы и знаки [Bodriillard 1970: 15–17]. Возникает новое направление *маркетинговый дискурс*, включа-

ющий рекламные тексты, слоганы, наименования и вербальные компоненты логотипов с метафорическими наименованиями цветовых оттенков.

Выбор цветовой гаммы представляет продуманную коммуникационную стратегию, которая формирует нужные ассоциативные образы и коннотации. Так, в парфюмерии синий цвет ассоциируется с морем и передает коннотации «прохлада», «сила» (*bleu Méditerranéen* – синий средиземноморский, *bleu vacances* – синий цвет отпуска, *orange* – цвет бури), зеленый – с растительным миром и создает коннотации «свежесть», «экология» (*vert mousse* – зеленый цвет мха, *vert d'eau* – зеленый цвет воды), красный цвет по ассоциации с огнем передает коннотации «сильные чувства», «независимость» (*rouge flamboyant* – сверкающий красный, *provocation* – провокация, *grace sauvage* – дикая грация) кости [Chanel].

Ощущение счастья и душевного комфорта создается через формирование оригинальных цветовых ассоциативных образов, выступающих в качестве художественно-выразительного средства: *souçon de rose* – розовое сомнение, *glace de pêche* – персиковый лед, *rose désirable* – розовый желанный, *douceur beige* – бежевая мягкость, *fushia irresistible* – неудержимая фуксия, *zéphir d'ivoire* – зефиром с оттенком слоновой кости [Chanel].

Для привлечения внимания покупателей маркетологи создают цветообозначения, в которых в качестве цветового прототипа выступают реалии глобального мира или «чужих» культур. На когнитивном уровне, по мнению Г.Г. Молчановой, происходит «помещение какого-либо образа в новый фрейм, в новый национально-культурный контекст, позволяющий адресату находить новые решения, влияющие на переживание и интерпретацию ситуации» [Молчанова 2018: 14]. В результате использования артефактов из других культур образуются различные положительные коннотации с новыми смыслами. Так, цветообозначения *gris building* (серый цвет зданий), *vert golf* (зеленый цвет лужайки для гольфа), *rose Barby* (розовый цвет одежды куклы Барби), *jaune pokémon* (желтый покемон) указывают на фирменный стиль, эталон, известность [Пастуро 2017; Mollard-Desfour 2002], а цветообозначения с цветовым референтом из восточных культур, образуют коннотации «путешествие», «каникулы», «оригинальность», «экзотика»: *lanterne chinoise* (китайский фонарик), *rouge madras* (красный цвет индийского головного убора), *gris hammam* (серый цвет турецкого хаммама) [Dulux Valentine, интернет источник].

Поскольку цвет обладает способностью стимулировать воображение покупателя и актуализировать нужные эмотивные состояния, он становится частью продуманной коммуникационной стратегии. В результате слияния разных ментальных пространств или концептуальной интеграции образуются цветовые метафоры, создающие новый цветовой оттенок. Происходит воздействие на уровне нервно-психологических процессов человека и образование дополнительных смыслов и коннотаций, которые используются маркетологами для влияния на потребительское поведение индивида.

Литература

Люшер М. Сигналы личности: ролевые игры и их мотивы. – Воронеж: НПО Модэк, 1995.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента, 1999.

Молчанова Г.Г. Когнитивная синестезийная метафора и теория напряженности // Вест. Моск. ун-та. – Сер. 19. – Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 4. – С. 9–18.

Пастуро М. Синий. История цвета. – М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. – М.: Наука, 1984.

Bodrillard J. La société de consommation: ses mythes et ses structures / Пер. с фр. – P.: Gallimard Education, 1970.

Chanel. Catalogue produits cosmétiques. – URL: <https://www.chanel.com/fr/maquillage/#page-4> (дата обращения 19.12.2020).

Dulux Valentine. Catalogue produits décoration. – URL: <https://www.duluxvalentine.com> (дата обращения: 14.12.2021).

Guerlain. Catalogue produits cosmétiques. – 2019. – URL: <http://www.guerlain.com/fr/> (дата обращения 15.09.2021).

Mollard-Desfour A. Dictionnaire de la couleur, mots et expressions d'aujourd'hui, XXe-XXIe siècles. Le Rose. – P.: CNRS Editions, 2002.

Воронина Татьяна Михайловна
Камалова Юлия Азаматовна
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
УДК 81'37+81'374.73

**Концептуализация *тайны* в русском языке:
идеографический аспект**

*лексика с семантикой тайны, концепт «Тайна»,
концептуализация, идеографический словарь*

Одним из важных концептов во многих лингвокультурах, в том числе в русской, как отмечают В.И. Карасик и Э.А. Китанина, «является концепт *ТАЙНА*, природа которого изучена еще недостаточно» [Карасик 2020: 64]. *Тайна* может существовать в разных сферах жизни и деятельности человека; это абстрактное понятие, обладающее разнообразными характеристиками.

В научной литературе имеются исследования отдельных аспектов феномена тайны: например, посвященные тайне как мотиву произведения, в том числе в сопоставительном аспекте, фразеологии тайны в разных языках. Среди лингвистических исследований прежде всего следует отметить представление синонимического ряда с доминантой *тайна* в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под ред. Ю.Д. Апресяна, где в состав ряда включены лексемы *тайна*, *секрет*, *загадка*, общая семантика обозначена «нечто важное или интересное, чего человек не знает о каком-либо предмете, так как это от него скрыто и узнать это трудно» [Левонтина 2003: 1137]. Отметим также уже упомянутое исследование В.И. Карасика и Э.А. Китаниной, где *ТАЙНА* рассматривается как полидискурсивный концепт, целью является «выявление и описание дискурсивной специфики осмысления концепта *ТАЙНА* в обиходном и институциональном общении», материалом – лексема *тайна* и ее контекстное окружение в разных типах дискурса [Карасик 2020: 64].

Особенность нашей работы состоит в том, что при анализе концептуализации тайны в русском языке применяется идеографический подход. Лексема *тайна* – основной лексический репрезентант соответствующего концепта – является многозначной, имеет аб-

страктную семантику и разнообразные связи в системе языка. Исследование когнитивных признаков концепта, репрезентируемого такой лексемой, должно основываться на анализе лексической семантики слов – репрезентантов различных когнитивных признаков концепта и может быть уточнено путем рассмотрения их парадигматических связей, т. е. принадлежности к тем или иным семантическим классам и группам.

Таким образом, объектом исследования являются лексические значения, в составе которых имеется семантический компонент 'тайный, неявный, скрытый' (общее количество около 250 ЛСВ). Материалом послужили прежде всего данные, полученные при работе над «Универсальным словарем-тезаурусом русского языка» (проект под руководством Л.Г. Бабенко). Дополнительный источник материала – результаты поиска по текстам словарных статей толковых словарей, размещенных на сайте Словари.ру [Словари.ру: электр. ресурс], по заданным маркерам *тайн**, *таи**, *скры**, *неизв**, *секрет** (где * означает любую последовательность символов); например: *аноним* 'Автор или информатор, *скрывающий* свое имя' (РСС); *келейный* '2. перен. *Тайный, секретный, совершаемый узким кругом лиц*' (СОШ); *обнаружиться* '1. О том, что было *скрыто или неизвестно*: *оказаться налицо, стать явным, очевидным*' (СОШ).

Интерес представляет распределение выявленной лексики по денотативно-идеографическим сферам и группам, с учетом того, что группы включают слова различных частей речи: такое распределение отображает представления о фрагментах действительности, жизни и деятельности человека, связанных с неизвестной и/или скрываемой информацией, а также о характеристиках, участниках и т. п. таких ситуаций.

Поскольку *тайна* в самом общем понимании, судя по дефинициям толковых словарей, – 'какая-л. информация, какие-л. сведения, известные не всем, немногим', то прежде всего лексика с семантикой тайны относится к классу «Интеллект» (группа «Познание») денотативной сферы «Человек и его внутренний мир». При концептуализации тайны как информации прежде всего происходит профилирование причины, по которым информация неизвестна:

1) существуют явления действительности, которые неизвестны никому или большинству людей, т. к. в принципе недоступны или труднодоступны познанию, возможно, необъяснимы (*тайна, секрет, загадка, мистика, энигма*). Специально обозначаются признаки и

свойства подобных явлений действительности (напр., *тайный, неизвестный; таинственность, неизведанность, загадочность*), им метафорически приписывается способность содержать в себе нечто таинственное, не являя этого человеку (*скрывать, таить, хранить*);

2) информация известна немногим, ограниченному кругу лиц, т. к. намеренно не сообщается, распространение такой информации нежелательно для владельцев (*тайна, секрет, подоплека*). Специально обозначаются признаки такой информации (напр., *тайный, скрытый, секретный, заветный, негласный*), правила обращения с ней (*тайна, секретность, конфиденциальность*), действия, направленные на сохранение тайны (*скрывать, молчать, засекречивать*), качество человека, склонного скрывать информацию о себе, свои мысли, чувства (*скрытый, скрытность*), возможность передачи тайны (напр., *доверяться, посвящать*) избранным людям (*поверенный, хранитель, наперсник, конфидент*). С другой стороны, люди, от которых скрывается информация, прилагают усилия, чтобы ее узнать (напр., *разузнавать, выведывать*) и сделать известной (напр., *открыть, обнаружить, разоблачить*); информация может стать известной и без подобных усилий, просто под воздействием каких-л. обстоятельств (напр., *обнаружиться, открыться, всплыть*).

Так как информация передается людьми в общении, естественно отметить, что обнаруживается пересечение, прежде всего на уровне глагольной лексики, с денотативно-идеографической сферой «Язык и речь», т. е. профилируется речевой способ сокрытия/раскрытия информации. Тот, кто владеет информацией, может сообщить ее другим намеренно (напр., *разгласить, разнести, растрепать*) или ненамеренно (напр., *проговориться, обмолвиться, сболтнуть*), может сообщить не всю информацию, скрыв ее часть (*недоговаривать, недосказывать, умалчивать; недомолвка, недоговорка, недоговоренность, недосказанность, умолчание*). Для сохранения скрытой информации при ее передаче могут использоваться специальные средства (*код, шифр, тайнопись, кодировать, шифровать*), которые, однако, могут быть преодолены (*расшифровать, дешифровать, вскрыть, взломать*).

Специализация характера скрываемой информации дает пересечение с другими денотативно-идеографическими сферами. *Тайный, нелегальный, подпольный, конспиративный* – скрываемый, т. к. является незаконным, *тайный, секретный* – относящийся к делам,

не подлежащим разглашению; *агент, осведомитель, разведчик, резидент, шпион* и т. п. – тот, чья деятельность связана с такими делами и с сообщением кому-л. скрываемых сведений – в семантике подобных лексем реализуется пересечение с общественно-государственной сферой. *Тайный, скрытый, сокровенный, заветный, потаенный, затаенный, смутный* – пересечение со сферой эмоций. *Аноним, инкогнито* – пересечение с социальной сферой (существование в социуме, поведение).

Скрытый характер деятельности вообще номинируется наречным рядом *тайно, втайне, втихомолку, втихаря, по секрету, потихоньку, тайком, тишком, украдкой* ‘не обнаруживая, скрывая от других’. Дальнейшая концептуализация происходит по пути специализации характера деятельности, которая осуществляется тайно, в различных сферах: речь и социальное взаимодействие (напр., *заговор, сговор, сговориться, подстрекать, сплетничать, ябедничать*), право (напр., *шпионаж, контрабанда, кража*), поведение (напр., *козни, интриги, происки, подстроить*), интеллект (*умысел, помысел, помышление, замышлять*), восприятие (*подсмотреть, подслушать*), движение (*бегство, побег, подобраться, пробраться, прокрасться, подкрасться*), помещение (*прятаться, скрываться, укрываться, притаиться*), конкретная физическая деятельность (*прятать, скрывать, укрывать, хранить, утаивать, таить*), пространство и место (*тайник, укрытие*).

Таким образом, концепт *Тайна* характеризуется номинативной плотностью, наличием большого количества лексических репрезентаций (фразеологические не рассматривались в рамках данной работы); использование материалов идеографического словаря позволяет выявить различные аспекты концептуализации тайны в русском языке: причины того, что информация является скрытой, неизвестной, тип и признаки скрываемой информации, владелец информации, сфера жизни и деятельности людей, с которой она связана (интеллект, речь, эмоции, поведение, общественно-государственная сфера, право, движение, помещение, пространство и место), действия по сокрытию и обнаружению такой информации.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22 18 00352, <https://rscf.ru/project/22-18-00352/>

Литература

Карасик В.И. Контекстуализация тайны в обиходном и институциональном типах дискурса / В.И. Карасик, Э.А. Китанина // Вопросы когнитивной лингвистики, 2020. – № 4. – С. 64–72.

Левонтина И.Б. Тайна / И.Б. Левонтина // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе изд., испр. и доп. / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. – С. 1137–1139.

Словари.ру: [сайт]. – URL: <https://www.slovari.ru> (дата обращения: 26.09.2022).

Язык как главный маркер маргинальной идентичности

*язык, мышление, аккультурация, мультикультурное общество,
маргинальная идентичность, когнитивный диссонанс*

Роль языка в формировании этнической идентичности всегда находится в фокусе межкультурной коммуникации. На фоне таких процессов как глобализация, миграция населения, смешения рас особый интерес вызывает маргинальная идентичность и ее проявление в речевом поведении, языковой компетенции и выборе языка.

Согласно теории стратегии аккультурации Джона Берри маргинализация происходит на стыке двух и более культур, когда личность определенно не может себя отнести ни к одной культуре [Берри 1992: 377]. Как правило, маргинальная идентичность формируется при отсутствии условий для сохранения и передачи родных языков. Поэтому маргинализация влечет за собой низкую языковую компетенцию в родном языке или полное ее отсутствие. Таким образом, маргинал вынужденно отдает предпочтение какому-то одному универсальному языку, который удовлетворит его коммуникацию в семье, в культуре, в обществе.

В этой статье мы хотим рассмотреть проблему маргинальной идентичности мультикультурной личности. Ее проявления в языке, причины и последствия.

На основе проведенного эмпирического исследования, мы можем предположить, что язык выступает главным маркером в определении нулевой идентичности.

В исследовании приняло участие 20 человек моно и мультикультурной этнической принадлежности из России и Казахстана. Монопредставители: казахи, русские, буряты, ингуши. А также метисы с национальным составом казахов и русских; казахов и татар; китайцев и монголов; ингушей и индусов; казахов, русских и татар; казахов, ингушей и татар.

Респондентам была предложена анкета на предмет национальной идентичности, владения родным и другими языками, а также желания дополнительно овладеть какими-либо языками.

В ходе исследования выяснилось, что монокультурные респонденты, в точности русские, казахи, ингуши указали свои родные языки, соответствующие национальной принадлежности, при этом каждый из них владеет русским языком и выбирает его для общения. Кроме того, большая часть из них владеет английским языком. Нет проблем в национальной идентификации. Между тем, один человек, бурят по национальности из десяти представителей других монокультур все же отметил, что испытывает трудности с причислением себя к указанной национальности, называет себя Человеком Мира и не владеет родным языком. Еще одной характерной особенностью явилось то, что респонденты, владеющие родным, русским и английским языками не имеют желания дополнительно изучать другие языки. Те респонденты, которые не владеют английским языком, остановили свой выбор только на нем.

Не менее интересная картина сложилась и у мультикультурных представителей. 50% метисов указали, что сложно сделать выбор в пользу одной национальности. 33,3% указали, что склоняются к одной доминирующей национальности. Все владеют русским языком. 80% метисов назвали русский язык родным. И лишь 20% отметили знание родного не русского языка. При этом все метисы выбрали не одну, а несколько позиций в дополнительном изучении других языков.

Таким образом, анализ исследования показал, что маргинализации подвержены преимущественно представители мультикультуры. И проявляется она в первую очередь через речевое поведение и языковую компетенцию.

Кроме того, удалось выявить и скрытую маргинальную идентичность. Это хорошо прослеживается у метисов, указавших национальность одну, а родной язык другой, что говорит о неадекватном речевом поведении и отсутствии языковой компетенции в родном языке.

Маргинальная идентичность, по мнению Джона Берри, в первую очередь негативно сказывается на внутреннем мире личности, приводит к когнитивному диссонансу, чувству неуверенности, беспокойства [Берри 1992: 378]. Что подтверждается анализом нашего исследования, когда мы говорим о трудности в выборе одной национальности мультикультурными испытуемыми. Однако, о той же марги-

нальности существует и противоположное мнение. Например, Роберт Парк маргинального человека назвал более цивилизованным существом [Парк 2011: 240]. Это тип личности, который появляется в то время и в том месте, где из конфликта рас и культур начинают появляться новые сообщества, народы, культуры. Это тоже, отчасти, подтверждается нашим исследованием. Ведь все метисы отметили желание дополнительно изучать другие языки. Тогда как представители монокультуры проигнорировали этот пункт в анкете. Подсознательно, маргиналы готовы не ограничиваться устоявшимися традициями и обычаями одной культуры, их диапазон мышления направлен на расширение границ в изучении и познании других культур.

Литература

Николаев В.Г. Р.Парк Избранные очерки / В.Г. Николаев. – М.: ИНИОН РАН, 2011.

Язык как фактор этнической идентичности. – URL: <http://childpsy.ru/dissertations/19876/> (дата обращения: 30.09.2022).

Berry J.W. et al. Cross-cultural psychology: Research and applications. – Cambridge, etc.: Cambr. Univ. Press, 1992.

Давыдова Мария Александровна
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
УДК 81-119

Динамика в функционировании метафор как составляющая идиостиля языковой личности политического лидера

*метафора, динамика, идиостиль, языковая личность,
политическая метафорология*

Настоящая статья продолжает исследования автора, посвященные анализу динамического аспекта в функционировании метафор в идиостиле языковой личности У. Черчилля как политического лидера [Давыдова 2022]. Изучение динамики метафор, в том числе на материале политического дискурса, представляет собой одно из перспективных и активно развивающихся направлений в современной когнитивно-дискурсивной парадигме языкознания, которое получило последовательную разработку в отечественной лингвистике, в частности, в трудах представителей Уральской школы политической лингвистики (см. подр.: [Аникин, Будаев, Чудинов 2015 (а); Аникин, Будаев, Чудинов 2015 (б); Будаев, Кондратьева, Нахимова, Чудинов 2016; Будаев 2017]). К настоящему времени написан ряд фундаментальных трудов, заложивших теоретико-методологические основы указанного направления исследований (см.: [Балашова 2014; Кондратьева 2014]).

Анализ динамического аспекта в функционировании метафор предполагает фрагментацию дискурса, которая включает два типа: равномерная и фокусная фрагментация. При равномерной фрагментации временной отрезок сегментируется на равные части, именуемые шагом фрагментации, фокусная фрагментация предполагает деление периода на основе событий; таким образом, данный тип фрагментации не связан с хронологическим аспектом, в отличие от равномерной фрагментации [Будаев 2020]. Настоящая работа базируется на принципах равномерной фрагментации, шаг фрагментации равен году. Материалом исследования послужило собрание речей У. Черчилля довоенного, военного и послевоенного периодов, охватывающее период с 1936 по 1946 г.

Результаты исследования показывают, что в динамике метафор можно выделить два параметра: количественный и качественный. Первый предполагает различные количественные изменения: 1) тенденции к сокращению и увеличению процентной доли определенных метафор в рамках того или иного периода; 2) отсутствие отдельных метафор в рамках определенного периода, в то время как в другие периоды эти метафоры могут быть представлены. Качественный аспект динамики включает: 1) смену акцентов и модификацию содержательной составляющей при использовании одних и тех же метафор в разные периоды; 2) трансляцию идентичных мыслей / идей посредством разных метафор. Так, один из аспектов качественной (каллитативной) динамики проявляется в специфике функционирования разнообразных механистических метафор в военный и послевоенный периоды. Так, в военный период посредством указанных метафор концептуализируется беспощадность «военной машины» Германии, уничтожающей и порабащающей народы, в то время как в послевоенный период основной содержательный фокус механистических метафор смещается: рассматриваемые метафоры употребляются преимущественно для описания перевода экономики и других сфер жизни общества на «мирные рельсы». Обратимся к примерам. В (1) *All over the world men and women, under every sky and climate, of every race, creed and colour, all have the feeling that in the casting-down of **this monstrous Nazi engine of tyranny, cruelty, greed and aggression**—in the casting of it down shattered in pieces, something will have been achieved by the whole human race* < > [Onwards to Victory 2013: 381–382] описана деструктивная мощь Германии, уподобляемая чудовищному мотору (monstrous engine) тирании, жестокости, жадности и агрессии, что предстоит разрушить / сломать. В (2) *Whatever view may be taken of Socialism or Free enterprise, surely it is common ground between us all, that **we should get all the great wheels and the little wheels of life and industry in this country turning as soon as possible**. Without the men, and also the women, now held in the Services, there can be no speedy revival. < > **Get all the great wheels turning, and all the little cog wheels too! Let them rotate and revolve, spin and hum, and we shall have taken a long step forward towards our deliverance. In order to get them turning, we must bring the men home, and set the men free** [The Sinews of Peace 2013: 11] с помощью выделенных метафор характеризуется послевоенный этап, связанный с возвращением к*

мирной жизни. Как следует из содержания представленного фрагмента, политик призывает к тому, чтобы «завести» механизм новой, мирной, послевоенной жизни, связанной, в частности, с переводом промышленности страны на мирные рельсы, т.е. речь идет об обеспечении нужд государства в послевоенных условиях.

Показателем динамики метафор может служить специфика использования аллюзивных метафор (термин В.П. Москвина), которые наиболее востребованы в военный период. Продуктивность именно в военный период указанных типов метафор связана с реализуемой ими ярко выраженной апеллятивной функцией, поскольку используемые образы являются частью культурного кода народа, в частности литературы, что обеспечивает их воздействующий потенциал в критических условиях военного времени. Так, в одном из примеров гитлеровская Германия уподоблена тигру, а Муссолини представлен в образе шакала, что является отсылкой к «Книге джунглей» Р. Киплинга. В другом примере рассуждения У. Черчилля о будущей мировой организации по обеспечению защиты и безопасности в мире содержат аллюзию к библейскому тексту, а именно к Евангелию от Иоанна, объективированную в сочетании *house of many mansions* (дом с множеством обитателей).

Квантитативный аспект динамики проявляется также в специфике функционирования различных антропоморфных метафор: метафоры родственных/семейных отношений преимущественно характерны для военного и послевоенного периодов, отмеченных стремлением политика создать «европейскую семью народов», при этом они отсутствуют в довоенный период; также отметим, что в послевоенный период не выявлены метафоры дружеских/соседских отношений, которые востребованы в военный период.

Таким образом, динамика метафор представляет собой двуединый конструкт, включающий квантитативную и качественную составляющие. Исследование динамического аспекта в функционировании метафор в аспекте идиостиля языковой личности индивидуума, в частности языковой личности политического лидера, открывает возможности для изучения соотношения типов метафор и временного периода в плане изменения индивидуальной картины мира в структуре избранной языковой личности.

Литература

Аникин Е.Е. Архетипы и инновации в диахронической динамике метафорических систем в политической коммуникации / Е.Е. Аникин Э.В. Будаев, А.П. Чудинов // Вестник ВГУ, 2015. – № 1. – С. 5–11.

Аникин Е.Е. Историческая динамика метафорических систем в политической коммуникации России / Е.Е. Аникин, Э.В. Будаев, А.П. Чудинов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3. – С. 26–32.

Балашова Л.В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. / Л.В. Балашова. – М.: Знак, Рукописные памятники Древней Руси, 2014. – 626 с.

Будаев Э.В. Метафоры болезни в российской прессе [Metaphors of disease in the Russian Press] / Э.В. Будаев // X Linguae Journal, 2017. – Vol. 10, No. 2. – С. 30–37.

Будаев Э.В. Методика диахронического анализа политической метафорики / Э.В. Будаев, О.Н. Кондратьева, Е.А. Нахимова, А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2016. – № 6. – С. 18–31.

Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология / Э.В. Будаев. – СПб: Наукоемкие технологии, 2020. – 464 с.

Давыдова М.А. Динамика метафорики в структуре языковой личности политического лидера / М.А. Давыдова // Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общекультурных компетенций человека нового поколения. Материалы II Междисциплинарной научно-практической конференции 31 мая 2022 г. – М.: «КДУ», «Добросвет», 2022. – 520 с. – С. 141–155.

Кондратьева О.Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре: (XI–XX вв.): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Екатеринбург, 2014. 47 с.

Churchill W. Onwards to Victory / W. Churchill. – New York: Rosetta Books, 2013. – 473 p.

Churchill W. The Sinews of Peace / W. Churchill. – New York: Rosetta Books, 2013. – 251 p.

Дудорова Мария Владимировна
Уральский федеральный университет
имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина
УДК 81`37

Концептуализация худобы в русском языке

*концептуализация, когнитивные признаки, русская лексика
и фразеология, идеографический словарь*

Исследование выполнено в рамках работы над универсальным словарем-тезаурусом русского языка, в котором воплощен «новый подход к описанию системы русской лексики, при котором она рассматривается как межчастеречная лексическая система особого типа, состоящая из денотативно-идеографических групп слов различной частеречной принадлежности, включая наречия, модальные слова, предлоги и предложные сочетания, союзы, междометия» [Бабенко 2015а: 7].

Рассматриваемые лексемы относятся к денотативно-идеографической группе «Особенности телосложения живого существа» (сфера «Живая природа», группа «Живое существо (человек и животное) как организм») (классификация приведена в соответствии с синопсисом, разработанным на основе комплекса идеографических словарей, подготовленных учеными Уральской семантической школы [Бабенко 2015б: 24]).

Номинации телосложения живого существа структурируются вокруг нескольких базовых параметров, одним из которых является вес/объем организма, осмысляемый по шкале «ниже нормы – норма – выше нормы» (*худой – стройный – толстый*). Семантика худобы представлена в русском языке 84 лексемами различных частей речи: существительными (*худоба* и синонимы, *скелет* и синонимы, *худышка* и синонимы), прилагательными (*худой* и синонимы, *поджарый* и синонимы), глаголами (*худеть* и синонимы) и фразеологическим рядом (27 единиц, не считая вариантов); также рассматриваемый смысл представлен в группе «Часть головы живого существа, а также часть того, что на ней расположено» прилагательными (*осунувшийся* и синонимы). Рассмотрим когнитивные признаки, профилируемые в лексических и фразеологических единицах.

1. Степень проявления признака демонстрирует градуируемость: нормативно худой: *худой, сухощавый, тонкий, жилистый, сухой*, разг. *сухопарый, худоба, худеть/похудеть*; тонкая (узкая) кость и т. д.; умеренно худой: *поджарый, устар. поджаристый, поджарость, осунувшийся* и т. д.; очень худой (как правило, такой признак воспринимается как показатель физического нездоровья): *тощий, разг. отощальный, истощенный, исхудалый, костлявый, худосочный, разг.-сниж. худущий, разг.-сниж. худющий, истощенность, скелет, разг. дистрофик, разг. мощи, разг.-сниж. рахит, иссыхать/иссохнуть, разг. ссыхаться/ссохнуться; живот к спине прирос, щека щеку ест* и т. д.

2. Причина появления признака маркируется в ряде единиц, указывающих на возникновение признака в результате недостатка питания ([выглядит так] будто семь лет не кормили) или болезненного состояния, когда худоба является логическим следствием этого состояния (*осунувшийся, истощенный, исхудалый, разг. дистрофик, [осталась] одна тень*). Таким единицам противопоставлены лексемы, характеризующие естественность признака (*сухой, тонкий, тонкая (узкая) кость*).

3. Приобретение признака представлено прежде всего глагольным рядом с семантикой «становиться/стать худым»: *худеть/похудеть, иссыхать/иссохнуть, сов. исхудать* и т.д. Ряд прилагательных указывает на постепенность появления признака: *поджарый, жилистый* (не имеющий лишнего жира в противовес толстому), *костлявый* (худой до степени видимости костей), *истощенный, разг. отощальный* (болезненно худой). Отдельно отметим единицу, демонстрирующую совмещение признака худобы и состояния кожи (приобретение признака в данном случае соотносится с изменением цвета кожного покрова): *сбледнуть с лица*.

Широко значение становления признака представлено во фразеологии, где наблюдается градуируемость от небольших изменений веса, часто сознательных (*спадать/спасть с тела (с лица), терять/потерять (убавлять/убавить) в весе, спускать/спустить (растрясать/растрясти) жир (жиры), спускать/спустить (сбавлять/сбавить) вес*) до максимальной потери веса, граничащей с критической (*живые (святые, ходячие) мощи, мешок костей (с костями), можно ребра пересчитать, [остались] одни (только) глаза, [остались] [одна] кожа да кости, [осталась] одна тень*).

4. Сочетание признака худобы с другими внешними/внутренними признаками представлено сочетанием худобы с выступающими жилами (*жилистый*), худобы с видимыми костями (*костлявый*, *разг.-сниж. рахит*, *одни кости [торчат]*, *худой как скелет*), а также (применительно к женщине/девушке) сочетания худобы с грудью небольшого размера (*доска два соска*).

5. Носитель признака:

– человек определенного пола: *скелет*, *разг. дистрофик*, *разг. мощи*, *разг. мумия*, *разг.-сниж.*, *груб. глист*, *разг.-сниж. рахит*, *разг.-сниж. сухофрукт* (о мужчине/юноше) и *разг. худышка*, *разг. дистрофичка*, *разг.-сниж. выдра*, *разг.-сниж.*, *груб. глиста*, *разг.-сниж. рахитичка*, *разг.-сниж. щепка* (о женщине/девушке)

– человек определенного возраста (ребенок) номинируется в синонимическом ряду *скелет*, *разг. дистрофик*, *разг. мощи*, *разг. мумия*, *разг.-сниж. рахит*;

– человек vs. животное: большинство единиц имеют универсальную отнесенность, однако отметим, что единицы, связанные с врожденными особенностями телосложения (*тонкий*, *тонкая (узкая) кость*) применимы только к человеку.

6. Характеризуемый объект относительно строения живого существа:

– группа прилагательных номинирует признак «лишенный жировой прослойки, небольшой в обхвате» и характеризует части тела: *худой*, *исхудалый*, *костлявый*, *поджарый*, *сухой*, *тонкий*, *тощий*, *худощавый*, *разг. высохший*, *разг. отоцалый*, *разг. сухопарый*, *разг.-сниж. худущий*, *разг.-сниж. худющий*;

– группа прилагательных номинирует признак «впалый живот, втянутые бока» (*поджарый*, *устар. поджаристый*, *живот к спине прирос*); данный признак, как правило, маркируется относительно представителей мужского пола.

7. Образное осмысление худобы представлено так:

– наибольшую представленность имеет осмысление худобы через образ костей, представленный как непосредственной метонимической связью между весом/объемом и видимостью костей (*костлявый*, *скелет*, *худой как скелет*, *одни кости [торчат]*, *можно ребра пересчитать*, *мешок костей (с костями)*), так и переосмыслением через религиозный образ останков человека (*разг. мумия*) или святого (как правило, сохраняющихся именно в виде костей) (*разг. мощи*, *живые (святые, ходячие) мощи*);

– ассоциации с болезнью представлены переносом по смежности «болезнь – внешние признаки болезни»: *разг. дистрофик, разг.-сниж. рахит*; болезненная худоба также ассоциируется со смертью: *мощь загробная; ходячая смерть; точно выходец (пришелец) с того света; таять/истаять* (то есть исчезать, переставать существовать);

– образ отсутствия влаги: *сухость, сухой, разг.-сниж. сухофрукт, иссыхать/иссохнуть, разг. высыхать/высохнуть, разг. сохнуть/высохнуть, разг. ссыхаться/ссохнуть, разг. усыхать/усохнуть*;

– плоские предметы, представленные растительными объектами (*тощ как хвощ; худой как тростинка*) и различными вытянутыми деревянными предметами (*разг.-сниж. щепка, худой как жердь (спичка; щепка; палка; дрын)*); *все висит как на вешалке*);

– пространственная метафора частей тела/лица, находящихся на небольшом расстоянии (*живот к спине прилип (прирос)*); *щека щеку ест*);

– зоометафоры представлены образами выдры (*разг.-сниж. выдра, [худая] как выдра*), глиста (*разг.-сниж., груб. глиста, глиста во фраке*) и селедки (*[худая] как селедка*);

– изменение веса осмысливается через различные части лица и тела, как правило, представлен образ остаточного признака (*спадать/спасть с тела (с лица)*); *один нос [остался]*; *[остались] одни (только) глаза*; *[остались] [одна] кожа да кости*; *[осталась] одна тень*);

– культурно-специфичные ассоциации представлены фольклорным образом (*худой как кощей*), а также образом из эпохи СССР (*тощий как цыпленок за рубль [семьдесят пять]*).

Таким образом, худоба в русской лексике номинируется единицами разных частей речи, а также фразеологизмами. В семантике лексем отражены следующие когнитивные признаки: степень проявления, причина появления; приобретение признака; сочетание признака худобы с другими внешними/внутренними признаками; носитель признака; характеризуемый объект; образные представления. Доминирующее количество единиц указывает на максимальное проявление признака, что чаще оценивается отрицательно.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00352, <https://rscf.ru/project/22-18-00352/>.

Литература

Бабенко Л.Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015а. – С. 6–21.

Бабенко Л.Г. Синописис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015б. – С. 22–42.

Зарипов Руслан Ирикович
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
УДК 81'33

**Язык массовой коммуникации
и информационно-психологическое воздействие**

язык массовой коммуникации, информационно-психологическое воздействие, информационно-психологическая война, средства массовой информации, функция воздействия, стиль

События последних лет, месяцев и даже дней убедительно демонстрируют, насколько неготовым к непредвиденным изменениям социально-политической и гуманитарной обстановки могут оказаться государство, общество, отдельно взятый человек. В такие моменты остро ощущается потребность в актуальной информации, которую возможно оперативно получить только из СМИ, единолично (или наравне с иными коммуникаторами, ими цитируемыми) определяющих, насколько сложна и драматична ситуация, чего стоит опасаться и что нужно делать, как жить дальше и что нас ждет. Это касается и менее заметных событий, которые в рамках соответствующих тематических медианарративов могут освещаться неинтенсивно и периодически, но ввиду своей политической (социальной, экономической и др.) значимости, тем не менее, привлекают внимание национальной и/или мировой общественности.

Познание окружающего мира осуществляется современным человеком главным образом из информационного, виртуального пространства, особенно если мы имеем в виду не только бытовой, но и общественно-политический уровень, который подразумевает гораздо более широкие горизонты действительности. Она категоризируется в сознании реципиента информации с помощью лингвистических и экстралингвистических средств, совместно реализующих коммуникативный процесс и образующих синергию информационно-психологического воздействия.

Применительно к массовой коммуникации и языку СМИ это воздействие предусматривает не только информирование аудитории. На телевидении, радио, в прессе и Интернете наблюдается постоянный, по сути бесконечный поток информационных сообщений самого разного рода. На фоне этого тотального информационного шума формирование и изменение основных стереотипов реципиента, его идейно-политических взглядов и мировоззрения происходит в рамках определенного круга медиаисточников, выбирающихся им индивидуально и субъективно. Под влиянием именно этой инфосферы проходит его дальнейшее восприятие окружающей действительности. Таким образом, реализуется не только и не столько информирующая, сколько воздействующая функция, выражающаяся в постоянном убеждении, манипулировании, дезинформировании реципиента. Из этого следует, что информация формирует человека. Для достижения поставленных перед собой целей коммуникатор в каждом из перечисленных случаев задействует в сообщении наиболее подходящие языковые и вспомогательные ресурсы. Именно поэтому язык массовой коммуникации, ориентирующийся на самую широкую аудиторию, не образует систему маркированных средств выражения и представляет собой конгломерат подстилей, элементы которых в той или иной степени присутствуют в определенной речевой ситуации. Очевидным и явным его отличием служит то, что «вследствие высокой и интенсивной воспроизводимости отдельных вырабатываемых средств он как раз не претендует на их закрепление и, напротив, императивно тяготеет к их непрерывному обновлению» [Костомаров 1974: 57]. Эти средства «черпаются» прессой и другими сферами массовой коммуникации и выполняют свою концептуальную, конструирующую, экспликативную, манипулятивную и другие функции и далее постепенно теряют свою актуальность, покидая сообщения СМИ.

Тем не менее язык массовой коммуникации обладает отличительными стилевыми чертами [Гаврилов, Зарипов 2022: 228–235]:

- 1). Большая плотность информации.
- 2). Интерактивность, находящая свое отражение в разных формах языковой реализации медийных материалов не только в материальном, но и в цифровом формате. В последнем случае речь идет о поликодовом (мультимедийном) характере распространяемого контента и многосторонней (горизонтальной и вертикальной) связи между участниками массовой коммуникации.

3). Упрощение и свобода. При всей существующей языковой, стилистической и жанровой неоднородности современных СМИ общая тенденция языка массовой коммуникации состоит в движении к стандартам устной разговорной речи. Это в той или иной степени проявляется как в письменных текстах, так и в устных формах подачи медиаматериалов.

4). Умелое сочетание экспрессии и стандарта, при котором СМИ достигают свою наибольшую коммуникативную эффективность. Стандарт проявляется как в экстралингвистических (привычное оформление, шаблонные рубрики, установленное время и т. п.), так и в собственно лингвистических (повторяемость синтаксических построений и способов изложения материала, единый набор речевых стратегий и тактик, базовый лексический запас, языковые штампы и клишированные выражения) условиях коммуникации. Экспрессия аналогичным образом затрагивает все аспекты речевой деятельности и выражается в привлечении и фокусировании внимания реципиента на определенной информации во всех элементах сообщения (заголовке, тексте, изображении, видеофрагменте, анимации, интонации и др.). Во многих случаях устойчивое «притяжение» аудитории к контенту объясняется успешной реализацией СМИ целенаправленной установки на эпатаж. Это удастся сделать, если в сообщении заложен один или несколько элементов следующего ряда: парадокс, странность, нестыковка, каламбур, сенсация, жестокость, сексуальная или расистская подоплека и т.д. и т.п.

5). В зависимости от силы социального контроля, который определяется социальным статусом коммуникантов, их отношениями вертикального типа и другими экстралингвистическими факторами, современный язык межличностного общения в Интернете в той или иной степени характеризуется стихийностью, смешением элементов разговорной и письменной речи, сокращением плана выражения и реализацией прагматических задач в плане содержания сообщений. При этом речь коммуникантов значительно подвержена спонтанности и тенденции несоблюдения языковых норм.

Говоря о языке массовой коммуникации и информационно-психологическом воздействии, нельзя не обойти стороной и другие знаковые системы передачи информации, которые сопровождают, дополняют и в некоторых случаях даже заменяют человеческий язык. Аудиовизуальная оболочка, изображение, звуки, числа, пара- и

экстралингвистические факторы обеспечивают такое понимание сообщения аудиторией, которое в точности необходимо коммуникатору. Они придают источникам красочности, притягательности и доверия, а информации – эмоциональности, иррациональности и суггестии.

Появление в наше время электронных СМИ значительно изменило характер массовой коммуникации. Она стала гораздо более оперативной и передает сообщения в режиме реального времени, в прямом эфире. Изображение на экране оказывает гораздо большее воздействие на адресата, чем его текстовое описание в кратком сообщении. Кроме того, образ на экране часто оказывается более важным для реципиента, чем скрывающийся за этим образом референт. В результате «картинка» на экране часто заставляет адресата для интерпретации информации пользоваться стереотипами, которые обычно приводят его к упрощенному пониманию сообщения.

С другой стороны, например, некоторые медиасообщения рассчитаны в большей степени на слуховое восприятие массовой аудиторией. Доминирующим элементом здесь становится не только собственно устная речь, но и музыкальные, ритмичные, порой зомбирующие аудиовставки, которые призваны подчеркнуть значимость передаваемой информации, придать ей психоэмоциональные оттенки тревожности, гордости, страха, агрессивности и других состояний. Мелодии, песни и музыка вообще – классическое средство воодушевления и подавления с самых давних времен.

Так или иначе, в современных реалиях средства массовой информации вовлечены в перманентную информационно-психологическую войну всех против всех, которая в стратегическом масштабе ведется основными геополитическими акторами в интересах сопровождения и реализации собственных цивилизационно-исторических планов по установлению нового миропорядка.

Литература

Гаврилов Л.А. Стилистика французского языка: учебник / Л.А. Гаврилов, Р.И. Зарипов. – М.: ООО «ФЛИНТА», 2022. – 292 с. – Текст: непосредственный.

Костомаров В.Г. Лингвистический статус массовой коммуникации и проблема «газетного языка» / В.Г. Костомаров // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации; отв. ред. А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1974. – С. 48–57. – Текст: непосредственный.

Зотова Анна Сергеевна
Московский государственный университет
технологий и управления им. К.Г. Разумовского
УДК: 81

Лингвокультурологический аспект коммуникативной стратегии в рекламном дискурсе

*лингвокультурология, коммуникация, рекламный дискурс,
семиотика, теория языка, новые медиа*

Современное общество сегодня трактуется весьма разнообразно, в том числе как информационное общество, и общество потребления. Такое определение закономерно, поскольку разнообразие товаров и услуг повышает потребительскую активность, в том числе и с помощью цифровых технологий. Цифровизация рынка способствует постоянному покупательскому спросу, лояльности целевых аудиторий, распространению психологии потребления, внедрению технологий юзабилити для поиска и приобретения товаров и услуг, развитию бренд-коммуникации и рекламного дискурса. С точки зрения содержания и выражения процесс потребления представляет собой социокультурное пространство, создаваемое с помощью ИКТ и семиотических знаков и кодов.

Природа потребительства нового времени выражена в приобретении мечты, получении желаемого, поскольку именно желание (не возможности) становится важным механизмом рынка. Таким образом, общество потребления — это «совокупность отношений, где господствует выступающий смыслом жизни символизм материальных объектов, влекущий потребителей приобретать вещи и тем самым наделять себя определенным статусом» [Ильин 2013, № 6 (28): 22–36].

Новая форма социализации влияет не только на рекламу, рыночные отношения и сферу производства, но и на язык, находя отражение в лингвокультурологическом аспекте коммуникации. Эти процессы выражены в активизации семиотики, лексики потребительства представителей различных поколений, ключевых словах социальных практик, что дает нам понимание вектора новой мировоззренческой философии, ориентированной на антропологический подход.

С точки зрения методологии исследования, мы опирались на стилистический анализ, логико-смысловое моделирование, фреймовый подход конструирования гипертекстов, интенциональный метод. Теоретическую основу данной статьи составили работы современных отечественных и зарубежных специалистов в области рекламного дискурса (Ю.К. Пирогова, Н.И. Клушина), бренд-коммуникации (В.Н. Домнин, В.Л. Музыкант, В.С. Матюшкин), социокультурной семиотики (Е.Г. Борисова, П.Б. Паршин, Х. Кафтанджиев).

Коммуникативные стратегии современного рекламного дискурса, учитывая данные особенности, разрабатываются на основе желаний нового потребителя, с внедрением в его систему координат и жизненных ценностей. Лингвокультурологическая картина мира в рекламной и бренд-коммуникации пополнилась сегодня новыми понятиями: *антиэйджизм, бодипозитив, устойчивое потребление, эко-активизм, умные часы, умный дом, домашняя станция, персонализация сервисов, смарт-родительство, нишевой маркет, маркетплейсы, роботизация, AR, VR, office as a service, ультралокальная доставка, эмпатия, коливинг, smart-apart* и др.

Однако в рекламной коммуникации мы часто встречаем использование симулякров, с помощью которых бренд навязывает потребителям ту или иную социальную модель. Например, особенно популярны такие модели, как *успешный мужчина, ухоженная счастливая женщина, веселый ребенок, позитивная и модная молодежь, идеальная семья, бизнес-леди, активные и счастливые пенсионеры* и под. С помощью симулякров появляется возможность моделировать манипулятивный характер рекламного сообщения, а также выбирать наиболее эффективные вербально-визуальные средства репрезентации идеи или образа рекламируемого товара.

Следует отметить, что такое моделирование реальности формирует коммуникативное поведение общества, активизирует интерес к товарам и услугам, создает у целевой аудитории видимость нужности рекламируемого продукта. В целом такое сообщение оформлено с помощью семиотических элементов, это вербальные и визуальные знаки (также используются аудио и видео). Приведем примеры трансляции перечисленных выше моделей (см. Рис. 1).

Рисунок 1. Коммуникативная стратегия рекламного сообщения: модель «счастье», «успех», «благополучие»

Эти примеры есть свидетельство того, как рекламный дискурс вносит разнообразие в лингвокультурологическую область функционирования языка, используя с высокой частотностью определенные символы и коды, которые отражают потребности общества в определенных услугах и продуктах. На картинках демонстрируется семиотика счастья и благополучия - неотъемлемый атрибут нового общества. Коды и символы, визуальные метафоры оказывают влияние на сознание потребителя, подталкивая его к покупке, которая обещает обеспечить ему это счастье и благополучие. Таким образом, «в сфере знаковых различий не остаётся места для подлинного различия, основанного на реальных особенностях личности. Всё – от роскоши и права на свободное время до манифестированной упрощённости — входит в свод чисто социальных различий, легитимированных самой системой. Персонализация человека в знаках задаёт всё вплоть до самих его типов» [Бодрийяр 2006].

Психология потребления находит свое выражение в интенциональной природе рекламного дискурса, который представляет собой социокультурное явление, строящееся на потребностях социальной самоидентификации личности (потребителя) посредством реализации желаний, формирования статусности, через публичность и интернет-социализацию (посты личных фото с мероприятий, путешествий, покупки в магазинах и т.д.).

Интересным кажется наблюдение, что критерии персонализации личности в обществе потребления размыты, на смену индивидуальности пришел масс-маркет, формирующий у массового потребителя общий социальный стиль, не только в моде, но и в других сферах жизни. Этот факт имеет много положительных кейсов, таких как благотворительность, волонтерство, забота об окружающей среде, использование одежды из качественных переработанных материалов, защита животных, публичные образовательные и культурные проекты, и т.д. В рекламном дискурсе такой эффект речевого и зрительного воздействия на целевую аудиторию достигается с помощью языковых и графических инструментов (лингвокультурные коды, иконические знаки, инфографика, гиф-анимация, элементы фирменного стиля, слоганы и девизы, и под.).

Так, у потребителя появляется возможность выбора собственной позиции в рамках социокультурной среды, он сам формирует свой личный статус, становясь частью современного общества. Безусловно, в потребительстве есть и подводные камни, например, желание приобрести «мечту», дотянуться до более успешного социального уровня, увеличило спрос на потребительские кредиты, поскольку в большинстве своем потребление превышает финансовые возможности большей доли представителей российского общества. Наиболее популярными с точки зрения психологии вещизма и имиджа являются гаджеты, аксессуары, автомобили, меховые изделия, ювелирные украшения. Здесь же можно выделить еще одно популярное направление – это производство реплик товаров известных марок, оригинальная продукция которых находится по цене в премиум сегменте и относится к категории товаров ограниченного спроса, доступных узкой аудитории.

В целом же можно говорить о том, что коммуникативная стратегия рекламного дискурса ориентирована сегодня не только на всеобщую коммерциализацию общества, но также и на помощь и поддержку в решении важных общечеловеческих проблем. Бренды все больше ориентированы на взаимодействие с аудиторией в рамках поддержки глобальных и национальных вопросов, персонализированной помощи через ассоциации, фонды, благотворительные организации и под. Это, безусловно, находит положительный отклик у массовой аудитории, закрепляется как социокультурная практика, что, в свою очередь, влияет на языковые особенности рекламного

дискурса, формы подачи рекламных сообщений и на разнообразие каналов коммуникации.

Литература

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.

Борисова Е.Г. Маркетинговая лингвистика: направления и перспективы // Верхневолжский филологический вестник. – ЯГПУ им. К.Д. Ушинского (Ярославль). – 2016. – № 4. – С. 140–143.

Домнин В.Н. Брендинг: учебник и практикум для вузов / В.Н. Домнин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2022. – 493 с.

Ильин А.Н. Общество потребления и его сущностные особенности // Ценности и смыслы. – М.: Издательство: АНОО «Институт эффективных технологий». – 2013. – № 6 (28). – С. 22–36.

Кафтанджиев Х. Мифологические архетипы в коммуникации. – Гуманитарный центр Харьков, 2016. – 268 с.

Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. – М.: Флинта, 2019. – 241 с.

Матюшкин В.С. Карта восприятия атрибутов как основа разработки коммуникационной кампании бренда // Реклама. Теория и практика. ИД Гребенникова (Москва) 2016. – № 1. – С. 30–36.

Музыкант В.Л. Брендинг. Управление брендом: учебное пособие / В.Л. Музыкант. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2021. – 316 с.

Пирогова Ю.К., Паршин П.Б. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. – М.: Международный ин-т рекламы, ИД Гребенникова, 2000. – 270 с.

Деривационные модели формирования субстантивной лексики в салишских языках оканаган и кёр-д'ален

салишские языки, колвил-оканаган, кёр-д'ален, субстантив

Языки колвил-оканаган и кёр-д'ален являются внутреннесалишскими индейскими языками, которые сохранили архаичные черты в системе языка, позволяющие реконструировать вероятные диахронные языковые процессы. Исследование формирования субстантивной лексики в салишских языках может дать основу для понимания процесса формирования субстантивной лексики в языке в диахронно-типологическом аспекте.

Исследование проводилось посредством изучения морфемного состава глоссированных лексем [Mattina 1987; Coeur'd Alene root dictionary], выражающих субстантивные значения индоевропейских языков.

Большинство субстантивных лексем представлено дериватами следующих моделей:

1) Деривационная модель «Глагол + Лексический суффикс» V + LS (далее =)

колвил-оканаган

(1) $sq=itp$

ударять = дерево, куст

'сосна';

(2) $n-k^wul=tn$

работать, превращать = инструмент

'родители';

(3) $k^wl-ncut=tn$

превращать, делать = инструмент

'бог, создатель';

(4) $\acute{p}uy=xn$

сморщенный=ноги

машина («сморщенные ноги»);

(5) $n-?ak^w-?ak^wt=isxn$

красться-RED = гора

полевой выюнок (букв. «крадущийся между гор»)

(6) *ks=asqt*

плохой = небо, день

‘шторм’;

(7) *kёр-д’ален*

Čip=emn

смягчать = устройство

‘подушка’ (букв. ‘смягчитель’):

(8) *čp=qin-n*

смягчать = голова

‘волосы’ (букв. ‘смягчитель головы’);

(9) *hn-q^wac=qn*

LOC – теплый=волосы

‘шляпа’;

(10) *t’ap=emn*

стрелять=инструмент

‘стрела’.

2) Встречаются также синкретичные формы модели типа «глагол – субстантив» V-N

колвил-оканаган

(11) *cr / cur* ‘ива’ (‘сиропный, липкий’)

(12) *čit* ‘дерево, древесина’ (*čt* ‘stand something upright’).

кёр-д’ален

(13) *č’ed* ‘тень, затенять’.

(14) *q’wənp’* ‘исчезать за горизонтом, вечер’.

3) Типичной деривационной моделью является присоединение номинализатора *s-* (далее NMLZ-) к глагольной основе: *s + V*

колвил-оканаган

(15) *s-cʔix* (NMLZ-становится теплым) ‘жара, лихорадка’;

(16) *s-klax^w* NMLZ-темнеть ‘вечер’;

(17) *s-k^w-k^wiw* NMLZ-сферический ‘помидор’;

(18) *s-k^win-m* NMLZ-пробовать ‘вкус’;

(19) *s-nik-k* NMLZ-резать ножом ‘рана’;

кёр-д’ален

(20) *s-n-pig^w-n* NMLZ-раздуваться шар (букв. ‘то, что раздувается внутри’)

(21) *s-q’wənp’-n* NMLZ-исчезать за горизонтом ‘закат, восток’

4) Кроме того, распространена модель с прикреплением лексического суффикса и номинализатора к глагольной основе *S+V+LS*

колвил-оканаган

(22) *s-pyq=alp*

NMLZ-готовый поесть=дерево, куст

‘фрукт’;

(23) *s-qys=itp*

мечтать=растение

‘гигантский иссоп’ (букв. ‘мечтающее растение’);

(24) *s-fx=itk^w*

NMLZ-сладкий=вода

‘суп’;

(25) *kёр-д’ален*

(26) *k^{wl}-ncut-n*

делать, производить-REFLEXIVE

‘божество, бог’ (‘средство, чтобы делать себя’);

(27) *s-n-q’iʔc’=itk^weʔ*

NMLZ-LOCATIVE-расти=вода

‘водоросли’ (букв. ‘трава в воде’);

Есть случаи также глагольных форм, выражающих субстантивные значения:

колвил-оканаган

(28) *n-t-k^{wil}* – companion (*k^{wl}* – ‘устроиться, обосноваться’);

(29) *kt-silx^waʔ* – ocean (*kt-silx^waʔ* ‘становится большим’);

(30) *yr-ncut* – ‘полнолуние’ (*yir* ‘круглый’, *ncut* -REFLEXIVE);

kёр-д’ален

(31) *k^{wel}-l* – ‘солнечный свет’ (букв. ‘солнце показалось’) (*k^{wel}* ‘горячий, солнечный, теплый’);

(32) *pux^w-nt-m* ‘доктор’ (*pux^w* – ‘дуть’ (ртом));

(33) *at-q’ec* ‘корзина’ (lit. ‘то, что связано, вытканое’) (*q’ec* ‘ткать, шивать, вязать’);

(34) *t’ix^{wl}-m* – ‘чужеземец, иностранец’ (*t’ix^{wl}* – ‘ненормальный, другой’)

Таким образом, приведенные деривационные модели формирования субстантивов во внутреннесалишских языках оканаган и *kёр-д’ален* свидетельствуют о том, что субстантивные значения образуют понятия, коррелирующие с глаголами и прилагательными индоевропейских языков и, очевидно, восприятие человеком субстанций древнего мира происходило через процессуальность.

Литература

Coeur'd Alene Root Dictionary [Electronic resource]. – URL: Homepage for the Coeur d'Alene Online Language Resource Center (achive.org)

Mattina A. Colville-Okanagan Dictionary. – Missoula: UMOPL 5. – University of Montana, 1987.

**Инфантилизация образа маскулинности в гендеризированных
речевых практиках русскоязычного Интернета**

*гендерный интернет-дискурс, маскулинность,
инфантильная метафора*

В англоязычной научной литературе, а также в публикациях общественно-политического характера активно используются такие терминологические сочетания, как гендеризированный язык (gendered language), гендеризированная речь (gendered speech), гендеризированные речевые/дискурсивные практики (gendered speech/discursive practices), при этом реально существующее гендерно-маркированное словоупотребление нередко порицается и противопоставляется гипотетической нейтральной коммуникации. Связь между научными разработками в этой области и движением феминизма отмечается самими учеными [Coulmas 2013: 42, 58], при этом влияние общественных инициатив на научную деятельность и языковое планирование характеризуется как исключительно положительное. В большинстве публикаций делается акцент на том негативном влиянии, которое актуальные речевые практики оказывают на женщин, при этом маскулинность осмысливается как категория, тесно связанная с понятиями доминирования и токсичности.

Анализ семантики и специфики вербального оформления гендеризированных интернет-текстов, манифестирующих неформальную коммуникацию на русском языке, позволяет воссоздать иную картину. Многочисленные и разнообразные русскоязычные социальные медиа, а также иные платформы, допускающие размещение пользовательского контента, становятся площадками для открытой общественной дискуссии по поводу справедливости распределения социальных ролей между мужчинами и женщинами, сущности базовых гендерных категорий фемининности и маскулинности, представлений об эталонной мужественности и женственности и соответствия конкретных людей этим представлениям. В подобных дискуссиях принимают участие интернет-пользователи разного пола, возраста и

социального положения, при этом одни из них разделяют идеи феминизма и маскулинизма (в том числе радикального), в то время как другие заявляют о своей приверженности традиционным семейным ценностям. Эти повседневные речевые практики являются важным источником информации о гендерных представлениях русскоязычных пользователей. В них отражаются процессы осмысления, оценки и концептуализации как самих романтических и семейных отношений и их отдельных аспектов, так и их участников. Важную роль в этом играет концептуальная метафора, представляющая собой «видение одного объекта через другой», «один из способов репрезентации значения в языковой форме» [Краткий 1996: 55].

Достаточно частотной в гендерно-ориентированных текстах неформальной интернет-коммуникации является концептуальная метафора «МУЖЧИНА – ЭТО РЕБЕНОК», при которой личностная, экономическая и/или социальная незрелость уподобляется недостаточной функциональности, обусловленной биологической невзрослостью. Подобная метафоризация является обычной в разговорной речи и нередко отражается в текстах художественной литературы или материалах официальных СМИ. Обыденными являются сравнительные обороты с узуальными лексемами, имеющими ядерную сему «детский возраст», а также тяготеющие к устойчивости сочетания *вести себя как ребенок, быть/вести себя как маленький, прятаться за мамину юбку, маменькин сынок*. Мы предполагаем, что метафорический образ, порождаемый этими достаточно частотными выражениями, тяготеет к стертости. Безусловно, все эти обороты активно употребляются и в неформальной интернет-коммуникации, однако в манифестирующих ее текстах нередко встречаются и нестандартные (лингвокреативные) способы вербализации уподобления лица мужского пола ребенку, при этом иногда создаваемый метафорический образ не столь очевиден, а его выявление требует более внимательного отношения к тексту.

Инфантильная метафора может возникать в результате фонетической языковой игры, при которой продуцент оформляет включенное в текст «свое – чужое» слово как подражание детской речи, а на письме отражаются несуществующие, приписываемые референту особенности произношения (шепелявость, картавость и т.п.). В текстах фем-пабликов регулярно встречается устойчивое выражение *мусин усемляют* (также возможны различные варианты с капитали-

зацией и/или удвоением буквы, указывающей на искаженную фонему), которое используется при обсуждении действий или высказываний активистов мужских движений. Однако чаще всего инфантильная метафора вербализуется за счет номинаций. С этой целью нередко используются слова общего рода, употребительные в разговорной речи при общении с ребенком: *плакса, хныкса, капризуля, обиженка, неженка*. Регулярно образуются слова композиты (*мужик-капризуля, мужик-неженка, мужик-обиженка*). Слова общего рода могут сочетаться в одном контексте с другой лексикой, указывающей на типичное детское поведение: *Ужас, мужик-капризуля. Вы когда ему на компе играть не даёте или переключает его мультики он ногами не начинает топать?* (www.u-mama.ru/forum/family/love-and-sex/882983/2.html, 01.01.2021). В таких контекстах часто вербализуется исключение обозначаемого лица из числа мужчин, его помещение в особую категорию *немужчин, недомужчин: Мужчина-обиженка – это уже не мужчина, а всего лишь его подобие* (zen.yandex.ru/media/psihologtarutina/mujchinyobijenki-5d811734a0beaf00ad1d4e5c, 17.09.2019). Для обозначения мужчины часто используется лексема с ярко выраженной семой детскости *ляля* и ее суффиксаты *лялька, лялечка: Начинался объюз, или мужик-лялечка, или холодный, или... Да мало ли что* (<https://www.woman.ru/relations/men/thread/5714319/>, 30.09.2022).

Инфантильная метафора является средством негативной оценки референта, не соответствующего ожиданиям продуцента, а также способствует категоризации лиц мужского пола по признаку соответствия/несоответствия обобщенным представлениям об эталонной маскулинности либо инвективизации оппонента и/или возможного идеологического противника. Инфантильная метафора встречается в составе текстов, размещаемых на разных коммуникативных площадках. Во-первых, это маскулинистские и феминистские гомогендерные социальные объединения, функционирующие преимущественно в киберсреде. В данном случае она выполняет идеологическую функцию и способствует актуализации базовой концептуальной оппозиции «свой – чужой». В речи феминисток инфантильная метафора маркирует мужскую (маскулинистскую) идеологию как детскую и, как следствие, несостоятельную, в текстах маскулинистов – способствует отчуждению и порицанию традиционной социальной роли мужчин, слишком привязанных, по мнению активистов мужских дви-

жений, к женщинам (матерям, женам, возлюбленным и т.д.), по-детски зависимых от них. Во-вторых, это многочисленные «женские» ресурсы: узкотематические форумы и блоги, женские развлекательные паблики и сообщества в социальных сетях. Зачастую их посетительницы откровенно заявляют о своей приверженности традиционным семейным ценностям, желании заботиться о детях и создавать семейный уют, а также о своем ожидании финансовой и иной материальной поддержки со стороны партнера. Здесь инфантильная метафора является средством категоризации лиц мужского пола по принципу соответствия/несоответствия представлениям об эталонной маскулинности и негативной оценки мужчин (как конкретных партнеров или знакомых, так и обобщенного образа мужчины), поведение которых не соответствует гендерному контракту мужчины-добытчика. В-третьих, это полилоги, разворачивающиеся в комментариях к новостным сообщениям гендерной проблематики, публикациям в городских пабликах и анонимных городских сообществах «Подслушано...», где могут сталкиваться разные точки зрения, что неизменно приводит к конфликтам между участниками и взаимным обвинениям в меркантильности. В большинстве выявленных контекстов актуализируется финансовая составляющая романтических, интимных или семейных отношений, регулярно маркируется бытовая беспомощность, нежелание заботиться о ребенке и эмоциональная неустойчивость.

Литература

Краткий словарь когнитивных терминов / Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.

Coulmas F. Gendered speech: sex as a factor of linguistic choice // Sociolinguistics: The Study of Speakers' Choices. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 307 p.

**Концепт «поколение» через призму медиадискурса
(на материале издания «Аргументы и факты»)**

медиадискурс, концепт, именованние концепта

Согласно Е.С. Кубряковой, концепт – оперативная содержательная единица ментального лексикона, служащая для отражения картины мира в психике человека [Кубрякова 1996: 90]. Концепт – основная ментальная единица, его структура, значение, а также функционирование изучаются сегодня в рамках многих научных дисциплин, в том числе и прежде всего в рамках когнитивной лингвистики. Особое значение концепты представляют для изучения картины мира человека, которая создается средствами массовой коммуникации с помощью публикаций в различных медиаизданиях.

Рассмотрим в качестве примера концепт «поколение» и способы его репрезентации в медиадискурсе на примере медиаиздания «Аргументы и факты» [Аргументы и факты]. Для этого нами были отобраны 30 медиатекстов названного выше издания за прошедший год. Важным условием отбора материала послужило наличие в текстах публикаций информации, связанной с разными поколениями современного общества.

Для уточнения значения имени концепта, обратимся к толковому словарю.

Поколение, -я, ср. 1. Родственники одной степени родства по отношению кообщему предку (предкам). Из поколения в п. передается что-н. (по наследству от отца к детям, от старших к младшим). 2. Одновременно живущие люди (особи) близкого возраста. Современное молодое п. Новое п. бобров. 3. Группа людей, близких по возрасту, объединенных общей деятельностью. Выросло новое п. ученых. 4. перен. Серия (приборов, механизмов, изделий) в ее отношении к предшествующим или последующим сериям. Станки, техника нового поколения. ЭВМ первого поколения [Ожегов 2010: 448].

Проведенное исследование позволило выявить основные лексические средства наполнения медиаконцепта «поколение».

1. Самым распространенным именованием медиаконцепта «поколение» можно считать *молодежь* (20%). Следом идут старшее *поколение* и *молодые люди* (по 10% контекстных употреблений). *Дети, молодые, пенсионеры и пожилые люди* оказались на третьем месте по количеству употреблений в медиатекстах издания «Аргументы и факты», по 4% контекстных употреблений на каждый из терминов.

2. Лексема *поколение* встречается в сочетании с прилагательными, уточняющими ее значение: *предыдущее поколение материалов, молодое поколение, новое поколение, подрастающее поколение, будущее поколение, следующее поколение, поколение нарциссов, спутник шестого поколения*. Заметим, что медиаконцепт «поколение» включает в себя не только поколения людей, но и поколения материалов, машин, то есть неодушевленных предметов.

3. Другим способом обозначения поколений является лексема *возраст*, сопровождаемая соответствующими прилагательными: «*серебряного возраста, взрослый возраст, старшего возраста, университеты третьего возраста*».

4. Очевидно также деление на поколения в соответствии с возрастом их представителей: *старики, подростки, родители, школьники, студенты*. В такой градации четкие рамки отсутствуют, поскольку один и тот же человек может быть отнесен к нескольким поколениям, а следовательно, требуется уточнение возрастных рамок каждого поколения.

5. Субстантивированные прилагательные, образованные усечением из словосочетаний, служат для экономии языковых средств, а также избегания повторов в текстах публикаций: *немолодые, возрастные, молодые*(люди).

6. Обозначение с помощью числительных встречается на страницах медиаиздания «Аргументы и факты» реже всего, границы поколений очерчиваются строго, что упрощает понимание того, о ком идет речь в публикациях: *14–29 лет, 50+*.

Подводя итог, стоит отметить, что медиаиздание «Аргументы и факты» не проводит четких границ между разными поколениями, не применяет специальных именовании, принятых, например, в социологии и психологии. Различение тех или иных поколений происходит с опорой на фоновые знания читателя в упрощенной форме, чаще всего с помощью лексем *поколение* и *возраст*.

Литература

Аргументы и факты. – URL: <https://aif.ru/> (дата обращения: 10.10.2022).

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова и др. – М.: Наука, 1996. – 246 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Оникс», 2010. – 736 с. (ТСРЯ)

Концептуальная метафора как дорожная карта образа

*образ, концептуальная метафора, исходное пространство,
бленд, вербализация*

Когнитивное направление современной метафорологии рассматривает метафору не как средство изящного выражения мысли и усиления воздействия на адресата, но как способ осмысления и объяснения окружающей коммуникантов реальности, как «когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания» [Кубрякова 1997: 431], как «понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [Лакофф, Джонсон 2004: 27]. Эта форма мышления оказывается особенно эффективной при освоении новых фрагментов действительности и сфер человеческой деятельности, а также при формулировке нового мнения об известных [Будаев, Чудинов 2006; Болдырев 2014].

Метафора как логическая операция может быть представлена схемой $A \text{ is } B$, в которой A и B обозначают структуры знаний: область источника (source domain) и область цели (target domain). Говорящий устанавливает метафорические проекции (metaphorical mappings) между ними, что позволяет ему структурировать область цели по модели области источника. Разнообразие взаимодействующих когнитивных структур позволяет лингвистам выделить следующие типы метафоры: 1) структурная, в которой один концепт определяется в терминах другого; 2) ориентационная, в которой системы концептов организуются относительно друг друга в пространственном отношении; 3) онтологическая, в которой события, эмоции, идеи характеризуются как материальные сущности [Лакофф, Джонсон 2004].

Создавая метафору, говорящий использует свою когнитивную способность порождать новые смыслы на основе уже сформированных и ставших достоянием всего языкового сообщества (shared knowledge). Следовательно, свобода его лингвокреативной деятельности, направленной на представление элемента одной понятийной

сферы в терминах другой, ограничена имеющимися в распоряжении языкового сообщества на момент текстопорождения результатами познания, категоризации, концептуализации и оценки действительности. Структура источника выполняет в процессе создания образа функцию дорожной карты, то есть является инструментом стратегического планирования обмена знаниями между участниками процесса коммуникации. Выбрав структуру источника, автор, с одной стороны, получает в свое распоряжение эффективный инструмент управления знаниями с целью совместного использования информации и формирования общего видения новой сущности. С другой стороны, условная «дорожная карта» задает логические рамки образа, и творческая деятельность автора по созданию нового ментального конструкта оказывается ограниченной этими требованиями. Автор вынужден руководствоваться информационной схемой, элементы которой представляют собой различного рода признаки/характеристики структуры цели, дающие ответ на ключевые вопросы о порождаемом образе: что это, как и когда оно функционирует, кто с ним связан, где локализовано, почему о нем следует говорить. Кроме того, авторский выбор средств вербализации нового ментального конструкта определяется существующими семантическими и грамматическими нормами использования лексических единиц.

Мыслительный процесс конструирования концептуальной метафоры в рамках условной «дорожной карты» можно описать, опираясь на положения теории интегрированных ментальных пространств, которую предложили М. Тернер и Ж. Фоконье.

Ментальное пространство это совокупность взаимосвязанных гибких и подвижных структур знания, которая, несмотря на то, что создается и модифицируется непосредственно в процессе коммуникации/мышления, сохраняет, во-первых, содержательную связь с основополагающими фоновыми знаниями и, во-вторых, формальную обусловленность когнитивными фреймами [Клейменова 2014: 33; Coulson, Oakley 2000: 176–177; Fauconnier 2003: 75; Turner 2007: 1]. При порождении образа как интегрированного пространства (бленда) автор опирается на частичное соответствие структур знания, которые расположены в различных исходных ментальных пространствах, что позволяет ему сформировать общее родовое пространство. По своему содержанию бленд, с одной стороны, беднее, чем формирующие его удаленные или несовместимые относительно друг друга исход-

ные пространства, так как в него проецируются лишь те содержательные и структурные элементы, которые представляются значимыми с точки зрения автора. С другой стороны, он характеризуется сверхсуммативностью, так как наделен собственной структурой, способной к дальнейшему развитию [Архипов 2003: 48; Coulson, Oakley 2000: 178].

Формирования образа осуществляется на основании следующих принципов: 1) *composition*, то есть сложение общих элементов исходных пространств, 2) *completion*, то есть достраивание нового пространства до целостной структуры, в которой учтены фоновые знания и культурные модели, извлекаемые из долговременной памяти и 3) *elaboration*, то есть развитие блэнда в соответствии с разработанными для него нормами и правилами [Клейменова 2014: 34; Coulson, Oakley 2000: 180–181; Fauconnier, Turner 2002: 42–44].

Рассмотрим формирование и вербализацию структурной концептуальной метафоры «The British royal family is the firm», авторство которой приписывают королю Георгу VI, а введение в активное использование – принцу Филиппу.

Лексические единицы «family» и «firm» называют несовместимые понятия, которые, тем не менее, обладают частичным сходством: это структурированные социальные группы, члены которых связаны общими интересами. В интегрированном ментальном пространстве возникают новые смыслы, которые вербализуются традиционными языковыми знаками, поскольку исходное пространство «firm» (область источник) позволяет автору использовать при описании деятельности королевской семьи (исходное пространство «family» является областью цели) экономические термины: *profit, revenue, benefits, cost* и др. Более того, концептуальная метафора «The British royal family is the firm» позволяет автору объективировать все структурные элементы условной «дорожной карты», используя лексику тематической группы «экономика предприятия»:

- *что* «the British royal family in these days is a very businesslike operation <...> a media-conscious and relatively transparent enterprise that might be described in business terminology as a real estate and leisure conglomerate with a heritage brand and a highly developed sense of corporate social responsibility» [O’Gara 2015],
- *как и когда оно функционирует* «"The Firm"—a group of people tasked with propping up the brand and all that it represents» [Penny 2014],
- *где локализовано* «The royal family was rather like one of those long-established high street businesses that have fallen on hard times as a

result of the retail revolution. The product looked a bit out of date; those in charge of running the business were old and stale; customers seemed less happy with the service they were getting» [Elliott, 2019],

- *почему о нем следует говорить* «It's true that the royal family has plenty of fiscal power. Their unique brand has been valued at £44 billion, or about \$61 billion, taking both their assets and their worth to the British economy into account» [Penny 2014],
- *кто с этим связан* «When the royal family talks about who is in "The Firm," they're referring to the key members of the royal family tasked with making sure the brand continues to thrive; is untarnished by bad press; and, therefore, remain a financial behemoth» [Penny 2014].

Таким образом, в созданное интегрированное пространство (бленд) «The British royal family is the firm» проецируются общие элементы исходных пространств, что обусловлено фоновыми знаниями коммуникантов о внетекстовой действительности. В то же время принцип компрессии требует от автора избирательности по отношению к проецируемым элементам: автор текста не вербализует ту информацию каждого из исходных ментальных пространств, которая, с его точки зрения, не релевантна его интенции.

Литература

Архипов И.К. Концептуальная интеграция и «пределы» лексического значения / И.К. Архипов // Вопросы германской и романской филологии. – Вып. 2. – Ученые записки ЛГОУ им. А.С. Пушкина. – СПб.: Издательство, 2003. –Т. IX. – С. 46–56.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Введение в когнитивную лингвистику / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.

Будаев Э.В. Дискурсивное направление в зарубежной медиалингвистике / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 45. – С. 167–175.

Клейменова В.Ю. В гостях у Гарри Поттера: фикциональный мир английской литературной сказки: Монография / В.Ю. Клейменова. – Псков: Псковский государственный университет, 2014. – 178 с.

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

Coulson S., Oakley T. *Blending Basics* / S. Coulson, T. Oakley // *Cognitive Linguistics*, 2000. – № 11–3/4. – P. 175–196.

Elliot L. How the British royal family killed off republicanism / L. Elliot // *The Guardian*. 13.01.2019. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/jun/13/how-the-british-royal-family-killed-off-republicanism> (дата обращения: 17.09.2022).

Fauconnier G. *Mental Spaces* / G. Fauconnier // *Recherches en communication*. – 2003. – № 19. – P. 75–86.

Junor P. *The Firm: The Troubled Life of the House of Windsor* / Junor P. URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/pub/t/63181135.&art=63181135&trals=1&user=0&file=80432185&price=454.46&txtrialbuttonfirm%2F&is_exclusive=0 (дата обращения: 27.09.2022).

O’Gara E. *Financing the Firm: How the royal family make their money* / E.O’Gara // *The Financial Times*. – 06.12.2015. – URL: <https://www.ft.com/content/e31c28ac-a341-11e0-8d6d-00144feabdc0> (дата обращения: 16.10.2022).

Turner M. *The Way We Imagine* / M. Turner // *Imaginative Minds* / Ed. I. Roth. – L.: British Academy; Oxford University Press, 2007b. – P. 1–26.

**Понятийно-тематическая классификация терминов
предметной области «Здоровый образ жизни»
(на материале арабского языка)**

термин, терминосистема, предметная область, здоровый образ жизни, научная классификация, тематическая группа

Несмотря на то, что вопрос становления и развития предметной области «Здоровый образ жизни» и её терминологического аппарата не является новой, она представляется актуальной, поскольку данная область постоянно расширяется в современных условиях тенденции мирового сообщества к ведению здорового образа жизни. Ключевым пунктом этой проблемы можно считать выявление процесса формирования терминосистемы здорового образа жизни, что чрезвычайно важно в связи с недостаточной разработанностью лексикографического описания данной области. Развитие научного знания и научно-технический прогресс являются толчком к возникновению новых терминов для номинации объектов и явлений, поскольку терминология является важнейшим средством отражения профессионального знания [Хачмафова, Ефремов 2013].

В целях формирования терминосистемы необходимым является выполнение следующих условий:

- 1) наличие специальной области, имеющей достаточно четко очерченные границы;
- 2) существование системы общих понятий, относящихся к этой области;
- 3) наличие достаточно строгой теории (концепции), описывающей эту область, так что система понятий целиком входит в эту теорию;
- 4) функционирование определенного естественного языка и сложившегося в его рамках языка для специальных целей, лексические единицы которого могут быть использованы для обозначения понятий данной системы понятий [Лейчик 2009].

Прежде чем представить дефиниции понятия «здоровый образ жизни», рассмотрим термин «здоровье» в различных лексикографи-

ческих источниках как ключевой доминанты понятия «здоровый образ жизни». В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведова дается следующее определение слова «здоровье»: правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие [Ожегов, Шведова 2003]. В словаре Д.И. Ушакова «здоровье» толкуется как нормальное состояние правильно функционирующего, неповрежденного организма [Толковый 2022].

В Уставе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) здоровье характеризуется как состояние полного физического, духовного и социального благополучия, не только отсутствие болезни (ВОЗ; 1948). В здоровый образ жизни включают типичные формы и способы повседневной жизнедеятельности человека, которые укрепляют и совершенствуют резервные возможности организма, обеспечивая тем самым успешное выполнение своих социальных и профессиональных функций независимо от политических, экономических и социально- психологических ситуаций [Здоровый 2017].

В настоящее время предметная область «здоровый образ жизни» отличается интенсивным развитием. В документе Всемирной организации здоровья под названием «Здоровый образ жизни: что такое здоровый образ жизни?» отмечается, что «целью здорового образа жизни является уменьшение риска развития серьезного заболевания или преждевременной смерти... Это образ жизни, помогающий вам наслаждаться в большей степени и большим числом аспектов вашей жизни...» [Здоровый 1999].

Под предметной областью «Здоровый образ жизни» мы понимаем комплекс специализированных текстов и лексикографических материалов, в которых содержится информация о соответствующей научно-профессиональной сфере, т.е. сфера функционирования и фиксации терминов здорового образа жизни. В процессе изучения системной организации терминологических единиц предметной области «Здоровый образ жизни» одним из важнейших этапов является понятийно-тематическая классификация. Научная классификация предполагает упорядоченный способ организации и представления понятий, что помогает не только понять сущность класса в целом, но и, классифицируя данные понятия, объединять их в системы.

В рамках проведенного исследования были выделены основные тематические группы терминов «Здорового образа жизни» в арабском языке, терминологические единицы распределены согласно те-

матическим группам посредством лексикографического анализа. Систематизация слов в одну группу осуществлялась на основе сходства или общности функций обозначаемых словами предметов, явлений и процессов. К основным тематическим группам предметной области «Здоровый образ жизни» в арабском языке нами были отнесены:

1. Тематическая группа «Симптоматика и болезни»: *желудочно-кишечные расстройства* (اضطرابات الجهاز الهضمي), *сахарный диабет 1 типа* (النوع الأول من السكري), *аллергия на пшеницу* (حساسية القمح), *недоедание* (سوء التغذية), *непереносимость лактозы* (عدم تحمل اللاكتوز), *вялость* (الخمول), *ожирение* (السمنة المفرطة) и др.

2. Тематическая группа «Рациональное сбалансированное питание»: *питательные вещества* (المغذيات), *пищевые волокна* (الألياف الغذائية), *контроль голода* (تحكم في الجوع), *заменители мяса* (بدائل اللحوم), *всасывание негемового железа* (امتصاص الحديد غير الهيمي), *насыщенные жиры* (الدهون المشبعة), *поддержание здорового веса* (الحفاظ على وزن صحي), *употребление глютена* (تناول الجلوتين) и др.

3. Тематическая группа «Физическая активность и спорт»: *физическая активность* (النشاط البدني), *аэробная нагрузка* (النشاط الهوائي), *укрепление мышц* (تقوية العضلات), *стретчинг* (الاستطالة), *кардиотренировка* (لياقة القلب) и др.

4. Тематическая группа «Отдых и сон»: *биологические часы* (الساعات البيولوجية), *здоровый сон* (القبيلولة الصحية), *режим сна и бодрствования* (نظام النوم واليقظة), *лунализм* (المشي أثناء النوم), *нарколепсия* (النوم القهري), *снижение лептина* (انخفاض هرمون اللبتин) и др.

В ходе исследования были рассмотрены терминологические единицы терминов предметной области «Здоровый образ жизни» в арабском языке. Выделенные тематические группы в арабском языке в процессе анализа практического материала позволили сделать вывод о когнитивном представлении представителей арабского сообщества.

Литература

Хачмафова З.Р., Ефремов А.А. Актуализируемые признаки метафорического терминообразования (на материале терминологии американской нефтегазовой отрасли) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2013. – Вып 3 (126). – С. 111–115.

Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структуры. 4-е изд. – М.: ЛИБРО- КОМ, 2009. – 256 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2003.

Толковый словарь // Инструменты для работы. – 2022. – URL: <https://rustxt.ru/dict/здоровье> (дата обращения 30.09.2022).

Здоровый образ жизни и его составляющие: учеб.-метод. пособие / В.С. Глушанко, А.П. Тимофеева, А.А. Герберг, Р.Ш. Шефиев / Под ред. проф. В.С. Глушанко. – Витебск: ВГМУ, 2017. – 301 с.

Здоровый образ жизни // Программа по питанию, вскармливанию грудных детей и продовольственной безопасности. – Копенгаген, 1999. – URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/277091/EUR-ICP-LVNG-01-07-02-rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения 30.09.2022).

Колесникова Наталия Львовна
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
УДК 81.23

Международная повестка в зеркале языка дипломатии

*контент-анализ, семантический анализ, когнитивный
подход, язык дипломатии*

Коммуникация современной дипломатии предполагает не только профессиональную деятельность специалистов на уровне дипломатического корпуса, но и общение с широкой общественностью как для распространения информации о позиции правительства представляемого дипломатом государства по определенным международным проблемам и 'видения реальности' языковыми средствами [Graber 1981: 195]. В процессе коммуникации когнитивные формулы, определяемые обсуждаемой темой, переводятся в языковые структуры, которые свойственны речевым жанрам дипломатического дискурса: выступление, заявление, интервью, пресс-конференция, беседа с представителями прессы [Терентий 2010, 1: 52].

В предлагаемой статье проводится анализ жанра публичного дипломатического выступления. Следует сказать, что выступления подобного рода сочетают информативность и эмотивность, поскольку призваны убедить адресата в правильности и релевантности представленной позиции, вызвать у него желаемую реакцию.

В разные годы международную повестку дня формируют те или иные значимые события, которые находят отражение в речах дипломатов на международных форумах. Наиболее представительной площадкой для обсуждения актуальных международных вопросов является ООН. В связи с этим особый интерес представляют выступления на ее сессиях министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в разные периоды, что позволяет проследить как экстралингвистический контекст влияет на лингвистическое оформление речи дипломата.

Контент-анализ выступлений министра позволил проследить эволюцию языка публичных выступлений и установить, какие языковые средства при этом используются. Для этого были отобраны

речи, с которыми С.В. Лавров выступал в драматические для международных отношений периоды. В них выявлялись ключевые слова, на их основе определялось семантическое ядро, вычленялись лексико-синтаксические единицы, такие как дипломатические клише, эмотивные конструкции, стилистические приемы. Приведем лишь несколько примеров.

Так, в выступлении С.В. Лаврова на Генеральной Ассамблее ООН в 2008 году обсуждались вопросы борьбы с терроризмом, требующие совместных действий, что отражено в языковой презентации речи. Семантическое ядро данной темы составили дипломатические клише, усиленные экспрессивными эпитетами и стилистическими повторами: *сплотившись на борьбу с общей для всех и не знающей границ угрозой терроризма; мир проявил беспрецедентную солидарность; сплоченность перед лицом смертельных угроз; подлинно совместная работа, совместный анализ и совместное согласование практических шагов.*

Для характеристики возникшего в глобальной антитеррористической коалиции кризиса используются:

– дипломатические клише *«геополитическая конъюнктура, двойные стандарты, ответственность по защите, архитектура безопасности, принципы коллективной безопасности»;*

– эмотивные метафорические выражения *«болезненный удар, приватизация солидарности, шоры однополярного мира».*

Выдвигая инициативы России для решения проблем безопасности и созданию 'надежной коллективной системы', оратор пользуется официальным клишированным языком дипломатии, апеллируя к *«приверженности государств Организации Объединенных Наций в качестве безальтернативного всемирного форума, развитию диалога и партнерства цивилизаций, укреплению нравственных начал в мировой политике, глобальному партнерству качественно нового уровня».*

В 2014 году С.В. Лавров выступил на 25-й сессии Совета ООН по правам человека, где обсуждался кризис на Украине.

Семантика использованных языковых средств, создает атмосферу обеспокоенности нарушением прав человека в этой стране. Следует отметить, что эти средства выходят за пределы строгого языка дипломатии и приближают его к медийному: *пространство рисков и конфликтов, умножать страдания мирных граждан, радикалы продолжают контролировать города, запретить неудобные*

политические партии, угрозы насильственных действий, угроза жизни, агрессивно активизировались сторонники ультралиберальных подходов, вооруженные национал-радикалы.

Классический язык дипломатии в этой речи представлен клише, хотя в некоторых из них встречаются коннотативные компоненты, которые воспринимаются как риторические фигуры убеждающей речи. Например:

– клише с нейтральной семантикой: *выдвигаются в разряд приоритетов, неукоснительное соблюдение общепризнанных норм и принципов международного права; отмечаем важность; требует пристального внимания; сообща противодействовать;*

– клише с положительным коннотативным компонентом: *диалог всех политических сил, конструктивный вклад, защита прав человека и прав национальных меньшинств, оказать содействие в восстановлении спокойствия, обеспечить выполнение обязательств, равноправное сотрудничество, взаимоуважительный диалог, укрепление доверия между государствами;*

– клише с отрицательным коннотативным компонентом: *агрессивные силовые действия, ограничение прав языковых меньшинств, грозят всевозможными санкциями, игнорирование озабоченностей, подобные действия разрушительны.*

Характерным элементом убеждающей речи является эмотивность, которая присутствует и в выступлении Лаврова в форме многочисленных фразеологизмов и метафор: *делать «разменной монетой» в геополитических «играх», отрезвит радикалов, отложить в сторону геополитические расчеты.*

К разряду эмотивных следует отнести и горькую иронию, которую создает фраза: *созданию в одностороннем порядке неких новых 'норм поведения'.*

Наряду с названными выше о демократизации языка дипломата свидетельствует введение в выступление неологизма: *правочеловеческие стандарты.*

Характерно, что, внося предложения России по повышению эффективности работы Совета по правам человека ООН, Лавров использует строгий язык дипломатии и неперсонифицированную форму первого лица множественного числа: *отмечаем важность, считаем необходимым, с этой целью внесем на рассмотрение, рассчитываем на его поддержку,* - что передает солидарную позицию России, которую он представляет на форуме.

Подводя итог, необходимо выделить следующее.

Публичные выступления С.В. Лаврова представляют собой целостное речевое произведение, сочетающее коммуникативный, когнитивный и языковой компоненты, которые в свою очередь отражают внутреннюю программу высказывания, существующую в сознании отдельной языковой личности и представляющую собой 'иерархию пропозиций, лежащих в его основе' [Леонтьев 2003: 114]. В связи с этим необходимо отметить значение языковой личности С.В. Лаврова, чей профессионализм проявляется в выстраивании выступления с учетом важности и серьезности проблем, выносимых на обсуждение, что обеспечивает успех коммуникации в целом.

Контент-анализ выступлений показывает тесное переплетение информативной и эмотивной составляющих, усиливающее роль воздействующей функции на адресата.

Компаративный анализ приведенных выступлений свидетельствует о тенденции к демократизации языка, проявляющейся в употреблении менее строгих и клишированных оборотов речи дипломатического дискурса, модификации семантики традиционно нейтральных дипломатических клише, введении в речь дипломата языка масс-медиа, более частого использования экспрессивно-эмоциональных лингвистических средств.

Литература

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. 3-е изд. – М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003.

Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diplomaticheskij-diskurs-kak-osobaya-forma-politicheskoy-kommunikatsii> (дата обращения: 15.10.2022).

Graber D.A. Political languages // Handbook of political communication. – Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. – P. 195–224.

**Язык как фиксатор ценностных приоритетов
медиаличности в дискурсе**

*когнитивная прагматика, медиаличность, дискурс,
лингвоаксиология, прагматилистический анализ*

Ориентированный на прагматику текстопорождающей деятельности, выход за пределы текста в современной лингвистике укрепил свои позиции, с одной стороны, посредством перевода фокуса на дискурс, и с другой стороны, включением в когнитивные координаты исследования самой личности как автора текста, так и его коммуникативно-речевой (дискурсивной) деятельности.

Развитие теории текста в лингвоцентрическом ключе предполагает подход к языку как системному когнитивно-коммуникативному явлению. При этом внимание исследователей сосредоточивается на «взаимодействии дискурсивно-прагматических, ценностно-смысловых и речепорождающих свойствах текста» [Галло, Алефиренко 2020: 32].

При трактовке языка как «средства познания мира, формирования и выражения мыслей, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями» [Болдырев 2014: 14], т.е. в антропоцентрическом ключе, язык как объект исследуется в четырех измерениях: прагматическом, синтаксическом, семантическом и концептуальном / когнитивном, которые также признаются взаимодействующими. Это взаимодействие обнаруживается в русле применения такого направления в описании лингвистически релевантных способов выражения ценностей, как дискурсивное. Как отмечает В.И. Карасик, данное направление их описания при реализации коммуникативного подхода «позволяет охарактеризовать дискурсивно-специфические и дискурсивно-универсальные ценности, т.е. ориентиры политического, научного, педагогического, медийного и других типов общения, с одной стороны, и ориентиры личностно-обусловленной коммуникации, с другой стороны» [Карасик 2020: 162].

Через выявление концептов и концептосфер, скриптов и сценариев, как следует из многочисленных работ лингвоконцептологического плана, можно судить о тех приоритетах, которые определяют

картину мира современного человека-медиаличности, его мировосприятие и поведение.

Одним из ведущих когнитивных механизмов признается аксиологическая категоризация, которая, с точки зрения когнитологов, происходит на трех уровнях, соотносимых с тремя уровнями структуры концепта: «а) на уровне антропологических универсалий, с точки зрения глобальной ценностной картины мира определенной эпохи; б) на уровне определенной культуры; в) на уровне системы ценностей определенного индивидуума» [Заботкина 2021: 99].

Как видим, и в лингвоцентрическом, и в антропоцентрическом подходах в сферу внимания исследователей попадает ценностный уровень дискурсивной деятельности носителей языка. В языке дискурса фиксируются ценностные приоритеты его участников, что обнаруживается, в частности, посредством прагматилистического анализа дискурсивного высказывания.

В условиях медиатизации общения и глобального влияния информации на всех членов цифрового сообщества посредник передачи информации и один из источников влияния – языковая личность как абстрактное понятие – трансформировалась в личность дискурсивную, т.е. в активного коммуниканта, конструирующего в сознании адресата ценности через тот или иной вид дискурса.

Медиаличности свойственно «продвигать» свои ценности в дискурсивном высказывании: интерпретируя тот или иной фрагмент картины мира, она категоризирует его, исходя из своей личностной системы этих ценностей. Соответственно, для достижения цели выбираются соответствующие номинации и способы репрезентации: стандартизированные или креативные (в последнем случае цель реализуется через прагматический эффект, испытываемый получателем). Рассмотрим самые общие закономерности выбора языковых способов в зависимости от того, какие доминирующие в том или ином дискурсивном пространстве ценности репрезентируются медиаличностью в разных типах дискурса.

В религиозном дискурсе ценности, транслируемые его субъектом, носят наиболее универсальный характер и относятся к когнитивным сферам духовно-нравственного плана (вера, добро/зло, грехопадение/очищение и т.д.); эти ценности, как правило, не претерпевают каких-либо резких изменений в способах репрезентации с помощью языка, а их объективацию отличают признаки высокого стиля и

возвышенной по духу риторики (*истинная человечность, воздаяние, покаяние, благодарность Богу* и др.).

В **деловом дискурсе** ценностные установки личности также скорее универсальны, чем индивидуальны; отметим стабильность приоритетов, сконцентрированных, в основном, в рамках достижения целей (*карьерный рост, успех, высокие результаты, труд, деловая репутация* и т.д.). Этот вид дискурса отличает консолидирующая стратегия, поэтому вербализуемые чаще всего клишированным и строгим по стилю языком ценности актуализируются для создания и укрепления «общей платформы».

В **маркетинговом дискурсе**, в котором в первую очередь учитываются взгляды, предпочтения и вкусы потребителя, ценностные приоритеты «расставляются» с расчетом на целевую аудиторию. Ее характеристики определяют выбор ключевых средств, которые нацелены на обозначение желаний или потребностей адресата речи или апелляции к ним (к примеру, для женщин – *молодость и красота*, для мужчин – *сила и мужество*, для пожилых людей – *здоровье и долголетие* и т.д.).

В **массово-информационном дискурсе** на первом плане находится событийность, и для информированности адресата о происходящем в мире применяются те способы представления фактов, которые реализуются, в соответствии с законами создания современного новостного текста (свежесть, новизна, оригинальность речевого оформления). Подчеркнем, что прагматическая установка субъектов дискурса имеет персуазивный характер, что обнаруживается в широко применяемых «приемах речевой креативности» [Колесникова 2018: 621]. Безусловно, в информационный поток «встраиваются» языковые сигналы идеологически выверенной позиции субъекта; как правило, ценностный слой представлен в типичных для публицистики идеологемах, оценочной лексике, публицистических клише (*точка невозврата, дружественные / недружественные страны, «красная линия» в отношениях сторон* и т.д.).

В **художественном дискурсе** ценности фиксируются в индивидуализированном речевом пространстве; их отличают особые способы вербальной репрезентации, среди которых центральное место занимают прагмаэстетические, передающие ценностные позиции особой – творческой – языковой личности через эмоциональную сферу коммуникантов. Для примера приведем факты случайной вы-

борки средств вербальной репрезентации ценности «жизнь». Их диапазон практически безграничен: от классических универсальных поэтизмов *река, берега* до крайне индивидуальных: *высшая мера с отсрочкой, незадачливая вкладчица*, ср.: *жизнь-копейка*) [Поэтический корпус НКРЯ].

Признавая возможность появления нового «сдвоенного» направления – лингвистической дискурс-концептологии [Воркачев 2019], одним из объектов исследования аксиологической картины мира можно назвать языковые способы репрезентации ценностных приоритетов медиальности, которые прагматически обусловлены установкой этой личности на создание аксиогенного текста. Методологически важным основанием выявления ценностных приоритетов автора такого текста считаем взаимодействие прагматики и когнитивно-дискурсивных факторов создания лингвокреативных высказываний. Факты речевой креативности создают в дискурсе условия для прагмаэстетического эффекта, который предполагает образование воспринимающим субъектом личностно значимого смыслового варианта. В нашей концепции это «ментальное образование, расширяющее видение ситуации» и корректирующее оценку объекта, репрезентируемого креативными языковыми средствами, «включающее ценностное по содержанию “заключение-вывод”» [Колесникова 2021: 158].

Рассмотренная проблема представляется важной для теоретического моделирования дискурсивной личности в рамках когнитивной прагматики, медиастилистики и дальнейшей разработки ценностной картины мира в ее отражении медиальностью в разных видах дискурса.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.

Воркачев С. Г. Дискурс и его типология в российской лингвистике / С.Г. Воркачев, Е.А. Воркачева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 3. – С. 14–21.

Галло Ян., Алефиренко Н.Ф. Лингвистика текста: традиции и перспективы // Филологический класс. – 2020. – Т. 25. – № 3. – С. 23–38.

Заботкина В.И. В четырехмерном пространстве языка и культуры // Критика и семиотика. – 2021. – № 1. – С. 94–106.

Карасик В. И. Языковые картины бытия. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. 468 с.

Колесникова О.И. Прагмаэстетический потенциал персуазивного медиадискурса: когнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. – Вып. XXXIV. *Cognitio* и *communicatio* в современном глобальном мире. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова; Неолит, 2018. – С. 621–625.

Колесникова О. И. Развитие психопоэтической концепции текста в прагмаэстетическом исследовании дискурса // *Методология современного языкознания – 3: сборник статей в честь юбилея В.А. Пищальниковой.* – М.: Р.Валент, 2021. – С. 155–162.

Поэтический корпус НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (дата обращения: 10.11.2022).

Коренькова Снежана Андреевна
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
УДК 81'1

Мировосприятие через призму фразеологии

*языковая картина мира, фразеологическая картина мира,
фразеологическая единица, мировосприятие*

В XX в. появился такой термин как *картина мира*, который является особой моделью в основе каждого языка, через призму которого, говорящий интерпретирует физический мир. Отметим, что в каждом языке сформирована своя определенная картина мира, которая является совокупностью знаний о действительности в общественном сознании. Еще в начале XIX в. Вильгельм фон Гумбольдт писал, что различия языков состоит как в различии языковых знаков, так и в различном мировосприятии индивида [Гумбольдт 1984: 320], таким образом он впервые заложил концепцию о понятии *языковая картина мира*.

Неотъемлемой частью языковой картины мира является *фразеологическая картина мира*, которая выражает специфику этнокогнитивного, этнолингвистического и этнокультурного мировидения. Такая картина мира усваивается всеми носителями языка и является достоверной «копией» мира.

Этнокогнитивная фразеологическая картина мира показывает особенности национального видения мира в упрощенно-оценочном характере, где большую роль играют ассоциации, накопленные опытом определенного народа, связанные с определенным феноменом. Зафиксированное в языке мироосмысление затем передается из поколения в поколение, воспринимаемое как обязательное или устойчивое, в результате чего откладывается свой определенный отпечаток мировидения и мирооценки, что приводит не к разновидности разных точек зрения переосмысления или взгляда на мир, а к единственной правильной, тождественной с действительностью [Постовалова 1988: 40], так как фразеологические единицы являются устойчивыми и неделимыми.

Таковыми закрепленными словарными единицами наделен каждый язык, обладающий фразеологическими единицами. В ядре такого высказывания наблюдается древняя номинация (внутренняя форма),

которая была жизненно важной и необходимой на тот период времени, когда данное выражение было подвергнуто интерпретации или переосмыслению, в результате чего оно закрепляется в языке и в дальнейшем является неизменным, тем самым отражая определенную специфику, культуру и мировосприятие определенного народа.

Таким образом, в создании фразеологической картины мира играет большую роль внутренняя форма фразеологизма, связывающая сигнификативное значение и форму фразеологической единицы [Василенко 2022: 14].

Так, рассмотрим пример устойчивого выражения во французском, русском, английском, немецком и эстонском языках, передающий единый денотат, но обладающий различной формой, претерпевшая изменения в результате культурно-исторических особенностей.

Возьмем фразеологизм *ни пуха, ни пера* – 'пожелание удачи' в русскоязычной культуре пришло из охотничьего быта [Ушаков 1939, 3: 233] и означало «Удачной охоты!», а также использовалось от сглаза.

В англоязычной культуре существует схожий фразеологизм, однако он имеет разную этимологию. Выражение *break a leg* (букв.: сломать ногу) [Collins 2012, 3: 190] пришло из мира театра и музыки в XVIII в. (одна из версий) из-за актера по имени David Garrick, который во время представления в театре сломал ногу, но был настолько увлечен игрой, что этого не заметил, это положило начало употребления данного выражения в значении удачи, а в дальнейшем использовалось от сглаза.

Во французском языке выражение *ни пуха, ни пера* больше имеет оттенок разговорного стиля – *merde* (букв.: продукт жизнедеятельности живого организма) [Le dictionnaire]. Такое выражение также пришло из театральной сферы, как и в те англоязычной культуре. Данный фразеологизм был переосмыслен во времена, когда к театру приезжали в роскошных каретах и колясках, где лошади, испражнялись, и наивно считалось, чем больше нечистот оставляли лошади, тем интереснее был спектакль.

В немецком языке мы наблюдаем такие выражения как: *glück auf* (букв.: удачи, счастливо вернуться наверх) и *hals-und beinbruch* (букв.: переломай себе шею и ноги) [Wörterbuch]. Что касается первого выражения, то оно пошло от немецких горняков, которые желали счастливо вернуться наверх, так как в XVI – XVIII вв. для спуска и подъема использовались деревянные лестницы, и гибель людей была неред-

кой. Выражение *hals-und beinbruch* появилось благодаря древнееврейскому языку, где в результате фонетического заимствования появился оборот с совершенно противоположным значением, чтобы не сглазить говорящего.

Носители эстонского языка буквально пожелают *камень в сумку* или *звездь в резину* – *kivi kotti* или *nael kummi* [Муковская 2013: 88], данные фразеологические выражения основаны на суеверии о том, что дорогу можно сглазить.

Проведенный анализ вышеперечисленных фразеологизмов показал наличие метафорического значения «защита от сглаза», «удача от сглаза», которое было сформировано через призму культурно-исторического наследия. Отметим, что наблюдается определенное историческое различие фразеологизмов в силу того, что данные языки относятся к разным языковым семьям.

Таким образом, фразеологическая картина мира аккумулирует культурно-исторический опыт на протяжении нескольких веков. Такое мировосприятие передается из поколения в поколение и несет в себе субъективный характер. Следует сказать, что, если данное высказывание сохранилось на протяжении веков, значит оно было востребовано и имело какой-то вес в становлении языковой картины мира, так как границы между фразеологической картиной мира и осознанием индивида являются размытыми, что означает, что не каждый носитель определенного языка может четко вскрыть этимологию того или иного фразеологического единства, так как оно существует уже в готовом виде.

Литература

Василенко А.П. Тропеические механизмы фразеобразования (на примере французского и русского языков) // Иностранные языки: лингвопрагматические и лингводидактические исследования. – Брянск, 2022. – 176 с.

Гумбольдт В. Фон. Избранные труды по языкознанию / В. Фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.

Муковская Л.Ю. Эстонско-русский словарь лингвистических терминов. – Санкт-Петербург, 2013. – 142 с.

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988. – 212 с.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М.: 1939. – Т. 3. – 233 с.

Collins. Idioms Dictionary, 4th edition. – Harper Collins UK, 2021. – 540 p.

Le Dictionnaire. – URL: merde / Définition MERDE (le-dictionnaire.com) (дата обращения: 11.09.2022).

Wörterbuch. – URL: https://de.langenscheidt.com/deutsch-russisch/search?term=Hals-und+Beinbruch&q_cat=%2Fdeutsch-russisch%2F (11.09.2022, 21.05).

**Оценки вклада модальностей восприятия в значение
русских слов (к проблеме влияния билингвизма)**

*базы данных, анкетирование, перцептивная семантика,
русский язык, хакасский язык, татарский язык*

Разработка концепции об отсутствии границ между системой смыслов и языковой семантикой легла в основу теории воплощенного познания, которая в свою очередь является одной из основополагающих теорий когнитивной лингвистики. Главная идея теории воплощенного познания заключается в том, что восприятие и познание происходит под влиянием физического опыта конкретного человека. [Barsalou 2008: 617–645]

Еще одной важной теорией, на которую мы опираемся, является теория лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа, ее положения о влиянии языковой формализации на восприятие семантики, в том числе перцептивной [Whorf 1956: 278].

Создание баз данных – активно действующая тенденция в мировой психолингвистике. Материалы, которые содержатся в БД, включают данные о восприятии и оценках единиц языка как монолингвами, так и билингвами и служат нормативной и ресурсной базой для последующих психолингвистических экспериментов.

На данном этапе базы данных, в которых собраны такие нормативные данные о психолингвистических параметрах, представлены для многих языков, особенно для английского. При этом прослеживается неравномерное языковое распределение в таких базах данных: на материале русского языка существует их весьма незначительное количество, а на материале языков народов РФ практически нет.

В докладе представлен анализ данных описательной статистики нормативных данных оценок слов русского языка по психолингвистически значимым параметрам. Оценивалось то, насколько слово знакомо, насколько связано с оценкой, с представлением о пространстве, размере, температуре, возможностью манипулировать руками с объектом, обозначенным словом. Респондентами были носители

русского языка как родного, татарско-русские и хакасско-русские билингвы. Оценки собраны в Психолингвистической базе данных RuTurkPsychLing, которая создана в Лаборатории лингвистической антропологии. Эта база данных создана [Палий, Коршунова 2021: 82–93], как дополнение к ранее созданным RuWordPerception и TurkWordPerception [Резанова, Машанло, Степаненко 2020: 49–57]. Все три базы данных объединяются составом слов (195 имен существительных, 194 прилагательных и 200 глаголов), отобранных первоначально из словарей русского языка методом случайной выборки для RuWordPerception. Словник ПБД TurkWordPerception оставляет их переводные эквиваленты и их переводные аналоги на тюркские языки: татарский и хакасский. Объединяет базы данных и набор психолингвистических признаков – это оценки слов по вкладу пяти модальностей восприятия в семантику. ПБД RuTurkPsychLing объединяет русский, татарский, хакасский словники и включает оценки слов по другому набору психолингвистически релевантных параметров.

Оценки были собраны методом психолингвистического анкетирования. Данные были собраны двумя способами: в лаборатории и онлайн. В лаборатории данные собирались на базе платформы PsychoPy с поддержкой Python3. Данные онлайн были собраны посредством Google forms. Респондентам необходимо было оценить степень и характер связи с психолингвистическими параметрами по 7-членной шкале Ликерта.

Параметры знакомость и манипулируемость характеризуются только степенью проявленности параметра, остальные психолингвистические параметры представлены оценками не только степени, но и характера проявленности параметра. Например, для параметра эмоциональность первый вопрос был о том, насколько данное слово связано с параметром эмоциональность, с вариантами ответов от максимально сильно до максимально слабого. Далее при наличии положительного ответа о связи с оценкой, респонденты ранжировали характер оценки от максимально положительной до максимально отрицательной.

В настоящее время объем базы данных составляет 1 335 323 оценок слов, из них:

- 379 131 оценок слов **русского** языка по 7 психолингвистическим параметрам, данные 136 носителями русского языка,

•62 629 оценок слов **татарского** и **русского** языков по 7 психолингвистическим параметрам, данные 17 носителями татарского языка,

•893 563 оценок слов **хакасского** и **русского** языков по 7 психолингвистическим параметрам, данные 37 носителями хакасского языка.

Анализ был выполнен с использованием статистических методов обработки на языке программирования R 3.3.1. Данные, которые были получены, определяют соотношение вклада психолингвистических параметров в семантику стимулов на русском языке. Кроме того, выделить общие тенденции у тюркско-русских билингвов и носителей русского языка как родного. Данные описательной статистики были получены для усредненных оценок стимулов на русском языке для психолингвистических параметров и для трех групп участников. Участниками были:

- носители русского языка как родного (L1-R),
- хакасско-русские билингвы(L1-K),
- татарско-русские билингвы (L1-T).

Таблица 1 отражает данные описательной статистики, где в строках содержится информация с усредненными оценками по психолингвистическим параметрам.

Таблица 1

Описательная статистика оценок восприятия русских стимулов по психолингвистическим параметрам тремя группами участников

	Средние			Минимальные			Максимальные		
	L 1-R	L 1-T	L 1-K	L 1-R	L 1-T	L 1-K	L 1-R	L 1-T	L 1-K
Связь с эмоциональностью	2.438	2.135	2.541	1.200	1.000	1.460	5.800	6.500	5.510
Связь с размером	1.962	1.832	2.23	1.170	1.000	1.55	5.150	6.000	5.50
Связь с положением в пространстве	2.064	2.603	2.258	1.210	1.000	1.420	5.800	5.710	5.590
Связь с температурой	1.65	1.588	2.098	1.03	1.000	1.570	6.22	6.000	6.230
Манипулируемость	2.815	4.046	2.190	1.100	1.000	1.120	6.560	7.000	6.330
Знакомость	6.864	6.874	6.925	4.430	2.000	5.160	7.000	7.000	7.000

Сходство полученных данных по оценкам стимулов на русском языке у трех групп респондентов позволяет нам сделать вывод о том, что нет большого различия в восприятии у тюркско-русских билингов и носителей русского языка данного стимульного материала. Участники чаще утверждают, что у нашего стимульного материала нет связи с психолингвистическими параметрами, мы можем судить об этом по средним оценкам в Таблице 1.

Эмоциональность, манипулируемость и расположение в пространстве оказались самыми проявленными психолингвистическими параметрами для данных стимулов по анализу оценок участников. У татарско-русских билингов средняя оценка параметра манипулируемость (**4.046**) выше, чем у хакасско-русских билингов (**2.190**) и у носителей русского языка как родного (**2.815**).

Еще одна выявленная закономерность заключается в том, что татарско-русские билингвы чаще используют крайние оценки (1 или 7), в отличие от хакасско-русских билингов.

Мы можем сделать вывод, что наша случайная выборка слов хороша знакома участникам, а вклад психолингвистических параметров в значение слов ниже среднего. Данные требуют последующей обработки и продолжения исследования.

Литература

Палий В.Е. Технологии сбора и обработки больших данных в психолингвистических исследованиях. Психолингвистические базы данных / В.Е. Палий, И.С. Коршунова // Открытые данные – 2021: Материалы форума, Севастополь, 30 сентября – 02 2021 года / Под редакцией А.Ю. Саркисовой. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021. – С. 82–93.

Резанова З.И., Машанло Т.Е., Степаненко А.А. Перцептивный компонент семантики существительных, прилагательных, глаголов русского языка в билингвальной перспективе (психолингвистическая база данных RuWordPerception) // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 450. – С. 49–57.

Barsalou L.W. Grounded cognition // Annual Review of Psychology. – 2008. – Vol. 59. – P. 617–645.

Whorf B.L. Language, thought and reality: selected writings. – Technology Press of Massachusetts Institute of Technology, 1956. – 278 p.

Метафора вращения в номинации абстрактного понятия «Время»

*этимология, время, когнитивная лингвистика,
номинация абстракций*

Абстрактное имя непременно должно быть пропущено через сознание, то есть в каждом языке его номинация всегда неразрывно связана с мировоззренческой картиной мира носителей. В связи с этим особый интерес представляет номинация такого понятия как **время**, которое является сложным для выражения в языке, затрагивающим процесс миропонимания через эмоциональное отношение, а не объективное знание. Восприятие абстрактных и философских понятий всегда неразрывно связано с мировоззренческой картиной мира людей, а установление древнейших значений слов, называющих эти понятия, дает фрагментарное представление о виденье мироустройства носителями языка. Для поиска связи между абстрактным понятием и метафорой, через которую оно выражено, в качестве одного из методов я предлагаю использовать этимологическую реконструкцию, а также обращение к культурным и бытовым аспектам, нашедшим отражение в языке.

Для исследования было выбрано русское слово **время** (соответственно его формы в старославянском, древнерусском и церковнославянском языках). Индоевропейский корень данного слова реконструируется как **uert-*, который, по данным сравнения материала индоевропейских языков, содержит в себе идею вращения: лат. **vertō** – поворачивать; ст.-слав. **врѣтено** (др.-русс. **веретено**); др.-верхн.-нем. **werdan** – поворачивать. В письменных памятниках старославянского, церковнославянского и древнерусского языков уже не зафиксирована семантическая связь с вращением. Время почти всегда понимается только как временной отрезок или точка в потоке времени. Тем не менее, исторические языковые материалы содержат следы семантической связи с вращением. В памятниках церковнославянского языка может происходить замена слова **время** на однокорен-

ное ему **верста**. В старославянском языке фиксируется слово **вьрста** в значении 'возраст' и 'поколение' [Цейтлин 1994: 123]. Первоначально же оно обозначало расстояние, пройденное за один раз до поворота плуга. В подтверждение этому можно привести следующие слова из других индоевропейских языков: оск.-умбр. **vorsus** - мера пашни, оборот, лит. **vařstas, varsnà** - верста, расстояние, пропахиваемое за один раз в одну сторону [Фасмер, 1964: 1, 300]. Данные примеры указывают на то, что в слове **верста** более очевидная связь с вращением, то есть в нем буквально была идея 'поворота', реализуемого при распашке земли. Так как время является абстракцией, то для номинации этого понятия необходимо выражение через материальный образ, а конкретно через поворот как физическое действие. На это и указывает факт замены слова **время** на **верста** в некоторых текстах.

Можно предположить, что в основе древнейшего значения слова **время** лежит идея об упорядоченной повторяемости промежутков времени. Я считаю, что прежде всего это связано со сменяемостью сезонов в течение года (их метафорическое «вращение»). В труде Марка Теренция Варрона 'De Lingua Latina' упоминается божество **Vortumnus** (Vertumnus), культ которого был связан со сменой времен года [De lingua latina V.46], и чье имя происходит от того же корня **uert-*, следовательно, содержит и ту же идею вращения.

В более позднее время идея 'вращения' времени обнаруживается в принципе календарного устройства. Со счётом времени уже в период Древней Руси тоже связана идея вращения, но теперь уже со счётом солнечных и лунных циклов. В древнерусском трактате «Кирика Диакона и доместика новгородского Антоньева монастыря учение им же ведати человеку числа всех лет» подробно описывается вычисление солнечного (период в 28 лет, по прошествии которых новый год в юлианском календаре приходится на тот же день недели) и лунного (период в 19 лет, по прошествии которых лунные фазы приходятся на те же дни (числа месяца) юлианского календаря) кругов. По вычислениям Кирика Новгородца, «от Адама» прошло 237 солнечных и 399 лунных кругов. В Азбуковнике XVII встречается схема семи возрастов человека, нарисованных в виде кругов. М. Н. Громов в работе «Время и его восприятие в Древней Руси» полагает, что разделение на 7 частей сводится к привязыванию к счёту времени по лунному календарю (4 недели по 7 дней дают месяц в 28 дней) и сакрализации числа 7 [Громов 2009]. Акад. Гамкрелидзе и Иванов предполагают, что выделение 'лунной недели' как календарной единицы

вполне вероятно уже для древних индоевропейцев [Гамкрелидзе, Иванов, 1984: 854]. Можно предположить, что природные повторяющиеся циклы – сезонные, лунные, солярные, - даже в средневековой календарной традиции позволяют представлять течение времени в виде кругового движения.

Обобщая все приведенное выше, делается вывод о том, что время могло представляться в сознании людей как цикличная смена определенных промежутков. Это предположение объясняет причину, почему в слове **время** заключена идея поворота. То есть вращательное движение становится метафорой для повторяемой смены единиц времени.

Литература

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры (в двух частях). – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.

Громов М.Н. Время и его восприятие в Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – М., 2009. – № 2 (36). – С. 7–17. 1,2 п.л.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: Том I–II / Общ. ред., предисл. и вступ. статья проф. д-ра филол. наук В. И. Борковского; Академия наук СССР, Отделение литературы и языка. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР (Учпедгиз), 1958.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / С48 АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. Р. И. Аванесов. – М.: Рус. яз., 1988.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. (с доп.). – Т. 1. – М.: Прогресс, 1964.

Цейтлин Р.М., Благова Э., Геродес С. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Около 10000 слов. – М.: Русский язык, 1994.

Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М., 1997.

M. Terenti Varronis. De Lingua Latina.

**Краснопеева Екатерина Сергеевна,
Краева Светлана Сергеевна,
Волчкова Анастасия Сергеевна**
Челябинский государственный университет
УДК 81'25

**Устный перевод удаленного инструктажа в режиме
видеоконференции: когнитивный аспект**

*устный перевод, дистанционный перевод, экспериментальное
исследование, когнитивная нагрузка переводчика*

В рамках когнитивного подхода перевод рассматривается как комплексный, динамический многоэтапный процесс в сознании переводчика, подразумевающий значительный эвристический компонент [Чистова 2019: 66; Цвиллинг 2009: 51–52]. Предметом перевода является ментальная модель, «возникающая на основании воспринятого отрезка текста оригинала, а также фоновых знаний переводчика (в том числе накопленных в период подготовки...)» [Фирстов 2010: 146]. Особенно большого объёма психофизической энергии требует устный перевод [Комиссаров 2002: 285].

На сегодняшний день цифровые медиа трансформируют экологию коммуникации и неизбежно экологию перевода [Клюканов 2020]. Благодаря развитию технологий аудио- и видеосвязи, а также специализированных средств автоматизации меняется профессиональный технolandшафт устного перевода. Актуальность приобретает изучение особенностей дистанционного устного перевода – перевода, опосредованного информационно-коммуникационными технологиями [Braun 2019].

Одной из значимых проблем дистанционного перевода является когнитивная нагрузка переводчика. В последних исследованиях подчёркивается комплексность задач удалённого (синхронного) перевода в онлайн-режиме, необходимость снижения когнитивной нагрузки путём оптимизации эргономики переводческого пространства [Saeed et al. 2022]. В интегративной модели формирования когнитивной нагрузки в процессе дистанционного перевода С. Чжу и В. Арьядуст выделяют две категории факторов: 1) внешние – ситуация и среда (специфика переводческой задачи, лингвистические и

паралингвистические особенности оригинала, свойства окружающего пространства); 2) внутренние – характеристики переводчика (уровень владения языком, степень знания предметной области, индивидуально-личностные особенности, знание технологий, стратегии перевода, а также специфика (мета-)когниции переводчика) [Zhu, Agyadoust 2022].

В настоящей работе в качестве объекта исследования выступает устный последовательный (абзацно-фразовый) перевод в экспериментальной ситуации, направленной на моделирование процесса удалённого инструктажа (*remote guidance on a physical task*) в режиме видеоконференции с использованием задачи по сборке конструктора – модели вертолета «Лего».

На сегодняшний день проведено четыре сессии с участием переводчиков-профессионалов с разным опытом работы и носителей русского, а также английского, китайского и немецкого языков. Перевод инструктажа осуществлялся на русский язык. Каждая сессия сопровождалась ретроспективными интервью с переводчиками, где в качестве стимула использовалась запись видеоконференции. Несмотря на то, что каждая из проведённых сессий уникальна, специфика задания позволяет выделить общие для всех переводчиков трудности. Так, передача прецизионной информации – формы, размера и типа детали – всегда сопровождается заполненными паузами и речевыми затруднениями. Обратимся к примерам переспроса – одной из переводческих операций, иллюстрирующих когнитивный процесс понимания.

Рассмотрим переспрос в процессе передачи термина «закруглённый кирпичик для перекрытия» (*slope curved*). Данный термин не был включён в глоссарий и был предусмотрен в качестве переводческой трудности. При переводе в китайско-русской языковой паре озвученное инструктором описание понятно переводчику, ср.:

Инструктор: 哼嗯还有一个灰色的反斜面砖二乘二的 [Хмм и серая плитка обратным скатом два на два.]

Переводчик: И еще найти...什么颜色的? [Какого цвета?]

Инструктор: 反斜面砖, 砖二乘二的 [Два на два плитка с обратным скатом.]

Переводчик: Мм такую *пластиночку* два на два *ступенчатую*.

Инструктор: 不是平的是斜面的。 [Не плоская, а скошенная.]

Переводчик: 切面的 [Со скошенным краем?..] *Ступенчатая* такая, она еще *покатая* такая, да... 这个呢, 你看一看 [Эта? Посмотрите].

Тем не менее, переводчик выполняет переспрос, повторяя прозвучавший в оригинале термин *切面的* (деталь со скошенным краем), поскольку, как отмечает в ретроспективном интервью, учил этот термин, но взял «время обдумать, правильно ли понял термин».

Столкнувшись с аналогичной лексической трудностью в немецко-русской языковой паре, переводчик обращается к генерализации «*необычная [деталь] два на два с еще одним элементом*», поскольку не до конца смог сформировать образ детали, хотя слово *Stufe* (ступенька) было ему знакомо. Он тоже прибегает к переспросу, но с иной целью:

Инструктор: *Jetzt benötigen wir ein spezielles Teil, es hat die Größe zwei mal zwei, aber eine Stufe. Es enthält eine Stufe. Also grau. Eine Platte, graue Platte. Zwei mal zwei mit Stufe. [Теперь нам нужна особая деталь, она размером два на два, но со ступенькой. У неё есть ступенька. Значит, (она) серая. Это пластинка, серая пластинка. Два на два, со ступенькой.]*

Переводчик: *Теперь...теперь нужна серая деталь, необычная два на два с еще одним элементом...*

Инструктор: *Mit einer Stufe. [Со ступенькой.]*

Переводчик: *С небольшим, как, отпостком. <...>*

Переводчик: *Können Sie das bitte anders erklären, was eine Stufe...* [Можете, пожалуйста, по-другому объяснить, что (такое) ступенька...] <...> Уточнила, как лестница он выглядит.

Выполняя описанные операции, переводчик получает дополнительную информацию, чтобы выстроить такую ментальную модель, на основе которой он сможет выполнить перевод в соответствии с поставленной задачей.

Таким образом, мы фиксируем трудности как на этапе декодирования – восприятия и понимания описываемого объекта и действия, так и на этапе кодирования информации. В ходе ретроспективных интервью переводчики отмечают, что испытывали затруднение при использовании дейктических средств «справа», «слева», «сверху», «снизу», «над», «под» и пр., что связано с ограничениями визуального канала информации. В целом, комплексность рассматриваемой когнитивной задачи во многом определяется не внешними, а внутренними характеристиками, не только переводчика, но и других участников коммуникации – инструктора и исполнителя. Наиболее значимыми, по результатам проведенного эксперимента, характери-

ками являются уровень владения языком переводчика, а также специфика (мета-)когниции переводчика и инструктора. Мы наблюдаем, что с течением времени сессии варианты перевода меняются: переводчики ориентируются на сформированное общее когнитивное пространство коммуникантов, отказываясь от терминологических сочетаний в пользу вариантов с указателями «эта деталь», «та деталь, которую вы уже брали». Проведённый поисковый эксперимент позволил создать платформу для наблюдения и фиксации специфических особенностей и трудностей переводческого сопровождения удалённого инструктажа по видеосвязи.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Проект № МК-73.2021.2).

Литература

Клюканов И. Э. Несколько замечаний об экологичности коммуникации / И. Э. Клюканов // Экология. Коммуникация. Перевод: материалы всероссийской онлайн-конференции, Улан-Удэ, 30 сентября – 01 октября 2020 г. – Улан-Удэ: БГУ им. Доржи Банзарова, 2020. – С. 6–10. – Текст: непосредственный.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Уч. пособие. / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2002. 424 с. – Текст: непосредственный.

Фирстов М. С. Порядок операций при последовательном переводе и необходимые специфические компетенции / М. С. Фирстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 588. – С. 142–155. – Текст: непосредственный.

Цвиллинг М. Я. О переводе и переводчиках. Сборник научных статей / М. Я. Цвиллинг. – М.: Восточная книга, 2009. 288 с. – Текст: непосредственный.

Чистова Е. В. Мультиканальность и мультимодальность восприятия в когнитивной деятельности переводчика-синхрониста / Е. В. Чистова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 12 (9). – С. 337–342. – Текст: непосредственный.

Braun S. Technology and Interpreting / S. Braun // The Routledge Handbook of Translation and Technology. – New York: Routledge, 2019. – P. 271–288. Текст: непосредственный.

Saeed M. A. Connected yet Distant: An Experimental Study into the Visual Needs of the Interpreter in Remote Simultaneous Interpreting / M. A.

Saeed, E. R. González, T. Korybski, E. Davitti, S. Braun // Human-Computer Interaction. User Experience and Behavior. HCII 2022. Vol. 13304. Springer, Cham, 2022. – P. 214–232. – Текст: непосредственный.

Zhu X. Synthetic Review of Cognitive Load in Distance Interpreting: Toward an Explanatory Model / X. Zhu, V. Aryadoust // Frontiers in Psychology. – 2022. Art. 899718. – Текст: непосредственный.

Кузнецова Наталья Игоревна
Одинцовский филиал Московского государственного
института международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Макарычева Анна Владимировна
Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД России
УДК 81`33

Особенности языкового выражения политической корректности в современном испанском языке

*политическая корректность, эвфемизация, профессиональная
политкорректность, испаноязычный медиадискурс*

Вместе со стремительно изменяющимся обществом в настоящее время все большее внимание уделяется вопросам политической корректности и толерантности. Язык, являясь неотъемлемой частью любой лингвокультурной общности, чутко реагирует на изменения, происходящие в социуме. В настоящей статье анализируются способы выражения политической корректности в современном испанском языке, а также рассматриваются лингвистические особенности данного феномена. В качестве материала исследования были отобраны примеры публицистического и рекламного испаноязычного медиадискурса, прежде всего, фрагменты статей, опубликованных крупными испаноязычными изданиями, а также рекламные тексты.

Политическая корректность представлена своего рода социальным кодексом, выражающимся в языке, поведении и мнениях, в соответствии с которым оскорбления любого представителя общества и принижение его достоинства являются недопустимыми. Политическая корректность подразделяется на поведенческую и языковую. Последняя выражается в замене средств языкового выражения, традиционных для большинства языков, которые способны задеть чувства и достоинство индивида формулировками по поводу его расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида [Баллестер 2012: 175].

В зависимости от функций, политическая корректность может также подразделяться на коммерческую, коммуникативную, гендерную, профессиональную, социальную, умственную, расовую и физическую и другие.

Прагматической задачей коммерческой корректности является привлечение как можно большего количества потребителей товара или услуги, посредством использования слов и выражений, имеющих нейтральную или положительную окраску.

Например, выражение «*precio especial*» ('специальная цена') помогает избегать негативно окрашенных прилагательных «*низкий, дешевый*»

Рис. 2

(рис. 1), а характеристика «*люксовый*» в испанском языке все чаще выражается прилагательным «*exclusivo*» ('эксклюзивный') (рис. 2). Стоит отметить, что коммерческая корректность может включать в себя один или несколько других видов политической корректности (например, этическую).

Рис. 1

Профессиональная политкорректность проявляется преимущественно в замене традиционных названий профессий нейтральными, то есть не указывающими на конкретный пол – в данном случае прослеживается прямая связь с гендерной политической корректностью. Например, вместо традиционного наименования профессии «*стюардесса*» ('*azafata*') в последние годы все чаще стало использоваться выражение «*auxiliar de vuelo*» ('бортпроводник'), которое относится и к мужчинам, и к женщинам, а такие слова, как «*la presidenta, la ministra, la jueza*» ('женщина-президент, женщина-министр, женщина-судья') стали языковой нормой еще в середине 90-х годов [Калинина 2019: 24-25].

Ещё одним способом передачи профессиональной политкорректности является использование лексем с обобщающим или широким значением. Например, вместо слова «*inspectores*» ('инспектора') используется термин «*inspección*» ('инспекция'), вместо «*jefes*» ('директора') - «*jefatura*» ('начальство') и др. Вместо ставшего официальным выражения «*abogados y abogadas*», обозначающего адвокатов мужского и женского пола, употребляется слово «защита» ('*la defensoría*').

Привычное выражение «*ama de casa*» ('домохозяйка') стремительно вытесняется более прогрессивной версией «*trabajadora de hogar*», которую можно перевести на русский язык как «женщина, работающая по дому», где акцент делается на существительном «*trabajadora*», образованном от глагола «*trabajar*» - 'работать'.

Что касается физической и умственной политкорректности, в современном испанском языке такие ее разновидности отражены в меньшей степени по сравнению с английским языком, в котором, например, прилагательное «*fat*» ('полный') обладает резко негативной коннотацией и всячески избегается, в то время как в испанском языке его аналог «*gordo*» воспринимается представителями лингвокультурной общности гораздо менее остро, если речь идет о нейтральных высказываниях [Молина Ортес 2014: 15].

Основными языковыми способами выражения политической корректности являются лексический и грамматический, который, в свою очередь, делится на морфологический и синтаксический уровни. Подробнее изучим лексический и морфологический компоненты, так как они являются наиболее характерными для современного испанского языка.

В условиях возрастающей потребности большинства западных стран в использовании политически корректных слов и выражений появляются новые морфемы и термины для наименования современных явлений. Наиболее частотным способом смягчения существующих языковых норм является использование эвфемизмов [Якушкина 2015: 339].

Рис. 1 Источник: <https://elperuano.pe/noticia/121866-arte-inclusivo-conozca-la-obra-de-shakespeare-versionada-para-personas-con-tea>

La obra usa una nota y luego se establece un pequeño diálogo entre los espectadores y el elenco. Para la cuentacuentos Maité Cortez, que participó en una de las funciones, le parece muy interesante cómo rompe con el proceso general de la creación teatral: la obra, primero, no gira en torno a los personajes; los actores giran alrededor del participante con TEA y se convierten en actores-acompañantes, ^{они} ponen su arte al servicio de esta persona con diversidad cognitiva.

"Es una manera diferente de mirar el arte y la sensibilidad y, a la vez, sensibilizarnos con la inclusión", opina.

менее частотным способом смягчения существующих языковых норм является использование эвфемизмов [Якушкина 2015: 339].

Рис. 2 Источник:

https://www.eldiario.es/cultura/cine/fernando-franco-aborda-forma-brillante-sexualidad-personas-diversidad-funcional_129_9557199.html

Fernando Franco aborda de forma brillante la sexualidad en personas con diversidad funcional

'La consagración de la primavera' es una pequeña obra tan sutil como inteligente que explora dos sexualidades y el peso de la sociedad en los cuerpos

В отобранных фрагментах медиадискурса, опубликованных крупным перуанским изданием «El Peruano» и испанским «El Diario», политическая корректность используется для того, чтобы избежать указания конкретного диагноза или проблемы со здоровьем.

Так, прилагательное «*retrasado*» ('отстающий в развитии') заменяется эвфемизмом «*persona con una diversidad cognitiva*» ('человек с когнитивными отличиями' – рис.3), а «*minusválido/inválido*» ('инвалид') – на политически корректный вариант «*persona con una diversidad funcional*» ('человек с физическими отличиями' – рис.4). Стоит отметить, что, хотя в данных примерах выражение политической корректности соответствует современным тенденциям, оно все же способно вызвать негативную реакцию у некоторых представителей вышеупомянутых категорий, поскольку так или иначе подразумевает отличие от принятой нормы.

"Los famosos operadores, que son personas recuperadas, son un apoyo. Tienen un conocimiento protagónico de lo que es el sufrimiento por el consumo problemático de sustancias; sin embargo, no habilita o suple lo que es la atención integral que requiere una persona con problemas de adicción", insistió la responsable de la ONR.

Рис. 3 Источник: <https://www.pagina12.com.ar/484528-se-incrementaron-las-consultas-de-familiares-sobre-lugares-h>

В отрывке статьи, опубликованном аргентинским изданием «Pagina12» (рис.5), автор использует словосочетание «*una persona con problemas de adicción*» ('человек, страдающий от различных форм зависимости') вместо понятия «*adicto*» ('зависимый'). Несмотря на то, что речь идет о тяжелой проблеме и ее негативных последствиях, автор старается придерживаться этики, избегая использования привычной медицинской терминологии.

Что касается изменений на уровне морфологии, то стоит обратить внимание на тенденцию к унификации окончаний имен существительных и прилагательных и использование символа «собака» (например: «*estimad@s*»; «*ofrecerle a un@*») вместо гласных -О и -А в окончаниях, представляющего собой графическую комбинацию этих двух морфем. Аналогичный способ сохранения гендерной нейтральности выражается при помощи гласной «е», а также согласной «х» в окончаниях имен существительных, прилагательных и местоимений. Подобная тенденция прослеживается в таких выражениях как «*todes nosotres*» вместо «*todos nosotros*» ('все мы'), «*lxs amix*» в качестве гендерно-нейтральной замены «*los amigos*»/«*las amigas*» ('друзья', 'подруги'). Данные примеры отражают так называемый гендерно-нейтральный язык [Салазар 2020: 209]. На сегодняшний день данные формы не утверждены Королевской академией испанского языка (*Real Academia Española*), и используются преимущественно в языке молодежи.

Изучив явление политической корректности в современном испанском языке и проанализировав способы ее языкового выражения,

можно прийти к выводу о том, что лексический компонент испанского языка наиболее активно реагирует на изменения, происходящие в обществе, а основным способом выражения политической корректности являются эвфемизмы. Язык выступает маркером процессов, происходящих в социуме, однако вопрос о том, как именно трансформации общественного сознания скажутся на нем, на сегодняшний день остается предметом острых дискуссий.

Литература

Калинина Е.Ю. Испания-2018: новая волна феминизма, гендерно-нейтральный язык и формирование правосознания // Новеллы права и политики. – 2019. – С. 24–28

Якушкина К.В. Политкорректность или псевдовежливость? К вопросу об амбивалентности понятия (на материале испанского языка) // Древняя и новая Романия. – 2015. – №. 15. – С. 337–358.

Ballester M. Lo políticamente correcto o el acoso a la libertad // Cuadernos de pensamiento político. – 2012. – С. 171–201.

Molina Ortés E. F. La presencia de eufemismos y disfemismos en el campo semántico del cuerpo humano. Estudio sociolingüístico // Pragmalingüística. – 2014. – № 22. – С. 8–30.

Salazar S. G. El debate social en torno al lenguaje no sexista en la lengua española // IgualdadES. – 2020. – Т. 2. – №. 2. – С. 201–221.

Conceptual metaphors of FIRE in British National Corpus

*concept, metaphoric representation, conceptual metaphor of FIRE,
British National Corpus, cognitive linguistics*

Modern linguistics does not deny the fact that concepts are an essential part both of human's mind and, consequently, language. Cognitive linguistics, due to the efforts of two distinguished scholars G. Lakoff and M. Johnson, even put forward an idea that human consciousness is metaphoric in nature, thus the term of **conceptual metaphor** came into being [Lakoff 1980].

A well-known Hungarian researcher, a cognitive linguist, Z. Kövecses highlighted the issue of **universal** and **national** conceptual metaphors. The scholar paid attention to the fact that there is a universal, common basis for similar conceptual metaphors in different linguocultures [Kövecses 2005: 199].

The above-mentioned common basis can be presented in the form of physical experience or phenomena which are universal for mankind. All elemental forces are considered to be both a source and target domains, and fire is not an exception.

The concept of FIRE is viewed in social and cultural studies as the basic factor of human social abilities development [Pausas 2009, 50: 593; Iskhakov 2012, 2: 62].

For the inhabitants of the British Isles the significance of the FIRE concept is beyond doubt – this can easily be traced through mythology: Germanic, Celtic and Scottish ones, where FIRE was associated with power (sometimes destructive and sometimes creative), protection and purification [Monaghan 2004:195, 442].

Thus, FIRE is an integral part of British culture and as a result, linguistic representations of the concept of FIRE are widely used in English.

To identify the representations that make up the core of the nominative field of the FIRE concept, the most authoritative dictionaries were used: 'Longman Dictionary of English Language and Culture', 'Cambridge Online Dictionary', 'Oxford Living Dictionaries' and 'Merriam-Webster Online Dictionary'. The materials of the British National Corpus served as

the source for linguistic analysis. The links to the online resources are presented in the section 'Literature'.

The analysis of the linguistic material showed that the concept of FIRE is represented in English by two basic models which in their turn can be further derived.

The first basic model **FIRE IS MAN** is represented by some of the following examples:

***FIRE broke out** during a funeral at a crematorium yesterday and set the roof alight.*

***Fire breaks out** again in top floor of apartment block.*

*Firemen wearing breathing apparatus were sent in **to deal with the fire** at Hedley-on-the-Hill, Northumberland.*

*Brandy Then in June, Ivan died in a **freak fire** at his seafront nursing home.*

*However, the (unclear) we have recently had to incur extra expenditure because the road (unclear) that were put in looking at one hundred er (unclear) er were found to be too high especially for the (unclear) services and er (unclear) place (unclear) er (unclear) committee which er (unclear) throughout that it was very difficult but (unclear) apparatus you know **moving fire** (unclear). This particular example can also be related to a more general model **FIRE IS A LIVE ENTITY**.*

This basic model 'gives birth' to a more specific conceptual metaphor - **FIRE IS A PART OF HUMAN'S BODY**: *And something appeared to them which seemed like **tongues of fire**; --- followed by **fingers of fire**.*

Considered being a human, FIRE performs in the role of a creator and a destroyer.

FIRE IS A CREATOR

***Fire** too is a similar thing. It can be **warming** ---, it can be **purifying, life-giving**.*

FIRE IS A DESTROYER

***THE** sight of Martin Bell falling injured after being hit by Serbian **mortar fire** reminds us of the risks reporters take to bring us the news.*

Whereas FIRE is often viewed as a living entity, it can as well perform as a non-living entity and this results in the second basic conceptual model – **FIRE IS A PHYSICAL OBJECT** (*Position heaters carefully so that nothing can overheat and **catch fire***). Though a great number of examples can fit this very general conceptual metaphor, it can further be derived to more specific ones: **FIRE IS A CONTAINER** and **FIRE IS A LIQUID**.

FIRE IS A CONTAINER

POP heart-throb Jon Secada escaped death by seconds during a shoot-out in Miami. The Florida-based star, at No. 10 with *Just Another Day*, was out shopping when two rival street gangs **opened fire** outside the store.

TERROR TARGETS: Ford and family take cover as fanatics **open fire**.

Large sections of fire under control.

FIRE IS A LIQUID

'It's a sea of fire. Everyone has gone. Children... everyone,' she cried.

*In January he escaped a **fire which engulfed** the Cheshire Home where he was staying in Greatham, Hants.*

Though the article is focused on the FIRE concept as a target domain, it is noteworthy to mention the concept as a source domain for numerous conceptual metaphors, among which the dominant place is occupied by two of them:

EMOTION IS FIRE

*A spokesman for the band, at No 11 **with fire says:** 'We've played dozens of gigs in recent months'.*

*He was dropped too early -- but instead of sulking **he has returned with his old fire**.*

*He was one of these big ugly men, the big ferocious-looking bloke that if someone said to you **he breathed fire**, you'd believe them.*

*But first he has to set the number co-ordinates on his Scope before **he can fire at any object**.*

***Full of fire at the first performance**, he would be worn out and as cold as marble.*

MAN IS FIRE

*Her irrepressible nature was reflected in her early stage names. The **Little Ball of Fire**, they called her, and **Miss Personality**.*

To conclude, the concept of FIRE can be seen as universal, that is why it brings to life numerous conceptual metaphors where FIRE performs as a source and a target domain. In British National Corpus there can be found examples illustrating both cases. Especially, such conceptual metaphors as **FIRE IS MAN**, **FIRE IS A PHYSICAL OBJECT**, **EMOTION IS FIRE** and **MAN IS FIRE** are singled out.

References

Iskhakov R.R. Dohristianskie verovaniya v sisteme religioznosti tatar kryashen v XIX v.: arhaichnye kul'ty. / R.R. Iskhakov // Nauchnyj Tatarstan. – 2012. – № 2. – P. 61–73.

Kövecses Z. Metaphor in Culture. Universality and Variation. / Z. Kövecses. New York: Cambridge University Press, 2005. – 314 p.

Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman Corpus Network. British National Corpus. Longman Group LTD, 1992. –480 p.

Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

Monaghan P. The encyclopedia of Celtic mythology and folklore. / P. Monaghan. – New York: Facts on File, Inc., 2004. – P. 195, 296–299, 442.

Pausas J., Keeley J. A Burning Story: The Role of Fire in the History of Life / J. Pausas, J. Keeley // BioScience. – 2009. – Vol. 59, 7. – P. 593–601.

British National Corpus: [Electronic source]. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed: 28.09.2022).

Cambridge Online Dictionary: [Electronic source]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 28.09.2022).

Dictionary by Merriam-Webster: [Electronic source]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: 28.09.2022).

Oxford Living Dictionaries: [Electronic source]. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (accessed: 28.09.2022).

Курбанова Мухаббат Матякубовна
Дадаходжаева Зилола Анваржоновна
Национальный университет Узбекистана
имени Мирзо Улугбека
УДК 811.512.133:808.2

Языковые единицы, реализующие человеческую концепцию

концепт, человек, когнитивное поле, языковая память

Концепт-терм, являющийся центральным элементом антропоцентрической парадигмы, наиболее активно используемой в последнее десятилетие в области языкознания, представляет собой многослойную структуру. В настоящее время в лингвистике к термину концепт подходят с точки зрения когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Исследования, проведенные учеными (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, В.Н. Телия, Е.С. Кубрякова, И.А. Стерин и др.) показывают, что концепт – это единица сознания, полученное знание, совокупность приобретенного опыта, результатов деятельности в жизни человека, представлений и знаний, относящихся к конкретной культуре.

О концепте существуют разные мнения: «Концепт есть мыслительное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1997: 267–297], «концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [Карасик 2004], «концепт – это ментальная репрезентация связей между объектами действительности» [Бабушкин 1996], «исходная точка семантического наполнения слова и конечный предел развития» [Колесов 2004: 39], «оперативные содержательные единицы памяти, ментального лексикона, отраженные в человеческой психике» [Абушенко, Кацук 2003: 503], «концепт – это единица мысли, неделимая и отражающая всю действительность» [Чесноков 1967: 25–38], «концепт – инвариант значения лексемы» [Рахилина 2008], «концепт – это содержание, то есть структура концепта, термин «концепт» синонимичен термину «содержание, понятие» [Степанов 1997], «концепт – слово, то есть ключевое слово» [Вежбицкая 1996]. О.К. Юсупов определяет концепт следующим образом: «Концепт – это совокупность существующих в нашем сознании знаний о чем-

либо или события во внешнем или внутреннем мире, образов о нем и положительного, отрицательного или нейтрального отношения к нему [Юсупов 2011: 10]. Лингвисты делят понятие на ядро и периферийные части. В результате своего психолингвистического анализа Л.А. Стернин приходит к следующему выводу: «ядро концепта, помимо формирования его базового слоя, включает в себя совокупность когнитивных слоев и когнитивных сегментов, проявляющихся в когнитивных символах» [Стернин 2001: 61].

Человеческий концепт, несомненно, является ядром любой культуры, центром каждого художественного текста, главным субъектом языкового ландшафта мира. В центре исследований когнитивной лингвистики находится человек, воплощающий в себе всю сущность познания и имеющий сложную интерпретацию. Человек сложный, целостное биосоциальное объединение.

В узбекском языкознании в реализации концепта *человек* важную роль играют человекоподобные описания, действия, ситуации, процессы и отражающие их языковые единицы, представленные в тексте. Через них в сознании говорящих восстанавливается образ человека.

В узбекском языке концепт человек выражается лексемами, описывающими человека по его возрасту, полу, месту жительства, должности, профессии, внешним признакам, а также его научному статусу, социальному статусу, уровню родства.

Лексемы, представляющие человеческие характеристики, характер и статус, также могут напрямую восстанавливать представление о человеке в памяти носителей языка: ***Hozir qorong'i-ku! Nega yonma-yon yurmaydi! Qo'rqoq!*** [Hoshimov 2012: 92]. ***Сейчас темно! Почему он не ходит рядом! Трус!*** [Хошимов 2012: 92].

Большинство абстрактных существительных в языке представляют понятия, знаки и ситуации, связанные с человеком, и образуют связь с концепт ЧЕЛОВЕК: ***U hali baquvvat, ezgu orzu esa chindan ham xayolini butkul qamrab olgan edi.*** [Muxtor 2017: 18]. ***Он был еще силен, и мечта, действительно, заняла его разум*** [Muxtor 2017: 18].

Формы личного отношения (ласки) (-джон, -бой, -ой, -хан, -бону) образуют связь с человеческим концептом: *Bu orada Hakimjon bilan Muborakxonim anglashilmovchilikni Muhayyo istaganicha tinch-totuvlik bilan bartaraf qilib shu tomonga siljishdi* [Qahhor 2012: 54]. Тем временем Хакимджон и Мубарак Ханим разрешили недоразумение так мирно, как того желал Мухайя, и двинулись в этом направлении [Ка-

ххор 2012: 54]. Эта особенность характерна и для некоторых сигнальных единиц: Hech birimizdan sado chiqmas edi. Shu alpozda qancha o'tirganimizni bilmayman. Bir mahal kimdir deraza oldidan gursillab yugurib o'tdi. O'sha zahoti eshik ochilib, allakimning kattakon gavdasi ko'gindi [Hoshimov 2012: 201]. Никто из нас не издал ни звука. Я не знаю, как долго мы просидели в таком положении. В какой-то момент кто-то пробежал мимо окна [Хошимов 2012: 201].

Непосредственно выражающие различные человеческие эмоции, волнения, переживания: о, ох, э, эх, ух, уф, эй, вой, ия, дод, войдод, хе, а, оббо, ха, ўхў, эххе; восклицательные слова типа хой, эй, ўв зовущие и останавливающие человека, также восстанавливают в языковой памяти говорящих человеческую концепцию: Вой, ундай деманг, айланай, ҳали бу дардларди кўрмагандай бўп кетасиз. [Эшонкул 2005: 168]. Ой, не говори так, обернись, уйдешь, как будто еще не видел этих болей [Эшонкул 2005: 168].

Лексемы, обозначающие поздороваться и попрощаться (привет, до свидания); выражая приветствие, пожелание, благодарность и ответ на него (не волнуйся, будь рядом, будь здоров; быть счастливым, спасибо, не стоит); выражающие положительную оценку деятельности (балли, баракалло, офарин, кайл, тасанно) единицы связи между людьми непосредственно воплощают человеческую концепцию.

Символические выражения звуков, которые человек издает при смехе, при возбуждении и в других ситуациях; Образные единицы, которые обозначают какое-то действие человека, образуют в памяти связь с концепт ЧЕЛОВЕК. Лексемы, обозначающие действия и ситуации, совершаемые человеком, в связи с человеческим понятием непосредственно восстанавливают концепт человека в мышлении носителей языка и делятся на разные семантические группы. В лексемах, выражающих движение, очевидно виден движущийся объект. Лексемы, такие как ходить, выходить, спускаться что представляет собой движение, связанное с ногами; воплощают человеческую концепцию: Зонт тагидан қизчанинг кичкина оёқлари чалп-чалп қилиб пилдираб борарди [Умарбеков 2007: 97]. Маленькие ножки девочки прыгали из-под зонта [Умарбеков 2007: 97].

Концепт человека также раскрывается через такие лексемы, как ударить, держать, поймать, ласкать, ущипнуть, царапать, массажировать, щекотать, положить, схватить, хлопать которые обозначают движения, связанные с руками: Titroq qo'llari bilan loy changallagancha cho'kkalab ko'ksiga mushtlay ketdi [Хошимов 2002: 12]. Он присел на

корточки и ударил себя кулаком в грудь, вцепившись в грязь дрожащими руками [Хошимов 2002: 12].

Также можно наблюдать реализацию концепта человека через значение лексем, обозначающих действия, связанные с телом, лицом, ушами, носом, ртом, губами и др: Dadamning osoyishta ovozda kitob o'qishiga quloq solib yotamiz. Berigi uyga bemalol eshilib turadi [Hoshimov 2012: 56]. Мы лежим и слушаем, как мой отец читает книгу тихим голосом. Его легко услышать в другой комнате. [Хошимов 2012: 56]. Такие лексемы, как говорить, сказать, рассказывать, жаловаться, ворчать, болтать, отвечать непосредственно представляют человеческую концепцию: Эркашода хотин бир нима деб тўнғиллади-да, йўл берди [Ёкубов 1975: 41]. Женщина что-то пробормотала и отпустила его [Якубов 1975: 41].

Лексемы, представляющие физические и психические состояния, помогают восстановить концепт человека в уме:

а) внутреннее состояние (связанное с психическими переживаниями): забывание, припоминание, запоминание: Axir odam umrbod unutilmaydigan, umrbod o'zini kechirolmaydigan narsalar ham bo'ladi- ku jahonda?! [Hoshimov 2012: 11]. Ведь есть на свете вещи, которые человек не может забыть и не может простить себе на всю жизнь. [Хошимов 2012: 11]. б) внешнее состояние (связанное с проявлением внутреннего состояния): быть ошеломленным, растерянным, грустным, счастливым, сердитым: - Nima gap, Ochilboy! - Zuhra kelin uning dovdirab qolganidan dadillanib dag'dag'a qildi. [Hoshimov 2012: 85]. - Как дела, Ачилбой! - смело кричала невестка Зухры от смущения [Хошимов 2012: 85]. в) физическое состояние (связанное с человеческим телом): ослабевать, гореть, утомляться: Bir mahal lllhom choxonachi kuchanaverib charchadi shekilli, likopchani yerga tashlab, ko'ylagining yengiga peshonasini artidi. [Hoshimov 2012: 119]. В какой-то момент Чайник Ильхом, казалось, устал, уронил тарелку на пол и вытер лоб рукавом рубашки [Хошимов 2012: 119]. г) социальный статус (относящийся к обществу): стать богатым, стать бедным.

Система лексем типа строить, рисовать, писать, строить, пилить, ломать, есть, удалять, репрезентируя результирующую деятельность человека, воплощает концепт человека в мышлении: Бутун халқ, эркак-аёл, бирдан ёпирилиб, панжараларни қасир-қусур билан синдириб ташлади. [Ойбек 1969, 3: 186]. Все люди, мужчины и женщины, внезапно сомкнулись и сломали заборы [Ойбек 1969, 3: 186]. Лексические единицы, выражающие мыслительную способность и

способ мышления человека, такие как мыслить, соображать, воображать, обдумывать, задумываться, доводить до ума, приходиться к решению, приходиться к заключению непосредственно относятся к человеческому понятию: *Chamasi har kim o'zicha xayol surar, har kim olislarda yurgan o'zining odamini o'ylar edi*. [Hoshimov 2012: 179]. Кажется, каждый думал по-своему, каждый думал о своем человеке, который шел вдали [Хошимов 2012: 179].

Ряд языковых единиц, выражающих отношение человека к чему-либо или событию, состоит из лексем положительного отношения (ласкать, любить) и лексем отрицательного отношения и непосредственно составляет основу реализации человеческой концепции: *Sharofat xola ko'ngli yorishib, yayrab jilmaydi. Qizni yana bag'riga bosib erkaladi*. [Muxtor 2017: 321]. Тетя Шарофат оживилась и лучезарно улыбнулась. Он снова обнял девушку и погладил ее [Мухтар 2017: 321].

Лексемы, обозначающие способ, стиль, причину и цель действия, совершаемого человеком (еле, едва, тихо, пешком, случайно, вдруг, внезапно, с нуля, случайно, по одному, как друзья, смело, зря) относятся к человеческому понятию: *Sharaqlagan kulgi ichida uning tovushi arang eshitilar edi*. [Qahhor 1967, 3: 76]. Его голос был едва слышен в ярком смехе [Кахор 1967, 3:76].

Поэтому в формировании концепта важно возникновение образа куска действительности (предмета), а его языковая материализация есть продукт сотрудничества сознания и языковой системы.

Можно сказать, что любые лексические, грамматические и фразеологические единицы, связанные с человеческим понятием, могут воплощать концепт человека в мышлении.

Изучение языковой системы по отношению к обладателю языковой личности стало главным достижением области языкознания, а концепт стал важнейшей единицей мысли.

Человек – природное и социальное существо. Человек представляет собой совокупность тела, разума и духа. Подразумевается, что сущность человеческого замысла, аспекты духовного мира могут быть освещены через действия, слова, мимику, физиологические и психологические изменения персонажей художественного текста. Духовный мир также считается уникальной характеристикой человека, а образующие его языковые элементы создают ассоциативное поле с концептом человека.

Литература

Қаҳҳор А. Сароб. Фафур Фулом номидаги бадиий адабиёт нашриёти. – Тошкент, 1967.

Абушенко В.Л., Кацук Н.Л. Концепт // Новейший философский словарь. – Минск, 2003. С. 503.

Аскольдов С.А., Алексеев С.А. Концепт и слово. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. – М.: Academia, 1997.

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. – М.: Язык русской культуры, 1997. – С. 267–279.

Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996.

Вежбицкая А.: Язык, культура, познание. – М.: Русские словари, 1996.

Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественном литературном языке и в научном языке // Вопросы филологии. – М., 2001. – № 1. – С. 35–47.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское Востоковедение: 2004.

Кубрякова Е.С. Язык и знание (на пути знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения, роль языка в познании мира). – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 14

Маҳмудов Н. Тилнинг мукамал тадқиқи йўлларини излаб...// Ўзбек тили ва адабиёти. – Тошкент, 2012. – № 5. – Б. 3–16.

Назар Эшонқул. Шамолни тутиб бўлмайдими. Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси нашриёти. – Тошкент, 2005.

Одил Ёқубов. Биллур қандиллар. Адабиёт ва санъат. – Тошкент, 1975.

Ойбек. Қутлуғ қон. Ф. Фулом ном. бад.ад.нашр. –Тошкент, 1969.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2008. – 416 с.: 286 концепт – инвариант значения лексемы

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: 1997.

Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2004.

- Ўлмас Умарбеков. Одам бўлиш қийин «Шарқ». – Тошкент, 2007.
- Ўткир Ҳошимов. Ҳикоялар Ғ.Фуллом ном. – Ад. ва санъ. нашр. – Тошкент, 2002.
- Худойберганова Д. Матнинг антропоцентрик тадқиқи. – Тошкент: Фан, 2013. – 136 б.
- Чесноков Слово и соответствующая ему единица мышления, М., 1967. – С. 25–38.
- А. Мухтор. Chinor. Yangi asr avlodi. – Toshkent, 2017. – 576 b.
- Mamatov A.E. Zamonaviy lingvistika. Noshir. – Toshkent, 2019.
- A.Qahhor. Anor. G'afur G'ulom nomidagi nashriyot-matbaa ijodiy uyi. – Toshkent, 2012.
- Asqad Muxtor. Chodirxayol: hikoyalar. Yangi asr avlodi. – Toshkent, 2017. O'tkir Hoshimov. «Ikki eshik orasi». – Sharq. Toshkent, 2012.
- Sayfullayeva R.R., Mengliyev B.R., Boqiyeva G.H., Qurbonova M.M., Yunusova Z.Q., Abuzalova M.Q. Hozirgi o'zbek adabiy tili. – Toshkent, 2010.

**Когнитивные основания формирования контраста
в политическом дискурсе**

политический дискурс, контраст, оппозиция, двуплановость

Контраст является уникальным многоаспектным явлением, которое вызывает интерес у многих ученых различных областей, таких как философия, логика, риторика, психология, культурология, языкознание. Ф. Де Соссюр отмечал, что 'язык является системой, исключительно основанной на противопоставлении его конкретных единиц' и 'весь лингвистический механизм вращается исключительно вокруг тождеств и различий' [Соссюр 1977: 52].

В лингвистике контраст рассматривается композиционно-стилистический принцип развертывания речи, в котором происходит динамическое противопоставление двух содержательно-логических планов изложения. Рассматривая его языковое воплощение, отмечается, что контраст формируется в тексте при помощи противопоставленных лексических единиц (антонимов) и сопутствующих стилистических приемов (антитеза, оксюморон, парадокс).

В нашем исследовании мы рассматриваем контраст с точки зрения когнитивной лингвистики. Немаловажно отметить, что контраст тесно связан с мыслительным процессом. Контраст задействуется с целью выявления различий между отождествленными объектами картины мира при помощи ассоциативных связей, которые вызывают в памяти нужные противоположные качества, характеризующие тот или иной объект [Бочина 2003: 25].

Для политического дискурса характерно задействование контраста с целью подчеркивания различий между двумя политическими партиями, политиками. Выявление различий между двумя объектами политической системы определяется как противостояние, к которому задействованы разные намерения, мотивации, характеристики. В данном противостоянии возникает четкое разделение на 'своих' и 'чужих', что говорит о возникновении оппозиции.

В центре внимания данного исследования находится особенность формирования контраста в политическом дискурсе за счет взаимодействия двух противопоставленных фреймов. В качестве опорного определения понятия 'фрейм' берется трактовка Ч. Филлмора: фрейм - специфическая единица системы знаний, или связанная схематизация опыта [Fillmore 1985: 223]. Согласно фреймовому подходу, лексические единицы рассматриваются шире, чем их зафиксированное значение, в них кодируется культура, представление о мире, опыт, образ мышления, и даже мнение об объекте. Структуру фрейма представляется двухчастной, и состоит из фоновой информации и актуальной (новой).

При формировании контраста в политическом дискурсе мы наблюдаем взаимодействие двух фреймов в одном контексте, которые являются противоположными, то есть в тексте создается двуплановость, которая связана не столько с областью функционирования языка, а сколько с мыслительными процессами. При кодировании смыслов в контрастной форме автор задействует актуальную информацию политического события и фоновую, что говорит о взаимодействии двух систем знаний при формировании контраста.

С точки зрения фреймовой семантики, двуплановость возникает за счет взаимодействия двух фреймов, каждый из которых имеет основания для противопоставления. Рассмотрим процесс формирования контраста на примере аналитической статьи политического характера.

Статья *In Biden, China Sees an 'Old Friend' and Possible Foe*, опубликованная в преддверии выборов президента США, посвящена анализу будущих отношений Китая и США в случае избрания Д. Байдена на пост президента. В заголовке автор задействует антонимы *friend: foe*, что говорит нам о наличии смысловой двуплановости, которую автор планирует раскрыть в статье. Лексическое противопоставление единиц 'friend' и 'foe' рассматривается в двух значениях: как 'друг: враг', то есть два человека, противопоставленные друг другу на чувствах симпатии и ненависти (a person with feelings of affection/enmity) [Merriam-Webster Online Dictionary]; и как 'сторонник/противник', два человека, которые противопоставлены друг другу на основе векторно-противоположных действий: оказывать поддержку/ противодействовать (a person who supports/ opposes someone [Merriam-Webster Online Dictionary]).

Оппозиция ‘друг: враг’ является очевидной для читателя вне контекста, поскольку представляется фоновой информацией (историческая перспектива политика Байдена в отношении Китая как председателя комитета по международным отношениям и вице-президента страны). Однако, последующее ознакомление со статьей свидетельствует о формировании в тексте второй оппозиции ‘сторонник/оппонент’), которая является новой, актуальной информацией в свете последних политических событий (президентские выборы 2020 и позиция Байдена как президента США). В тексте статьи актуализируется второй фрейм оппозиции ‘friend: foe’:

Фрейм friend/ ‘сторонник’	Фрейм foe/ ‘оппонент’
1) he played an important role in <i>China’s accession</i> in 2001 to the World Trade Organization 2) the role of <i>cultivating Mr. Xi</i> 3) Mr. Biden <i>worked with</i> Mr. Xi to ease military tensions and <i>warned him against expelling</i> American journalists based in China 4) ‘my old friend’	1) mobilize other nations to <i>pressure China</i> 2) <i>get tough on</i> China 3) sophisticated and coordinated <i>tactics against</i> China 4) <i>a harder line on</i> <i>China’s crackdowns</i> on ethnic minorities and Hong Kong.

Как мы видим антонимы friend: foe актуализируются в тексте именно в значениях ‘сторонник/оппонент’, что является когнитивным основанием для формирования контраста в тексте. Их контрастное взаимодействие становится возможным за счет наличия двух терминалов, противопоставленных друг другу. Схематически данное взаимодействие можно отобразить следующим образом:

Фрейм friend/ «сторонник»	Фрейм foe/ «оппонент»
nominee support China	nominee oppose China

В представленной схеме мы видим, что взаимодействие двух фреймов становится возможным за счет терминалов, которые семантически противопоставлены друг другу (support China: oppose China).

Данное фреймовое взаимодействие выдвигает на первый план авторский тезис о том, что в случае победы Байдена на выборах США 2020 его политический курс в отношении Китая может развиваться по двум сценариям, что в свою очередь может противоречить основному внешнеполитическому курсу США.

Таким образом, можно утверждать, что контраст является явлением со сложным двуплановым характером. Формирование данного явления в политическом дискурсе маркировано взаимодействием двух фреймовых структур, контекстуально противопоставленных друг другу. Взаимодействие двух контрастных фреймов способствует выдвиганию на первый план авторского смысла.

Литература

Бочина Т.Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской поговорки: специальность 10.02.01 «Русский язык»: дис. ... докт. филол. наук / Бочина Татьяна Геннадьевна; Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова -Ленина. – Казань, 2003. – 449 с. Библиогр.: С. 400–449. Текст: непосредственный.

де Соссюр Ф. Труды по языкознанию/ Фердинанд де Соссюр; перевод с французского языка под редакцией А. А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с. Текст: непосредственный.

The New York Times: [сайт]. – URL: <https://www.ny-times.com/2020/09/22/world/asia/biden-china-election-trump.html> (дата обращения 26.10.2022). Текст: электронный

Fillmore C. J. Frames and Semantics of Understanding/ Charles J. Fillmore; Quaderni di Semantica. – 1985. – Т. 6. – № 2. – С. 222–254. Текст: непосредственный.

Сложность восприятия вторичных текстов

сложность текста, пропозиция, вторичный текст, связность

Современная научная парадигма определяет сложность восприятия учебного текста как функцию двух основных групп параметров: индивидуальных характеристик читателя и объективных параметров текста [Солнышкина, Казачкова, Харькова 2020, 3: 15]. Исследователи разработали различные подходы к контролю понимания текста: значения каждого слова в тексте, способность собирать слова в предложения, количество воспроизводимых в пересказе предложений [Robeck, Randall 2017, 10]. Пропозиции были определены Кинчем [Kintsch 1977: 35; Zwaan 2003: 90; Gusarenko 2015, 4], он разбивает информацию в каждом предложении текста на главные пропозиции и субпропозиции. Главные пропозиции содержат основную идею, в то время как субпропозиции содержат информацию о деталях, относящихся к основной идее. Психологические и лингвистические исследования показывают, что количество и перечень пропозиций влияют на время чтения, понимание и запоминание текста, следовательно, на сложность текста [McKoon, Ratcliff 1992, 99: 449].

Для лучшего понимания текста исследователи используют связность, как явные подсказки, позволяющие читателю устанавливать связи между идеями в тексте [Сунгатуллина 2018]. Влияние связности текста на его восприятие читателем изучалось как в отечественной, так и зарубежной науке [Лезин 2006; McNamara 2011, 4: 246]. Текст с низкой связностью, как правило, сложнее для понимания, т.к. в нем содержится меньше связей, которые соединяют идеи вместе для читателя.

Материалом исследования послужили два варианта – оригинальный и модифицированный – учебного информационного текста, объемом 200 слов из учебника по обществознанию 5 класса. Модифицированный текст отличался от оригинального повышенной когерентностью за счет введения дополнительных «ментальных скреп».

Испытуемых поделили на 2 группы: 1 группа получила модифицированные тексты для пересказа, 2 группа оригинальные тексты из учебника.

В ходе анализа полученных данных оценивалось количество предложений, пересказанных респондентами. До оценивания пересказов с каждым текстом была проведена работа – посчитано количество предложений и семантических ролей (пропозиций). Перечень семантических ролей включал следующее: главные пропозиции (глаголы), Агенты, обстоятельства и модификаторы. Семантическая роль Агента была дополнительно разделена на Агента, Объект (Пациент), Посессор, Тема, Инструмент, Экспериментатор, Получатель. Количество предложений и диапазон семантических ролей послужили критериями, по которым мы сравнили количество предложений, воспроизведенные учащимися. Каждое предложение в пересказе было сопоставлено с предложениями, содержащимися в каждом конкретном тексте, чтобы мы могли оценить, какие семантические роли были опущены и какие предложения были воспроизведены.

Основываясь на информации, содержащейся в пересказах респондентов, мы сформировали три группы семантических ролей: 1. Основные пропозиции; 2. Агенты; 3. Сирконстанты. Исследование показывает, что отглагольные существительные (21) являются наиболее частыми среди основных пропозиций, тогда как в пересказах наиболее частыми являются глагольные конструкции. Наименее частым было причастие (1/1), как в пересказах, так и в тексте. Семантические роли 'темы' (2/2) и 'Получатель' (1/1) в тексте и пересказах появляются единожды. Одним из наиболее частых слов, используемых в тексте, является «семья», которое функционирует как Экспериментатор, Посессор и Агент. Наиболее частая роль, выявленная для слова «семья» – это Посессор, которое зарегистрировано в шести синтаксических контекстах в тексте и в двух пересказах. Например, «ресурсы семьи»; «хозяйство семьи»; «имущество семьи». Средняя частота пропозиции Посессора в пересказах составляет 2 (всего n = 32). Диапазон лексических замен «семья» как Посессора в пересказах включает следующее: (1) притяжательные местоимения ('Хозяйство семьи – это ее имущество'), (2) существительное человек ('Хозяйство человека – это имущество человека'), (3) существительное дом ('Ресурсами дома обычно бывают деньги, средства существования').

Результаты показывают, что в среднем пересказы содержат 40% прочитанной текстовой информации. Структура и перечень семантических ролей в пересказах аналогичны таковым в тексте: основные пропозиции составляют 41,7% в тексте и 38,8% в пересказах. Школьники при пересказе сохраняют основные семантические роли (главные пропозиции): глаголы, модальные глаголы, причастия, отглагольные существительные и описательные прилагательные. Респонденты продемонстрировали предпочтение глагольных, а не именных конструкций. Субпропозиция Агенс как в тексте, так и в пересказах состояла из Экспериенсера, Посессора, Темы, Отправителя, Получателя и Инструмента. Семантические роли времени, места, цели, темы плохо сформулированы в пересказах (15%).

Основываясь на результатах теста по общей осведомленности, все школьники и были разделены на 3 группы: 1 группа с высокими показателями общей осведомленности, 2 – средними и 3 – с низкими знаниями. Респонденты из группы с высоким уровнем общей осведомленности воспроизводили более длинные пересказы как модифицированных (с высокой связностью), так и оригинальных (с низкой связностью) текстов. Их пересказы более связны, почти в три раза длиннее (в словах) и в два раза длиннее (в предложениях), по сравнению с результатами средней и низкой групп. Школьники, входящие в группы со средними и низкими показателями уровня общих знаний, лучше воспроизводили тексты с высокой связностью. Кроме того, показатели общей осведомленности имеют положительные корреляции со связностью текста. Группа респондентов, обладающих средним показателем общей осведомленности, значительно лучше воспроизвели текст с референциальной связностью, чем оригинальный текст. Полученные данные путем пропозиционального моделирования подтверждают результаты тестов на понимание прочитанного. Респонденты, получившие текст с повышенной связностью, выполнили тест лучше, чем те, кто получил оригинальный текст.

Мы можем сделать следующие выводы – общая осведомленность, участников коррелируют с показателями пересказов, т. е. количеством слов и количеством предложений. Это объясняется тем, что чем шире кругозор человека и уровень его общих знаний, тем более информативные и длинные тексты он может воспроизводить. Кроме того, показатели общей осведомленности имеют положительные корреляции со связностью текста. Таким образом, основываясь на результаты полученных данных, понимание текста зависит как от

когнитивных способностей испытуемых, так и от наличия в тексте связей, которые соединяют идеи вместе для читателя.

Литература

Гусаренко С.В. Пропозиция как компонент актуального дискурса // Гуманитарные и юридические исследования. – № 4. – 2015. – С. 159–164.

Лезин Г.В. Об автоматическом выявлении референциальной связности повествовательного текста [Текст] / Г.В. Лезин. – URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Lezin.htm>. (дата обращения: 30.09.2022).

Солнышкина М.И., Казачкова М.Б., Харькова Е.В. Цифровые технологии измерения сложности текстов как инструмент управления качеством обучения чтению на английском языке // Иностранные языки в школе. – № 3. – 2020. – С. 15–21.

Сунгатуллина Д.Д. Специфика экзаменационного текста: вторичность, функции, сложность (на материале русского и английского языков): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20. – Казань, 2018. – 263 с.

Kintsch W. On comprehending stories // E. Just & A. Carpenter (Eds.), *Cognitive process in comprehension*, Hillsdale, New Jersey: Colbanar, 1977. – Pp. 33–62.

McKoon G., Ratcliff R. Inference during reading // *Psychological Review*, 1992. – Is. 99. – Pp. 440–466.

McNamara Danielle S., Ozuru Yasuhiro, Floyd Randy G. Comprehension challenges in the fourth grade: The roles of text cohesion, text genre, and readers' prior knowledge // *International Electronic Journal of Elementary Education*, 2011. – 4 (1). – Pp. 229–257.

Robeck M. C., Randall R. W. *The Psychology of Reading: An Interdisciplinary Approach* (2nd Edn) Routledge, 2019. – 460 p.

Zwaan R. A., & Singer M. Text comprehension // *Handbook of discourse processes*, 2003. – Pp. 89–127.

Медведев Владимир Борисович
Казанский федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации,
НИЛ «Текстовая аналитика»
УДК 801.7

Связность текста и перевод

*когезия, когерентность, сцепляемость, связанность,
эквивалентность*

Проблема переводимости языкового материала находится в прямой зависимости от четкости терминологических дефиниций, сложившихся в теории текста. Отсутствие среди ученых единства в трактовке таких значимых параметров текста как когезия и когерентность, лежащих в основе его целостности, предопределили **актуальность** избранной научной темы, а предложенный подход к их толкованию – **новизну** направления научного поиска.

Целью данного исследования является анализ важнейших понятий теории текста, таких как когезия и когерентность, и их влияния на результаты переводческой деятельности.

Если некоторые исследователи К. Бринкер [Brinker 2010], А.Н. Мороховский [Morokhovskiy 1984], О.И. Москальская [Москальская 1981] отождествляют данные понятия, то их коллеги в лице И.Р. Гальперина [Galperin 1981] предпочитают рассматривать когезию в качестве формального и содержательного средства связи, включающего в себя и понятие 'когерентность'.

Другая группа ученых придерживается мнения об отношении данных понятий как частного и общего, проявляющихся на разных уровнях восприятия текста: когезия – на горизонтальном (связность цепочки звуков, слов, словосочетаний, строк, строф) [Gosselin 1996: 113] и когерентность – на вертикальном (связность всех звуков, слов, словосочетаний, строк и строф между собой в тексте) [Безуглая 2011].

Рассмотрение когерентности в качестве вертикального вектора связи элементов текста позволяет определить данный признак текста как явление, способствующее созданию целостности текста посредством взаимодействия коммуникативных, смысловых и структурных факторов [Кобрин 1986: 4] в их смысловом единстве как единой структуры на всем протяжении текста [там же].

В понимании Н. Валгиной, связность текста обеспечивается его структурной организацией, проявляющейся «через внешние структурные показатели, через формальную зависимость компонентов текста», а целостность текста усматривается «в его тематическом, концептуальном, модальном единстве» [Валгина 2003: 1].

Таким образом, когезия обеспечивает преимущественно тематическую связь языковых элементов, в то время как когерентность распространяется на область структурной организации и содержательной целостности текста. Впрочем, нетрудно заметить, что с учетом использования одних и тех же стилистических фигур, например, лексической или синтаксической анафоры в рамках целого текста, грань обоих типов связности также легко стирается. Кроме того, если исходить из интерпретации когезии как «показателя отношений между темами в тексте» [Halliday&Hasan 1976], то наблюдается очевидный перенос понятия 'когезия' в область 'когеренции'.

Отсюда следует, что во всех рассмотренных выше дефинициях грань между когезией и когерентностью остается довольно зыбкой, что во многом осложняет переводчику работу с текстом.

Полагаем, что для разрешения проблемы терминологического разброса, небесполезно обратиться к естественнонаучным источникам, из которых данные термины, по всей видимости, и были почерпнуты.

В химической науке *когезия* определяется как связь между одинаковыми молекулами внутри тела, создающая электрическое притяжение, способное образовывать микроструктуры, например, капли воды.

В области автоматике связность характеризует целостность модуля, т.е. насколько модуль является простым в использовании. Желательно, чтобы модуль выполнял одну функцию [Encyclopedic].

Из этого определения можно сделать вывод, что когезию характеризуют отношения между элементами системы, отличающимися простотой, однородностью состава и однофункциональной направленностью. Применительно к лингвистике, под *когезией* следует в таком случае понимать языковые отношения, проявляющиеся в связях, тождественных или функционально сходных языковых элементов внутри цельного текста. Это могут быть отношения, возникающие при помощи повторов лексических единиц и их чередования, слов и словосочетаний, входящих в одну тематическую сферу, синонимических отношений и т. д.

Такое понимание связности текста позволяет расширить инвентарь данного лингвистического явления и включить в него также и

структуру текста, определяемую как «составные части текста, связанные между собой в единое целое, которым является произведение. Эти части: 1) слова и словосочетания; 2) предложения; 3) фразы; 4) сверхфразовые единства, в которые объединяются единством темы несколько фраз» [Мильчин 1998].

Чем же в таком случае является в понимании естествоиспытателей 'когерентность'?

В физике под **когерентностью** понимается согласованность нескольких колебательных или волновых процессов во времени, проявляющаяся при их сложении, что означает синхронность колебаний в различных пространственных точках волны. Отсутствие когерентности имеет место, если волна была сгенерирована совокупностью одинаковых, но независимых излучателей.

Трансформируя данные определения в область лингвистики, **когерентность текста** можно интерпретировать как синхронное взаимодействие всей совокупности связующих элементов и структурных связей внутри текста, способствующих выполнению коммуникативной задачи. Иными словами, синхронность актуализации ряда элементов в определенном отрезке текста или в целом тексте является признаком его когерентности. Отсутствие же когерентности указывает на случаи соотнесенности тематически сходных сверхфразовых образований, созданных одним или различными авторами.

Связности текста следует противопоставить лексико-грамматические отношения, возникающие между отдельными сегментами сверхфразового образования, могущими существовать вне текста или быть изъятыми из него. Для характеристики таких случаев уместно использование термина '**сцепляемость**'. Сцепляемость и связность являются одними из основных характеристик качества проектируемой системы.

Применительно к переводческой практике речь идет о текстах за одним авторством, один из которых выполнен с участием интерпретатора. Несомненно, между исходным текстом и его трансформом складываются совершенно иные отношения, отличные от указанных выше. Их уникальность состоит в тематическом, структурном и многоуровневом тождестве языковых элементов, приводящем к эквивалентности текстов.

Для этого имеются все основания: в основе появления продукта межъязыковой интерпретации лежит тесная взаимосвязь перевода и оригинала, отнесенность которых друг к другу тем очевиднее, чем

большую эквивалентность демонстрирует перевод. Конечный продукт интерпретационной деятельности не является в полной мере самостоятельным, но находится в тесной связи с исходным текстом, что подтверждается их единым авторством.

Переводчика должно интересовать, соблюдение **взаимосвязанности** исходного и переводного текстов: сохранение в переводном тексте образности и структуры оригинального текста, иными словами, способность переводчика сохранить в результате интерпретации элементы когезии и когерентности исходного текста и донести замысел его создателя до читателя. И если **когезия**, **когерентность** и **сцепляемость** являются характеристиками одного цельного текста, то интертекстуальная связь должна получить обозначение специальным термином, коим может явиться **связанность** 'connectedness'. **Связанность**, характеризуемая в общем смысле как «состояние связи и близких отношений с другими вещами или людьми» [[https:// dictionary.cambridge.org](https://dictionary.cambridge.org)], применительно к переводческой деятельности понимается нами как состояние [тесной] связи между исходным и переводным текстами.

Таким образом, придерживаясь принципа соблюдения когезии, понимаемой как проявление связи в тождественных или функционально сходных языковых элементах внутри цельного текста, и когерентности как синхронного (суммарного) взаимодействия всей совокупности связующих элементов и структурных связей внутри текста, можно определить предпочтительность выполненного перевода и внести в него соответствующие изменения.

Учет когерентности внутри исходного и переводящего текстов, а также их связанности способствует адекватному прочтению исходного текста, детерминирует выбор оптимально корректного элемента, а в необходимых случаях – инициирует восстановление недостающей единицы в переводе.

Понимание необходимости соблюдения межтекстовой связанности как важнейшего условия успешного осуществления переводческой деятельности предопределяет и формулировку дефиниций общепринятых типов переводческих моделей.

Вольный перевод— это перевод с ослабленной связанностью исходного и переводного текстов, характеризующийся привнесением в переводный текст тематически и стилистически чуждых оригиналу элементов.

Буквальный перевод отличается чрезмерной привязанностью переводного текста к оригиналу, сопровождаемой нарушением грамматической, семантической, а в некоторых случаях и логической связи, отягчающей восприятие переводного текста.

Эквивалентный перевод – это перевод, в котором связанность текстов является результатом успешного взаимодействия всех элементов когезии и когерентности.

Литература

Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. – Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 240.

Безуглая Л. Связность поэтического текста (по материалам сайта «Стихослов»). – URL: [pyhttps://stihi.ru](https://stihi.ru) 2011/07/29 (дата обращения 29.09.2022).

Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003.

Кобрин М.А. Когерентные характеристики диалогического текста: (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 1986.

Мильчин А.Э. Издательский словарь-справочник. авторская книга, первое издание. – М.: Юристъ, 1998.

Москальская О.И. Грамматика текста. – М.: Высшая школа, 1981.

Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: Структура и семантика). – М.: 1986. 127 с.

Brinker K. Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. – 7th edn.: Erich Schmidt Vlg. Berlin. – 2010.

Cambridge Dictionary. – URL: [https:// dictionary.cambridge.org](https://dictionary.cambridge.org) (дата обращения 29.09.2022).

Encyclopedic Dictionary of Structural-Parametric Synthesis and Related Industries. – URL: <http://www.structuralist.narod.ru> (дата обращения 29.09.2022).

Galperin I. Text as an object of linguistic research. – Nauka, Moscow, 1981.

Gosselin L. Sémantique de la temporalité en français. – Duculot, Bruxelles, 1996. – P. 110–113.

Halliday M.A.K., Hasan R.: Cohesion in English. – Longman, London, 1976.

Kirtley F. Old Mother Earth. – Harvard University Press, 2014. – 312 p.

Menzel K., Lapshinova-Koltunski E., Kunz K.: Cohesion and coherence in multilingual contexts. – In: New perspectives on cohesion and coherence, 1–11.: Language Science Press, Berlin, 2017.

Morokhovsky A. Vorobieva O., Likhosherst N., Timoshenko Z. Stylistics of the English language. – Vishcha schola, Kyiv, 1984.

Cognitive approach to the description of meaning

*cognitive lexicography, definitional analysis, conceptual analysis,
definition, concept*

With the development of linguistic science, the traditional understanding of lexical meaning has undergone several changes. According to Yu. Apresyan, lexical meaning is not a scientific but rather a 'naive' or 'conventional' concept attributed to an object or a phenomenon [Апресян 1995: 6-7]. Cognitive linguistics has opened new perspectives for semantic research. From the point of view of cognitive linguistics, meaning is the conceptualization of knowledge acquired through language. 'Cognitive linguistics understands meaning as conceptualization, understood broadly as the stuff that mental processing is made of' [Harder 2010: 16].

Abstract nouns represent a specific class of multifaceted and heterogeneous words, united by the property of being abstracted or generalized from something [Чернейко 2018: 4]. By something, the author means the bearer of an attribute or the agent of an action. The notion of 'abstraction' is difficult to define not only from the point of view of traditional semantics but also from the philosophical point of view. Abstract concepts and words denoting them are often ambiguous. This fact presents an addition challenge for the study of their conceptual structure as well as the conceptual mechanisms underlying the formation of their senses.

This study aims to explore different approaches to the description of meaning in lexicographic sources and test the methodology of the analysis of the conceptual structure proposed earlier in the literature [Боярская 2018; Sloman et al. 1998]. A major advantage of the methodology combining elements of the definitional and conceptual analyses is the possibility of the identification of conceptual attributes of different degree of centrality, mutability, inferential potency which can be used for the description of meaning. The need for new approaches to lexicographic entries arises from numerous cases of semantic tautology, describing the meaning of the word using its derivatives, varying lengths of entries which may lack important details or, on the contrary, provide unnecessary ones.

To explore different approaches to the description of meaning let us take the abstract polysemous noun *accomplishment* as an example. The definitions of its primary meaning were selected from several lexicographic sources: 1. WordNet 2. Merriam-Webster Dictionary 3. Collins English Dictionary 4. Oxford Advanced Learner's Dictionary 5. Cambridge Dictionary. The analysis of the definition of the primary meaning of the noun *accomplishment* made it possible to identify the central, peripheral, stable and mutable attributes of the concept verbalized by the abstract polysemous noun *accomplishment*.

A clear disadvantage of the definition proposed by the WordNet is the use of a derivative word ('the action of accomplishing') in the dictionary entry [WordNet 2022]. A similar approach was employed by the Merriam-Webster dictionary – 'accomplishment is the act or fact of *accomplishing* something; something that has been *accomplished*' [Merriam-Webster 2022].

The structure of the Collins Dictionary entry is characterized by an increased segmentation of the description of meaning, uncharacteristic of the other lexicographic sources. Once again, there is clear evidence of semantic tautology ('accomplishment is anything *accomplished*') [Collins English Dictionary 2022].

The Oxford [Oxford Advanced Learner's Dictionary 2022] and Cambridge [Cambridge Dictionary 2022] dictionaries offer definitions without any semantic tautology. A distinctive feature of these dictionaries is the description of the primary meaning as something/thing that the agent manages to achieve as a result of performing purposeful actions.

It is worth mentioning that the information regarding the completeness of the action is rather inconsistent or lacking in different dictionaries. Out of five dictionaries, only three (Collins; Oxford; Cambridge) mention the result of 'accomplishment' – 'achieving a goal'. Depending on the dictionary, the attribute may either be omitted altogether or used in the description of another sense.

All conceptual attributes identified during the analysis of the lexicographic entries were arranged in a table (see Table 1). The '+'/'-' signs indicate the presence/absence of a conceptual attribute (feature) in the description of the primary meaning of the abstract noun. The analysis of definitions showed that the dictionaries offer definitions of the same primary meaning with a different degree of detail. Moreover, the definitions are based on a different set of conceptual attributes which are listed in the table below.

Conceptual attributes used in the definitions

Conceptual attribute	Lexicographic source				
	Wor dNet	We bster	Col lins	Oxf ord	Camb ridge
Act/Action	+	+	+	+	+
Skill/Ability	+	+	+	+	+
Completion	–	–	+	+	+
Success	–	–	+	+	+
Achievement through training/practice	+	+	–	–	–
Achievement through work/effort	–	–	–	+	+

The analysis of the type of conceptual attributes made it possible to build their regressive sequence ranging them from central and immutable to peripheral and mutable.

Action = central and immutable attribute

Completion = central and immutable attribute

Success = central and immutable attribute

Achievement through practice = peripheral attribute

The description of the meaning of the word can be based, first and foremost, on central and immutable attributes of the concept verbalized by the word. For example, the primary meaning of the abstract polysemous noun *accomplishment* can be described as follows:

Accomplishment – an intentional act of completing something successfully through practice or effort.

The study shows that a combination of the methods of traditional and cognitive semantics as well as cognitive psychology can facilitate further development of semantic research and may contribute to the solution of some of the problems of modern lexicography – incompleteness of definitions, their excessive segmentation, semantic tautology, and inconsistency in the identification of senses.

References

Апресян Ю. Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.

Боярская Е.Л. Моделирование структуры концепта. Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 34. – С. 353–356.

Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. – М.: Либроком, 2018. – 272 с.

Harder P. Meaning in mind and society: a functional contribution to the social turn in cognitive linguistics / P. Harder. – Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2010. – 516 p.

Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 16.10.2022).

Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 16.10.2022).

Merriam-Webster online [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 16.10.2022).

Oxford Advanced Lerner's Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 16.10.2022).

Sloman S.A., Love B.C., Woo-kyoung A. Feature Centrality and Conceptual Coherence // *Cognitive Science Vol 22*. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 1998. – Pp. 189–228.

WordNet. A Lexical Database for English – Princeton University [Электронный ресурс]. – URL: <http://wordnetweb.princeton.edu/> (дата обращения: 16.10.2022).

Mikeladze Naile

PH Doctor of philology,
Chief Scientific worker of BSU Niko Berdzenishvili Institute;
Professor of Georgian Patriarchate
St. Tbel Abuserisdze University

Purkaradze Elza

PH Doctor of philology,
Chief Scientific worker of BSU Niko Berdzenishvili Institute;
Professor of Georgian Patriarchate
St. Tbel Abuserisdze University

Chelebadze Naila

PH Doctor of philology,
Chief Scientific worker of BSU Niko Berdzenishvili Institute;
Professor of Georgian Patriarchate
St. Tbel Abuserisdze University

УДК 81

For Etymological Understanding of Toponym Manchkhauri

etymology, toponym, region

The scientific study of a toponym is one of the important means of getting to know the socio-economic, cultural life of the people who once inhabited any territory. The etymology of the toponym is often reflected in the geographical names, because the name of the place is closely related to the event or fact in the history of the nation, or the region.

Adjara is a unique part of Georgia with the abundance of toponyms. From the etymological point of view, "Manchkhauri" is the noteworthy toponym, which is the name of one of the districts of village Nigazeuli in Shuakhevi region, [Kamadadze, 1992: 112]. There are several versions related to the origin of this name. According to the informants, the etymological explanation of the toponym "Manchkhauri" is given by the study of the root of the word "Chkha" (a branch of vine with ripe grapes). It is related to "Chkhaveri", a grape variety, which was widespread in the mentioned village [Putkaradze, Mikeladze, 2012: 10]. It is significant that Chkhaveri was traditionally the most widespread wine variety, which was red instead of black in Adjara [Iv. Javakhishvili, 1986: 480; S.S. Orbeliani 1993: 347; Nizharadze, 1971: 405].

Recent archeological findings in Upper Adjara show that viticulture was advanced in this region. In particular, several 500-700 liter pitchers found in Mchederuli and Manchkhauri districts village of Nigazeuli. According to the storytellers, the name of this area is related to the Chkhaveri variety of grapes. In this region, the vine was considered a special plant: "Since ancient time, vine branches (shoots) were not burned in Adjara, because they believed that it was a sin to burn them. Ancestors used to collect the trimmed vine branches separately. In this regard, the following custom verified in Lower Adjara is noteworthy: in case of a solar or lunar eclipse, the eldest person of each family would light a fire from vine shoots. At that time, the family members would look at the sky and ask God for help in order to escape from the dragon expressed on the sun or the moon, which seemed to swallow them" [Chelebadze, 2005: 105].

In Adjara, as in other regions of Georgia, vine was treated in a special way. In Adjara, the enemy made the native inhabitants massively cut down vines. The local population transplanted vine seedlings into the forest to save them from extinction [Mikeladze, 2017: 333; Chelebadze, 2007: 37–38].

During the Ottoman rule, the population of Adjara had heavy taxes, for example: "Taxes were urged from the population of Adjara in the form of Ushur, covering all branches of agriculture, including shirre - grape juice" [Extensive and Short Records of Livy of Adjara, 2011:47]. The Ottomns treated the Christian population with special cruelty, because they paid much more taxes than the Muslims [Extensive and Short Records of Livy of Adjara, 2011:50], and therefore the impoverished population was forced to accept Islam. In the named book, the tax of village Nigazeuli was too high at that time [Extensive and Short Records of Livy of Adjara, 2011: 52].

The toponym "Manchkhauri" is not only researchable and interesting in its lexical meaning, but also its name is connected with the tragedy that happened in this village. In particular, in the village of Nigazeuli, immediately after the Ottomans entered, all varieties of grapes were uprooted, collected in the middle of the village and burned. In one area of this village, the daughter-in-law from Akhaltsikhe hid the seedlings of Chkhaveri grapes under the branches of alder and spruce trees. This lady was very beautiful, who was liked by the mufti of the village but he could not win her heart. Once this woman was betrayed that she was hiding Chkhaveri saplings. The enraged mufti tied this woman on a horse's tail and punished her for all to see for hiding the vine seedlings. Chkhaveri

grapes grow in this place even today, and the place is called "Manchkhuri" [Mikeladze, 2019: 33].

Traditionally, vine has always been considered a cult plant in Adjara. The vine became so important that it can be found in the form of ornaments in embroideries and even in the painting of the mosque wall, which is a remnant of the Christian religion.

Historically, the vine is considered a sacred tree not only in folk beliefs, but also in the Christian religion. It expresses the solar movement and the power of the sun in the ancient Georgian carvings of churches and temples. According to the pre-Christian beliefs, the vine was apparently connected with the sun and was considered to be its equal and divine plant [Siradze 1987: 140-141].

In Christianity, the function of the mythical origin of the vine gradually increased. The symbolism and sanctity of the cross merged with its original beginning. Georgians were converted with the cross of Saint Nino. It is closely connected with the Christian ideology by its symbolism.

During the period of Ottoman rule in Adjara, the population was able to preserve a number of indigenous traditions related to vines [Kakhidze, 1974:97]. Such is the agrarian ritual - "blessing the vineyard".

It was held at the time of grape picking - harvest, for which they would take three loaves to the vineyard, bury them in the ground, intersect three times and pray: "God, give us a lot of grape harvest, good and cool wine!" [Lomtadidze 2014: 84].

Georgians who converted to Islam in historical Georgia were able to preserve certain customs of the general Georgian tradition related to the vine cult: "In connection with the harvest festival among the Georgians who converted to Islam in Parkkhali, the local young men would dance Ferkhuli and hang bunches of grapes on their bodies. This rule was preserved in the lower villages of Parkhali, though in Parkhali itself the mullahs forbade young people to turn bare. Those bare guys would remind us about our Aguna and the companions of classical Bacchus" [Taqaishvili 1960: 83].

Other customs related to viticulture are preserved in Adjara: it was strictly forbidden to cut vines, as it was considered a great sin to burn its dried stems. People also avoided even breaking a small vine shoots. If this happened, the liquid (juice) released from the stems was called "tears" of the vine and was considered to expect something bad [Varshalomidze, 1979: 67].

Based on the above, it is clear that the vine has been an object of worship since ancient times. It is worth noting that the etymology of toponyms in Adjara is an important source for better study of this area. The

etymology of the toponym Manchkhauri is also noteworthy as the root of the word "chkha" in the old Georgian (Svanetian, Megrelian) vocabulary is connected with sacred words, namely, sun, tree, etc.

And finally, indeed, there is no respect for the vine in any Christian country in such a way as in the Georgian reality. After all, Georgia is the homeland of grapes.

References

Extensive and Short Records of Livy of Adjara, The Ottoman text, translation, research, comments and photocopies were prepared for publication by: Zaza Shashikadze and Mirian Makharadze, Public House Iv., Javakhishvili Tbilisi State University, Tb., 2011. – 245 p.

Adjara touristic-local lore resources, collection, group of authors, Publish House of Shota Rustaveli State University of Batumi, 2016. – 431 p.

Varshalomidze J., "Ornament on the tree", Publish House "Soviet Adjara", Batumi, 1979. – 167 p.

E. Takaishvili, Archaeological expedition of 1917 in South Georgia, Tb., 1960. – 147 p.

Kakhidze N., Machakhli Gorge, Publish House "Soviet Adjara", Batumi, 1974. – 143 p.

Lomtadize T., Folk agrarian calendar customs in Adjara, Publish House. – Shota Rustaveli State University of Batumi, Batumi, 2014. – 211 p.

Mikeladze N., Toponymic legends-transmissions in the folklore of Adjara, Publish House "Universal". 2019. – 459 p.

Mikeladze N., Tales related to vine cult in Georgian folklore", Materials of the International Scientific Conference of Southwest Georgia (History, Archaeology, Ethnology), Volume VII, Publish House "Universal", Tb. 2017. – 473 p.

Nizharadze Sh., Vocabulary of the Adjarian Dialect of the Georgian Language, Publish House "Soviet Georgia", Batumi, 1971. – 657 p.

S.S. Orbeliani, Georgian Dictionary, Publish House "Meran", 1993. – 654 p.

Siradze R., Georgian hagiography, Publish House "Sakartvelo", vol. 1987. – 167 p.

Putkaradze E. Mikeladze N., Expedition diary #1, 2012. – 245 p.

Kamadadze M., Branch vocabulary of Adjarian dialect, Vol. VIII, "Toponymy of Upper Adjara", Publish House "Metsniereba", vol., 1992. – 98 p.

Chelebadze N., "Woman and family", Publish House "Imedi", Tb., 2005. – 197 p.

Chelebadze N., Viticulture and winemaking in the Khulo region, Publish House "Batumi University", Niko Berdzenishvili's Institute of Ethnology Problems of Southwest Georgia, I. Batumi, 2007. – 123 p.

Javakhishvili Iv., Works in twelve volumes, Publish House "Metsniereba", vol. V, Vol., 1986. – 568 p.

**Когнитивная структура литературного значения *mouth*
в современном английском языке**

когнитивная лингвистика, телесность мышления, соматическая лексика, когнитивная семантика, литературное значение

Одним из важнейших положений когнитивной лингвистики является постулат о воплощенном познании (*embodied cognition \ embodied mind*), который находит свое отражение в языковой системе. Мысль о важности человеческой телесности в познании окружающего мира поддерживается когнитивной наукой в целом, когнитивной философией, психологией и лингвистикой [Lakoff et al. 1999: 16-17; Membrez 2019: 209].

Телесность является важным фактором в процессе порождения смыслов, что находит отражение в концептуальной организации нашего разума. Важность понимания такого взаимодействия между познанием или когницией и телесностью особо подчеркивают лингвисты-когнитологи, которые изучают отражение телесности мышления в естественном языке [Evans 2007: 66].

Особое место в когнитивных исследованиях семантики занимает так называемая соматическая лексика, т.е. лексические единицы, называющие части тела человека [Крейдлин 2017: 131].

Соматическая лексика обнаруживает как универсальные черты, обусловленные человеческой телесностью и отраженные в когнитивной структуре мышления, так и культурно-специфические, которые основываются на культурно-исторических и психологических знаниях носителей определенного языка [Yu: 2003].

Целью нашего исследования является выявление когнитивных основ литературного значения лексемы *mouth* в современном английском языке.

В качестве материала исследования выступают примеры предложений, содержащих лексему *mouth* в современном английском языке. Источником отбора материала послужил BNC British National

Corpus (Британский национальный корпус) [British ...]. Для когнитивного анализа были отобраны первые 500 примеров словоупотреблений данной лексемы.

В работе применяются как традиционно лингвистические, так и когнитивные методы исследования: метод анализа словарных дефиниций, контекстуальный анализ, метод корпусного анализа, когнитивный анализ.

Исследование и его результаты

На первом этапе мы определили литературные и нелитературные значения слова *mouth* в отобранных примерах. Напомним, что в когнитивной лингвистике литературным значением считается основное референтное значение слова согласно словарям, т.е. его прямое денотативное значение. Словарь английского языка Collins COBUILD English Language Dictionary в качестве основного значения лексемы *mouth* как существительного приводит следующее: «Your mouth is the area of your face where your lips are or the space behind your lips where your teeth and tongue are» [Col-lins...]. Все остальные значения являются производными от основного денотативного и относятся к нелитературным, т.е. тем значениям, где наблюдаются определенные когнитивные механизмы взаимодействия между несколькими концептами.

Когнитивные модели литературного значения лексемы *mouth*

По данным нашей выборки, в более 60 % примерах *mouth* выступает в литературном или прямом денотативном значении, однозначно указывая на определенную часть тела. Например,

(1) She opened her mouth again.

Когнитивный анализ лексического значения позволяет выделить определенную когнитивную модель, лежащую в основе данного значения *mouth*, а именно модель MOUTH AS A CONTAINER., что обусловлено тем фактом, что *mouth* имеет внутреннюю полость. В этом значении слово *mouth* имеет 3 типа сочетаемости:

А) с предлогами места *in\ into, out\out of*, например,

(2) He put a joint in his mouth.

Пространственные схемы значений данных предлогов предполагают наличие внутреннего ограниченного пространства у предметов, с наименованиями которых эти предлоги употребляются.

Б) с глаголами *open\close, take\put* в качестве их грамматического дополнения, например,

(3) He opened his mouth and yelled.

В примере (3) необходимо открыть рот, чтобы из его полости вышли звуки.

В) Третий тип сочетаемости, в которой очевидно понимание рта как полости, это употребление лексемы *mouth* с прилагательными *full* \ *empty*:

(4) ... stuffing his mouth full of richly sauced venison.

В примере (4) прилагательное *full* указывает на рот как некое место, в которое возможно поместить что-либо, заполнив его полностью.

В литературном значении *mouth* также выделяется когнитивная модель *MOUTH AS AN OBJECT (STATIC \ PHYSIOLOGICAL)*. *Mouth* понимается как статический объект, занимающий определенное положение на теле \ лице, или как физиологический объект, обладающий присущими ему свойствами и характеристиками. Определенные типы сочетаемости указывают на эту когнитивную схему. Так, понимание *mouth* как статического объекта очевидно в коллокациях с предлогами места и направления *around*, *against*, *over*, *to*:

(5) His mouth was against her ear.

Понимание рта как статического объекта позволяет выполнять определенные движения с ним, такие как *wipe*, *hit*, etc.:

(6) Tenderly he wiped her mouth.

Рот как орган тела обладает определенными физиологическими свойствами и характеристиками (*bleed*, *wide*, *thin*, *full*, *red*, etc.):

(7) ...until her mouth bled.

Среди примеров литературного употребления *mouth* выделяется также группа случаев, где наблюдается некоторый символизм литературного значения слова. А. Дейгнан и Л. Поттер говорят о том, что физиологические действия и психофизиологические состояния человека, выраженные его телом, часто являются символическим отражением его внутренних психических и ментальных состояний [Deignan et al. 2004: 1244]. Лексема *mouth* может выражать такие положительные эмоции и состояния, как решимость, удивление, радость и т.д., например,

(8) ... keeping her mouth firmly shut.

Более многочисленны примеры, в которых лексема *mouth* выражает отрицательные эмоции, страх, злость, недовольство и другие. Например,

(9) ... her mouth pouting...

В примере (9) мы видим, что физиология нашего тела отражает внутренние психические состояния, которые мы способны интерпретировать исходя из нашего телесного опыта.

Заключение

Изучение литературного или прямого денотативного значения лексемы *mouth* позволило определить когнитивные модели ее семантики. Так, в прямом значении слово *mouth* предстает как некая емкость (когнитивная модель MOUTH AS A CONTAINER) и как объект, имеющий свою статику и обладающий рядом физиологических характеристик (когнитивная модель MOUTH AS AN OBJECT (STATIC \ PHYSIOLOGICAL)). Лексическая сочетаемость здесь ограничена определенными предлогами, глаголами и прилагательными.

Наряду с прямым значением, лексема *mouth* передает также некоторые коннотативные значения, отражающие положительные и отрицательные чувства и состояния человека. Этот факт подтверждает тезис о тесной взаимосвязи внутреннего состояния человека и его внешних физиологических проявлений.

Литература

Крейдлин Г.Е. Семиотическая концептуализация тела и телесности: признаки соматических объектов и значения признаков // Вестник КРСУ, 2017. – Т. 17. – № 9. – С. 128–134.

British National Corpus (BNC). – URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения 12.11.2021).

Collins COBUILD English Language Dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения 09.02.2022).

Deignan A., Potter L. A corpus study of metaphors and metonyms in English and Italian // Journal of Pragmatics, 2004. – Vol. 36. – P. 1231–1252.

Evans V. A Glossary of Cognitive Linguistics. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. – 239 p.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh. – New York: Basic Books, 1999. – 624 p.

Membrez G. Metaphor by any other name. A cognitive linguistic reassessment of Aristotle's theory of metaphor // Toward a Cognitive Classical Linguistics. The Embodied Basis of Constructions in Greek and Latin. Editors: Egle Mocciaro, William Michael Short. De Gruyter Poland Ltd, Warsaw/Berlin, 2019. – P. 208–228. – URL: <https://doi.org/10.1515/9783110616347-009>

Yu N. (2003). Metaphor, Body, and Culture: The Chinese Understanding of Gallbladder and Courage // *Metaphor and Symbol*, 2003. – Vol. 18.1. – P. 13–31.

Структура текста гороскопа как речевого акта

гороскопический текст, речевой акт, ассертив, директив

Прагматический анализ любого вида текста, в том числе и гороскопического, базируется на том, что текст изучается как сложный речевой акт, разделенный на два типа менее крупных. Проанализировав ежедневные гороскопы, размещенные на специализированных интернет-платформах *Гороскоп@ру*, *Гороскопы365.ру*, мы установили, что характерной чертой структуры речевого акта, реализующегося в гороскопе, считается его внутренняя диалогичность: определена только одна сторона – автор гороскопа, или адресант, а другая – получатель прогностических данных, или адресат – скорее мнимая. Это обуславливает коммуникативную структуру гороскопического текста: можно выделить прогностический ассертив и директив в различных комбинаторных сочетаниях.

Как правило, пропозицией гороскопического текста является **ассертив**. Он представлен в виде «утверждения, сообщения об истинности определенного суждения и убежденности в нем» [Богодерова 2010: 77]. Важно отметить, что ассертивы в гороскопе дают конкретный сценарий развития событий. Одним из основных условий смысловой нагрузки прогностического ассертива считается осуществление действия в будущем.

С точки зрения выражаемого содержания прогностические ассертивы, включенные в текст гороскопа, «подразделяются на информативные и оценочные» [Савицкайте 2006: 162]: «*Сегодня день подведения итогов*»; «*В среду Лев способен вдохновлять на свершение других людей*»; «*Звезды утверждают*»; (информативные); «*это хорошо, что вы на этой неделе щадите свои нервы*»; «*К счастью, Водолеям среда обещает прибыль*» (оценочные). Если директивы оформлены в большинстве своем предложениями побудительными, то ассертивы имеют характер повествования. Перейдём к описанию свойственных им характеристик.

Первая – использование вежливой формы обращения «Вы»: «**Вы настроены к серьезным отношениям без срока годности**»;

«Если вы искали случая продвинуть новую идею, в пятницу самое время». В текстах встречаются и верхний, и нижний регистр данного обращения.

Вторая характеристика – выражение будущего времени с помощью глагола «быть» в форме всех лиц и чисел с утверждением или отрицанием: *«Год под покровительством вашей правящей планеты Юпитера будет для вас особенно успешным по всем фронтам»; «Страстные свидания в 2022-м будут сменяться периодами, когда вам захочется покоя наедине с пиццей и вином».*

Также будущее предсказание можно выразить по формуле «будьте **готовы + инфинитив**»: *«будьте готовы встретить новую любовь или установить более глубокую связь со своим партнером»; «поэтому будьте готовы изменить свою жизнь к лучшему».*

Ассертивы в русскоязычном гороскопе создают текстовое единство: **утверждение + объяснение**. Второе реализуется с помощью придаточных предложений следствия: *в начале года Венера находится в вашем знаке (утверждение), так что переживать об отношениях вам едва ли придется (объяснение); «Лучшим для Водолея вложением сил и энергии станет составление сбалансированного плана питания (утверждение), поэтому включите в рацион больше овощей и фруктов (объяснение).*

Также неизменными атрибутами ассертива являются вводные слова, чаще всего «вероятно» и «кажется»: *«вероятно, это сильная влюбленность»; «кажется, мимолетной влюбленности в 2022 году вам будет недостаточно»; «Весьма вероятно, что Водолею в понедельник придется отдать долг дружбы»; «Возможно, для этого Водолею придется съесть целое ведерко мороженого».*

Директивные речевые акты подразделяются на прескриптивные, побудительные, фразеорефлексы, побуждения с прогнозом, разрешения и суггестивы. Этот вид отличается безусловным выполнением действия и доминирующей позицией автора текста.

1. **Прескриптивные** директивы выражаются с помощью глаголов в повелительном наклонении в форме 2 лица множественного числа: *«держите самооценку на должном уровне», «учитесь принимать комплименты»; «найдите помощников и быстрее добьетесь результата».*

2. Побудительный вид директивов включает в себя и восклицательные, и невосклицательные предложения: *«Прислушайтесь к*

своим желаниям»; «Заряжайте своей энергией окружающих, ведь сегодня вы просто сгусток положительных эмоций»; «Да здравствует профилактика!»; «Но кто предупреждён, тот вооружён!».

3. Определение к третьему типу директивов ввёл в научный оборот В.Г. Гак – **фразеорефлексы** [Гак 1995], которые представлены фразеологизмами, паремиями, афоризмами и иного рода устойчивыми выражениями: «**к делам сердечным вы относитесь со всей серьезностью**»; «ведь если в делах **наломаете дров, то спастись с тонущего корабля придется самостоятельно**»; «**сдержитесь, и не начинайте разбор полетов**». Ввиду частых вставок из пословиц и поговорок, реципиенты получают дозу определенного психологического комфорта, что в разы повышает спрос на полосные медиатексты.

4. В гороскопы также входят **перспективные директивы**, они являются подтипом побуждения. Данную группу можно представить в виде формулы **побуждение + прогноз**, где побуждение – призыв к действию, а прогноз – последствия для читателя. В большинстве случаев текстовая часть прогноза реализуется с помощью придаточного цели: «**Скорректируйте в свой рабочий график (побуждение), чтобы успевать ходить на свидания в поисках своего единственного или разжигать искру в существующих отношениях**» (прогноз); «**Приложите все усилия (побуждение), чтобы наладить личную жизнь**» (прогноз).

5. Также следует описать форму **разрешения**, которое автор якобы даёт читателю при благоприятном развитии событий. Чаще всего представленная форма выражается с помощью таких глаголов в повелительном наклонении, как «разрешите» и «позвольте». Например: «**разрешите себе устроить сегодня праздник**»; «**позвольте себе отпустить ситуацию и идти дальше**». Кроме того, косвенное разрешение может быть выражено категорией состояния «можно»: «**сегодня можно и расслабиться**»; «**Львам в среду можно делать все, что они пожелают**».

6. Ещё одним подвидом директивов является **суггестив**. Он реализуется в качестве предложений, которые структурируются несколькими грамматическими конструкциями. Первую можно представить в виде формулы: **отрицательная частица не + глагол в повелительном наклонении**: «**не упустите момента**»; «**не бойтесь новых людей в вашем окружении**»; «**не заводите новые зна-**

*комства»; «не перебивайте начальника». Вторая конструкция реализуется с помощью придаточных предложений с союзом «**вместо того чтобы**» + инфинитив: «**Вместо того чтобы спорить с партнёром, постарайтесь его выслушать**»; «**Вместо того чтобы жаловаться на сложившиеся обстоятельства, попробуйте найти корень проблемы**».*

Таким образом, можно отметить, что гороскопический текст, представленный в медиаформате, являет собой двухкомпонентный речевой акт, состоящий из директивов и ассертивов. Ассертив представлен информативными и оценочными вариантами, которые всегда оформляются в повествовательной форме. Структурно он занимает пропозицию. Директивный компонент представлен более разнообразными способами репрезентации, поскольку гороскоп по природе своей должен в первую очередь давать рекомендации по аннигиляции негативных событий в жизни и усилению эффекта от благоприятных последствий собственных действий. По форме директивы представлены конструкциями с императивами в утвердительной и отрицательной форме, а также побудительными предложениями восклицательного и невосклицательного характера.

Литература

Богодерова М.В. Современный гороскоп как масс-медийный вид текста: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2010. – 179 с.

Гак В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки, 1995. – № 4. – С. 47–55.

Гороскоп@ru. – URL: <https://www.goroskop.ru> (дата обращения: 12.09.2022).

Гороскопы365.ру. – URL: <https://goroskop365.ru/> (дата обращения: 5.10.2022).

Савицкайте Е.Р. Знак и символ в невербальных прогностических текстах (на примере гороскопов) // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. техн. ун-та, 2006. – № 4. – С. 156–164.

Общенаучная лексика как предиктор сложности текста

*сложность текста, общенаучные слова, eye-tracker,
эксплицитность*

Обработка и анализ научных текстов предполагает наличие у реципиента особых знаний в области специализированной лексики. Выделение терминологических слов и словосочетаний в текстах позволяет сделать выводы о сложности текста. Однако кроме специальных терминов существует пласт лексики общенаучного характера. Как отмечает Л.И. Борисова, специализированная лексика определенных предметных областей занимает только 25% лексики, в то время как лексика нетерминологического характера, то есть общенаучные и общеупотребительные слова, составляет 75% [Борисова 2019: с. 117–121].

Известно, что в ряде случаев обучающиеся сталкиваются с текстами, уровень сложности лексического материала в которых значительно выше, чем уровень их когнитивной зрелости и лингвистической подготовки. Результатом такого рода ситуаций являются снижение эффективности образовательного процесса, демотивация и полный отказ от чтения. Решением данной, весьма сложной проблемы является предварительная оценка сложности текста и подбор для чтения таких текстов, сложность которых соответствует лингвистической и когнитивным способностям читателей. При этом очевидно, что оценка сложности текста должна осуществляться на основе ряда предикторов, расчет которых позволил бы автоматизировать сам процесс подбора текстов. В представленном исследовании осуществлен анализ восприятия общенаучной лексики методом окулографии. Исследование осуществлено с двумя основными целями: (1) верифицировать гипотезу о том, что общенаучная лексика может являться предиктором сложности текста; (2) составить глоссарий общенаучной лексики, используемой в текстах учебной литературы.

Спектр использованных в исследовании методов и приемов включает специальные (метод окулографии, сравнительный метод) и общенаучные (анализ, синтез, наблюдение). Исследование осуществлялось при помощи устройства, регистрирующего движения глаз, айтрекера модели EyeLink 1000 plus. Камера айтрекера, в фокусе которой находится зрачок читателя, фиксирует время, движение и длительность фиксаций на отдельных словах или элементах текста. Согласно нашей гипотезе, фиксация зрачка на общенаучных словах будет более длительной, чем фиксация на общеупотребительных словах такой же длины.

Материалом представленного **исследования** явились 20 предложений из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ).

Для проверки гипотезы был выполнен следующий алгоритм исследования:

1). Составление списка общенаучных слов разной длины и частотности¹

№	Лексическая единица	Частотность	Длина слова (в буквах)
1.	Параметр	54.7	8
2.	Компонент	43.6	9
3.	Периферия	6.8	9
4.	Постулат	6.6	8
5.	Ультиматум	4.0	10
6.	Обобщить	3.9	8
7.	Дислокация	3.7	10

2). Отбор из НКРЯ предложений, в которых общенаучное слово использовано исключительно с общеупотребительными словами. Для контрастирования мы отбирали предложения, в которых противопоставляемые общенаучное и общеупотребительное слова имеют одинаковую длину (в символах). Например, *Почти каждый пятый респондент (10 букв) признается (10 букв) в этом.* Как видим, в данном предложении общенаучному «респондент» противопоставлено общеупотребительное «признается», оба имеют длину 10 букв.

¹ Частотность слова проверялась по следующему изданию: Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). – М., 2009. – URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 20.09.2022).

Мы также учитывали частотность противопоставляемых слов, поскольку частотность слова в дискурсе является общепризнанным предиктором сложности текста [Солнышкина, Соловьев 2022:18-40]. Например, *Куда важнее оказался (531.9) постулат (6.6) поэта о возникновении чувства на земле. Этот факт не вызовет (154.9) общественной реакции (97.2)*. В скобках указана частность данных лексем в НКРЯ.

Отдельно следует указать, что в большинстве случаев мы контрастировали восприятие читателем общеупотребительных глагола или прилагательного с общенаучным существительным. Например, *Вашингтон готов поддержать (56.2) такой ультиматум (4.0). Дислокация (3.7) книжных магазинов изменилась (84.5)*. Влияние морфологического фактора на количество и длительность фиксации, очевидно, требует дополнительного исследования и может рассматриваться как перспектива исследования.

3) Разработка программы исследования в Experiment Builder.

4) Чтение участниками исследования 20 предложений, отобранных для исследования.

5) Выгрузка данных в Data Viewer, статистическая обработка и интерпретация результатов исследования.

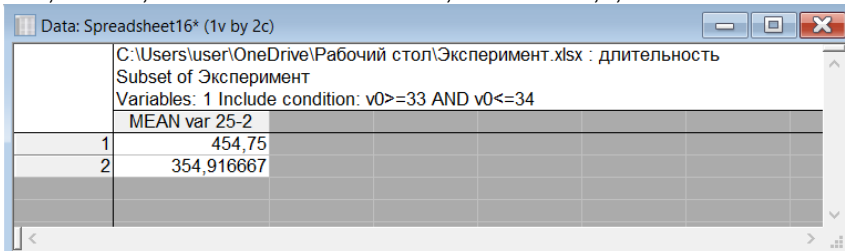
Данные, полученные в результате эксперимента

	A	B	C	D	E	F
1	WORDS	FREQ	Test_1_FIX_COUNT	DURATION	Test_2_FIX_COUNT	DURATION
2	респондент	12,4	3	489	1	226
3	признается	55,1	1	348	1	198
4	параметр	54,7	3	709	1	29
5	последний	712,6	2	426	0	0

При интерпретации результатов во внимание не были приняты слова, характеризующиеся отсутствием фиксации. Среди них оказались стоп-слова, которые считаются крайне малоинформативными, а потому не имели фиксаций взглядов участников эксперимента. Исследование ярко продемонстрировало так называемый «эффект окончания предложения», при котором слова в финальной позиции предложений характеризуются большим количеством и большей длительностью фиксаций.

Рассмотрим результаты исследования на примере участника 17 и предложения № 17: *Я решил обобщить (3.9) некоторые свои знания (146.4)*. Слово ‘обобщить’ имеет большую эксплицитность, среднее значение длительности фиксаций на данном слове – 454 мс., что выше среднего значения длительности фиксаций на слове ‘знание’ –

354,9 мс., с частотностью 3,9 и 146,4, соответственно.

The screenshot shows a window titled "Data: Spreadsheet16* (1v by 2c)". The content includes the file path "C:\Users\user\OneDrive\Рабочий стол\Эксперимент.xlsx", the text "Subset of Эксперимент", and the filter "Variables: 1 Include condition: v0>=33 AND v0<=34". Below this is a table with two rows of data:

	MEAN var 25-2				
1	454,75				
2	354,916667				

В целом гипотеза подтвердилась для следующих 14 предложениям из 20 оказались подтвержденными, что составляет 70%. Предложения под номерами 1, 5, 7, 8, 12, 16 были опровержены по следующим причинам. В процессе интерпретации данных было замечено, что слова на конце предложений 5 и 7 характеризуются большим количеством фиксаций и их чрезмерной длительностью. Данное явление было описано как «эффект окончания предложения». Этот эффект согласуется с часто сообщаемым эффектом завершения предложения, который относится к процессам, в ходе которых окончательная интерпретация предложения вычисляется после его чтения. В предложении 1 были выявлены два общенаучных слова, что так же повлияло на результат.

Таким образом, в результате исследования была частично подтверждена гипотеза о том, что общенаучные слова представляют большую когнитивную сложность при чтении. В дальнейшем данные результатов эксперимента можно использовать при аргументации актуальности создания словаря общенаучной лексики русского языка и в иных работах, требующих выявления сложности текста.

Литература

Барабанщиков В.А. Айттрекинг в психологической науке и практике / Отв. ред. В.А. Барабанщиков. – М.: Когито-Центр, 2015. – 410 с.

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). – М.: Азбуковник, 2009. – URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 20.09.2022).

Митькин А.А. О чем говорит окулomotorика // Айттрекинг в психологической науке и практике. – М.: Когито-Центр. 2017. – С. 99–101.

Национальный корпус русского языка. – URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 31.05.2015).

Солнышкина М.И., Соловьев В.Д., Гафиятова Э.В., Мартынова Е.В. Сложность текста как междисциплинарная проблема // Вопросы когнитивной лингвистики. – Вып. 1, 2022. – С. 18–40.

Степанова Е.М. Частотный словарь общенаучной лексики. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 88 с.

Clifton C., Staub A., Rayner K. Eye movements in reading words and sentences // Eye movements: a window on mind and brain / Ed. by R.P.G. Van Gompel, M. H. Fischer, W. S. Murray, R. L. Hill. – Amsterdam: Elsevier, 2007. – P. 341–371.

Radach, R. Heller, D. Relations between spatial and temporal aspects of eye movement control // Reading as a Perceptual Process. – 2000. – P. 269–299.

Концепт «Irishman» в британской языковой картине мира

*концепт «Irishman», языковая картина мира,
когнитивная лингвистика*

Изучению концептов посвящают свою деятельность многие ученые, так как эта область представляет собой необъятное поле для исследований. Е.С. Кубрякова определяет концепт следующим образом: «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания» [Кубрякова 1996: 90]. Концепты играют важную роль в описании языковой картины мира, под которой мы понимаем «сложившуюся давно и сохранившуюся донине национальную картину мира, дополненную ассимилированными знаниями, отражающую мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированную в языковых формах, ограниченную рамками консервативной национальной культуры этого народа» [Стернин, Карасик 2005: 17]. Изучив способы языковой актуализации ключевых концептов определенной картины мира, мы можем лучше понять менталитет и культуру изучаемой страны.

Концепт «Irishman» несомненно занимает важное место в британской лингвокультурологии, так как истории двух стран были неразрывно связаны начиная с XII века, когда остров Ирландия был завоеван Королевством Англия. Ирландцы часто фигурируют в англоязычных медиа-текстах, художественных произведениях и в анекдотах, что позволяет сделать вывод, что образ ирландца - неотъемлемая часть британской языковой картины мира.

Из дефиниций понятия «Irishman», можно сделать вывод, что ирландец – это человек, связанный с Ирландией корнями или живущий в Ирландии. Collins Dictionary дает следующее определение понятию «Irishman»: «*an Irishman is a man who is an Irish citizen or is of Irish origin*». Похожую дефиницию мы видим в Merriam-Webster Dictionary: 1: «*a native or inhabitant of Ireland*» 2: «*a person who is of Irish descent*» «Словарь синонимов «Power Thesaurus» [Power Thesaurus. Электронный ресурс.] выделяет 24 синонимов к слову «Irishman», боль-

шая часть которых имеют крайне негативную коннотацию. К таким синонимам относятся, например, «*mick*», «*paddywack*», «*bogtrotter*», «*teague*», «*paddies*», такое количество слов с пометой *offensive* можно объяснить напряженными отношениями между ирландцами и британцами, так как эти слова вошли в британскую языковую картину мира в результате продолжительного конфликта между двумя странами.

В крупнейшем языковом корпусе Британии («British National Corpus») представлено более 250 примеров употребления слова «Irishman». В качестве основных компонентов вышеупомянутого концепта можно выделить принадлежность к католической церкви (*Catholic*); пристрастие к спиртным напиткам (*the alcoholic Irishman*); чувство юмора (*witty Irishman*); склонность к насилию (*Irishman, drunken and violent*); патриотизм (*nationalistically minded*); принадлежность к или поддержка ИРА (*Every patriotic Irishman is in the IRA -- or supports it*); вспыльчивость (*bad-tempered Irishman*).

Анализ языкового содержания концепта «Irishman» на базе словарных дефиниций и языковых корпусов позволяет определить то, как образ ирландца трактуется в современном британском обществе, что способствует организации успешной межкультурной коммуникации.

Литература

Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. – 1996. – С. 90–92.

Стернин И. А., Карасик В. И. Антология концептов. – Волгоград, 2005. – 352 с.

«Power Thesaurus». – URL: <https://www.powerthesaurus.org/irishman/synonyms> (дата обращения: 20.10.2022).

British National Corpus. – URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 20.10.2022).

Collins English Dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 20.10.2022)

Merriam-Webster Dictionary. – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 25.10.2022).

Носиров Отабек Тимурович
Бухарский государственный университет, Узбекистан
УДК 811.161.

**Универсальные (общечеловеческие) средства выражения
концептосферы «Времена года» в русской и узбекской
языковых картинах мира**

*концептосфера, когнитивный признак, оценочное поле, ядро,
периферия концепта, базовый код*

В современной сопоставительной лингвистике изучению концептов уделяется особое внимание, что делает возможным, используя накопленные данные, структурировать концепты и сопоставлять их, исследуя в их наполнении общечеловеческие (общемировые) и национально-специфические характеристики с помощью приемов и методов сопоставительной лингвистики. Еще Л. В. Щерба придавал большое значение сравнительному изучению языков для лучшего понимания своего собственного [Щерба 1974: 101].

Применение методов сопоставительной лингвистики на материале разноструктурных языков – русского и узбекского – позволяет выявить и обнаружить сходства и различия содержания концептов. В качестве объектов сопоставления в представленном исследовании выступают составляющие концептосферы времена года (концепты зима, лето, весна и осень). Целью является установление общего и различного в наборе и количестве единиц, составляющих ту или иную подсистему, выявление ядра и периферии подсистем сравниваемых языков. При таком подходе применяется сравнение одновременно двух или нескольких языков, при этом одинаково важны как сходства, так и различия [Стернин 2007: 13–15; Францева 2012: 128].

К числу общечеловеческих (общемировых) характеристик концептов ЗИМА и ЛЕТО концептосферы «времена года» относятся наиболее древние (архаические) когнитивные слои в структуре концептов, в основании которых лежит система наблюдений древних людей и их поведенческих реакций на природно-климатические условия. Так, например, определение «самое холодное время года» или «период года, следующий за осенью и предшествующий весне» можно применить к словарному определению зимы как в русском, так

и в узбекском языке: см. например, «самое холодное время года, следующее за осенью» [Ожегов 1983: 206] и «*Йилнинг куздан кейин келадиган совуқ фасли*» (холодное время года, приходящее после осени) [ЎТИЛ 1981: 253]. А такие характерные погодные явления, связанные с зимой на территории евразийского пространства, как холод, снег, снегопад, мороз, укороченный световой день и сопутствующие им характеристики, лежащие в основе метафор со словом *зима* (голод, замерзание, смерть, тьма, зло, старость), встречаются и/или могут метафорически (или контекстуально) присутствовать как в русских, так и в узбекских манифестациях концептов «Зима»/ «Қиш».

Словарные определения лета в русском и узбекском толковом словарях также практически идентичны: «Самое теплое время года, следующее за весной» [Ожегов, 1983: 285] и «*Йилнинг баҳор билан куз орасидаги энг иссиқ фасли*» (самое жаркое время года между весной и осенью) [ЎТИЛ 1981: 253]. Оба определения подчеркивают характерный погодный признак – «самое жаркое время года», а в значениях лексем «лето»/ «ёз» как в русском, так и в узбекском языке встречаем такие общие значения как жара, отдых и каникулы.

Отметим, что выделенные нами в процессе исследования реальные составляющие концептов зима и лето, связанные с состоянием природы, погоды и температуры, относятся к глубинным когнитивным слоям, так как они отражают опыт *Homo sapiens*, восходящий к архетипическим, древнейшим представлениям, основанным на опыте познания окружающего пространства и действительности и выживания в них. Древние люди, чтобы выжить, должны были быть очень наблюдательны, поэтому циклические изменения в природе они заметили очень рано. Свои наблюдения, знания они фиксировали в астральных рисунках, которые отражали довольно сложные закономерности поведения Луны и Солнца [Найдыш 2002: 47]. Такие наблюдения имели в своей основе практический опыт и были связаны с коллективной хозяйственной деятельностью человека. Подобного рода наблюдения и представления соотносимы с базовыми кодами культуры, в них фиксируются представления о мироздании. Базовые коды культуры прослеживаются в базовых оппозициях, к которым относятся оппозиции «верх – низ», «далеко – близко», «хорошо – плохо», «свой – чужой», и некоторые другие [Красных 2003: 375]. К ним можно отнести пару зима-лето, противостояние которой отражается в фольклоре: пословицах, поговорках и загадках, в которых мироощущение зимы – это плохо, сопоставимо с угрозой жизни – холод, голод,

смерть, опасность и др.; мироощущение лета – хорошо, солярность, дары природы, и благоприятный период для тяжелой изнуряющей работы по подготовке к выживанию зимой. Таким образом, два этих времени года превращаются в концептуальную оппозицию «зима-лето». Например, в русском языке: *Лето работает на зиму, а зима на лето; Что летом родится, зимой пригодится; Летом не соберёшь – зимой не найдёшь; Будет зима – будет и лето; Готовь сани летом, а телегу зимой; Лето пролежишь, зимой с сумой побежишь; Летом нагуляешься, зимой наголодаешься; Летом не вспотеешь, так и зимой не согреешься.* В узбекском языке: *Қиш ғамини ёз ўйла* – О зиме заботься летом; *Ёз ғамини қишда, қиш ғамини – ёзда* – Заботься о лете зимой, о зиме – летом; *Ёзда ёзиласан, қишда йиғиласан* – Летом все разложишь, зимой все подберешь.

Таким образом, как и в русском, так и в узбекском языках, несмотря на языковое оформление, то есть структурные различия между славянским и тюркским языками, прослеживается схожесть отображения в языке оппозиции концептов «зима-лето», отражая, тем самым, схожесть когнитивных процессов древних людей, то есть схожесть миропонимания и мироосмысления нашими предками фрагментов окружающей действительности (коллективное бессознательное, согласно термину, предложенному К. Юнгом). В языковой системе такие концептуальные оппозиции представлены в качестве изолированных антонимических пар, не связанных отношениями полисемии или синонимии с другими словами, выраженных однозначными словами, противопоставленными друг другу. Так, антонимическую пару зима (самое холодное время года) и лето (самое теплое время года) наблюдаем как в русском, так и в узбекском языках [Введенская 2006: 360; Рахматуллаев 1992: 305], и подобная пара в русском и узбекском языках проявляет максимальное сходство, как по семантике так и по структуре [Мамасолиев 2011: 17]. Также, в русском и в узбекском языках, в плане темпоральных установок, концепт «Зима» и концепт «Лето» отражают линейную концепцию времени, то есть зима и лето противостоят друг другу, но не следуют друг за другом; их повторяемость циклична согласно ходу четырех времен года.

Учитывая, что языковые проекции коллективного бессознательного, в данном случае концептуальная оппозиция «зима-лето», не имеют кровной и расовой наследственности, а принадлежат человечеству в целом, можно заключить, что в глубинных, или базовых ко-

гнитивных слоях концептов зима и лето как в русском, так и в узбекском языках, содержится единая для всего человечества, общая целостная и идентичная основа.

В отличие от рациональной оценки глубинного слоя концепта (объективная оценка окружающей действительности, явления), в периферийных слоях значений концептов зима и лето доминирует эмоционально-ассоциативное начало (субъективная оценка окружающей действительности, явления), тесно связанное с оценочностью. «Оценочность, представляемая как соотнесенность слова с оценкой, и эмоциональность, связываемая с эмоциями, чувствами человека, не составляет двух разных компонентов значения, они едины. Оценка как бы впитывает в себя соответствующую эмоцию <...>» [Лукьянова 1986: 11]. Положительная оценка связана с одобрением, восхищением и т.п., отрицательная оценка - с неодобрением, негодованием и т.п.). Отсюда проистекают и определенные психообразы зимы и лета в сознании носителей русского языка и узбекского языка. Н.В. Красовская и В.И. Драчук в своих исследованиях определяют это как традицию национального употребления данного концепта [Красовская 2009: 22; Драчук 2013 (<http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section086.html>)].

Таким образом, в каждом концепте, составляющем концептосферу «Времена года» в целом, и в концептах «Зима» и «Лето» в частности, можно выделить базовое и национально-специфическое содержание.

Национально-специфическое содержание концептов «Зима» и «Лето» в русской и узбекской языковых картинах мира связано, в первую очередь, с климатическими особенностями и культурно-ценностными доминантами русской и узбекской культур; их этнокультурные отличия проявляются в дополнительных когнитивных признаках концептов на семантическом, образном, понятийном, ассоциативном и символическом уровнях. Интенсификация межкультурных и межсоциальных контактов в современную эпоху, максимально эффективно воздействует на изменение и расширение дополнительных когнитивных признаков концептов зима и лето, при сохранении схожести их базового, древнего слоя, в каждом из описываемых языков.

Литература

Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка (около 500 антонимических гнезд). – М.: Астрель АСТ, 2006. – 360 с.

Драчук В.И. Концепт «зима» в русской поэтической картине мира (на материале русской лирики XIX века) // Молодежь и наука: сборник материалов IX Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященной 385-летию со дня основания г. Красноярска. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2013. – URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section086.html> (дата обращения: 01.10.2022).

Красовская Н. В. Художественный концепт: методы и приёмы исследования // Известия Саратовского университета, 2009. – Вып. 4. – С. 21–25.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Текст. / В.В. Красных – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.

Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Свердловск, 1986. – С. 40.

Мамасолиев И.У. Антонимические группировки в русском и узбекском: автореф. дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.20 / Мамасолиев, Ильхам Убайдуллаевич [Узб. гос. ун-т мир-х языков]. – Ташкент, 2011. – С. 17.

Найдыш В.М. Философия мифологии: от античности до эпохи романтизма. – М.: Гардарики, 2002. – С. 47.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. докт. филол. наук Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус яз., 1983. – С. 206–285.

Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. – М.: Восток-Запад, 2007. – С. 11.

Рахматуллаев Ш. и др. Ўзбек тилиантонимларининг изоҳли луғати. – Т.: Ўқитувчи, 1992. – 305 с.

Францева А.И. Сопоставительная и контрастивная методики в лингвокультурологических исследованиях (на примере концепта башня в русском, чешском и английском языках) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – 128 с.

Щерба В.Л. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. – М.; Л.: Высшая школа, 1974. – 101 с.

Ўзбек тилининг изоҳли луғати: Икки томли, 60000 сўз ва бирикма / С.Ф. Акабиров, Т.А. Алиқулов, С.З. Зуфаров ва бошқ.; Э.М. Маъруфов таҳрири остида. – М.: Русский язык, 1981. – 2-чи том. – 253 с.

Онал Инна Олеговна

Новосибирский государственный технический университет
УДК 81'373.612.2

Что может быть «политическим»? Корпусное исследование турецких метафорических сочетаний с лексемами “siyasi”, “siyasal” и “siyaset” со сферой-источником «Социум»

политическая метафора, политическая метафорика, метафорическая модель, денотативный дескриптор, сигнификативный дескриптор

Теоретической базой данной работы выступает дескрипторная теория метафоры А.Н. Баранова, согласно которой процесс метафоризации представляет собой функцию отображения элементов области источника в области цели. На языковом уровне метафора реализуется в виде совокупности элементов указанных областей, а именно, кортежей сигнификативных и денотативных дескрипторов [Баранов 2014: 14].

В процессе осмысления новых знаний на уровень текста из набора элементов множеств выводятся дескрипторы в сочетании <сигнификативный дескриптор x денотативный дескриптор y>, избираемые сознанием продуцента для концептуализации определенных фрагментов действительности и (совместно с функцией отображения) представляющие собой «синтагматическую модель метафоризации» [Там же: 38].

Метафорическая модель (М-модель) – это тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов [Там же], представляющие понятия из различных семантических областей и служащие для репрезентации денотативных дескрипторов, отражающих явления социальной и политической жизни.

Текущее исследование ставит целью выявление метафорических моделей, реализуемых через сочетаемость турецких лексем “siyasi”, “siyasal” и “siyaset”. Иными словами, сочетания денотативного дескриптора <политический, связанный с политикой> с сигнификативными дескрипторами выступают в качестве объекта исследования, что дает возможность определить основные М-модели, в рамках

которых происходит взаимодействие указанных дескрипторов. В работе используются данные и инструментарий корпуса современного турецкого языка (TUD).

Выбор лексем “siyasi”, “siyasal” и “siyaset” в качестве отправной точки исследования обусловлен тем, что данные единицы указывают на отнесенность широкого ряда явлений, предметов, лиц к политическим событиям, явлениям, государственному устройству, в связи с чем метафорические сочетания, в которые входят эти лексемы, с большой долей вероятности относятся к разным видам политического дискурса и, следовательно, являются частью его метафорики.

Исследования показывают, что наиболее востребованной сферой-источником метафорической экспансии в политической коммуникации является сфера «Социум», в рамках которой реализуются милитарная, театральная, криминальная, спортивная и игровая метафоры [Литвинова 2008; Чудинов 2003; Flusberg 2018]. Ввиду ограниченности объема, в рамках данной статьи будут рассмотрены только М-модели социоморфного характера. Анализ фактического материала, представленного в Национальном корпусе турецкого языка, позволяет выделить следующие М-модели: SAVAŞ (ВОЙНА), SİRK/TİYATRO (ЦИРК/ТЕАТР), SPOR (СПОРТ), OYUN (ИГРА), TİCARET (ТОРГОВЛЯ), YER ALTI DÜNYASI (ПРЕСТУПНЫЙ МИР).

Приведем примеры метафорических выражений, реализующих наиболее частотную в исследуемом материале М-модель SAVAŞ, обслуживаемую соответствующей концептуальной метафорой ПОЛИТИКА – ЭТО ВОЙНА.

В силу сложности структуры сферы-источника, концептуализация политической деятельности в терминах военной приводит к возникновению целого ряда синтагматических моделей метафоризации, реализуемых с помощью сигнификативных дескрипторов, описывающих сферу боевых действий. Так, деятельность политиков по достижению своих целей и результаты этой деятельности описываются как действия армии: 1) *Ancak bu ilk **siyasi çıkış** ilk **siyasi yenilgiyi** de beraberinde getirdi.* (Однако этот первый **политический прорыв** превратился в первое **политическое поражение**).

Наряду с устойчивыми языковыми репрезентантами данной модели, отражающими различные аспекты политической деятельности – комбинациями лексем, обозначающими непосредственно действия политиков (**siyasi mücadele** (политическая борьба), **siyasi savaş** (политическая война), **siyasi manevra** (политический маневр)), а также

результаты этой деятельности (*siyasi zafer /yenilgi* (политическая победа/поражение)), – в турецкоязычном дискурсе используются более креативные выражения, в т.ч. выходящие за рамки двухсловных сочетаний и разворачивающиеся в более широком контексте, например: 2) *Turgut Özal ve pek çok iyi yetişmiş politikacıdan oluşan çevresi siyaset bombalarını ard arda patlatırken, ...* (В то время как Тургут Озал и его круг хорошо подготовленных политиков взрывали одну за другой политические бомбы,...); 3) *Bu siyasi harakiri Türk devlet geleneğinde zaman zaman rastlanan olaylardandır.* (Это политическое харакери – одно из случайных событий в турецкой государственной традиции).

Основные сигнификативные дескрипторы М-модели TİCARET (<торговля>, <рынок>, <торг>, <торговец> <счет, фактура>) профилируют сходство политической деятельности с деятельностью работников сферы торговли: 6) *Ordunun siyasete karışması, siyaset piyasasında serbest rekabeti bozduğu için doğru değildir.* (Вовлечение военных в политику неправильно, поскольку нарушает свободную конкуренцию на политическом рынке). Сами политики в рамках данной модели предстают в роли продавцов/торговцев (*siyaset bezirganları*), стремящихся получить прибыль (*siyasi kazanç*) или заставить кого-то/ быть вынужденными заплатить по счету (*siyasi fatura ödemek*).

М-модели SPOR/OYUN занимают третью позицию в исследуемом материале по частотности обращения к ним для концептуализации политической деятельности. В качестве сигнификативных дескрипторов, участвующих в реализации данных моделей в сочетании с денотативным дескриптором <политический>, чаще всего выступают названия игр, например, <футбол> <шахматы> и др., а также игровые атрибуты, например, <козырь> <пешка>: 4) *Hükümet krizi mi, yoksa çok iyi oynanan siyasi koz mu? / Правительство кризис или хорошо разыгранный политический козырь?* 5) *Djokovic siyasi piyon olarak kullanılıyor* (Джоковича используют как политическую пешку).

Стоит отметить, что вышеуказанные сигнификативные дескрипторы являются универсальными, т. к. широко используются для концептуализации не только политических явлений. Также вызывает интерес тот факт, что в турецком политическом дискурсе метафорическое выражение *siyasi satranç* имеет более широкое употребление по сравнению с *siyasi futbol*, например: 5) *Şimdi iktidarın atağını*

*bekliyoruz. Belli ki bu **siyasi satranç**, bir süre daha devam edecek. (Теперь ждем атаки правительства. Очевидно, что эта **политическая шахматная игра** будет продолжаться еще какое-то время).* Представляется, что данную особенность следует отнести к национально-специфическим.

Наиболее частотными синтагматическими моделями метафоризации в рамках М-моделей SİRK/TİYATRO во многих языках являются сочетания денотативного дескриптора <политический> с сигнификативными дескрипторами <арена> и <сцена>, характеризующиеся отсутствием метафорической «свежести». Между тем, стертые и конвенциональные метафоры могут «оживать», будучи помещенными в контекст, развивающий и дополняющий метафорические образы, например: 7) ***Siyaset arenası bir anda toz duman içinde kaldı.** (Политическая арена внезапно покрылась пылью).* Востребованными в турецком политическом дискурсе являются сочетания ***siyasi rol** (политическая роль), **siyasi şov** (политическое шоу), **siyaset kulisleri** (политическое закулисье),* а также ***siyaset cambazı/ cambazlığı** (политический акробат/акробатика),* например: 8) *Mesut Barzani rakibi Celal Talabani gibi bir **siyaset cambazı değildi.** (Масуд Барзани не был политическим акробатом, как его соперник Джаляль Талабани).*

М-модель YER ALTI DÜNYASI в исследуемых контекстах репрезентирована наиболее малочисленным (по сравнению с другими моделями) набором языковых репрезентантов – метафорическими сочетаниями ***siyasi çete** (политическая банда), **siyasi rüşvet** (политическая взятка) и **siyasi şantaj** (политический шантаж).*

Таким образом, анализ турецких сочетаний сигнификативных дескрипторов, взаимодействующих с денотативным дескриптором <политический>, показывает, что доминирующими М-моделями социоморфной сферы в изученном материале являются SAVAŞ и TİCARET.

Литература

Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.

Литвинова Т. И. Спортивная и игровая метафора в немецком политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2008. – 24 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора) / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003. – 194 с.

Flusberg J. S., Matlock T., & Thibodeau P. H. War metaphors in public discourse // *Metaphor and Symbol*, 2018. – Vol. 33 (1). – P. 1–18.

TUD — Türkçe Ulusal Derlemi. – URL: <https://v3.tnc.org.tr>. (дата обращения 10.10.2020).

Пименова Марина Васильевна
Владимирский государственный университет имени Александра
Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
УДК 81'3

**Концепция, концепт, концептум
и лексико-семантическая система языка**

*когнитивная лингвистика, концепция, концепт, концептум,
лексико-семантическая система языка*

Изучение слова как когнитивного феномена («языка в действии» – Вильгельм фон Гумбольд) принадлежит к относительно молодым направлениям в лингвистике (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Д. Вундерлих, В.З. Демьянков, Д. Дени, Р. Джакендофф, Д. Герартс, Л.С. Выготский, В.В. Колесов, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, А.А. Леонтьев, А.Ф. Лосев, А.А. Потебня, Ч. Филмор, А. Ченки и др.). Несмотря на значительное количество работ, посвященных определению основной единицы ментальности, «...одним из самых неопределённых понятий когнитивной лингвистики остаётся, пожалуй, самое главное – “концепт”, и тексты авторитетных когнитологов это подтверждают» [Колесов 2021: 11]. Эта неопределенность, на наш взгляд, объясняется тем, что имеющиеся многочисленные дефиниции не указывают на место *концепта* в лексико-семантической системе языка, так как отождествляют его с каким-либо другим термином/-ами (причем не всегда лингвистическими), например: *значение* (В.В. Колесов, Д.С. Лихачев, Е.В. Рахилина), *смысл* (Ю.С. Степанов, В.Б. Кашкин, В.А. Пищальникова), *этимон* (В.В. Колесов), *слово* (М.А. Бородина и В.Г. Гак, Р.А. Будагов, А. Вежбицкая, Л. Ельмслев, Ю.С. Степанов, О.Н. Трубачев), *понятие* (Л. Ельмслев, С.А. Аскольдов, В.Г. Гак, Н.Д. Арутюнова, М.Влад. Пименова), *«общее» представление* (С.А. Аскольдов, З.Д. Попова, М.А. Стернин), *мысль* (П.В. Чесноков, С.А. Аскольдов, Е.С. Кубрякова, М.В. Никитин, В.И. Карасик, С.Г. Воркачёв, А.В. Кравченко, З.Д. Попова, И.А. Стернин), *совокупность правил и оценок* (Ю.Е. Прохоров), *сущность лингвального мира* (В.В. Колесов), *символ (образ)* (М.Влад. Пименова), *квинтэссенция знания* (В.И. Теркулов) и т.д. Еще один подход к определению концепта – при помощи образа/метафоры – тем более не связан с системой языка, например:

«почки – соцветий», «туманное нечто» (С.А. Аскольдов) «су-сток», «парят» (Ю.С. Степанов) и под. (см. также: [Пименова 2014]).

Мы предложили следующее определение, указывающее на место основной единицы когнитивной лингвистики в системе языка: «**концепт – инвариант означаемого**, единица абстрактного (эмического) уровня, сопоставимая с *фонемой*, морфемой, *синтаксемой*, *лексемой*, которая на конкретном (этическом) уровне материально реализуется при помощи лексических значений, понятий (сигнификатов), внутренних форм слов и т.п.» [Пименова 2003: 45]. На наш взгляд, указание на место *концепта* в лексико-семантической системе языка позволяет достаточно точно определить эту «неопределённую» единицу («неопределённость» которой предопределена её абстрактным характером).

Практика анализа концептов демонстрирует, что многие исследователи подспудно понимают данную единицу как абстрактную (типа *фонемы*), изучая её через выявление всех имеющихся вербальных репрезентаций концепта в диахронии/синхронии: 1) определение этимона; 2) исследование дефиниций имени концепта в словарях (*отношения манифестации*); 3) выявление словообразовательного гнезда, изучение употреблений производных слов и их *эпидигматических (ассоциативно-деривационных) связей*; 4) анализ функционирования имён концептов в современном русском языке и их *синтагматических связей* (сочетаемости); 5) определение *парадигматических связей* имени концепта путем описания соответствующих групп лексики – синонимов, антонимов, семантических полей и др.; 6) сравнение использования слова-концепта с употреблением близкой (аналогичной) единицей в языках различных типов; 7) осуществление ассоциативного и/или психолингвистического эксперимента и т.д. (см.: [Антология концептов 2004–2008; Васильев, Барилковская 2008]).

Разграничим термин *концепт* и близкие (но не идентичные) однокоренные термины.

Концептум (*conceptum*, этимон слова) – исходная форма выражения концепта; «дописьменная история концепта» (Ю.С. Степанов); «первосмысл» (В.В. Колесов), проявляющаяся в семантической нерасчленённости (синкретизме) и подтверждаемая «множественной этимологией». Например: **bolg-/*bolog-* этимологи связывают с 'желанный, дорогой, ценный', 'большой', 'блестеть, сверкать, сиять', 'религиозный обычай, обряд', 'горю' 'призывает, поклоняется', 'господин молитвы',

‘лучезарный блеск’, ‘горю, пылаю, накаляюсь’, ‘полубожества – воплощения молнии’ [ЭССЯ II: 173, 193–194]; **dob-/*deb-* – ‘быть удобным’, ‘соответствовать’, ‘подходить, быть подходящим’, ‘храбрый, сильный, крепкий, плотный’ ‘делаться ловким, сильным’; ‘изящный, красивый, милый’, [ЭССЯ IV: 201–202; V: 45–46].

Слово-концепт (*conceptus*) – имя концепта. Слово-концепт – конечная форма развития концептума (этимона) и предельная форма концепта (выраженная чаще всего абстрактным именем существительным типа *благо, воля, добро, душа, правда, честь*). Имена концептов (подобно этимонам) имеют семантически «размытое» синкретичное значение, отличающееся национально-культурным «лексическим фоном» [Верещагин, Костомаров 1983: 77].

Остается дискуссионным вопрос о количестве слов-концептов. В словаре Ю.С. Степанова «Константы» содержится около 80 статей-очерков, например: *вечное, вечность, абсурд, Кащей бессмертный, баба-Яга, гражданское общество, терроризм, святые и праведники, черт, бес, блуд, славянофилы и западники, Буратино* и т.д. [Степанов 1997]. В «Словаре русской ментальности» В.В. Колесова – 2785 статей, например: *авось, ад, ангел, баба, балаган, баня, белиберда, берлога, болван, блажь, буква, брюзжание, буйство, ведать, величие, воскресение, восторг, гребень, деньги, дотошный, жаба, жалость, ум, хапуга, цвет, чело, чутьё, шабаш, шар, ширь, шиш, эхо, явь, Яга-баба* и т.д. [Колесов 2014].

Концепция (*conception*), по мнению В.В. Колесова, это «---система связанных между собой и вытекающих один из другого взглядов на концепты» [Колесов 2021]. В рамках концепции выстраиваются ментальные парадигмы, например: *подсознание – сознание – познание – знание, ощущение – представление – наутие, житие – жизнь – живот – жив(отное)* , *дух – духовность – душевность – душа, мышление – София – вера – надежда – любовь, лик – лицо – личина – личность, право – правда – правильность – справедливость, враг – противник – неприятель – супостат, путь – дорога – тропа – стезя, гнев – ярость – лютость – гроза, грусть – тоска – печаль – скорбь, стыд – стыдливость – срамота – срам, страх – трепет – ужас – боязнь* и др. [Колесов 2021: 157, 159, 267, 296, 318, 325, 414, 446, 463, 519, 522, 541, 551].

Анализ слова как когнитивного феномена, на наш взгляд, должно идти от **концептума** (этимона, «зерна первосмысла», «дописьменной

истории концепта») через изучение вербальных репрезентаций концепта как инварианта означаемого в **словах-концептах** (значения, понятия, все типы отношений) к **концепции** как системе взглядов, отражающей ментальные парадигмы в составе концептуального поля русского сознания.

Литература

Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Т. 1–6. – Волгоград, 2004–2008.

Васильев А.Д., Барилловская А.А., Вербализация концепта «терпение» в истории и современном состоянии русского языка. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2008. – 140 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1983. – 269 с.

Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в двух томах. – СПб.: Златоуст, 2014. – Т. 1: А – О. – 591 с. – Т. 2: П – Я. – 592 с.

Колесов В.В. Концептуальное поле русского сознания. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. – 612 с.

Пименова М.Вас. К вопросу о лингвистическом понимании концепта и методах его изучения // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. – Т. 2 / Под ред. Д. Шумска, К. Озга. – Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. – С. 231–238.

Пименова М.Вас. Герменевтические теории смысла и понятие концепта // Материалы XXXII Международной филологической конференции. – Вып. 18. Язык и ментальность. – СПб.: СПбГУ, 2003. – С. 44–45.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд (ЭССЯ) / Под ред. О.Н. Трубачева. – Вып. II. – М.: Наука, 1975. – 238 с.; – Вып. IV. – М.: Наука, 1977. – 235 с.; – Вып. V. – М.: Наука, 1978. – 231 с.

Ростовцева Светлана Андреевна
Челябинский государственный университет
Таскаева Анна Вячеславовна
Южно-Уральский государственный институт искусств
имени П.И. Чайковского,
Челябинский государственный университет
УДК 808.41

Представление о Боге в профессиональной концептосфере врача-хирурга

*концептосфера, концепт, бог, лингвокультурология,
врач-хирург*

Концепт БОГ является одним из основных в русской национальной картине мира. На становление концепта оказывают влияние фольклор, мифологическая и религиозная картина мира этноса, а также феномен литературоцентризма [Кондаков, 2017]. Согласно Т.Ю. Передриенко, понятийная составляющая концепта БОГ в русском языковом сознании включает такие признаки, как: «всеобщее мировое начало», «творение человека», «верховное всемогущее существо», «создатель, творец мира» и «правитель мира» [Передриенко 2006: 10]. В начале XX века (1918 г.) произошло сокращение концептосферы вследствие отмены преподавания церковнославянского языка и Закона Божия [Лихачев 1993: 162].

Концепт БОГ, по нашему мнению, может рассматриваться в контексте изучения лингвокультурного типажа «врач-хирург». В предыдущих исследованиях [Ростовцева 2022: 2008; Ростовцева, Таскаева 2022: 164] мы обнаружили, что в русском языковом сознании находит отражение божественная интерпретация хирургической деятельности. Пациент зачастую воспринимает встречу со специалистом-хирургом как проявление некоего высшего промысла, а успешно проведенное хирургическое вмешательство как деяние Божие. Степень вмешательства высших сил (Бог, судьба, вселенная) разнится в сознании пациентов от совпадения до прямого участия, метафорически представляющего руки хирурга руками Бога.

Цель исследования – выявить особенности представления о Боге в профессиональной концептосфере врача-хирурга. Материалом исследования послужили интервью врачей-хирургов (всего 31 интервью, общим объемом более 370 000 печатных знаков). Основные методы исследования – концептуальный и контент анализ в рамках диахронического подхода.

Все интервью были разделены на три группы, представляющие разные поколения врачей-хирургов: 1) Первое поколение – рожденные в 20-30 гг. XX века, на становление и формирование которых значительное влияние оказала Великая Отечественная война; 2) Второе поколение – рожденные в 40-60 гг. прошлого века – это специалисты, которые получили образование и начали медицинскую деятельность в послевоенные годы; 3) Третье поколение – рожденные в 70-90 гг. XX века – сформировавшиеся как специалисты в период распада Советского Союза, перестройки и становления России как государства.

Отношение к Богу и вопрос веры является чрезвычайно личным переживанием, поэтому упоминание собственных религиозных представлений встречается в текстах интервью спорадически. Дважды у первого поколения было обнаружено прямое описание своей религиозности. В первом случае хирург А.И. Левушкина упомянула о пройденном пути к вере: *«Нас никто не воспитывал в вере. Я к Богу пришла, когда мне было уже под 60»* (А.И. Левушкина). Второй случай можно интерпретировать как референцию к предопределенности через отсылку к роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: *«Надо всегда помнить о том, что Аннушка уже могла купить и даже разлить масло, поэтому оставьте хлопоты будущего дню завтрашнему»* (В.Е. Олюшин). Однократную вербализацию религиозных взглядов находим у второго поколения: *«Нет. Я человек неверующий, не верю в эту сказочку»* (М.И. Давыдов).

Если у первого поколения концепт БОГ практически отсутствует в медицинском нарративе, то второе поколение отличается стремлением к философскому осмыслению представления о Боге и его роли в профессиональной деятельности (5 из 10 интервьюируемых). Объединяющим является представление, учитывающее единственный признак концепта БОГ – «творение человека». Такие репрезентации рассматриваемого концепта, как «всемогущее существо», «создатель, творец миров», «правитель мира» [Передриенко 2006: 5], наиболее активно вербализуемые в русском языке, остаются за пределами профессиональной концептосферы врача-хирурга. В этом

контексте деятельность хирурга рассматривается как акт творения, приближенный к божественному (независимо от веры самого врача-хирурга). Приведем несколько иллюстративных примеров: *«Я всю жизнь занимался наукой и всю жизнь своими руками переделывал то, что создал Господь Бог»* (М.И. Давыдов); *«Мы же только первые после Бога. Мы же не Господь Бог. Знаете, в чем отличие хирурга от Бога? Бог не думает, что он хирург. А хирург из двух зол выбирает меньшее. А меньшее – это спасти жизнь человеку и удалить органы, которые уже поражены и не работают»* (А.В. Шабунин).

Хирургическая деятельность интерпретируется также как искусство, подобное божественному акту творения: *«Потому что гармония присутствует в самом строении человеческого тела. И задача хирурга — воссоздать эту гармонию, если она где-то была нарушена. Великий Гёте еще в 18 веке прозрел и увидел в хирургии божественное искусство»* (М.М. Алшибай).

Представление концепта БОГ в третьем поколении сопоставимо по числу упоминаний со вторым (5 из 10 интервьюируемых), однако качественно отличается по глубине осмысления. Наиболее характерным является устойчивое выражение «слава Богу», как в примерах: *«Слава богу, она выжила, выздоровела»* (И.М. Тятюшкин); *«Детей, у которых все прошло гладко, я забываю, наверно. И они, слава Богу, меня забывают»* (А. Лейман). У третьего поколения не представлено экзистенциального осмысления концепта БОГ, даже единичное сопоставление врача-хирурга и Бога служит скорее образным средством, указывающим на ситуации, когда помощь пациенту невозможна (*«Мы не боги и не можем всех спасти»* (А.А. Дудник)).

Помощь больному интерпретируется всеми тремя поколениями, прежде всего, как результат деятельности врача-хирурга. Представление о провидении и высшем участии в хирургической деятельности встречается в текстах интервью крайне редко. В первом поколении: *«И никто не знает, что там произошло. Бывает, даже опухоли рясасываются... Чудо!»* (В.А. Асташкин); во втором поколении: *«Но эти операции мы тогда выполняли на свой страх и риск, что называется, до первого прокола... Бог миловал»* (О.И. Луцевич).

В результате исследования текстов интервью врачей-хирургов разных поколений были выявлены особенности представления о Боге в профессиональной концептосфере врача-хирурга. Хирурги в основном избегают вербализации своей религиозной позиции. Наиболее часто концепт БОГ реализован в медицинском нарративе

поколения рожденных в 40-60 гг. XX в.; младшему поколению врачей-хирургов размышления о Боге не свойственны. Концепт БОГ представляет собой рефлексию и осмысление личности врача-хирурга и его профессиональной деятельности. Из всего спектра признаков концепта репрезентирован один – «творец живого». В исследуемых текстах специалист представляется тем, кто продолжает или исправляет работу Творца, гармонизируя работу человеческого организма.

Литература

Кондаков, И.В. Концептосфера русской культуры / И.В. Кондаков. Текст: электронный // ГИИ Художественная культура, 2017. – № 4 (22). – URL: <http://artculturestudies.sias.ru/2017-4-22/teoriya-hudozhestvennoy-kultury/5269.html> (дата обращения: 14.10.2022).

Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев. Текст: электронный // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 47–165. – URL: <https://www.lihachev.ru/lihachev/bibliografiya/4946/> (дата обращения: 14.10.2022).

Передриенко Т.Ю. Концепты «бог» и «дьявол» в русской и английской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Т.Ю. Передриенко. Текст: электронный. – Южно-Урал. гос. ун-т; Урал. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2006. – 22 с. – URL: <http://elar.uspu.ru/handle/uspu/155> (дата обращения: 14.10.2022).

Ростовцева С.А. Реализация лингвокультурного типажа «врач-хирург» в русском языковом сознании (на материале интернет-комментариев) / С.А. Ростовцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – Вып. 6. – С. 2006–2011. – Текст: непосредственный.

Ростовцева, С.А., Таскаева, А.В. Представления о враче-хирурге в языковом сознании россиян / С.А. Ростовцева, А.В. Таскаева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 3 (461). – Филологические науки. – Вып. 128. – С. 160–167. Текст: непосредственный.

Различия в понимании понятия «перевод» в отечественных и зарубежных переводческих школах

перевод, содержание, лексика, дискурс, переводоведение

Перевод, как и переводческая деятельность играет огромную роль в современном мире, а особую значимость получили после так называемого «информационного взрыва». Резкое увеличение объемов информации, привело к появлению огромного количества стран на политической карте мира, увеличению международных связей, что также повлияло на увеличение потребности передачи информации между разными государствами. В больших объемах выросли международные торговые, дипломатические отношения и международные переписки. Разумеется, что все эти изменения в мире не произошли без помощи перевода и переводчиков, которые выступают в качестве посредников между людьми, разной культуры и разных языков.

Отечественная школа перевода развивалась в направлении общей теории перевода. Термин «перевод» имеет значение особого вида речемыслительной деятельности, без разделения на формы и условия применения в речи. Одной из базовых качеств советской школы перевода, а в последующем российской школы, заключается в цели изучения перевода. Цель изучения заключается в переосмыслении сущности переводческого процесса, как особого вида интеллектуальной детальности, для дальнейшего применения в обучении профессиональных переводчиков. Основными деятелями данной школы являлись А.В. Федоров, Г.В. Чернов (в последующем переводчик Организации Объединенных Наций), В.Н. Комиссаров, Л.С. Бархударов, А.Д. Швейцер, Р.К. Миньяр-Белоручев, А.Ф. Ширяев и др.

Исследуя синхронный перевод А.В. Федоров, концентрировал внимание на проблемах лингвистического характера при создании общей теории перевода. В своей работе приводит различные правила устного перевода, но для всех видов переводческой деятельности общими являются два положения:

1) цель перевода – как можно ближе познакомить читателя (или слушателя), не знающего иностранного языка, с данным текстом (или содержанием устной речи);

2) перевести – значит выразить верно, и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка (в верности и полноте передачи – отличие собственно перевода от переклада, от пересказа или сокращенного изложения, от всякого рода так называемых «адаптаций»)» [Федоров 2002, 5: 62].

А.Ф. Ширяев провёл многочисленные исследования в области устного перевода, как особого вида деятельности человека. Ширяев «понимал перевод, как процесс сохранения содержания системы смыслов, которая демонстрирует с использованием знаков исходного языка, и в последующем преобразуется знаками переводимого языка» [Ширяев 1979: 100].

И.А. Кашкин в своих работах описывал, «что труд переводчика похож на труд писателя. Он подчеркивал, что при переводе одним из основных принципов является точность» [Кашкин 1954: 380]. Точность при переводе заключается в четком изложении информации содержания, смысла и идей научно-технического произведения.

Потребность в военных переводчиках появилась еще до Второй мировой войны, так «в 30-х годах прошлого столетия возникла необходимость в военных лингвистах, людях, свободно владеющих одним или несколькими иностранными языками и хорошо ориентирующихся в военном дискурсе, знающих военную лексику и военные реалии» [Шевченко 2019: 12].

Синхронный перевод также использовался в послевоенное время, одним из таких примеров является деятельность переводчиков на Нюрнбергском процессе (20 ноября 1945 г. – 1 октября 1946 г.). В ходе судебных заседаний переводы осуществлялись одновременно на 4 языках: на немецком, французском, английском и русском языках. Наряду с этим переводчики часто привлекались на рабочие заседания ООН, НАТО и Варшавского договора, что в дальнейшем послужило толчком к международному военному сотрудничеству.

Зарубежные школы. Переводческая деятельность и лингвистическая теория перевода в США начали своё формирование только к середине XX в. «Низкая оценка деятельности переводчиков была обусловлена также широко распространенным в США следствием развития в стране билингвизма взглядом на перевод как на «механический» процесс, который может осуществлять любой человек, хорошо

владеющий языками» [Полютова 1999: 44]. В начале XX века в США существовало как минимум три школы, которые занимались профессиональной подготовкой переводчиков. Одной из таких является Энн-аборская школа дескриптивной лингвистики, которая находится на базе Мичиганского университета. Основными направлениями изучения, проводимых учеными школы, заключалось в выявлении и решении ряда задач значений языковых единиц, которые являются неотъемлемой частью изучения семантики.

Центром переводческой деятельности во Франции и Канаде стала школа переводчиков на базе Монреальского университета. Многие из канадских деятелей этой школы публиковали свои произведения в Париже, а часть защищала свои научные работы в русле теоретической концепции Парижской школы переводоведения. Для истории переводческой деятельности важными деятелями и по сей день являются Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне, а также существенный вклад в развитие внес Ж. Мунэя, который рассматривал проблемы перевода посредством лингвистического подхода.

Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне в своей работе «Сопоставительная стилистика французского и английского языков рассматривали метод «перевода» как процесс преобразования эквивалентным способом в процессе конкретной языковой ситуации. Переводчик, согласно их сторонников, должен обратиться к более сложным приемам косвенного перевода, а именно: транспозиции, модуляции, соответствия и адаптации» [Прунч 2015: 44–45]. Другой известный языковед Жорж Мунэй один из первых кто впервые исследовал переводческую проблематику со стороны лингвистики. «Лингвистика обнаруживает возможность существования универсалий, основанных на общности функций или способов грамматической связи, равно как и возможность приравнивания друг к другу разнотипных структур, употребляемых разными языками в одних и тех же ситуациях» [Комиссаров 1999: 208].

В Западной Германии не было единой, централизованной переводческой школы, хотя многие деятели в сфере лингвистики и перевода внесли весомый вклад в решении многочисленных проблем в становлении современной теории перевода. Западногерманские переводоведы старались расширить функции переводчиков, и рассматривали как консультанта в экономической, политической и социальной жизни общества. Один из значимых деятелей западногерманского переводческого направления В. Вилса рассматривал процесс

«перевода, как приближение к идеалу» [Комиссаров 2011: 258]. Совместно с ним работал и другой переводовед Х. Крингс, который понимал перевод – как особый вид перевыражение мысли с родного языка на переводящий.

Таким образом, в различных отечественных и зарубежных переводческих школах по-разному понимали понятие «перевод». Согласно мнению известного переводоведа и одного из основателей отечественной школы перевода И.А. Кашкина, перевод — это четкое изложение информации содержания, смысла и идей художественного произведения. А.Ф. Ширяев, как один из деятелей в области переводоведения, рассматривал понятие перевод, как процесс сохранения содержания системы смыслов, которые демонстрируют с использованием знаков исходного языка, и в последующем преобразуются знаками переводимого языка. Французский переводовед и ведущий деятель Парижской школы перевода, Даница Селескович, утверждал, что перевод — это интерпретация, в которой происходит ряд преобразований с иностранного языка на переводимый.

Литература

Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). / А.В. Федоров. Для институтов и факультетов иностр. языков. – Учеб. пособие. – 5-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО Издательский дом «Филология три», 2002. – 416 с. (Студенческая библиотека).

Ширяев А.Ф. Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. – М.: Вониздат, 1979. – 183 с.

Кашкин И.А. О методе и школе советского художественного перевода // Знамя. – 1954. – № 10. – С. 141–153.

Шевченко М.А., Загайнов С.С. Методика обучения военных переводчиков профессиональному иноязычному дискурсу на основе компетентного подхода / под общ. ред. С.К. Гураль. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – 156 с.

Полютова Ольга Николаевна. Концептуально-историческое исследование переводоведения в США: дис. ... канд. филол. наук 10.02.20 / Полютова Ольга Николаевна; [Место защиты: Московский Государственный лингвистический университет Ордена Дружбы Народов], 1999. – 263 с.

Прунч Эрих. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. – М.: Р. Валент, 2015. – 512 с.

Комиссаров В.Н. Общая теория перевода: учебное пособие / В.Н. Комиссаров. – М., 1999. – 136 с.

Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение. – 2-е изд., испр. – М.: Р.Валент, 2011. – 408 с.

Рядовых Наталья Александровна
Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева
УДК 808.2–085

Когнитивная верификация как инструмент анализа информационного текста при обучении студентов-юристов

*когнитивная верификация, дифференциация информации,
риторика*

Профессиональная этика юриста рассматривает право как «средство реализации нравственно-гуманистических идеалов общества» [Ширяева 2018: 4], выделяя в качестве основополагающего начала стремление к истине. Принцип объективности истины, являясь общеобязательным требованием правоприменительной деятельности [Мусаелян 2009: 44], регулирует субъективные особенности восприятия, снижает риск потенциальных возможностей принятия несправедливых решений [Ролз 1995: 65]. Изучая всестороннюю информацию по юридическому делу, правоведа становится транслятором истины.

Очевидно, что реализация принципа объективности истины напрямую связывается с достоверностью получаемой информации. В настоящее время в обществе все отчетливее формируется запрос на правду. Исследователями отмечаются проблемы информационных искажений, которые обуславливаются «не различением лжи от истины, упразднением онтологической и аксиологической асимметрии между фактом (истиной) и вымыслом (ложью)» [Бочаров 2020: 103]. Недостоверная, лживая информация превращается в эффективный инструмент при аргументации определенного мнения и может использоваться как средство информационного противостояния. В сфере юриспруденции распознавание фальсифицированной информации приобретает значение необходимого профессионального навыка.

В процессе обучения студентов-юристов актуальными становятся методы когнитивной верификации, позволяющие устанавливать достоверность исследуемой информации. Будущим правоведам необходимо научиться дифференцировать истинные и ложные данные, выделять основания для разграничения «фактов и фактоидов»

[Бочаров 2020: 107], формировать объективную картину происходящего, сводя к минимуму «меру человеческой оценки», вырабатываемой в зависимости от социального статуса и материальной обеспеченности [Фейербах 464].

В юридическом вузе наиболее эффективным образовательным пространством для когнитивной верификации, направленной на распознавание истины, представляются занятия по риторике, которые проводятся в рамках дисциплины «Культура речи юриста». Специфика идентификации истинной (фактической) и ложной информации увязывается с представлением о системе понятий Аристотеля, отражающей правила восприятия речи слушающим, и системой понятий Квинтилиана, охватывающей основные этапы риторического канона, то есть правила создания речи говорящим [Рождественский 2015: 119–135].

В представлении Аристотеля более значимой полагается риторика восприятия речи: учитывая тип аудитории (уровень интеллекта, культуры, образования), в соответствии с которым подбирается определенная система доказательств, создатель речи наиболее успешно реализует коммуникативное намерение, достигает поставленной цели. В системе Квинтилиана, который выделяет в риторике искусство хорошо говорить, описываются механизмы формирования речи на всех этапах – от порождения до исполнения. На этапе изобретения речи (инвенция) прорабатывается тема, собирается материал, связанный с замыслом автора. Анализ собранного материала соотносится с этапом диспозиции, на котором продумывается расположение аргументов. Центр тяжести приходится на этап элокуции – релевантным представляется выбор наиболее удачных в семантическом и коннотативном отношении слов, стилистических приемов и фигур.

Поскольку опора на классическую риторическую систему позволяет придавать ложной информации внешнюю схожесть с истинной (фактической), важно вырабатывать умение распознавать средства фальсификации на каждом этапе создания речи, в том числе в связи с ориентированностью на определенный тип аудитории. Для решения этой задачи студентам предлагаются различные задания по когнитивной верификации информационных текстов.

В качестве примеров приведем формулировки следующих заданий: *проанализируйте механизмы создания недостоверной информации на этапах инвенции, диспозиции и элокуции; охарактеризуйте тип аудитории, на восприятие которой направлено следую-*

щее недостоверное сообщение; опишите средства этапа словесного выражения (элокуции), применяемые в тексте; найдите примеры недостоверной информации, обоснуйте ваши выводы с опорой на требования риторического канона и др.

Работа по когнитивной верификации информационных текстов позволяет студентам выявлять опорные точки дифференциации информации, подробный анализ которых дает возможность делать вывод о том, является ли данная информация достоверной. Прежде всего, это поиск коммуникативного намерения (интенции). Маркерами недостоверной информации могут выступать такие интенции, как психологическое принуждение, интенсивное убеждение, манипулирование и др. Важным фактором становится способность распознавать имплицитную интенцию, которая в недостоверном тексте способна экранироваться функцией информативности.

Следующей точкой дифференциации является определение типа аудитории. Для этого подробно анализируется этап диспозиции: определяется логическая схема текста, порядок расположения аргументов, делается вывод о наличии/отсутствии логической последовательности. Кроме того, исследуется этап элокуции: изучаются языковые средства, используемые на лексическом уровне (лексемы со значением возраста, пола, социального статуса, материального достатка и др.; наличие/отсутствие эмоционально-оценочной лексики, определение тональности эмоционально-оценочной лексики); на синтаксическом уровне обращается внимание на выбор синтаксических конструкций (простые/ сложные предложения, наличие/отсутствие причастных или деепричастных оборотов, вводных конструкций и т.д.)

Значимой дифференциальной точкой следует считать тему сообщения, заявляемую в названии текста. Анализ заголовка с высокой степенью вероятности позволяет спрогнозировать выявление недостоверной информации. Как правило, маркерами недостоверности становятся лексические единицы со значением категоричности, гипертрофированности признаков, императивности и пр.

Характеризуя информационный текст, студенты учатся работать с источниками информации, персонализировать авторов текста. Отрицательный результат атрибуции текста рассматривается как основание для того, чтобы считать изложенную в нем информацию потенциально недостоверной. Отсутствие дополнительных источников и собственно информационного текста в более широком информаци-

онном пространстве подтверждает вывод о недостоверности сведений. В случае положительной атрибуции для достижения объективности исследуются различные источники, сообщающие похожие сведения; в первую очередь происходит обращение к официальным источникам информации.

Анализ студенческих работ по когнитивной верификации информационных текстов показывает перспективность использования данного метода в образовательном процессе. Приобретая навык практической дифференциации истинной и ложной информации, студенты-юристы готовят себя к профессии, понимая, что «истина в юридическом деле должна быть полной, точной, действительной, т.е. объективной истиной в строгом философском значении этого слова» [Алексеев 2008: 532].

Когнитивная верификация информационного текста представляется полезным и необходимым навыком будущего юриста-профессионала.

Литература

Алексеев С.С. Общая теория права. – М.: Проспект, 2008.

Бочаров А.Б., Демидов М.О. Технология фактчекинга в борьбе с «информационным мусором»: проблемы и перспективы // Управленческое консультирование, 2020. – № 12. – С. 102–111.

Мусаелян Л.А. Юридическая правда: содержание и сущность концепта // Вестник Пермского университета, 2009. – Вып. 2 (4). – С. 36–50.

Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М.: Флинта: Наука, 2015.

Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995.

Фейербах Л. Сущность христианства // Сочинения: в 2 томах. – Т. 2. – М.: Наука, 1955.

Ширяева С.В. Профессиональная этика юриста. – М.: МПГУ, 2018.

**Номинативно-когнитивный потенциал собственно
метафоры *холодная война cold war* в русском
и английском языках**

*онтологическая метафора на основе перцептивного компонента,
холодная война cold war, лексема холодный cold, лексема война war,
дериваты, производные*

С лингвистической точки зрения особый интерес вызывает анализ особенностей возникновения и способов реализации собственно онтологической метафоры на основе перцептивного компонента *холодная война cold war*, а также ее дериватов и производных в русском и английском языках (с учетом номинативно-когнитивного потенциала исследуемых лексических единиц).

Собственно описываемая лексическая единица продуктивно используется для обозначения исторического периода противостояния, приравненного к псевдо мирному существованию стран на международной арене, и функционирует в указанных языковых картинах мира за счет процесса преобразования и трансформации двух метафорически измененных лексем война *war* и холодный *cold*.

Моделирование лексемы холодный *cold* в русском и английском языках происходит в рамках экспериенциальной семантики (семантика телесного опыта человека), которая предполагает непосредственное взаимовлияние перцептивных и ментальных состояний экспериенцера [Жантурина 2018: 25].

Необходимо отметить метод скалирования [Урысон 2006: 713-715], подразумевающий в данном контексте соотнесение значений пары признаков прилагательных, которые определяют естественные физические признаки предметов и явлений окружающей действительности, – холодный *cold* – горячий *hot*. В результате измерительных действий образуется своеобразная шкала горизонтального варьирования разнополярных температурных значений (холодный *cold* ← ... → горячий *hot*) при обязательном введении в рассмотрение усредненного значения (точка нулевого отсчета) [Савельева 2022: 249].

Посредством исследования области семантической деривации лексемы *холодный cold* (гаптический признак) в русском и английском языках [Савельева 2022: 252] было выявлено наличие основного компонента семантики, лежащего в основе метафорического переноса, – степень интенсивности проявления температурного аспекта (или признака). Употребление данной лексемы направлено на смещение главного фокуса внимания на драматичность и накал ситуации, происходящей на международной арене. Кроме того, следует говорить о проявлении оценочного суждения (на основе гаптического восприятия), выражающегося в стереотипном представлении о температурных явлениях. Так, отрицательные (низкие) значения температуры, как правило, оказывают отрицательное воздействие на восприятие окружающего образа, в то время как противоположные положительные (высокие) – пробуждают более приятные эмоциональные реакции.

Однако существование собственно метафоры *холодная война cold war* стало возможным не только за счет переосмысления лексемы *холодный cold*, но и за счет метафоризации лексемы *война war*.

В связи с усложнением процессов на мировом уровне в последние десятилетия повсеместно эволюционирует характер войны традиционной природы, соответственно, можно отметить появление дополнительных значений соответствующей лексемы в русском и английском языках. Современность характеризуется становлением новой реальности, в рамках которой человечество перманентно находится в состоянии конфликтов нового типа, трактуемых в терминах войны в широком понимании (например, информационная *information*, психологическая *psychological*, сетевая *network*, когнитивная *cognitive* война *war* и др.). Учитывая когнитивные аспекты в рамках исторического цивилизационного сдвига в траектории текущего развития, необходимо говорить о начале нового этапа, который приравнивается мнимому мирному существованию на фоне отсутствия реальных боевых действий – период *холодной войны cold war*, а впоследствии *новой холодной войны new cold war* или *холодной войны 2.0. cold war 2.0.*

Кроме расширения лексического потенциала собственно описываемой метафоры следует упомянуть порождение богатой на состав метафоры, которая подразумевает включение следующих компонентов: перцептивные морфологические (например, технологическая *tech cold war*, период холодной войны *cold war period*

и др.) и семантические дериваты (ментальная война *mental war*, когнитивная война *cognitive war* и др.), а также производные неперцептивные метафоры (имеющие непосредственное отношение к метафорике данного периода, например, метафоры «пояс Анаконды», американские кукловоды, ядерный шантаж) в русском и английском языках. Указанные единицы продуктивно расширяют сферу номинации различных предметов и явлений, функционирующих в политическом дискурсе.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что описываемый перцептивный признак, относящийся к гаптической области, (холодный *cold*) в рамках метафорического моделирования широкого понятия война выступает своеобразным фундаментальным основанием для обозначения концептов совершенно видоизмененного класса, отличного от телесного опыта человека.

Кроме того, происходит существенное переосмысление основ восприятия феномена война, вводятся новые рамки философского понимания данного понятия и его оформление в лексических границах на фоне изменения мироустройства.

Совокупное развитие метафорически изменённых лексем война *war* и холодный *cold* и их синтез приводит к образованию нового кластера в человеческом сознании. Носители русского и английского языков, опираясь на схожесть в становлении когнитивных структур концептуализации и категоризации исходных установок телесного и умственного опыта, реализуют однотипный сценарий актуализации и реализации лексем война *war* и холодный *cold*, в результате чего появляется возможность говорить о формировании собственно метафоры *холодная война cold war* и функционировании ее номинативно-когнитивного потенциала.

Литература

Жантурина Б.Н. Метафоры на основе перцептивного компонента (на материале русского и английского языков). – М.: Издательство «ФЛИНТА», 2018. – 164 с.

Савельева А.Ю. Перцептивный признак «холодный *cold*» при метафорической номинации областей абстрактного знания // Военно-гуманитарный альманах. – Серия «Лингвистика». – Выпуск № 7. – Том 1. / Материалы XVI Международной научной конференции по актуальным пробле-

мам языка и коммуникации «Язык. Коммуникация. Перевод». Москва Военный университет. 24 июня 2022 г. / под общ. ред. Н.В. Иванова. – М.: Военный университет Минобороны России, 2022. – С. 247–253.

Урысон Е.В. Семантика величины // Языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левинтона, А.В. Санников, Е.В. Урысон; Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 713–760.

Концепт *Кавказ* в аспекте когнитивного подхода

*когнитивный подход, имя собственное, концепт,
ономастический концепт, языковые репрезентации*

В настоящее время особенностью современной лингвистики и смежных с нею наук является расширение научных интересов и исследовательских процедур в изучении «языка через человека и человека через язык» [Щербак 2012: 27], и рассмотрение ономастических единиц в антропологической парадигме не является исключением. Исследование собственных имен, как и много веков назад, сегодня также является актуальным и востребованным не только в рамках языкознания, но и в области других гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Не укладываясь в узкие дисциплинарные рамки, имена собственные демонстрируют многоаспектность своего исследования, находя место в культурологии, страноведении, психологии, социологии, истории, этнологии, географии, когнитологии и др. Среди множества подходов и методов исследования имени собственного, ученые особенно отмечают когнитивный подход как новое магистральное направление, основанное на выявлении ментальных репрезентаций, закрепленных за языковой формой той или иной ономастической единицы.

Изучение когнитивных аспектов ономастических единиц как информационных квантов об окружающем мире сводится, прежде всего, к понятию концепт. Но концепт это не просто «сгусток» информации. Это совокупность знаний, образов, ассоциаций, представлений, чувств, эмоций, возникающих у человека как рефлексия на определенный стимул. Таким стимулом может выступать и имя географического объекта. Целью нашего исследования является изучение концепта Кавказ в рамках когнитивного подхода. При формулировке цели, закономерно возникает вопрос: все ли ономастические единицы (в нашем случае топонимы) могут обладать тем объемом различного рода информации и определенных смыслов, чтобы быть наделенными статусом концепта? Безусловно, нет. Согласно концеп-

ции Л. Грузберг, имя собственное может являться концептом при соблюдении трех условий: во-первых, содержание концепта наряду с семантикой обязательно включает в себя различные коннотации и оценочные характеристики; во-вторых, концепт всегда антиномичен: его содержание амбивалентно и одинаково логически убедительно; в-третьих, концепт – динамический феномен, который активно реагирует на изменения, происходящие в социуме [Грузберг 2002, 1].

С этих позиций, многочисленные исследования топонима Кавказ как в частных научных трудах и коллективных обсуждениях, так и в лексикографических источниках, отражающих объективное научное знание, представляют Кавказ не просто как важный территориально-административный, геостратегический, политический, экономический и поликультурный регион, но и как специфический ономастический концепт, как культурно-психологический феномен, отражающий и динамично формирующий мировоззренческие представления о Кавказе в коллективном сознании россиян.

Когнитивный подход в исследовании концепта Кавказ позволяет выявить языковые репрезентации, вербализующие концепт в различных типах дискурса, определить его номинативные и символические признаки, заложенные в денотативном содержании и ценностной составляющей структуры концепта. Кроме того, когнитивный подход в исследовании концепта Кавказ позволяет реализовать ментальный образ данного поликультурного региона в языковом сознании различных народов, выявить особенности его интерпретации и определить точки соприкосновения и возможности создания условий, способствующих укреплению межэтнических отношений и сохранению этнической идентичности в условиях глобализации и деэтнизации современного общества.

Проанализированный лингвистический материал о Кавказе, представленный в работах Ф.И. Джаубаевой, В.И. Шульженко, Е.А. Степановой, З.И. Гасановой, Л.А. Эмировой, З.Н. Акавова А.Х. Эркеновой и др., демонстрирует трансформацию концептуального осмысления топонима Кавказ в российской лингвокультуре с момента отражения этнических контактов русского и кавказского этноса в языке художественной литературы.

Так, в начале XIX века благодаря произведениям А.А. Бестужева-Марлинского, А.С. Пушкина, Ю.М. Лермонтова, Л.Н. Толстого в экстремальных условиях русско-кавказской войны в российском со-

циуме создается романтизированный образ Кавказа, наделенный такими коннотациями, как 'мужество', 'честь', 'гордость', 'высокие нравственные ценности горцев', 'доблесть', 'уважение', 'восхищение', 'героизм', 'стойкость', 'непокорность' и мн.др.

Русская поэзия начала XX века, связанная с именами С.А. Есенина, О.Э. Мандельштама, Н.С. Тихонова, Б.Л. Пастернака и др., демонстрирует новое осмысление Кавказа. Царская власть, а потом последовавшие советская политика и внутренние межэтнические военные конфликты наложили свой отпечаток на образ Кавказа, который стал мыслиться не как символ свободного духа и земля обетованная, а как символ войны, насилия, рабства и зарождения этнического манкрутизма [Эркенова 2011].

XXI век как время стремительного техногенного прогресса диктует свои условия, и язык, отвечая вызовам времени, безусловно, не может не реагировать на эти процессы. В этом плане не является исключением и топоним Кавказ, в концептуальном осмыслении которого опять происходят изменения: коннотации, связанные с войной и насилием отодвигаются на задний план, выдвигая вперед унифицированные признаки, связанные с географическим, историческим и этнокультурным восприятием данного региона в сознании российского социума (по данным ассоциативного эксперимента 2014 г. и произведениям современной прозы) [Сапиева 2015]. Здесь на главное место выступают природные красоты Кавказа, его жители и национально-культурные особенности, а также диаметрально противоположные явления: сохранение этнической идентичности и деэтнизация общества.

Дальнейшее исследование концепта Кавказ в рамках когнитивного подхода является актуальным и перспективным, поскольку Кавказ всегда вызывал и вызывает интерес не только в российском, но и в мировом сообществе, представляя собой уникальный регион и своеобразную модель межкультурного общения, изучение которой позволяет решать вопросы как собственно лингвистические, так и социопрагматические, которые ставятся жизнью на каждом этапе развития человечества.

Литература

Грузберг Л.А. Концепт, или отчего Америка – концепт, а Финляндия – нет? / Л.А. Грузберг // Филолог. – 2002. – № 1. – С. 58–61.

Щербак А.С. Ономастика в аспекте когнитивного подхода / Когнитивные основы региональной ономастики Тамбов, 2012. – Издательство: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Тамбов). – С. 27–39.

Эркенова А. Х. Концепт Кавказа в русской поэзии 20-30-х гг. XX века: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2011. – 26 с.

Сапиева С.К. Концепт Кавказ в российском лингвокультурном пространстве: когнитивно-дискурсивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Майкоп, 2015. – 22 с.

**Прогностический потенциал речевого акта
предупреждения в политическом дискурсе**

*речевой акт предупреждения, политический дискурс,
прогностический потенциал, прогноз-регулятив*

Интенциональную базу политического дискурса составляет борьба за власть [Шейгал 2000], которая воспроизводится и реализуется в дискурсе и посредством дискурса. В типологии дискурсивных способов реализации власти выделяется воздействующий потенциал ментально опосредованного управления будущими действиями адресата в форме прогнозов, планов, сценариев. Властный ресурс публичного дискурса, как утверждает Т.А. ван Дейк, реализуется «не столько аппаратом принуждения, сколько возможностью определять (описывать, объяснять, **прогнозировать, конструировать**) (выделено нами. – Д.С.) текущую ситуацию в обществе [Дейк 2015: 8]. В речеактовой организации политического дискурса Е.И. Шейгал выделяет речевой акт прогноза как специфическое средство ориентации, позволяющее формировать картины политической реальности в сознании членов общества и восполнять у них нехватку информации. Автор характеризует прогноз в совокупности признаков: 1) интенция адресанта; 2) экспликация лингвистическими маркерами референции к будущему; 3) рациональный источник информации [Шейгал 2000: 289]. Адресант-политик выполняет прогностическую деятельность, предметом которой являются экономические, социальные, политические перспективы развития государства и общества. Типологическими параметрами речевых актов прогноза выступают: а) степень категоричности; б) временная отнесенность; в) степень акциональности; г) оценочная направленность [Шейгал 2000: 289–290]. В условиях массовой коммуникации возрастает значимость прогноза и прогнозирования в формировании в сознании адресата моделей и сценариев значимых для социума образов будущих событий, ближайших и отдаленных перспектив, грядущих изменений [Панченко 2018]. Выделенные Е.И. Шейгал виды речевого акта прогноза вклю-

чают прогноз-ретроспекцию, прогноз-заключение, прогноз-рассуждение, прогноз-опасение и прогноз-регулятив, обладающий дополнительной интенцией побуждения к действию [Шейгал 2000: 289–291].

Политической коммуникации свойственна проекция в будущее, включающая прогнозирование последствий выбора или альтернативы для адресата, причем прогнозируемые последствия могут быть как благоприятными, так и негативными [Шейгал 2000: 52]. Пропозициональное содержание речевого акта предупреждения содержит суждение о возможном негативном событии и попытку побудить адресата понять, что из этого суждения вытекают для него неблагоприятные последствия [Семенова 2021: 53]. Условия успешности речевого акта предупреждения (информирование о негативных последствиях будущих событий, побудительная интенция предотвращения наступления потенциального события) коррелируют с параметрами темпоральности, оценочности и акциональности речевого акта прогноза, что, на наш взгляд, позволяет высветить прогностический потенциал речевого акта предупреждения.

Политики используют прогностический потенциал речевого акта предупреждения в целях имплицитного побуждения адресата к действиям, которые отвечают интересам власти. Воздействие на ментальные модели, знания, ценностные установки реципиентов позволяет «косвенно управлять их будущими действиями» [Дейк 2015: 93]. В период возможного объявления импичмента Д. Трамп обращается к адресату-электорату с негативном прогнозом, объектом которого являются социально значимые для адресата события *обрушение фондового рынка, всеобщее обнищание: If I ever got impeached, I think the market would **crash**, I think everybody would be **very poor*** [Foxnews]. Проспективная направленность актуализируется грамматическими формами сослагательного наклонения, актуализирующими предположительную модальность. Прогнозирование негативных последствий в случае импичмента содержит скрытую интенцию побуждения в расчёте на то, что адресат из пропозиционального содержания выведет импликацию ‘не поддерживайте импичмент’.

Прогностический потенциал речевого акта предупреждения может быть задействован в реализации тактики дискредитации политического противника. Так, например, Дж. Байден после победы на выборах 2020 года, подвергает критике безответственную экономическую политику экс-президента Д. Трампа, заявляя о ее разрушительных последствиях. Дж. Байден прогнозирует потерю американцами

пособий по безработице, предсказывает прекращение действий других мер государственной поддержки населения: This abdication of responsibility has **devastating consequences**. Today, about 10 million Americans **will lose unemployment insurance benefits**. In just a few days, government funding **will expire**, putting vital services and paychecks for military personnel **at risk**. In less than a week, a moratorium on evictions expires, putting millions **at risk** of being forced from their homes over the holidays [URL: <https://www.enca.com/news/biden-warns-devastating-consequences-trump-block-pandemic-relief>]. Прогноз выражен грамматически с помощью будущего времени (*will lose, will expire*). Нагнетанию образа пугающего будущего служат языковые единицы, эксплицирующие временные перспективы наступления негативного события *In just a few days, In less than a week* (*через несколько дней, менее чем через неделю*). Языковые единицы с отрицательной коннотацией *devastating, lose, unemployment, expire, at risk* вербализуют негативную оценку прогнозируемых событий. Футуристическую ориентацию реализует и языковая единица *at risk*, риторический повтор которой интенсифицирует идею грядущей экономической угрозы. Скрытая побудительная интенция актуализирует косвенный убеждающий характер дискурсивной власти и ее воздействие на предполагаемые действия реципиентов по поддержке политического курса Дж. Байдена.

Дискурсивная борьба за власть реализуется и в следующем примере речевого акта предупреждения. Во время предвыборной кампании Д. Трамп прогнозирует негативный сценарий развития событий, предвещая необходимость для всех граждан изучать китайский язык: Look, *China will own the United States if this election is lost* by Donald Trump. *If I don't win the election, China will own the United States. You're going to have to learn to speak Chinese*, you want to know the truth [Forbes]. На фоне эксплицированной интенции адресанта (прогнозирование возможного экономического порабощения США Китаем (*China will own the United States*)) выводится и имплицитная интенция – 'голосуйте за меня'. Таким образом, эксплицирована ассертивная иллокутивная сила (сообщение о негативных последствиях), а директивная иллокутивная сила (голосовать за кандидатуру Д. Трампа) выводится адресатами как коммуникативная импликатура. В данном примере применение тактики негативного прогнозирования является эффективной для реализации побудительной интенции, направленной на побуждение адресата к проголосованию за кандидата, за которого проходит агитация.

Метакомментирование журналистами скрытых смыслов и интенций политиков в новостных статьях свидетельствует о том, что вышеприведенные примеры речевых актов содержат иллюзию предупреждения. В дескрипциях анализируемых речевых актов предупреждения фокус направлен на ассертивную иллюкутивную цель, которая направлена на информирование адресата о негативных будущих событий. Для высвечивания ассертивной цели применяется придаточное с *that*: President Trump, in an exclusive interview with Fox News' Ainsley Earhardt, *warned that* the “market would crash” [Foxnews]. Также ассертивное значение пропозиционального содержания речевого акта предупреждения номинализируется ситуацией с *warn of*: «'You're gonna have to learn to speak Chinese': Trump *warns of* hostile foreign takeovers if Biden wins» [Forbes]; «Biden *warns of* 'devastating consequences' of Trump block on pandemic relief» [eNCA].

Таким образом, в речевом акте предупреждения обнаруживаются типологические признаки речевого акта прогноза, что свидетельствует о его прогностическом потенциале. Речевой акт предупреждения может рассматриваться как прогноз-регулятив, который обладает дополнительной интенцией побуждения адресата к действию. Политики-адресанты применяют тактику негативного прогнозирования потенциальных событий, тем самым эффективно конструируют информационное пространство и реализуют свои интенции, дискурсивно побуждая адресата к действиям в интересах власти.

Литература

Дейк ван Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. – М.: УРСС: ЛИБРРОКОМ, 2015. – 352 с.

Панченко Н.Н. Особенности жанра «прогноз» в массмедийном дискурсе / Панченко Н. Н. // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сб. трудов конференции. – Орел, 2018. – С. 126–136.

Семенова Т.И. Речевой акт предупреждения в англоязычном политическом дискурсе: когнитивно-прагматический анализ / Т. И. Семенова, Д.А. Скулимовская // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto». – Иркутск, 2021. – № 4 (31). – С. 48–63.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.-Волгоград: Перемена, 2000. – 365 с.

eNCA. – URL: <https://www.enca.com/news/biden-warns-devastating-consequences-trump-block-pandemic-relief> (дата обращения 05.09.2022).

Forbes. – URL: <https://www.forbes.com/sites/andrewsolender/2020/08/11/youre-gonna-have-to-learn-to-speak-chinese-trump-warns-of-hostile-foreign-takeovers-if-biden-wins/> (дата обращения 11.09.2022).

Foxnews. – URL: <https://www.foxnews.com/politics/trump-declares-market-would-crash-if-democrats-impeached-him> (дата обращения 06.09.2022).

Религиозные когнитивные иллюзии в политическом дискурсе

когнитивная иллюзия, когнитивная наука о религии, когнитивное искажение содержания, когнитивное искажение контекста, политический дискурс, Д. Трамп

Понятие когнитивной иллюзии используется в когнитивной теории манипуляции Мэйллата и Освальда [Maillat, Oswald 2011], основанной на теории релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон. Оптимальная релевантность сообщения подразумевает сохранение оптимального баланса между когнитивными усилиями, затрачиваемыми на обработку информации, и результатом (когнитивным эффектом) интерпретации.

Манипулятор, по мнению Майллата и Освальда, вмешивается в процесс обработки информации (processing) таким образом, чтобы интерпретация высказывания пошла в нужном ему направлении и стремится исключить возможность альтернативной интерпретации. Иными словами, манипулятор стремится создать когнитивную иллюзию – ситуацию, в которой интерпретация адресата ограничена или направлена особым образом.

Богатым ресурсом манипуляции является англо-американский политический дискурс, для которого, как показывает анализ, характерно наличие многочисленных цитат из Священного Писания и метафорических образов, соединяющих религиозное и политическое. Одним из примеров последних является политическое высказывание «Трамп подобен лживому купцу», принадлежащее Джеки Спир, члену Палаты представителей США (Rep. Jackie Speier, August, 1, 2021).

«Cult leader Jim Jones is similar to former President Donald Trump in the way they use their charisma to connect with disillusioned American and act as «merchants of deceit» (<https://edition.cnn.com/videos/media/2021/08/01/jackie-speier-jim-jones-donald-trump-gop-cult-like-rs-vpx.cnn>).

Rep. Jackie Speier (D-CA), who was shot by members of the Peoples Temple during the 1978 Jonestown Massacre, says she sees similarities between cult leader Jim Jones and former President Donald Trump in the

way they use their charisma to connect with disillusioned American and act as "merchants of deceit." Speier was shot five times on an airstrip in Guyana while accompanying a lawmaker to investigate the nearby cult (<https://edition.cnn.com/videos/media/2021/08/01/jackie-speier-jim-jones-donald-trump-gop-cult-like-rs-vpx.cnn>).

С целью анализа высказывания считаем возможным привлечь не только когнитивную теорию манипуляции, но когнитивную науку о религии.

В когнитивной науке о религии разделяются понятия «когнитивного искажения содержания» и «когнитивного искажения контекста» (content biases and context biases) [Gervais et al 2011; Cruz de 2014]. Когнитивное искажение содержания связано с возможностью принять не вполне объяснимые с точки зрения нормы или рациональности смыслы ввиду того, что они могут быть соотнесены с уже сформированной религиозной системой представлений или врожденными религиозными структурами. Когнитивное искажение контекста непосредственно зависит от источника смыслов: если существует доверие к источнику, смыслы принимаются без верификации, например, проповедь священника. Приятие смыслов также зависит от их удовлетворения когнитивному механизму интуитивных ожиданий: как не противоречащие механизму интуитивных ожиданий, так и максимально ему противоречащие мифы не получают развитие в системе религиозных представлений, но минимально-противоречащие (minimally counter-intuitive) имеют большой потенциал занять там место. Это происходит потому, что, с одной стороны, в силу минимального нарушения они не являются большой нагрузкой для когнитивной системы, а с другой стороны, нарушая ожидания, они привлекают и преобладают [Boyer 2000, 2001].

Приводимое в качестве примера для анализа высказывание удовлетворяет всем условиям когнитивного конструирования религиозного высказывания и является манипуляционной когнитивной иллюзией.

Во-первых, соблюдается условие наличия собственного опыта общения с религиозным лидером и способность на основании его делать авторитетные заявления об истинности или ложности религиозного опыта. Так, Дж. Спир пережила в 1978 г. нападение религиозных фанатиков культа «Храм Народов», основанного Дж. Джоунсом, что дает ей право рассматриваться как источник религиозно-политического откровения.

Во-вторых, в высказывании осуществляется установление связи с теологически базовой для адресата системой ценностей «Священное Писание». Согласно Второзаконию израильтянину не должно уподобляться лживым, любящим обман купцам: Do not have in your bag different weights, a great and a small; Or in your house different measures, a great and a small. But have a true weight and a true measure: so that your life may be long in the land which the Lord your God is giving you. For all who do such things, and all whose ways are not upright, are disgusting to the Lord your God (Deuteronomy 25:13-16). He is a merchant, the balances of deceit are in his hand: he loveth to oppress (Hosea 12:7 KJV).

В-третьих, высказывание минимально противоречит интуитивным ожиданиям на том основании, что Трамп как бизнесмен является купцом, торговцем, а поэтому, «имея двоякие весы, двоякие гири и ефу», может быть обманщиком и лжецом, а следовательно, и идеологически «мерзостным пред Господом Богом».

Подводя выводы, следует отметить, что исследование тенденций соединения религиозного и политического в англо-американском дискурсе и анализ потенциала манипуляций религиозно-политических мифов, образуемых как следствие этого процесса, может быть продуктивным при привлечении синтеза выводов когнитивной лингвистики и когнитивной науки о религии.

Литература

Boyer P. Evolution of a modern mind and the origins of culture: Religious concepts as a limiting case. In P. Carruthers & A. Chamberlain (eds.), *Evolution and the human mind: Modularity, language and meta-cognition*, 2000. – Pp. 93–112.

Boyer P., Ramble C. Cognitive templates for religious concepts: Crosscultural evidence for recall of counter-intuitive representation. *Cognitive Science*, 2001. – 25(4). – Pp. 535–564.

De Cruz H. Cognitive science of religion and the study of theological concepts. *Topoi*, 2014. – 33(2). – Pp.487–497.

Gervais W.M., Willard, A.K., Norenzayan, A., Henrich, J. The cultural transmission of faith: Why innate intuitions are necessary but insufficient to explain religious belief. *Religion*, 2011. – 41(3). – Pp. 389–410.

Kelemen D., 2004, Are children «intuitive theists?» Reasoning about purpose and design in nature. *Psychological Science*, 2004. – 15(5). – Pp. 295–301.

Maillat D., Oswald S. A pragmatic account of cognitive manipulation.
In Ch. Hart (ed.), *Critical discourse studies in context and cognition*,
2011. – Pp. 65-80.

**Парадоксальная характеристика эмоций в поэтической речи
(на материале поэтического корпуса НКРЯ)**

*парадокс, эмоции, поэтическая речь, поэтический дискурс,
Национальный корпус русского языка*

В статье в свете когнитивно-дискурсивного подхода рассматриваются парадоксы, основанные на нестандартной сочетаемости эмоциональной лексики с различными классами слов, а также особенности функционирования подобных парадоксов в поэтическом дискурсе.

Принципиально важной чертой поэзии является стремление к выразительности и экспрессивности, что проявляется в том числе в обращении к миру эмоций, на что указывает В.И. Карасик: «...поэзия представляет собой общение особого рода, насыщенное глубинными эмоциональными переживаниями и выражаемое в эстетически маркированных языковых знаках» [Карасик 2009: 26]. При этом эмоциональная насыщенность поэтической речи может быть связана не только с передачей, но и с изображением эмоционального состояния. По словам Б.И. Додонова, «мы часто пользуемся одним и тем же словом для обозначения разных переживаний, так что их действительный характер становится ясным только из контекста» [Додонов 1975: 23]. Соответственно, контекстуальное окружение позволяет конкретизировать эмоциональное переживание, вследствие чего «усложняются и способы отображения эмоций в языке, расширяются номинативные возможности изображения различных аспектов человеческих чувств» [Бабенко 1989: 134], в процессе чего может возникнуть противоречие между характером эмоции и ее отображением в речи.

Для уточнения характера эмоциональных переживаний в поэтической речи могут использоваться различные языковые средства. В частности, распространенной является характеристика с помощью эпитета, причем в некоторых случаях эта характеристика может противоречить самой сути эмоции, ее базовым когнитивным признакам.

В связи с этим рассмотрим особенности парадоксальной репрезентации эмоций на примере конкретной модели – модели адъективного словосочетания NAdj.

Наиболее очевидным случаем парадоксальной характеристики в адъективных конструкциях можно считать совмещение противоположных эмоций. Подобные синтагмы наблюдаются в том случае, когда переживание характеризуется эпитетом – производным от названия другой эмоции, например: *жалость злая* (Д. Самойлов); *в тоске веселой* (И. Жданов); *нежная злоба* (Н. Горбаневская); *безразличная страсть* (А. Миронов) и др. Чаще всего в таких случаях происходит интеграция противоположных эмоций, приводящая к созданию сложного, комплексного переживания.

Более многообразны и интересны те случаи, где парадоксальность синтагм обусловлена не соединением противоположных эмоций, а достигается иными средствами; в таких случаях характеристика эмоции осуществляется с помощью нестандартных и даже противоречащих ей когнитивных признаков. В НКРЯ можно обнаружить достаточно много примеров такого рода, которые можно сгруппировать в зависимости от характера эпитета:

– вкусовые ощущения: *сладкий ужас* (Ю. Мориц), *сладкая грусть* (Б. Ахмадудпина), *сладкий испуг* (Д. Новиков), *сладкий страх* (Е. Шварц), *мука сладкая* (Е. Шварц), *сладкая тревога* (А. Вознесенский), *сладкое отчаяние* (А. Баркова) и др.;

– цветовые характеристики: *бледно-черная любовь* (Е. Рейн), *темное веселье* (Ф. Искандер), *злость золотая* (Б. Рыжий) и др.;

– эмоциональное качество и внешнее выражение эмоций: *жизнерадостная злоба* (Ю. Мориц), *ласковый страх* (В. Блаженный), *счастье слезное* (Е. Шварц) и др.;

– температурные характеристики: *холодные страсти* (Н. Коржавин), *холодная любовь* (А. Блок) и др.;

– оценочные характеристики: *счастье окаянное* (А. Вознесенский), *любви беспросветной* (Г. Стратановский), *проклятое счастье* (Ю. Мориц) и др.

Можно отметить, что среди приведенных примеров преобладают случаи характеристики, в которых признак, приписываемый эмоции, связан с восприятием окружающего мира (вкус, цвет, температура и т. п.); следует отметить, что парадоксальность здесь идет рука

об руку с метафоризацией. Некоторые примеры связаны с нестандартной оценкой эмоции (*проклятое счастье, окаянное счастье*), а также с нетипичным внешним проявлением (*счастье слезное*).

Рассмотрим, например, стихотворение В. Перелешина, в котором парадоксальная характеристика связана с особенностями воздействия эмоции на человека:

Беспамятству пустое сердце радо:

Грусть ни о ком — живительная грусть.

Обычно отрицательные эмоции, в том числе и грусть, воспринимаются как деструктивные переживания, которые негативно воздействуют на человека, угнетая его, лишая сил. В данном же случае грусть (точнее, особая ее разновидность – грусть «ни о ком», то есть беспредметная) напротив, оказывается «живительной».

Парадоксальная характеристика эмоций в адъективных конструкциях может также сопровождаться иными лексическими и синтаксическими средствами, указывающими на парадоксальность. Так, в стихотворении Б. Рыжего парадоксальность создается не только за счет эпитета, но и за счет представления отрицательной эмоции – горя – как чего-то желанного, даже как предмета зависти:

А я хотел еще, когда ребенком был,

большого, светлого, чтоб как у взрослых, горя.

Рассмотрим также стихотворение Е. Шварц, в котором обнаруживаются случаи парадоксальной характеристики эмоций:

Мука сладкая, счастье слезное –

Только вами я и дорожу.

Парадоксальность в данном стихотворении обусловлена, с одной стороны, нестандартной характеристикой муки и счастья, с другой – совмещением этих эмоций в однородном ряду. Так, мука описывается с помощью эпитета «сладкая», счастье же, напротив, характеризуется как «слезное». Парадоксально ощущаемые счастье и мука объединяются в однородном ряду как наиболее значимые, ценные, глубокие переживания.

Довольно интересный случай представляет использование эпитетов «светлый» и «темный»/«мрачный» применительно к отрицательным и положительным эмоциям соответственно. Так, печаль как отрицательная эмоция традиционно характеризуется как нечто мрачное, темное и т. п. При этом существует прецедентный текст, в котором печаль характеризуется эпитетом, в большей степени характер-

ным для положительной эмоции, – «светлый». Речь идет о пушкинском стихотворении «На холмах Грузии лежит ночная мгла...»: *Мне грустно и легко; печаль моя светла.*

В Поэтическом корпусе НКРЯ встречаются различные формы интертекстуальности, связанные с пушкинской характеристикой печали. В этом отношении особый случай представляет лирика Н. Горбаневской: в ее стихотворениях, представленных в НКРЯ, сочетание «печаль светла» встречается пять раз, что говорит о сознательной рефлексии над пушкинскими строками.

В стихотворении В Сосноры встречается неточная, деформированная цитата: *Как говорится, грусть моя не светла, направо дверь-дурь белела.* Здесь есть указание на то, что имеется опора на прецедентный текст (*как говорится*), также об этом свидетельствуют синонимы (*грусть – печаль*).

Таким образом, можно говорить о значительном влиянии пушкинского текста на поэтическую речь, что подтверждают и материалы НКРЯ. Показательно, что первым по хронологии текстом, представленным в НКРЯ, в котором отмечается такая сочетаемость, было именно стихотворение А. Пушкина. В Поэтическом корпусе обнаружено 33 случая характеристики печали как *светлой*, тогда как противоположная ситуация – «темная радость» – отмечается лишь дважды, то есть прецедентный текст стал причиной некоторой асимметрии.

Частотность подобной характеристики печали заставляет задаться вопросом: можно ли считать конструкцию «печаль светла» парадоксальной? В связи с этим обратимся к стихотворению Н. Горбаневской, в котором данный эпитет предстает как стандартная и даже неотъемлемая характеристика печали: *и после всех пожарищ и побоищ // печаль, как ей положено, светла.*

Таким образом, подобная характеристика печали, как минимум в поэтическом дискурсе, становится стандартной, лишаясь парадоксальности. В то же время конструкции, в которых обнаруживается окказиональная соотнесенность положительных и отрицательных эмоций со светом и тьмой, но не настолько распространенные, сохраняют парадоксальный характер: *светлый стыд* (А. Межиров); *светлый детский страх* (А. Есенин-Вольпин); *И радость печальна, и скорбь светла* (А. Блок) и др.

Представление об эмоции при ее парадоксальной характеристике в поэтической речи может несколько модифицироваться, но в то

же время некоторые эпитеты могут со временем утрачивать парадоксальный характер, становясь стандартной поэтической формулой.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00352, <https://rscf.ru/project/22-18-00352/>

Литература

Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1989. – 184 с.

Додонов Б.И. Классификация эмоций при исследовании эмоциональной направленности личности / Б.И. Додонов // Вопросы психологии. – 1975. – № 6. – С. 21–33.

Карасик В. А. Языковые ключи / В.А. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.

Поэтический корпус // Национальный корпус русского языка: [сайт]. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html#> (дата обращения: 28.09.2022).

**Когнитивные основания репрезентации
противоположностей китайским иероглифическим
письмом**

*антонимия; иероглифическое письмо; противоположность;
когнитивные основания; китайский язык*

Иероглифическое письмо китайского языка, будучи идеографическим по своему типу, позволяет в графике указать на семантику знаков путем ввода смысловых компонентов – ключей (礻 ‘алтарь’, 木 ‘дерево’, 弓 ‘лук’, 止 ‘шаг’, 阝 ‘холм’ и др.). Так, например, ключ 礻 ‘алтарь’ формирует систему из 487 единиц, обозначающих такие явления, как 福 ‘счастье’, 祸 ‘бедствие’, 祖 ‘предок’, 祝 ‘моление’, 祥 ‘счастлирое предвестие’, 祀 ‘жертвоприношение’, 礼 ‘этикет’, 社 ‘божество земли’, 神 ‘божество’, 祠 ‘весеннее жертвоприношение’ и др. При этом становится очевидным, что данный ключ является производящей основой для иероглифов с различными, но семантически связанными с этим ключом значениями. Данные иероглифические объединения оказываются специфическими семантическими областями, не совпадающими, как правило, с тематическими группами единиц китайского языка. Это приводит к заключению, что обозначения таких базовых для человека категорий, как противоположности, также семантически неравномерно распределяются в рамках разных иероглифических гнезд. Следовательно, возникает вопрос относительно того, каким образом происходит их графическое обозначение и что лежит в основе данных иероглифических номинаций.

Анализ антонимических пар иероглифов китайского языка показал, что могут быть выделены две основные когнитивные линии. 1). Общий смысловой компонент и, соответственно, общий мотивировочный признак – когнитивное основание для антонимической пары, например, 精 ‘тщательно’ - 粗 ‘поверхностно’ (米 ‘зерно; рис’), 左 ‘лево’ - 右 ‘право’ (又 ‘правая рука’), 进 ‘вперед’ – 退 ‘назад’ (止 ‘шаг’), 明 ‘светлый’ - 暗 ‘темный’ (日 ‘солнце’), 朝 ‘утро’ – 夕 ‘вечер’ (月 ‘луна’) и др. [Дин 2018: 34].

2). Различные смысловые компоненты и, следовательно, разные основания для номинации противоположных явлений, например, 高 ‘высокий’ (高 ‘здание’) – 矮 ‘низкий’ (矢 ‘стрела’), 黑 ‘черный’ (黑 ‘человек с клеймом на лице’) – 白 ‘белый’ (白 ‘зерно; большой палец руки’), 长 ‘длинный’ (长 ‘человек с длинными волосами’) – 短 ‘короткий’ (矢 ‘стрела’), 盈 ‘избыток’ (皿 ‘емкость’) – 亏 ‘нехватка’ (亏 ‘изображение выхода внутренней энергии’) и др. [Цзоу 2007: 121].

Общие когнитивные основания для репрезентации противоположных понятий китайским письмом могут представлять собой:

1). описание характеристики через объект, для которого она наиболее характерна (например, 精 ‘тщательно’ – 粗 ‘поверхностно’. Общий ключ – 米 ‘зерно; рис’, который в представлении носителей китайского языка обладает двумя противоположными характеристиками: гладкий – обработанный и грубый – необработанный);

2). выражение абстрактных сущностей путем ввода смыслового компонента – предметного имени (например, 福 ‘счастье’ – 祸 ‘бедствие’. Общий ключ – 礻 ‘алтарь’, что свидетельствует об общем признаке, который положен в основу данного наименования. Понятия ‘счастья’ и ‘бедствия’ по осознанию древних китайцев связаны с божествами и предками, поэтому у иероглифов 福-祸 общий ключ – 礻 алтарь как площадка для жертвоприношения);

3). отражение временных точек или характеристик через природные явления и объекты (например, 朝 ‘утро’ – 夕 ‘вечер’, общий ключ – 月 ‘луна’ или 明 ‘светлый’ – 暗 ‘темный’, общий ключ – 日 ‘солнце’);

4). описание направлений через инструмент указания, например, 左 ‘лево’ – 右 ‘право’ (общий ключ – 又 ‘правая рука’) или единицы передвижения (进 ‘вперед’ – 退 ‘назад’, общий ключ – 止 ‘шаг’);

5). репрезентация в графике партитивной семантики через холоним, например, 本 ‘ствол’ – 末 ‘верхушка’, общий ключ – 木 ‘дерево’, примечательно, что у данной пары антонимических иероглифов 本-末 в речевой практике развились значения ‘главный’ и ‘второстепенный’;

6). выражение начала и конца через предметное имя, отражающее используемый в течение всего отрезка времени объект, например, 即 ‘начало трапезы’ – 既 ‘конец трапезы’, общий ключ – 冫 ‘емкость с едой’, что свидетельствует об общем признаке, который положен в основу данного наименования, 即 – идеограмма создана из

ключа 'емкость с едой' и изображения сидящего человека лицом к емкости; а 既 – идеограмма создана из общего ключа и изображения сидящего человека спиной к емкости, у данных антонимических иероглифов 即– 既 в последующем развились другие антонимические значения, в частности, 'скоро' – 'уже'.

7). репрезентация качественных характеристик через предметное имя. Например, 贵 '(товар) дорогой' – 贱 '(товар) дешевый'. Общий ключ – 贝 'ракушка', что свидетельствует об общем признаке, который положен в основу данного наименования. Ракушки в начальной истории китайской цивилизации играли роль денег. [Цзя 2016: 147].

Таким образом, описание в китайской иероглифической системе противоположностей происходит путем выбора как единого, так и различного основания для описания представлений. При этом единым основанием выступают, как правило, обозначения предметных имен, объектов природы или человека, отражая две противоположные стороны как наиболее прототипические его свойства.

Литература

Дин Цзин. Семантическое исследование антонимов китайского языка / Цзин Дин. – Пекин: Изд-во «Пекинский университет», 2018. – 164 с. = 丁晶. 汉语反义词的词汇语义学研究. – 北京: 北京大学出版社, 2018. – 164页。

Цзоу Сяоли. Объяснения форм и значений основных китайских иероглифов / Сяоли Цзоу. – Пекин: Изд-во «Чжун Хуа Шу Цзюй», 2007. – 246 с. = 邹晓丽. 基础汉字形意释源. – 北京: 中华书局, 2007. – 246页。

Цзя Цинь. Исследование антонимов древнекитайского языка / Цинь Цзя. – Ханчжоу: Изд-во «Чжэцзянский университет», 2016. – 254 с. = 贾芹. 上古汉语反义词研究. 杭州: 浙江大学出版社, 2016. – 254 页。

Актуализация семантико-синтаксического фрейма «человек труда» в текстах отечественных интернет-изданий

*фрейм, труд, актант, сирконстант, предикат, пропозиция,
человек труда*

В настоящее время наблюдается тенденция к положительному освещению фрейма «человек труда» в СМИ, что обусловлено возвращением к национально-культурной системе ценностей. Положительная коннотация компонентов фрейма «человек труда» формируется в том числе в интернет-изданиях.

Источниковой базой исследования фрейма «человек труда» послужило общественно-политическое интернет-издание iz.ru. Сайт iz.ru является электронной версией одного из крупнейших печатных изданий России – газеты «Известия». Нами проанализированы материалы, размещенные на сайте iz.ru с июня 2022 года по октябрь 2022 года.

В результате анализа особенностей функционирования фрейма «человек труда» в указанный период на сайте iz.ru мы выявили следующие содержательные характеристики фрейма в рамках новостных материалов:

1) Человек тянется к труду, так как реализует посредством труда личностный потенциал.

*В этот день принято чествовать преподавателей, благодарить их за **труд** и вклад в воспитание подрастающего поколения [В России].*

2) Труд воспринимается как способ существования человека в целом.

*Хотя дети – **труд** жизни многодетной матери, который можно показать, только когда все они встанут рядом [Родительский].*

3) Эффективность труда зависит исключительно от вклада человека в дело. Человек может достигнуть мастерства только через упорный труд.

Знания и упорный труд каждого из вас позволили завоевать пять наград высшей пробы [Путин].

4) Труд определяет положение человека в обществе.

Звание присваивают за многолетний и добросовестный труд [В Подмоскowie].

Актуализированные в рамках семантико-синтаксического фрейма «человек труда» компоненты встраиваются в терминалы, которые могут быть описаны как определенные, иерархически организованные элементы структуры фрейма, для которых именно их положение в структуре является показателем значения/функции [Минский 1979: 7–10].

Каждый терминал включает предикат, окружение которого составляют актанты (значимые участники ситуации) и сирконстанты, заполняющие прочие валентности предиката, то есть речь идет о любых членах предложения, актуализирующих обстоятельства ситуации, названной предикатным словом.

При первичной актуализации фрейма «человек труда» нами выявлена пропозиция *X трудится (работает)*, где *X* – любой производитель основного действия фрейма. В рамках ядерной пропозиции исследуемого фрейма главным опорным элементом выступают предикаты *трудиться, работать*, называющие ключевое действие фрейма.

К терминалам первого уровня (ядерной области фрейма) можно отнести наиболее типичные в рамках развертывания стереотипной ситуации действия, характеризующиеся ядерными предикатами *работать, трудиться* (то есть `осуществлять деятельность в целом`). Первым термом (актантом) будет являться основной производитель действия, то есть *тот, кто трудится* – иницирующий действие субъект:

Бухгалтер, который трудится в индустрии ИТ [Россиянам]. В данном случае первый терм – бухгалтер, предикат – *трудиться*, валентность предиката заполняет сирконстант *в индустрии ИТ*.

К терминалам второго уровня фрейма ЧЕЛОВЕК ТРУДА можно отнести ситуации, в которых производителем действия является тот же терм (*тот, кто трудится*), однако его действия не входят в ядерную область фрейма «человек труда», а сопровождают основное действие фрейма, то есть конкретизируют, предшествуют ему, сопровождают и так далее. Рассмотрим на примере:

Наиболее талантливые и трудолюбивые профессионалы получают награды от руководства [Международный].

Первый терм – (*трудолюбивые*) *профессионалы*, предикат – *получают*, также в ядерную область фрейма в данном случае входит объект при переходном глаголе – *награду* (обязательная активная валентность при неполной предикации в глаголах по типу *иметь, держать* и т.д.).

Ко второму терминалу фрейма также отнесем примеры по типу *повышать производительность, рассчитывать на зарплату*. Также сюда входят конкретные профессиональные действия по типу *руководить предприятием, лечить людей, печь хлеб*:

Домашний хлеб, который выпекают мастера своего дела, получается свежим, пышным и румяным [Передвижные]. Первый терм – *мастера (своего дела)*, предикат – *выпекают*, валентность предиката заполняет прямой объект (*домашний*) *хлеб*.

Терминал третьего уровня характеризуют орудийные термы. В исследуемом материале встречаем их в таких ситуациях, как, к примеру, *заводы строятся, производство запускается*:

Власти Москвы планируют запустить автозавод «Москвич» к концу года (заголовок материала от 08.09.2022).

Терминалы четвертого уровня относятся действия косвенных участников ситуации по типу *гордиться достижениями/результатами чьего-то труда*.

Вы по праву гордитесь именами и выдающимися достижениями своих предшественников <...> в отрасли традициями доблестного, самоотверженного труда и товарищеской взаимовыручки [Поздравление].

Таким образом, мы видим, что во всех приведенных примерах происходит положительное освещение типизированных ситуаций, актуализируемых в рамках фрейма «человек труда». Встреченные нами контексты говорят о том, что исследуемый фрейм входит в сферу ценностно значимых и мифологизированных в обществе, так как в используемых языковых конструкциях упор делается на актуализацию ценности трудовой деятельности человека в целом. В этом и состоит прагматический аспект описываемого явления, благодаря которому складывается ситуация, когда при чтении текста адресат оказывается в состоянии выстраивать предположения относительно того, что далее в тексте речь пойдет о прославлении труда.

Литература

Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.

Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.

В России празднуют День учителя // Известия. – URL: <https://iz.ru/1405466/2022-10-05/v-rossii-prazdnuiut-den-uchitelia> (дата обращения: 05.09.2022).

Родительский подвиг: как будут поощрять «Матерей-героинь» // Известия. – URL: <https://iz.ru/1380483/sergei-gurianov/roditelskii-podvig-kak-budut-pooshchriat-materei-geroin> (дата обращения: 17.08.2022).

Путин поздравил победителей прошедшей в Швейцарии олимпиады по физике // Известия. – URL: <https://iz.ru/1366749/2022-07-18/putin-pozdravil-pobeditelei-proshedshei-v-shveitsarii-olimpiady-po-fizike> (дата обращения: 18.07.2022).

В Подмосковье жители смогут получить звание ветерана труда через портал госуслуг // Известия. – URL: <https://iz.ru/1371678/2022-07-28/v-podmoskove-zhiteli-smogut-poluchit-zvanie-veterana-truda-cherez-portal-gosuslug> (дата обращения: 28.07.2022).

Россиянам назвали самые высокооплачиваемые профессии в ближайшие 10 лет // Известия. URL: <https://iz.ru/1402972/2022-09-29/rossiianam-nazvali-samye-vysokooplachivaemye-professii-v-blizhaishie-10-let> (дата обращения: 29.09.2022).

Международный день переводчика – 2022: история и традиции праздника // Известия. – URL: <https://iz.ru/1396556/2022-09-29/mezhdunarodnyi-den-perevodchika-2022-istoriia-i-tradicii-prazdnika> (дата обращения: 29.09.2022).

Передвижные хлебозаводы для российских военных // Известия. – URL: <https://iz.ru/1349635/2022-06-15/v-donbasse-organizovali-peredivizhnye-khlebozavody-dlia-rossiiskikh-voennykh> (дата обращения: 15.07.2022).

Поздравление работников и ветеранов угольной отрасли с Днем шахтера // URL: <https://iz.ru/1386330/2022-08-28/putin-pozdravil-rabotnikov-i-veteranov-ugolnoi-otrasli-s-dnem-shakhtera> (дата обращения: 28.08.2022).

Толмачева Ирина Николаевна
Якимова Олеся Александровна
Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина
УДК 81'42:32:811.111

Роль лексических и грамматических средств в формировании бесконфликтных смыслов в политическом дискурсе

*бесконфликтные смыслы, политический дискурс, дебаты,
языковые средства*

Проблема снижения конфликтности в языковой коммуникации стоит весьма остро в современном обществе и, соответственно, «на передний план выходит проблема языкового взаимодействия между участниками коммуникативных процессов» [Болдырев 2022: 25].

Особого внимания в этом контексте заслуживает, на наш взгляд, политический дискурс, которому изначально присуща некоторая агрессивность, напористость, ориентированность на убеждение и переубеждение, причем не отдельного, единственного собеседника, а большой группы, общности людей. Разделяем мнение В.З. Демьянкова, согласно которому «общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок» [Демьянков 2002: 38]. При этом у политиков возникает необходимость так выстраивать высказывания, чтобы не вызвать конфликтное восприятие у слушающих, способствовать формированию у них такой картины мира, в которой, например, сложные или непопулярные политические решения звучат приемлемо, допустимо, удовлетворительно, не вызывают конфликтной интерпретации.

Направляя исследование в русло политического дискурса, заметим, что несмотря на существование большого числа работ, посвященных анализу речей политиков, его описание через призму идей языковой бесконфликтности осуществляется впервые. В работе применяются современные методы когнитивного анализа взаимодействия концептуальных систем участников коммуникации, а также средств создания бесконфликтных смыслов в языковом общении, в том числе в разных типах дискурса. Представляется интересным

определить способы и степень ослабления интенсивности потенциально конфликтных высказываний за счет употребления определенных лексических и грамматических средств английского языка.

В круг настоящего исследования входят дебаты с участием бывшего премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона, известного миру своими яркими высказываниями, создающими тонкую грань между конфликтной и бесконфликтной коммуникацией. Внимание сосредоточено на дебатах, посвященных обсуждению темы коронавируса в Соединенном Королевстве, вызвавшей ряд спорных вопросов и противоречий в обществе.

Анализ языкового материала показывает, что в целях снижения конфликтности между участниками дискуссий используется весьма широкий ряд как лексических, так и грамматических средств. Рассмотрим конкретные примеры использования тех или иных языковых средств для формирования бесконфликтных смыслов в процессе политической дискуссии.

Например, в дебатах британского парламента наблюдаем употребление формы 3 лица единственного числа при обращении к собеседнику, а также этикетные формулы обращений *the/my right hon. Gentleman / Lady / Friend / Members*, подчеркивающих традиционность и неизменность уважительного обращения, а также значимость фигуры собеседника и его мнения.

В проанализированных примерах использование имени существительного *friend* указывает на формальную дружественность общения даже при несовпадении взглядов и мнений, а форма обращения *the right hon.* подчеркивает неизменный уважительный характер отношения к собеседнику, что снижает риск возникновения конфликтной коммуникации даже в ситуации перебивания выступающего, когда он еще не закончил говорить, другим лицом, как в следующем примере: *The right hon. Gentleman should bear with me; I have not quite finished.*

Широко распространено употребление других этикетных конструкций в процессе парламентских дебатов. Когнитивная сущность этикета заключается, на наш взгляд, в том, что слова речевого этикета дисциплинируют, создают определенную рамку (тональность) общения, возвращают к внешнему порядку коммуникации даже в случае серьезных разногласий между собеседниками: *With permission, Mr Speaker, I will make a statement on the omicron variant and our measures to contain this virus, fortify our NHS and keep our country open.*

I had the honour of joining an army of volunteers at my local vaccination hub over Christmas to help to get people jabbed. I warmly welcome the boost that the Prime Minister gave to the “Get Boosted Now” programme.

В стремлении произвести благоприятное впечатление на аудиторию и настроиться на бесконфликтное взаимодействие участники дебатов часто начинают свою речь со слов благодарности. Чаще всего используется глагол *thank*, например: *I thank the Prime Minister for his statement today. I thank the Prime Minister for giving me advance sight of his statement.*

При анализе дебатов наблюдаем частотное использование модальных глаголов, употребление которых позволяет говорящему не только выразить свое отношение к тому или иному действию, и даже шире – факту, событию, мнению, но и может способствовать снижению конфликтности высказываний по отношению к другим выступающим, например, с использованием модального глагола *should*: *And as the right hon. Member for Ashton-under-Lyne (Angela Rayner) should know, we are investing more per head than any other country in Europe. He should take back some of his more intemperate remarks, which do him no credit at all.*

Рассмотрим текстовый фрагмент, в котором отмечено использование целого ряда модальных глаголов: *The other thing I would say is that I do not want to keep you here forever, Prime Minister, but a lot of people are standing to be called and we do want to hear from them, so it might be easier for you if you could shorten some of the answers.*

Для того чтобы сделать высказывание мягче и продемонстрировать вежливое обращение к аудитории говорящий прибегает к употреблению модального глагола *would*, а посредством глаголов *might* и *could* деликатно указывается на необходимость выполнить определенный ряд действий.

В другой текстовой иллюстрации дебатов фигурируют модальные глаголы *have to* и *can*, которые, с одной стороны, используются для увеличения значимости говорящего в глазах аудитории, а с другой – несут посыл к созданию атмосферы бесконфликтной коммуникации: *We have to remain cautious, and I am afraid that I cannot tell the House that we can rule out absolutely everything to protect the public, but as I said to the country last night, I am confident – that is why I am repeating it today – that we can get through this wave of omicron with the balanced and proportionate approach that we are taking.* С помощью место-

имения *we* и модального глагола *have to* говорящий вежливо подчеркивает, что он и аудитория имеют дело с твердой необходимостью совершения действий. При этом модальный глагол *can* указывает на возможность их выполнения и несет смысл призыва, помогая говорящему тактично склонить аудиторию на свою сторону и убедить в своей правоте.

Вместо прямого побуждения к изменению своего мнения или выражения желания оспорить сказанное используется модальный глагол *may*, который сильно снижает резкость высказывания, трансформируя его в вежливый вопрос или некатегоричное суждение: *May I ask my right hon. Friend to also take the long view? May I press the Prime Minister on a couple of previous answers? You may not like it, but that is the reality.*

При обсуждении различных точек зрения участники парламентских дебатов часто прибегают к использованию модального глагола *may* со значением предположения. Говорящий не навязывает свою точку зрения, а корректно излагает предположения, прогнозы и, тем самым, исключается возможность развития конфликтного взаимодействия, например: *I know that some hon. Members may therefore ask whether that means we can now do away with measures altogether... Faced with those pressures on our NHS, I know that some Members may ask the opposite question...*

В заключение еще раз отметим, что в формировании бесконфликтных смыслов в политическом дискурсе важную роль играют как лексические, так и грамматические средства языка. Совокупность этикетных формул, модальных глаголов, личных местоимений в форме 3 лица единственного числа при обращении к собеседнику и других языковых средств обеспечивает предсказуемость речевого поведения участников дебатов, концептуальное и языковое взаимодействие, что позволяет избежать конфликта в общении, сгладить «шероховатости» коммуникации. Перспектива исследования видится в детальном изучении лексических единиц неагрессивной семантики, а также грамматических и синтаксических средств снижения языковой конфликтности.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>

Литература

Болдырев Н.Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования // Когнитивные исследования языка, 2022. – № 4 (51). – С. 25–30. Текст: непосредственный.

Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – № 3. – С. 32–43. – Текст: непосредственный.

Covid-19 Update. Hansard. UK Parliamentary: [сайт]. – URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2022-01-05/debates/22010526000001/Covid-19Update> (дата обращения: 25.09.2022). – Текст: электронный.

Macmillan Dictionary. – URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/that> (дата обращения: 10.10.2022). – Текст: электронный.

**Квантитативная метафора с компонентом «море»
в русском и китайском языках**

*метафора, квантитативность, семантика, количество,
китайский язык, компонент «море»*

Квантитативная метафора, понимаемая в лингвистике как описание количества путем использования единиц, первоначальная семантика которых не предполагает их функционирование в качестве измерителей (например, *голова проблем, капля любви, гора счастья* и др.), не раз становилась объектом лингвистического анализа [Киклевич 1998: 75; Рахилина 2020: 84; Ли 2000: 129; Хэ 1991: 43; Чэнь 1951: 150]. Подсистема данных единиц оказывается различной в разных языках мира. Определено также, что не все квантитативные единицы входят в метафорические конструкции указанного нами типа [Михалькова 2018: 70]. Более того, не все обозначения сущностей могут быть конститuentами метафорических квантитативных конструкций. Так, относительно абстрактных сущностей общей для английского, китайского и русского языков тенденцией является квантификация признака, выраженного абстрактными именами, которые могут быть отнесены к таким лексико-семантическим классам, как *любовь, нежность, расположение, отчаяние, печаль, уныние, мысль, замысел, сознание, ум, разум, интеллект, злоба, гнев, рассерженность*, например, в английском языке – *ball of despair* 'шарик отчаяния', *cloud of despair* 'облако отчаяния', *drop of wisdom* 'капля мудрости', *grain of intelligence* 'зерно интеллекта', *cloud of love* 'облако любви', *reservoir of tenderness* 'резервуар нежности', *slug of anger* 'порция гнева', в китайском языке – *一滴爱* 'капля любви', *一滴柔情* 'капля нежности', *一股伤心* 'струя печали' и др., в русском языке – *глыба отчаяния, ни капли печали, доля уныния, струйка мысли, крупица замысла, сосуд ума, гора разума, остаток интеллекта, море злобы* и др. [Михалькова 2018: 70].

Следовательно, становится очевидным, что в разных языках наполнение квантитативной конструкции оказывается различным как

относительно слова-измерителя (квантитатива), так и слова-измеряемого. В данной работе, при неизменности слова-измерителя, которым в нашем исследовании выбрана наиболее частотная относительно метафорической квантификации лексема *море* в русском языке и, соответственно, *海* в китайском языке, выявляется состав подсистемы слов-измеряемых, что позволило определить насколько данный квантитатив активен относительно метафорической квантификации в двух неблизкородственных языковых системах.

В результате сплошной выборки квантитативных метафорических конструкций с компонентом *море/海*, извлеченных из национальных корпусов русского и китайского языков [Национальный корпус русского языка; Национальный корпус китайского языка], были отобраны 101 конструкция в русском и 20 конструкций в китайском языке, что и стало объектом исследования. Из полученных данных явствует, что активность компонента *море/海* для метафорической квантификации гораздо ниже в китайском языке, нежели в русском языке, что может быть обусловлено национально-культурными особенностями носителей китайского языка, заключающимися в преимущественно скромном отношении к описанию «большого количества» чувств, эмоций или иных абстрактных сущностей. Это также подтверждается результатами анализа семантических характеристик единиц, с которыми квантитатив *море/海* сочетается в исследуемых языках. Так, в русском языке данная подсистема единиц представляет собой обозначения разных по своей семантике категорий слов. В частности, это такие семантические группы, как: 1) названия чувств и эмоций (*море эмоций, море злости, море радости, море вины, море сожалений, море адреналина, море отчаяния*); 2) обозначения веществ (*море золота, море красок*); 3) номинации продуктов питания (*море фруктов, море риса, море еды, море бананов, море круп, море конфет*); 4) наименования живых существ (*море людей, море студентов, море народов, море врачей, море специалистов, море гостей, море друзей*); 5) обозначения природных объектов и явлений (*море леса, море огня, море цветов, море облаков, море снега, море воды, море звезд*) и др.

В китайском языке, также как и в русском языке, имеют место такие семантические группы слов, используемых в квантитативной метафорической конструкции с компонентом *море/海*, как: 1) названия живых существ (*人海* 'море людей'); 2) природных явлений (*云海* 'море

снега, 火海 'море огня', 花海 'море цветов', 林海 'море леса', 云海 'море облаков', 星海 'море звезд'); 3) наименования веществ (血海 'море крови'); 4) обозначения абстрактных сущностей (学海 'море знаний').

В отличие от китайского языка, в русском языке присутствует значительно больше количественных метафорических конструкций с компонентом *море*, описывающих большое количество чувств и эмоций. В китайском языке наполнение метафорической количественной конструкции в большей степени происходит за счет обозначений веществ, конкретных предметов и живых существ. Полученные данные относительно сочетаемости могут быть также связаны с разной семантикой компонента *море/海*. В частности, в китайском языке количественное море не только описывает большое количество, но и «подчеркивает» форму множества: большая, широкая, плотная, что не позволяет часто использовать данный количественный для обозначений большого количества чувств и эмоций. Количественная метафора 人海 'море людей' в китайском языке включает в себя все группы населения: студенты, врачи и т.д., поэтому мы не можем сказать море студентов или море врачей в китайском языке, для описания большого количества конкретной группы населения используются другие кванторы.

Таким образом, количественный «море», используемый для описания большого количества, имеет разную активность функционирования в русском и китайском языках. Значительные расхождения данных, как по числу метафорических конструкций, куда входит компонент «море», так и по качественному их наполнению, свидетельствует о различном описании числа представлений носителями неблизкородственных языков, обусловленном не только разным отношением к понятию «размер», но и другим дифференциальным признакам, в частности «форме», что приводит к количественно-качественным расхождениям состава метафорических конструкций с компонентом «море» в русском и китайском языках.

Литература

Киклевич А. К. Язык и логика. Лингвистические проблемы квантификации / А. К. Киклевич. – Мюнхен: Изд-во. Отто Сангер, 1998. – 316 с.

Михалькова Н. В. Существительные-количественные: семантика и сочетаемость (на материале английского, китайского и русского языков) / Н. В. Михалькова. – Минск: МГЛУ, 2018. – 120 с.

Рахилина Е.В. Метафоры глаголов падения / Е. В. Рахилина // Труды института лингвистических исследований. – М., 2020. – № 16. – С. 64– 112.

李明宇, 汉语量范畴研究。华中师范大学出版社, 2000. – 509页 = Ли Минью. Исследование китайской количественной категории / Ли Минью. – Ухань: Центр. кит. пед. ун. изд-во, 2000. – 509 с.

何杰, 现代汉语量词的形象色彩。思维与智慧学报 = Хэ Цзе. О риторической функции кванторов / Хэ Цзе // Журн. Лог. и лингв. – 1991. – № 3. – С. 43–45.

陈志伟, 北京话单音词词汇。北京: 科技出版社, 1951. – 315页 = ЧэньЧживэй. Пекинская диалектная односложная лексика / ЧэньЧживэй. – Пекин, Изд-во. технического университета, 1951. – 315 с.

Море. – URL: <https://ruscorpora.ru>. (дата обращения: 05.10.2022).

Море. – URL: <http://bcc.blcu.edu.cn>. (дата обращения: 05.10.2022).

**К вопросу о реализации когнитивной модели
в народной загадке**

*фольклор, народная загадка, модель, когнитивная
структура, денотат*

Когнитивная лингвистика в первую очередь отличается от формальной лингвистики тем фактом, что в круг своих интересов включает не просто исследование языка в различных ракурсах, но и исследование взаимодействия мышления и языка, что было названо «внутренним языком» [Хомский 1972]. Так, в Н. Хомский писал: «в общем довольно специальное изучение структуры языка может способствовать пониманию человеческого разума» [Хомский 1972: 6].

Следующим довольно дискуссионным вопросом в процессе становления нового направления явился поиск ответа на вопрос: существует ли некий алгоритм, по которому человек выстраивает свои размышления?

В данной связи довольно актуальным видится изучение народной загадки, поскольку отгадка требует в первую очередь включения мышления отгадывающего. Изучение народной загадки в последнее время строится в русле поиска определенных когнитивных моделей, лежащих в основе жанра, что обусловлено тем положением, что многие исследователи обнаруживают в составе народной загадки два компонента (две пропозиции), которые находятся в отношениях противительно-уступительных или собственно уступительных. Подобное наблюдение позволяет исследователю идти глубже – размышлять о природе подобных моделей, причинах их появления и функционировании.

Более того, подобные размышления видятся довольно актуальными с точки зрения поиска корреляции собственно лингвистических знаний и знаний в сфере мышления, логики: «Применительно к процессу понимания человеком высказываний на естественном языке данный подход означает фиксированный порядок обработки информации, а именно: сначала человек анализирует собственно лингви-

стическую информацию и только по завершении этого процесса обращается к рассмотрению контекста, а также к массиву общих знаний» [Скребцова 2018: 26].

Исследование категории уступительности само себе отличается уникальностью по той причине, что категория уступительности – последняя из развившихся категорий в рамках сложных предложений (а, следовательно, и логического восприятия), что, естественно, повлияло и на характер оформления данных отношений в рамках предложения.

Кроме того, интересным представляется и следующий момент: как в довольно лаконичном жанре находит отражение не только сложная двучастная прототипическая модель жанра, но в то же время реализуются такие категории, как полнота, осмысленность, языковой минимализм.

Мы полагаем, что существенную роль в реализации всех перечисленных выше категорий играют экстралингвистические факторы, под которыми мы понимаем условия загадывания, «включенность» отгадывающего и загадывающего в происходящий процесс, а также ограниченность в тематике.

Под экстралингвистическими факторами мы понимаем условия загадывания: в момент бытования народной загадки как особого элемента ритуального действия человеку было свойственно довольно быстрое вычленение типичных признаков предметов, их анализ. Данный факт можно объяснить тесной взаимосвязью человека с живой природой, а, следовательно, мы подчеркиваем наблюдательность человека, развитие навыка сравнить предметы, причем количество «эталонных» предметов было строго ограничено. Упомянутая ограниченность предметов наблюдения, постоянное взаимодействие с наблюдаемыми предметами, наличие «установленных» причинно-следственных отношений между явлениями природы во многом определяло логику мышления человека, что ярко представлено в тексте народной загадки. Более того, положенная в основу когнитивная модель, предъявляющая две пропозиции, которые между собой развивают отношения уступительности, также свидетельствует о довольно продуктивном восприятии предлагаемого описания.

Таким образом, когнитивная модель народной загадки во многом обусловлена экстралингвистическими условиями бытования жанра, а также логикой мышления составителей народных загадок. Примечательно также, что когнитивная модель задействует минимальное количество языковых средств для своей реализации.

Литература

Хомский Н. Язык и мышление. – М.: Изд-во Московского университета, 1972. – 123 с.

Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. – 392 с.

**Значение феномена «постправда» в современном
английском языке и при его преподавании**

*постправда, критическое мышление, аналитические
способности, когнитивная лингвистика*

Эпоха постправды – переход из века информации в век дезинформации. Время фейковых новостей, открытых суждений, неподтвержденных данных, время, когда важным становится наличие навыков критического мышления.

Лексико-семантическое поле, связанное с данной тематикой, включает в себя такие понятия как постправда, фейк, дезинформация, и содержащее оппозиции «правда, факт, информация». Важно отличать фейк и неправду, негативно или неодобрительно окрашенную лексику, клевету, ложь, вымысел, слухи, сплетни, фальсификацию. «Социальные медиа теперь поощряют феномен «приятной лжи» и «обнадеживающих фикций» [Уилбер 2018: 51].

При анализе медиатекстов в современных реалиях особенно важным становится применение навыков критического мышления. Для студентов, изучающих английский язык, необходимо учитывать актуальные тенденции его развития, и те дополнительные смыслы, которые появляются в ходе этого процесса.

Феномен «постправда» стал значимым после некоторых политических событий, произошедших в Великобритании (так называемый «Брексит»), и после нашумевших президентских выборов в США, в результате которых к власти пришел Дональд Трамп. В это время появляются «альтернативные факты», которыми начинают активно пользоваться представители СМИ и политической элиты, и истеблишмент. Медиатексты, связанные со значимыми политическими явлениями, становятся предметом критического исследования и пристального языкового анализа. Как отмечает О.В. Корецкая «в медиадискурсе активно предлагаются всевозможные трактовки тех или иных событий, для которых объективные факты менее значимы, нежели эмоции. И здесь на первый план выходит когнитивный аспект,

связывающий язык, сознание и экстралингвистические факторы в конкретный период времени» [Корецкая 2017: 137].

Именно в 2016 году словом года по версии Оксфордского словаря становится сложносоставное слово post-truth (постправда). На сайте можно найти определение данному понятию, а также краткую историю появления этого слова и его вхождения в активный лексикон [Oxford Languages]. Важно отметить существование таких устойчивых коллокаций, связанных с концептом post-truth как post-truth age (век постправды), post-truth world (мир постправды), post-truth politics (политика постправды). Явление постправды расширяет свое значение, что еще сильнее усложняет процесс его адекватного восприятия и анализа. Данное понятие является семантическим эвфемизмом, который чаще всего воспринимается в негативном ключе. Комплексность и неоднозначность феномена постправды требует высокоразвитых навыков критического мышления при аналитическом рассмотрении актуальных медиатекстов на английском языке.

Литература

Корецкая О.В. Концепт Post-truth как лингвистическое явление современного англоязычного медиадискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 7 (73): в 3-х ч. – Ч. 3. – С. 136–138.

Уилбер К. «Трамп и эпоха постправды». – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 223 с.

Oxford Languages. – URL: [https:// languages.oup.com/word-of-the-year/2016/](https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/) (дата обращения: 30.10.2022).

Филимонова Елизавета Владимировна,
Российский государственный гуманитарный университет;
Институт языкознания РАН
УДК 81'42

**Функции жеста *УЖЕ/ВСЕ* в нарративном дискурсе
в русском жестовом языке**

*русский жестовый язык, нарративный дискурс,
дискурсивный маркер, основная линия*

Грамматический показатель *УЖЕ/ВСЕ* в русском жестовом языке — важный элемент аспектуальной системы. Он передает ряд перфективных значений и значение перфекта и в качестве служебного жеста занимает позицию после глагола. В своей знаменательной функции жест *УЖЕ/ВСЕ* может иметь значения 'уже', 'кончено', 'все', 'довольно' [Шамаро 2006: 184; Филимонова 2013]. Однако в нарративном дискурсе встречаются употребления жеста *УЖЕ/ВСЕ*, которые выходят за рамки описанных функций. Они и являются предметом данного исследования.

В других жестовых языках есть аналогичные показатели, похожие по форме и демонстрирующие схожие пути грамматикализации. В посвященных им исследованиях отмечается их роль в продвижении нарративного дискурса, обозначении последовательности событий, обращается внимание на их функционирование в качестве отдельного просодического сегмента вне клаузы, указывающего на смену темы или конец нарратива [Lee 2002, Rathmann 2005; Tang 2009; Palfreyman 2013].

Материалом данного исследования послужили 50 видеотекстов на русском жестовом языке: 40 — из корпуса текстов русского жестового языка [Буркова 2015] и 10 записанных специально для исследования.

Согласно результатам исследования, жест *УЖЕ/ВСЕ* обнаруживает особые функции в нарративном дискурсе: 1) маркирует конец эпизода, 2) используется для описания строгого порядка действий; 3) маркирует самые важные события основной линии нарратива. Рассмотрим их подробнее.

О том, что жест *УЖЕ/ВСЕ* выступает в роли дискурсивного маркера, свидетельствует его способность занимать позицию не после глагола, а в конце клаузы (взлететь удачно *ВСЕ* 'Взлетели удачно'),

появление в отрицательных клаузах (Я ВСТРЕТИТЬ НИКТО ВСТРЕТИТЬ **ВСЕ** 'Меня никто не встретил') и отсутствие перфективизации глагола (Я дом я ПЕНСИЯ ОТДЫХАТЬ **ВСЕ** 'Я дома на пенсии отдыхаю'). В такой роли он часто занимает позицию в конце крупного сегмента дискурса, который обладает единством времени, места, участников ситуации и представляет собой целое событие; за ним также нередко следует пауза. Это совпадает с критериями выделения эпизодов в дискурсе, описанными в [van Dijk 1981]. Так, в тексте корпуса n1-s4 информант рассказывает о своей жизни от школы до выхода на пенсию: в конце каждого сегмента дискурса, описывающего очередной этап жизни (обучение в школе, обучение в вечерней школе, поступление в институт, учеба в институте, работа челноком, свой бизнес в трейлере, аренда помещения, выход на пенсию), употребляется жест УЖЕ/ВСЕ.

Жест УЖЕ/ВСЕ может использоваться для маркирования сегментов дискурса, меньших, чем целый эпизод. Так, в тексте n6-s17 описывается побег вора с награбленным (1).

(1) КЛАСТЬ ОБЪЕМ ЗАСТЕГНУТЬ **ВСЕ** // ОБРАТНО ПО-ПРЕЖНЕМУ ЧЕЛОВЕК.СТОЯТЬ ЧЕЛОВЕК.ДВИГАТЬСЯ ЗАЙТИ СТЕНА ОПАСНЫЙ ЗАЙТИ ИДТИ.ДЕРЖАТЬ СОБАКА.ЛЕЖАТЬ **ВСЕ** ХОРОШО ЛАДНО // СТЕНА ЧЕЛОВЕК.СТОЯТЬ ЧЕЛОВЕК.ДВИГАТЬСЯ ЗАМОК ЧЕЛОВЕК.ИДТИ ШАГАТЬ БЫСТРО ЗАЙТИ ПЕРЕПРАВИТЬСЯ **ВСЕ** ЧИСТЫЙ НОРМАЛЬНО // ШАГАТЬ БЫСТРО ШАГАТЬ АВТОБУС ЧЕЛОВЕК.ДВИГАТЬСЯ **ВСЕ**

'Положил кучу [награбленного] в куртку, застегнул. Обратно тем же путем, постоял за стеной, выглянул — опасно, вышел, собака лежит, спит, хорошо. Вышел, идет быстро, зашел за стену, перепрыгнул через ограду, все чисто. Идет оттуда быстро, сел в автобус'.

Такой тип употребления жеста УЖЕ/ВСЕ связан со строгим порядком действий: в нашем материале подобным образом описываются рецепт приготовления лекарства, прохождение контроля в аэропорту, осуществление плана (путешествия, ограбления завода и т.п.). Можно предположить, что такая нарративная стратегия является художественным приемом нагнетания напряжения перед кульминацией: в большинстве примеров все идет как задумано, по плану, пока не случается проблема/осложнение/комичная ситуация, которая нарушает порядок вещей. Так, в приведенном выше тексте n6-s17 про ограбление завода жеста УЖЕ/ВСЕ используется описанным образом до того момента, как герой садится в автобус с награбленным, где случается комичная ситуация, которая и была целью рассказа.

В некоторых текстах использование жеста УЖЕ/ВСЕ можно рассматривать как маркирование особенно значимых событий истории. Согласно Р. Лонгакру, некоторые события основной линии нарратива могут рассматриваться как более важные, чем другие, более обычные и предсказуемые [Longacre 1996: 23]. Например, в рассказе n2-s40 про укусы змеи жест УЖЕ/ВСЕ употребляется только после трех глаголов: ПОТЕРЯТЬ.СОЗНАНИЕ, ОКАЗАТЬСЯ СЕРЬЕЗНО, ОЧНУТЬСЯ. В рассказе n2-s56 о походе он выделяет одно центральное событие: рассказчик упал при переходе через реку (2). Носители языка также свидетельствуют, что жест УЖЕ/ВСЕ может использоваться для «постановки акцента».

(2) СНЯТЬ ОБУВЬ // И НАДЕТЬ ЛЕТНИЙ К-Е-Д-Ы НАДЕТЬ ОБУТЬСЯ // МЫ:ТРИ ОБУВЬ ИДТИ ВМЕСТЕ // ЧЕЛОВЕК.ДВИГАТЬСЯ:ТРИ // ПЕРЕЙТИ ПОТОК ВЗЯТЬСЯ.ЗА.РУКИ // ПЕРЕХОДИТЬ Я УПАСТЬ ВСЕ // ПОСКОЛЬЗНУТЬСЯ КАМНИ СКОЛЬЗКИЙ ПОСКОЛЬЗНУТЬСЯ // УПАСТЬ

‘Сняли обувь. И надели летние кеды. Мы втроем шли вместе. Шли втроем. Переходили поток, взявшись за руки. Переходим, я упал. Поскользнулся – камни скользкие. Упал’.

Важно отметить, что рассмотренные тексты значительно отличаются друг от друга в отношении употребления жеста УЖЕ/ВСЕ. Он может не использоваться для разграничения эпизодов: есть основания предполагать, что эту роль могут выполнять другие жесты. Стратегия употребления жеста УЖЕ/ВСЕ, связанная с порядком действий, встречается в 6 текстах из 50. Также в тексте жест УЖЕ/ВСЕ может не употребляться вообще. По-видимому, использование жеста УЖЕ/ВСЕ зависит от индивидуальной нарративной стратегии информанта, а также от стиля речи: проанализированные нами тексты относятся к разговорному стилю речи, а предварительный анализ текстов, которые можно считать более художественными (переводы классической литературы, сказок, конкурс рассказов, записи которых есть на YouTube), показывает, что в таких текстах жест УЖЕ/ВСЕ в описанных выше функциях используется намного реже. Этот аспект, затрагивающий наличие и разграничение в русском жестовом языке разных функциональных стилей речи, требует более глубокого изучения в будущем.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №22-18-00120.

Литература

Буркова С.И. Корпус русского жестового языка / Руководитель проекта С.И. Буркова. – Новосибирск, 2012–2015. – URL: <http://rsl.nstu.ru/> Загл. с экрана (дата обращения: 30.09.2022).

Филимонова Е.В. Функции жеста УЖЕ в русском жестовом языке // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: сборник материалов 4-ой международной научно-методической конференции. – Новосибирск: изд-во НГТУ, 2013. – С. 161–169.

Шамаро Е.Ю. Некоторые факты видовременной системы РЖЯ // Современные аспекты жестового языка (сост. А.А. Комарова). – М., 2006. – С. 180–191.

Lee W.F. Aspect in Hong Kong Sign Language. Chinese University of Hong Kong, 2002.

Longacre R. The Grammar of Discourse. Springer Science & Business Media, 1996. – 362 p.

Palfreyman N. Form, function, and the grammaticalisation of complete markers in the sign language varieties of Solo and Makassar. – NUSA: Linguistic studies of languages in and around Indonesia, 55, 2013. – Pp. 153–172.

Rathmann C. Event Structure in American Sign Language. Ph.D. thesis. – Austin: The University of Texas, 2005. – 279 p.

Tang G. Acquiring FINISH in Hong Kong Sign Language // Tay J., Tsay J. (eds) Taiwan Sign Language and Beyond. Chia-Yi, Taiwan: The Taiwan Institute for the Humanities, National Chung Cheng University, 2009. – Pp. 21–47.

van Dijk T. Episodes as units of discourse analysis // Tannen D. (ed.) Analyzing Discourse: Text and Talk. – Georgetown: Georgetown University Press, 1981. – Pp. 177–195.

**Семантика и прагматика глаголов состояния в русском
и китайском языках**

*семантические и функциональные характеристики,
китайский и русский языки, глаголы состояния*

В современных исследованиях предметом внимания становятся грамматические единицы, в том числе и части речи, их семантика и функционирование [Юсупова 2021, 2: 252]. В процессе изучения русского языка стоит уделить особое внимание интерпретации понятия 'состояние'. Данный термин необходимо рассматривать при синтезе таких элементов, как предикат и субъект. Так, предикаты являются выражением определенных частей речи в значении того или иного слова. Важной особенностью является тот факт, что при употреблении в грамматической вариации данного типа состояния, имеется семь различных типов связей, которые определяют подлинное значение состояния, а также отличаются грамматической природой сказуемого: глагольная, причастная, адъективная, наречно-предикативная, субстантивная, предложно-падежная и метафорическая модели [Цейтлин 1976: 193]. При этом большее внимание стоит уделить анализу предложения, прежде всего, с позиций структурных единиц, некоторых форм коммуникативных единиц [Арутюнова 1976: 221], а также истинной фонетической составляющей имеющихся образов. При данном подходе становится возможным анализ предложения именно с точки зрения создания подлинных абстрактных форм [Кибрик 1979, 4: 334].

Особенностью является наличие в русском языке описания того, что происходит в момент речи. При этом в русском языке имеются глагольные формы, которые описывают состояние: свернуться калачиком, забиться в угол, пригорюниться.

Для определения данного состояния применяется тип глагольных форм, который является интерпретацией непосредственного прямого контакта: трепать, бояться, беспокоиться – чаще всего абсолютный или причинный, а также зависимая часть причины, времени или условия сложного предложения.

Также имеются и те типы глаголов, которые используются для определения уровня интеллектуального развития описываемого субъекта. Такие типы глагольных выражений используются при описании тех или иных объектов, а также форм речи и мыслей собеседника.

При использовании глаголов в социальной среде в качестве центрального объекта могут быть непосредственные участники коммуникации, как самостоятельные индивиды, так и определенные группы людей. В своем исследовании А.Ю. Махашева уделяет внимание тому факту, что глаголы также могут быть употреблены в качестве описания социального состояния при взаимодействии с объектом [Махашева 1996: 342]. Примером, описывающим функцию применения таких глагольных форм, является слово: бюллетенить.

Глагольные формы, которые употребляются при описании физических характеристик, можно разделить на следующие элементы: типы глагольных форм, что используются при описании характеристик организма человека: уставать, утомляться, истощаться, потеть, потолстеть, заболевать, мерзнуть и так далее; глаголы, означающие патологические состояния организма и имеющие отрицательную оценку: болеть, недомогать, кашлять, грипповать, соплыветь и другие.

При этом в русском языке имеется огромное количество глагольных форм, которые могут выражать эмоциональный аспект. Важным фактом является то, что слова 'сердце' и 'душа' зачастую могут сочетаться с неспецифическими глаголами экспансивного состояния. При данной форме через эмоциональные описания единичного субъекта это состояние также передается от части к целому объекту. Примером может стать цитата из произведения Ивана Сергеевича Тургенева: '... и сердце у меня задрожало по-прежнему под влиянием неотразимого, невыразимого обаяния'. Через глагольные формы, что обращены к слову 'сердце' дается определение всему эмоциональному состоянию человека.

Проводя сравнение с китайским языком, стоит сказать, что глаголы, определяющие интеллектуальное, а также эмоциональное состояние, являются частично сравнимыми с различными вариациями китайских глаголов чувства и мышления. Их совместимость с определенными видами непрямого дополнения показывает, что они могут быть связаны с набором 'глаголов общей речи': глаголы эмоциональных и интеллектуальных состояний могут иметь общее понятие дополнения без какого-либо совместного примечания. Можно сформу-

лизовать эту группу глаголов так: косвенные переходные глаголы являются формой передачи речи от третьего лица или же перехода действия на определенный объект, который определяет сам автор, применяющий косвенную форму.

Рассмотрим примеры использования глагольных форм при описании эмоционального аспекта: 喜欢 – выражать симпатию (нравиться), 爱 – любить кого-то, 恨 – недолюбливать, 同情 – сострадать, 讨厌 – пренебрегать, 害羞 – смущаться, 害怕 – опасаться, 羡慕 – завидовать, 怀疑 – сомневаться; подозревать, 想念 – скучать, 佩服 – восхищаться.

Глаголы интеллектуальных состояний: 知道, 了解 – знать, 记得 – помнить, 懂得, 明白 – понимать, 相信 – верить, 信仰 – верить в Бога, 认为 – считать, 尊敬 – ценить, 愿意 – быть наготове, 需要 – желать чего-то.

Любая из используемых глагольных форм эмоционального и интеллектуального типа не дублируется систематически. Примером могут стать следующие предложения: ‘我们不得不同情他的姐姐’ – Каждый из нас должен сострадать сестре; ‘我们必须取得一些成就才能让别人羡慕和羡慕’ – Мы должны добиться высоких результатов, чтобы другие люди испытывали чувство зависти; ‘孩子们·你需要尊重你的父母!’ – Ребята, нам необходимо проявлять уважение к нашим родителям!

Различные глагольные формы (эмоциональные, а также интеллектуальные) имеют определенную тенденцию оставаться качественно неизменными на протяжении всего временного отрезка, о котором идет речь. Поэтому можно сказать, что такие глаголы невозможно употреблять в качестве временного показателя завершенности действия. Однако существует определенная группа глаголов, которые могут быть употреблены в данном значении. Например, форма глагола ‘了’, который интерпретируется как окончание определенного действия с выявленными рамками его продолжительности.

Имеется и другая группа употребления глагольных форм, например, описывающие показатель временной продолжительности действия (‘在’), которые употребляются с формами наречий ‘还’, то есть

‘пояныне’, ‘пока что’. Следует подчеркнуть, что этот показатель сочетается не со всеми записями в этой группе. Его использование затруднено в устойчивых выражениях русского языка (поговорки, поговорки и так далее). При этом можно попробовать использовать единицу ‘着’ в качестве инструмента для средних переносов. Например, выражение: ‘他深深地爱着她’ – Он очень сильно влюблен в нее.

Если интерпретировать использование глаголов состояния в китайских предложениях, то можно прийти к выводу о том, что такие типы глагольных форм не используются совместно в качестве критерия эффективности совершенного или совершаемого действия. Чаще всего глаголы используются совместно при описании начала истинного действия или чувства к определенному объекту.

Литература

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М., Наука, 1976. 221 с.

Кибрик А.Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. – М., 1979. – № 4. – 344 с.

Махашева А.Ю. Выражение социального состояния лица средствами субстантивных предикативных словоформ современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 342 с.

Цейтлин С.Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика // Синтаксис и стилистика. – М., 1976. – 197 с.

Юсупова З.Ф. Основы функционально-семантического направления в лингвистике в их отношении к преподаванию русского языка как содержание проблемного семинара для магистрантов // Мир русского слова, 2021. – № 2. – 252 с.

**Языковая репрезентация немецких национальных
ценностных ориентиров**

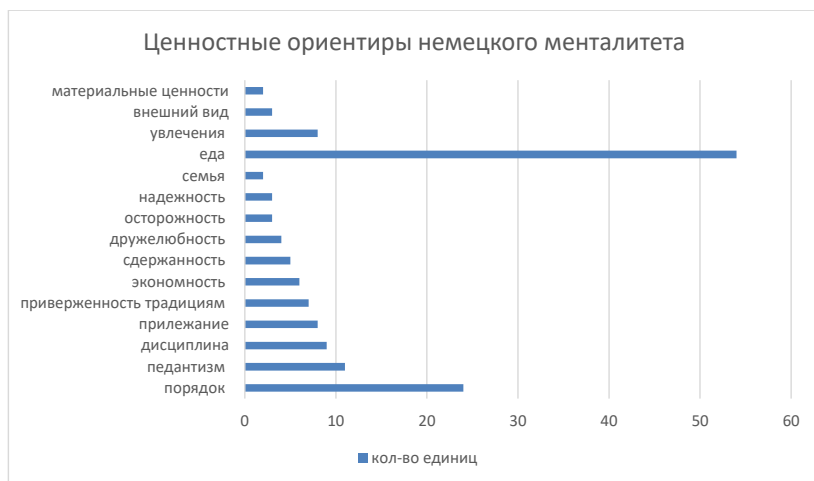
ценность, ценностный ориентир, ценностная картина мира

Ценностные ориентиры – важнейший компонент структуры как отдельной личности, так и общества в целом. Происходящие социально-политические изменения подталкивают современного человека к поиску новых культурных смыслов, трансформируя имеющиеся ценностные установки. В настоящее время проблема изменения ценностных ориентаций в современном обществе исследуется представителями разных наук – социологии, антропологии, культурологии, психологии, лингвокультурологии. Мировоззрение и ценности народа, несомненно, отражаются в языке. Ценностная картина мира, сопутствуя вербальной картине мира, играет важную роль в процессе познания, передавая различные национально-культурные оттенки [Сидорова 2007: 77].

В настоящий момент в современном западном, в частности, в немецком обществе четко прослеживаются определенные сдвиги в сложившейся системе ценностей. Эволюция социальных и личностных ценностей происходит постоянно, в связи с чем представляется интересным проследить данный процесс применительно к выражению национальных ценностных ориентиров в языке.

Для проведения анализа были использованы данные немецкоязычного портала *Bedeutung Online*, где собран перечень стереотипов, отражающих немецкий менталитет. Представленные 149 единиц были классифицированы относительно выражаемых ими ценностных установок на человеческие ценности (педантизм, экономность, сдержанность, прилежание, надежность, дисциплина, осторожность, стремление к порядку, семья, приверженность традициям) и бытовые ценности (еда, увлечения, внешний вид, материальные ценности). В первой группе преобладают характеристики, описывающие любовь к порядку (например, *Deutschen hassen Kabelsalat, deshalb verwendet man hier gerne Kabelsortierer* `Немцы ненавидят спутанные провода, поэтому охотно используют разделители для кабелей`), во второй

группе – любовь к еде (например, *Für einige Deutsche ist Fleisch ihr Gemüse* `Для некоторых немцев лучшие овощи – это мясо`).

Несмотря на широкую пропаганду современных ценностей таких как, независимость личности, свобода выбора, самостоятельность, толерантность, их языковой репрезентации в рассмотренных клише не было обнаружено. Согласно исследованию Т.С. Медведевой традиционные немецкие ценности получают новые наименования, претерпевают определенные модификации, но остаются прежними в своей основе [Медведева 2010: 133]. Так можно отметить, что Т. Bausinger измеряет такую ценностную категорию как *Lebensqualität* `качество жизни` следующими параметрами: любовь к родине, любовь к путешествиям, оседлость, уют и комфорт, индивидуализм, потребность в принадлежности к каким-либо объединениям [Bausinger 2009]. Данные категории никоим образом не противоречат, а лишь дополняют традиционные немецкие ценности *Ordnung* `порядок`, *Disziplin* `дисциплина`, *Fleiß* `прилежание`, *Zuverlässigkeit* `надежность` и др.

Несмотря на то, что некоторые из рассматриваемых стереотипных клише носят ироничный характер (например, *Wenn Deutsche sagen, dass sie sich 15:03 Uhr treffen, treffen sie sich auch 15:03 Uhr* `Если немцы договорились встретиться в 15:03, значит, что они встреча-

ются именно в 15:03`), это только подтверждает действительную ценность описываемых аспектов, так как высмеивается только то, что имеет значение, а не то, что безразлично.

Итак, говоря о переоценке ценностей, речь не идет о полной смене ценностных ориентаций, а скорее о смещении акцентов и приоритетов, что свидетельствует об относительно устойчивом характере системы ценностей. Ключевые ценности, лежащие в основе менталитета, остаются неизменными, но по-разному актуализируются в различные исторические периоды. В условиях наметившейся постглобализации возможно замедление конвергенции бытовавших ранее культурных ценностей, смещение акцентов в сторону национальной самобытности.

Литература

Медведева Т.С. Ценности немецкого народа: история и современность // Вестник удмуртского университета. История и филология, 2010. – Вып. 3. – С. 130–134.

Сидорова Н.А. Аксиологическое измерение речевой коммуникации: Монография. – М.: ВУ, 2007. – 220 с.

Bausinger H. Typisch deutsch: wie deutsch sind die Deutschen? Verlag C. H. Beck HG, München, 2009. – 175 p.

Typisch deutsche Stereotype, Kultur und Eigenheiten: Liste. – URL: <https://www.bedeutungonline.de/typisch-deutsche-stereotype-kultur-und-eigenheiten-liste/> (дата обращения: 01.10.2022).

The research of paremiological units with a component of modality in English, Tatar and Spanish languages

paremiology, paremiological units, modality, component

Paremiological units (PU) with a component of modality in English, Tatar and Spanish are one of the poorly explored aspects of paremiology. Based on the material of three different-structured languages, the issue of studying the PU and the category of modality is considered by a number of researchers, such as N.F. Alefirenko, N.D. Arutyunova, E.I. Belyaeva, V.N. Bondarenko, V.V. Vinogradov, M.V. Zainullin, M.Z. Zakiev, Kopras Pastor G., S.Munoz J., P. Portner, A.Taylor and others.

Modern researches of many foreign scientists are full of a fundamental approach, analysis and variety in the field of studying factual material on paremiology research. According to researcher A. Taylor: *«The definition of a proverb is too difficult to repay the understand; and should we fortunately complete of a single definition all the elements and give each the proper emphasis, we could not even then have a touchstone»* [Taylor 1931: 21].

There was a debate among researchers about the possibility of giving an exact definition of proverbs and sayings in the system of linguistics. Thus, researchers E. Arewa and A. Dundes tried to define the proverb as: *«a statement which sums up a situation, passes judgment, recommends a course of action, or serves as a secular past precedent for present action»* [Arewa, Dundes 1964: 71].

The famous paremiologist G. Paczolay notes that proverbs should also include a set of generally recognized and necessary characteristics. He claimed that *«proverbs appear in the form of short sentences, they have no known author or literary source, they have a currency and they have history»* [Paczolay 1995: 25].

Scientific interest and active study of proverbs and sayings in Tatar language and its dialects has been formed since the 20s of the XX century. The 50s and 60s are the most productive years, which are marked by the

publication of the collection «Russian–Tatar Phraseological Dictionary» (1957) by N. Burganov, L. Makhmudov, reprinted in 1982.

Among Spanish researchers, the term «paremiology» can be defined as a science that studies and analyzes short and sententious statements known by the generic name «paremia». The main purpose of paremiology is to convey some popular knowledge based on experience. S. Munoz characterizes paremias as closed, concise units with an edifying message quoted in oral or written speech.

One of the founders of the Western European study of modality is Ch. Bally. At the beginning of the XX century, the researcher introduced two terms – «modus» and «dictum», borrowing these terms from the philosophy of the «Modists» researchers. He wrote «about the two parts of the statement content plan: dictum (subject-information component) and modus (subjective-emotional component), contrasted the actual content and individual assessment of the facts presented» [Kostyuchenko 2018: 74].

In English linguistics, the study of modality is also widely and variously represented. The work «Modality» written by researcher P. Portner emphasizes that «two approaches are the most common: a) the opposition of epistemic non-epistemic (root) modality (all other categories of modality belong to the latter); b) the opposition of three categories: epistemic, deontic and dynamic modality expressing the possibility» [Kostyuchenko 2018: 76].

Modality in English can be expressed by some adjectives and adverbs: 1) expressing the degree of confidence, such as: possible, probable, certain, sure, likely, unlikely, definite, etc.; 2) expressing the degree of obligation, such as: necessary, compulsory, obligatory, etc.

Modality can also be expressed:

– using nouns with «modal semantics ...possibility, probability and necessity, derived from adjectives possible, probable and necessary..." [Alexandrova, 2008: 47], for example: *nothing so necessary for travelers as languages*.

– using modal verbs such as: can, may, must, should, shall, will, would, need, ought to, dare, to be to, to have (to have got to), meaning possibility /impossibility, necessity, faithfulness, promise, decree, etc., for example: *God can help them that help themselves*.

Modality and the means of its expression have different forms in Tatar linguistics. E.M. Akhunzyanov, Z.M. Valiullina, F.A. Ganieva, M.Z. Zakiev, F.S. Safiullina and other researchers refer modality to a special category

of language that studies the expression of an attitude to an utterance. Modality is also considered by researchers as a process of cognition of its linguistic phenomena.

Modality in Tatar can be expressed by modal verbs, such as *ала* – can, *тиеш* – must, *кирәк* – need, *була* – can, might, *белергә кирәк* – must know, *килергә кирәк* – must come, *күрергә тиеш* – must see and etc.: *көрпенәң аяғын күрәп булмый; дуңғыз кылыннан киез итек басып булмый; сарык биреп сөйләтә алмый, сыер биреп туктата алмый* etc.

A broad approach to the category of modality is presented in the works of the New Grammar of the Spanish Academy (*Manual de la Nueva Gramatica de la Real Academia*), defining this category as «the modality of a sentence or utterance associated with a greater or lesser degree of confidence in the speaker that he reports» [Real Academia Española, 2010: 739].

Modality in Spanish can be expressed by:

– modal verbs: *querer* – want, *deber* – must, *poder* – can, *saber* – be able to, *soler* – usually do something, for example: *el fuego no puede estar escondido y encerrado; maestro ciruela, que no sabía leer y puso (tenía) escuela*.

– the subjunctive mood (*modo subjuntivo*), which can express a variety of modal values and shades, for example: *proyecta como si fueras a vivir 100 años, pero vive como si fueras a morir mañana*.

– modal adverbs such as: *adrede* – on purpose, *al parecer* – apparently, *bien* – well, *claro* – clearly, obviously, *como* – like, *evidentemente* – obviously, *fuerte* – strongly, *mal* – badly, *mejor* – better etc. [URL: <https://www.ejemplos.co/20-ejemplos-de-adverbios-de-modo/>], for example: *la ley es como la telaraña: suelta el rato y la mosca; ríe bien el que ríe último*.

PU with the component of modality in English, Tatar and Spanish languages are a necessary element of culture. They carry a wealth of knowledge, demonstrate the semantic completeness and depth of the language. Proverbs and sayings fix the worldview of the people speaking a particular language. Paremiological units remain the object of close attention of scientists.

Литература

Alexandrova A.P. Modal nouns with the meaning of possibility in English and Russian / A.P. Alexandrova // Scientific Notes. – 2008. – P. 47–51.

Kostyuchenko V.Yu. The category of modality from the point of view of logic and linguistics: similarities, differences and prospects of synthesis / V.Yu. Kostyuchenko // Journal of the Belarusian State University. Philology. – 2018. – No. 3. – P. 71–82.

Arewa E.O. Proverbs and the Ethnography of Speaking Folklore / E.O. Arewa, A. Dundes // American Anthropologists. – 1964. – Vol. 66. – № 6. – P. 70–85.

Ejemplos. – URL: <https://www.ejemplos.co/20-ejemplos-de-adverbios-de-modo/> (accessed: 11.03.2020).

Paczolay G. European Proverbs. A lecture presented at the conference on European Phraseology / G. Paczolay, 1995.

Real Academia Española: Nueva Gramática de la Lengua Española. Manual. – Madrid: Espasa Libros, S.L., 2010. – 567 p.

Taylor, A. The proverb / A. Taylor. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1931. – 223 p.

Спектр значений лексемы view: корпусный подход

дискурс, корпус, неоднозначность, контексты наложения

Исследование написано в рамках сопоставительного языкознания с применением корпусного подхода и имеет целью выявить специфику комбинаторики лексемы view в современном общем англоязычном дискурсе.

Актуальность исследования обусловлена значимостью изучения механизмов развития значений слова, формирования и интерпретации текста и подтекста, потребностью создания словарей комбинаторного типа.

Семантическая структура существительного view включает 11 значений, зафиксированных в академических словарях: 1.0. осмотр; 1.1. просмотр; 2. обзор; 3.0. образ в сознании; 3.1. панорама; 3.2. изображение объекта; 3.3. внешность; 3.4. ракурс; 4. мнение; 4.1. надежда, цель или намерение; 4.2. перспектива на будущее.

Материалом исследования послужили тексты НКРЯ, BNC, COCA и iWeb Corpus общим объемом 3179035 токенов, иллюстрирующих функционирование лексемы view. Корпус Google Books использовался для верификации полученных ранее результатов.

Методы исследования включают дефиниционный, сравнительный, метод компонентного анализа и метод наведения сем.

Цель дефиниционного анализа состояла в выделении в семантической структуре лексемы view, отраженной в дефинициях толкового словаря, элементарных единиц содержательного плана, объединяющихся в лексико-семантических вариантах (ЛСВ) в различных комбинациях. При помощи дефиниционного анализа также были выделены ядерные и периферийные семы, которые послужили основой осуществляемого исследования и позволили выделить общие и специфические черты каждого ЛСВ, зафиксированного в современных академических словарях английского языка. На основе компонентного анализа были выделены элементарные, минимальные единицы смысла, манифестируемые в дискурсе. При этом в соответствии с общими принципами методики осуществления компонентного анализа

были выделены: дифференциальные и интегральные семантические признаки. При помощи компонентного анализа и путем наведения сем был составлен метаязык описания семантики исследуемой лексемы, в который вошли следующие 45 сем: состояние (лица), субъект (лицо смотрящее), действие (лица), цель, изучение х-к объекта, продажа/покупка, улаживание конфликта, выяснения обстоятельств преступления, соответствие параметров объекта эталону, восприятие, инструмент, зрение/прибор, х-ка (зрения/прибора), разрешающая способность, ограниченность перспективы, объект, направление, размер, форма, двухмерная / трёхмерная, артефакт / объект искусства / лицо, функция, наслаждение / сохранение, материал, холст / фанера / картон / шёлк / камень / металл / электронный, часть объекта, внешняя (видимая), природный (обычно), привлекательный (обычно), формирование образа в сознании, образ объекта в сознании субъекта, местоположение лица, местоположение объекта, расстояние и различие в высоте между объектом и субъектом, казуальность, интеллект и опыт, признаки образа, интеллектуальный, динамичный, абстрактный, эмоциональный, зрительный, темпоральный, будущее, длительная перспектива. Например, функциональная сема *наслаждение / сохранение* выявлена в ЛСВ 1.1. Просмотр: *online* [countable] an occasion when a video is watched online [OALD]; *букв.* Онлайн-просмотр видео или сайта и ЛСВ 3.2. Изображение объекта (картина/фотография/скульптура): a pictorial representation of a scene, such as a photograph [CED]; *букв.* графическое представление, фотография; a work of art depicting a sight of natural scenery [OED]; *букв.* произведение искусства, изображающее вид природных пейзажей (картина). Для подтверждения присутствия сем в семном составе ЛСВ были привлечены иллюстрации из указанных корпусов:

ЛСВ 1.1.: **КР346** The brand quickly achieved global fame with **millions of views**. **КРП346** Благодаря **миллионам просмотров** бренд молниеносно обрел мировую известность.

ЛСВ 3.2.: **КР348** Though I can't yet see anything out the window, my computer display **shows a synthetic view** of the terrain down below. **КРП348** Хотя я по-прежнему ничего не вижу сквозь стекло кабины, на дисплее моего компьютера **вырисовывается синтезированное изображение** поверхности внизу.

Корпусный подход позволил выявить контексты, в которых существительное *view* манифестирует значение, не зарегистрированное в

академических словарях. Например, в предложении КР282 view означает «быть наблюдаемым, потому что субъект (наблюдающий) имеет ограниченный диапазон зрения». Данное значение – (1.2) осмотр, ограниченный обзором, англ. inspection limited by range of vision – не зарегистрировано ни в одном словаре.

КР282 You jus'wait'll I get them wet clo'es off'n my girl. " Ma went back to the girl. " Now slip' em off, "she said. **She held the comfort up to screen her from view.** And when she was naked, Ma folded the comfort about her. The boy was at her side again explaining, " I didn'know.

КРП282 Подождите, я только сниму мокрое платье с дочери. Мать вернулась к Розе Сарона. — Раздевайся. — **Она загородила ее одеялом.** И когда Роза Сарона сняла с себя все, мать накинула ей одеяло на плечи. Мальчик снова подошел к ней. — Я ничего не знал.

Корпус также выявил так называемые «совмещенные» контексты, в которых реализованы два ЛСВ.

КР307 For the most part Mrs. Dale preferred to dwell in her ancestral home on Staten Island, which, because of its commanding position on what was known as Grimes Hill, **controlled a magnificent view** of the bay and harbor of New York.

КРП307 Зимой миссис Дэйл предпочитала жить на Стейтен-Айленде, в своем фамильном особняке на холмах Граймс-Хилл, (ЛСВ2) который благодаря своему господствующему положению (ЛСВ2) **обеспечивал прекрасный обзор** или (ЛСВ3) откуда **открывался великолепный вид** на залив и нью-йоркскую гавань.

«Левое» окно такого рода контекстов традиционно содержит указания на величину проема или высоту, расположение места, «позволяющего обозреть к-л объект, т.е. такого, с которого открывается вид. При этом правый контекст содержит эксплицированные иди имплицитные семы привлекательности объекта наблюдения. Контекст, как правило, является противоречивым, поскольку содержит семантику двух ЛСВ: большой, широкий, определенной формы (2) и красивый (3). Например, присутствие в примере **КР307** лексемы magnificent конкретизирует семантику ЛСВ 3, делая семы «вид» и «красивый» более «яркими» (термин И.А. Стернина). При этом контекст по-прежнему сохраняет «слабую» семантику ЛСВ 2 – «присутствие обзора» с определенной точки или при помощи определенного прибора.

Контексты наложения создают яркие детализированные образы, в которых автор воссоздает картину как субъекта (ЛСВ 2 – обзор у

кого-л.), так и объекта наблюдения (ЛСВ 3 – пейзаж, который видит субъект).

Контекст КБ404 реализует более слабые манифестации ЛСВ 2 и ЛСВ3, он, скорее, демонстрирует семантику ЛСВ2, а не «совмещенную» семантику. Очевидно, что одной из причин является и отсутствие слов положительной семантики в препозиции к слову view.

КБ404 Mrs Gracie was arranging things in the drawing-room at Hampstead, with its white paint and large windows **giving a view** on to the garden.

КБП404 Миссис Грейси убирала вещи в гостиной в Хэмпстеде, с ее белой краской и большими окнами, выходящими в сад (т.е. дающими возможность обзора сада).

В ряде контекстов даже расширение контекста до абзаца не позволяет дифференцировать семантику лексемы view. Например, в КА5603 реализованы ЛСВ 1, ЛСВ 2 и ЛСВ 3:

КА5603 Beneath him the park teemed with people – no lazy rooftop picnics now. People crammed through the gates, **shouldering each other for a view**.

КАП5603 Парк под ним кишел людьми — теперь никаких ленивых пикников на крышах. Люди толпились у ворот, толкая друг друга, чтобы *посмотреть/получить обзор / увидеть к-л. объект*.

Таким образом, исследование выявило контексты, в которых реализованы более одного ЛСВ, одновременно воссоздающие когнитивные модели ЛСВ 2 и ЛСВ 3. Такого рода контексты именуем «контекстами наложения» или «совмещенными контекстами», поскольку в них присутствуют семы более, чем одного ЛСВ. Анализ 8393 иллюстраций лексемы view показал присутствие новых сем в значении ЛСВ, регулярно появляющихся в определенных контекстах. В частности, были зафиксированы новые значения лексемы view не зафиксированные толковыми словарями: ЛСВ 1.2. Inspection limited by sight, букв. осмотр, ограниченный обзором. Данный факт доказывает происходящие в английском дискурсе изменения сочетательных возможностей изучаемой лексемы.

Литература

British National Corpus (BNC): [сайт]. – Oxford University press, 1980–1990. – URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 01.10.2022). – Текст: электронный.

Online English Dictionary (OED): [сайт]. – Oxford University Press, 2010. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/view> (дата обращения: 01.10.2022). – Текст: электронный.

The Corpus of Contemporary American English (COCA): [сайт]. Brigham Young University, 1990–2019. – URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 01.10.2022). – Текст: электронный.

Параллельный подкорпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ), язык-источник – английский, язык-перевода – русский: [сайт]. – Национальный корпус русского языка, 2003–2022. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=eng> (дата обращения: 01.02.2022). – Текст: электронный.

Шестак Лариса Анатольевна
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
УДК 81-119

Спецоперация России на Украине: вербализация слотов фрейма

фрейм события, происшествие, слот, вербализация

Начавшаяся в феврале 2022 г. спецоперация России на Украине с когнитивной точки зрения может быть описана как фрейм события [Шестак 2019: 925–931] – темпоральная процедурная последовательность реализации общественно-политической цели: выборы парламента или президента, принятие законодателем и введение правоприменителем нового закона, акции гражданского общества. В отличие от фрейма события как конвенционального, процедурно проработанного мероприятия, происшествия, катастрофа, несчастный случай как политически неожиданные, процедурно не прописанные события (падение самолета при взлете, теракт) традиционно воспроизводимым фреймом не являются.

Терминальными узлами фрейма ‘Спецоперация России на Украине’ – необходимыми инвариантными частями стандартной традиционной ситуации [Краткий 1996: 188] должны быть признаны инициатор спецоперации, ее объект, цель и методы достижения цели. Материал российской и зарубежной прессы, устных выступлений политических экспертов, блогов и телеграмм-каналов дает следующую картину освещения этого события с точки зрения направленности Горodu и Миру и с точки зрения реакции объекта спецоперации (Украины) и Мира (зарубежных стран – США и стран Европейского Союза, в частности, Польши) на это событие.

Инициатор спецоперации (Министерство обороны Российской Федерации, Верховный главнокомандующий Российской Федерации) именуют объект спецоперации терминологически точно (*Украина*), естественной метонимией таксономических рядов (*Киев*), публицистически оценочно (*братский украинский народ, киевский режим, противник*).

Руководство Украины как объекта спецоперации называет РФ *агрессором*, принимающих участие в спецоперации военнослужащих

РФ и русский народ – *русскими, русней, рашистами, орками* (**Рашисты** понимают, что ВСУ собираются освободить город Мелитополь [<https://news.rambler.ru/starlife/49002488>]), население неподконтрольных Киеву и вошедших в состав России украинских территорий – *ватниками, колорадами, особями, голотой* (Ударной силой первых пророссийских митингов была местная **"голота"** – несколько сот «обдолбанных» наркотиками и пропагандой РУС ТВ люмпенов, возглавляемых группой офицеров ФСБ [<https://uaapress.info/ru/news/show/170693>]).

Российская традиционная и электронная пресса, политические эксперты и лидеры мнений используют для обозначения объекта спецоперации целую палитру неформальной, в том числе окказиональной, номинации. Предваряющее начало спецоперации обращение В.В. Путина к странам НАТО в декабре 2021 г. именуется *письмом турецкому султану: С тех пор, когда было написано письмо турецкому султану, многое изменилось* [Вести FM 05.06.22 (Д. Куликов)]. Объект спецоперации, Украина, – *Незалежна, ненька, Цэвропа*. Политическая столица Украины – *Бандерштадт* 'Львов'. Украинцы – *небратья, захисники евроатлантической солидарности, укры, укропитеки, хохол* (*В 8 утра хохол крупными силами попер в атаку* [<https://t.me/RVvoenkor>]). Правящий украинский режим – *шароварный вермахт* (*Взоры шароварного вермахта обратились к антидроновым ружьям* [<https://svpressa.ru/war21/article/350655/>]); его представители – *Зе, кровавый клоун, закройщик из Торжка, кровавый пианист, «Наполеончик» 'Зеленский'* (*Вся эта коллективно-западная «братва» искренне гордится своим участием в поддержке режима кровавого пианиста* [Там же]; **"Наполеончик"** обратился к Беларуси и советовал, что делать [Царьград TV 28.02.2022 (А.Г. Лукашенко)], *Зе-Геббельс, Люся 'Алексей Арестович' (Зе-геббельс призывает безжалостно «банить эту пропаганду», типа, «с каждым заблокированным орком (даже если он свой в доску хохол) победа становится все ближе»* [<https://svpressa.ru/war21/article/340303/>]), украинские войска – *укровоинство, бандеровцы*.

Военные средства спецоперации именуются *артой*, гаубицы М-777 – *три топора*, РСЗО HIMARS – *химерами*, передний край обороны – *передком*, сложная военная ситуация – *зашкваром*: *Жовто-блакитные соцсети переполнены комментариями о падении на «передке» духа захисников незалежности и о зрадниках-офицерах,*

которые тупо бросают своих солдат под русскую армию [<https://svpressa.ru/war21/article/340303/>]; *Захисники незалежності тоже сделали выводы из мариупольского зашквара* [<https://svpressa.ru/war21/article/339502/>].

Формально внешний по отношению к участникам спецоперации Мир, фактически являющийся стороной конфликта, устами евроатлантических элит называет происходящее *нападением* России на Украину, *агрессией*, *аннексией территорий*. Однако европейская и американская пресса вынужденно констатирует непривычно для подобных действий гуманный способ ведения военных действий и исторические права России на спорные территории: *Даже сами украинцы говорят, что Россия воюет на цыпочках и одной рукой* [<http://youtu.be/Dt0Ja6BIPzM>]; *Украинские силы будут разбиты, даже если Путин продолжит вести себя как паинька, делая мало для предотвращения способности Киева вести войну* [<https://eadaily-com.turbopages.org/eadaily.com/s/ru/news/2022/10/28/>]; *Чтобы помешать России вновь захватить территорию, которая исторически является российской, мы собираемся довести дело до ядерной войны, что означает исчезновение жизни на Земле* [Там же]; *Надо перестать называть эту страну Украиной: Новороссия, Малороссия и что-то там еще* [Вечер с Владимиром Соловьевым 25.07.22 (В. Третьяков)].

Констатируя нацистское идейное наследие нынешнего киевского режима и его управляемость со стороны мирового гегемона, российское общественное мнение использует образы Великой Отечественной войны и американских способов управления Городом и Миром: *После провала ВСУ гауляйтер Луганщины Гайдай заявил, что стратегическая трасса якобы перерезана* [<https://vizitnlo.ru/29-10-2022-novosti-spesoperacii-na-ukraine-bronegruppy-vraga-razbity-v-klam/>]; *Что Америке до голода на Украине? Проблемы индейцев шерифа не интересуют* [https://t.me/s/mihail_onufrienko Новости 02.06.22 (Мих. Онуфриенко)].

Украинская пресса утверждает, что Россия сама обстреливает вошедший по итогам референдума сентября 2022 г. в ее состав Донбасс и пытается устроить радиационное заражение вокруг Запорожской АС: *Вчера российские военные убили 5 мирных жителей в Донецкой области* [<https://uk.newska.com/>]; *Обстріли Запорізької ТЕС: окупанти намагаються підняти хмари радіоактивного пилу*

«Обстрелы Запорожской АС: оккупанты пытаются поднять радиоактивное облако» [<https://inpress.ua/>].

Имеющая виды на Галицию Польша смакует интервью украинских политиков о «суперзверствах» русских (*Kobiety i dzieci zostały, ale te, które się nie podobały albo nie chciały być posłuszne – rozstrzelano. Rosjanie byli do tego jeszcze tak bardzo okrutni, że rozjeżdżali ich ciała czołgami. ... Zdzieraliśmy ludzkie zwłoki z asfaltu łopatami* «Женщины и дети остались, но тех, которые не понравились или не хотели быть послушными, – расстреляли. Русские были настолько жестоки, что разезжали по их телам на танках. Мы отдирали людские останки от асфальта лопатами» [<https://trojmiasto.wyborcza.pl/>]; *Rosjanie użyli broni fosforowej* «Русские использовали фосфорное оружие», грозили «*brudną bombą*» «грязной бомбой» [Там же]. И рвется в прямое военное столкновение с Российской Федерацией: *Im wyżej latają Rosjanie, tym bardziej bezkarnie. Jak ich strącić?* «Чем выше летают русские, тем безнаказанней. Как их сбить?» [<https://www.polityka.pl/>].

В целом вербализация слотов фрейма 'Спецоперация России на Украине' российским общественным мнением оценивается как продолжение Великой Отечественной войны, как защита исторически русских территорий и народа и как схватка с мировым гегемоном (*Казалось, Путин смягчит свою позицию, но его выступление звучало как "Иду на вы!"* [Вести FM «Полный контакт» 4.10.22 (В.Соловьёв)]; *Все наше развитие шло по линии либо получения оттуда, либо оставления у себя части коррупционно-колониального налога, который на нас возложило пресловутое бюджетное правило, – это дань* [<https://dzen.ru/a/Y1bnKwaGmjtlkyOH/>]). Украинским же официальным мнением – как месть за цивилизационный выбор (*że Ukraina wybrała kierunek na Unię Europejską i Zachód* «что Украина выбрала направление в ЕС и на Запад»). Таким образом, при совпадении слотов, вербализующих термины 'инициатор спецоперации' и 'ее объект', украинской стороной минимизируются причины начала спецоперации и приписываются ее исполнителям собственные действия и угрозы (термы 'цель' и 'методы ее достижения').

Литература

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. Под общей ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с. – Текст: непосредственный.

Шестак Л.А. Фрейм события: референция и моделирование / Л.А. Шестак. Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка: Вып. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 16–18 мая 2019 г. / отв. ред. вып. Т.В. Романова. – Нижний Новгород: Издательство ДЕКОМ, 2019. – 1144 с.

Семантика колебательного движения в образном осмыслении действительности

метафора, метонимия, фразеологическая единица, движение

В настоящем докладе представлены результаты наблюдений над семантикой колебательного движения, актуализируемой английскими фразеологическими единицами (далее ФЕ) с компонентами-глаголами *shake* 'трясти' и *swing* 'качать'. Актуальность исследования обусловлена обращением к проблеме концептуализации человеческого опыта и моделирования мира посредством динамических образов. Цель работы заключается в изучении особенностей образной репрезентации колебательного движения, выявлении роли данного типа перемещения в осмыслении окружающей действительности.

Колебательным движением называется процесс изменения положения или состояния тела, повторяющийся через одинаковые промежутки времени. Колебания широко распространены в природе и жизни, являются одной из возможных форм развития культуры.

Проведенное исследование показывает, что в обыденном сознании образы колебательного движения служат средством осмысления следующих областей жизнедеятельности человека: **эмоционально-волевой сферы** (*shake in one's boots/shoes* 'дрожать от страха'; *shake like a leaf* 'дрожать как осиновый лист'; *shake one's fist (at somebody)* 'трясти кулаком'; *somebody's voice shakes* 'голос дрожит'; *shake one's head* 'покачать головой'); **сферы межличностных отношений** (*shake hands on something* 'пожать руки в знак согласия'; *shake somebody's confidence/beliefs* 'поколебать уверенность') и **деятельности человека** (*swing the lead* 'симулировать'; *swing for it* 'понести наказание за что-либо'; *shake the dust off one's feet* 'отрясти прах от ног своих'); участвуют в описании **предметов (явлений) и жизненных ситуаций** (*swing the balance* 'влиять на исход событий'; *shake the foundations of something* 'пошатнуть основы, фундамент чего-либо'; *there is not enough room to swing a cat* 'недостаточно места'), дают **характеристику личности** (*swing both ways* 'испытывать влечение к

обоим полам'). Кроме этого, образы колебательного движения служат средством моделирования быстрого или ритмичного перемещения тела в пространстве — танца (*shake a leg* 'торопиться, танцевать').

В основе ФЕ, вербализующих эмоции человека, находится преимущественно метонимия, посредством которой эмоции описываются через связанные с ними телесно-экспрессивные и поведенческие реакции. Так, идея страха и беспокойства реализуется в образе дрожания конечностей, голоса: *shake in one's boots/shoes, shake like a leaf, somebody's voice shake*. ФЕ *somebody's voice shake* также передает состояние злости, гнева, что может указывать на схожие паттерны выражения отрицательных эмоций. Кроме этого, в рассматриваемой языковой единице также фиксируется метафора, при помощи которой голос (абстрактное понятие) осмысливается как материальная сущность, способная к самодвижению.

В ФЕ *shake one's fists (at somebody)* концепт гнева воплощен посредством образа типичной поведенческой реакции на раздражающий фактор — угрозы физической расправы (размахивание кулаком).

Демонстративное проявление удивления, неодобрения, отрицания чего-либо передается ФЕ *shake one's head*. Как и в предыдущих выражениях, в представленной единице также выделяется метонимия, замещающая ту или иную эмоцию смежным с ней динамическим образом, в данном случае — жестом (качанием головы).

В сфере межличностных отношений ФЕ *shake hands on something* вербализует ситуацию заключения сделки или соглашения, описываемую через смежный стереотипный образ рукопожатия. Актуальное значение ФЕ связывается с ее прототипом посредством метонимии, поскольку данный жест является одним из элементов сценария заключения сделки, т. е. связан с ним по принципу «часть—целое».

ФЕ *shake somebody's confidence/beliefs* представляет собой ситуацию, когда один человек лишает другого веры или уверенности в себе. Здесь метафора каузированного колебательного движения описывает изменения внутренней организации личности, системы взглядов человека под влиянием внешних факторов. Кроме этого, в основе данной ФЕ также выделяется метафора, при помощи которой абстрактные понятия (вера и уверенность в себе) осмысливаются как абстрактные, материальные сущности, на которые можно оказывать физическое воздействие.

В области трудовых отношений и деятельности человека ФЕ *swing for it* вербализует наказание за содеянное. ФЕ *swing the lead* номинирует ситуацию, когда человек притворяется больным, чтобы не идти на работу. Внутренняя форма данных ФЕ затемнена. Можно предположить, что в основе ФЕ *swing for it* заложена идея повешения. Согласно одной из возможных интерпретаций, рассматриваемое выражение относится к морской лексике и связано с практикой опускания куска свинца в воду для проверки глубины дна. Это не требовало от моряков больших усилий, поэтому они намеренно продельвали работу медленно, чтобы избежать более трудных обязанностей [The Oxford 2006]. Данную ФЕ можно отнести к метафорическим единицам. При этом этимологические данные показывают прямую связь между описанным поведением моряков и нежеланием выполнять работу, что позволяет говорить о метонимической основе реализуемой в обороте метафоры.

ФЕ *shake the dust off one's feet* репрезентирует отказ от чего-либо и восходит к библейской метафоре:

*If anyone will not welcome you or listen to your words, leave that home or town and **shake the dust off your feet** as a testimony against them* [Matthew 10:14; Mark 6:11; Luke 9:5].

В Библии стряхивание пыли с ног символизирует отказ апостолов от взаимодействия с теми, кто отвергает слово Божье.

Влияние на исход событий конструируется при помощи метафорического образа «раскачивания баланса»: *swing the balance*. Здесь метафора каузированного колебательного движения концептуализирует изменения под влиянием внешних факторов.

ФЕ *shake the foundations of something* характеризует событие, которое приводит к изменению системы социальных взглядов и вынуждает людей сомневаться в глубоко укоренившихся убеждениях. В данном выражении реализуется две метафорические модели: метафора «движение–изменение» и строительная метафора, при помощи которой элементы мировоззрения осмысляются как здания.

Описание узкого, небольшого пространства осуществляется через комический метафорический образ места, настолько малого, что там невозможно даже «покачать кота»: *there is not enough room to swing a cat*. Считается, что прототип ФЕ апеллирует к образу кошки-девятихвоста — плети с острыми наконечниками, служащей средством наказания солдат Британской армии или моряков на судне [The American 2013].

Выражение *swing both ways* дает характеристику личности и обозначает бисексуальную форму полового поведения. В основе рассматриваемой ФЕ также выделяется две метафоры: метафора колебательного движения, концептуализирующая сексуальный интерес к обоим полам, и метафора пути, которая определяет ориентацию человека, т. е. паттерн его/ее влечений.

ФЕ *shake a leg* связана с областью движения метонимически, так как концепты спешки или танца заменены смежным образом изменения положения ноги, главного органа опоры и передвижения.

Проведенное исследование показывает, что образы колебательного движения используются для описания телесного опыта человека, реконструкции стереотипных, социально-бытовых ситуаций. Данное наблюдение подтверждается анализом семантики тех ФЕ, в основе которых лежат метонимические модели. Кроме этого, рассматриваемые единицы образуются и путем метафоризации исходных образов. Как показывает анализ, в семантической структуре некоторых выражений фиксируются бинарные метафорические или «метафоро-метонимические» (смешанные) модели переосмысления, что объясняется усложненным характером фразеологической семантики. В заключении можно отметить, что анализ языковых данных позволяет расширить базу знаний о семантике колебательного движения и реконструировать один из участков динамической картины мира.

Литература

Official King James Bible Online. – URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org> (дата обращения 12.10.2022). – Текст: электронный.

The American Heritage Dictionary of Idioms / C. Ammer. Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt, 2013. – 506 p.

The Oxford Dictionary of Phrase and Fable / E. Knowles. – Oxford: OUP Oxford, 2006. – 816 p.

**Ширяева Оксана Витальевна,
Режук Зинаида Владимировна**
Южный федеральный университет
УДК 81-13

**Жаргонная лексика в текстах СМИ в аспекте
рискогенности (на примере особенностей употребления
единицы «беспредел»)**

*язык СМИ, жаргонизация, концептуальная метафора,
рискогенность*

Практически все исследователи сходятся во мнении о том, что язык СМИ является отражением реального состояния языковой системы и речевых практик в актуальный период. Неоднократно отмечался тот факт, что все значимые феномены, парадоксы и проблемы, существующие в языке, присутствуют и в текстах СМИ, причем именно в них они воплощены наиболее полно и остро [Аветисян 2002: 81]. С другой стороны, журналистский дискурс и сам оказывает значительное влияние на актуальные речевые практики, он способствует распространению новой лексики, закреплению актуальных процессов в языке (лавинообразного словообразования, неосемантизации и т.д.), актуализации не только отдельных лексем, но и концептов, ценностных смыслов. Несомненно, что «влияние массовой коммуникации на современное речеупотребление огромно и требует тщательного, систематического изучения» [Добросклонская 2007: 39; Давыдова 2011: 94]. Однако необходимо учитывать, что оно затрагивает не только формальные элементы языковой системы, но и более глубинные уровни, на которых происходит функционирование смыслов и аксиологических систем. Язык СМИ не только отражает трансформации национальной картины мира, но и провоцирует их, а также способствует их закреплению, санкционирует некоторые способы восприятия, осмысления и оценки действительности.

Повсеместно отмечается такое явление, как демократизация языка СМИ, обусловленная, по мнению ученых, общей демократизацией социальной реальности, происходящей в последние десятилетия [Аветисян 2002; Давыдова 2011]. Ее непосредственным следствием является проникновение в журналистские тексты таких еди-

ниц, употребление которых еще несколько десятилетий назад представлялось невозможным и неуместным, при этом демократизация языка СМИ способствует дальнейшей демократизации всех речевых практик. Одним из ее проявлений является жаргонизация. По мнению С.В. Давыдовой, в настоящее время использование жаргонной лексики (в том числе и единиц тюремно-лагерного жаргона) – это не столько признак конкретной социальной среды, сколько «вызов официальному (литературному) языку» [Давыдова 2011: 95]. Исследователь считает, что «современный язык СМИ, особенно молодежных, удовлетворяет запросы тех, кого не устраивал литературный язык» [Давыдова 2011: 96].

Привлекательность жаргонной лексики для журналистов объясняется целым рядом причин, среди которых, по всей видимости, на первый план выходит потребность в наиболее ярком, емком и эмоционально-экспрессивном вербальном выражении. Е.А. Земская указывает на целый ряд значимых факторов. Среди них усиление личностного начала и «персонификации» коммуникации, общее ослабление цензуры, расширение неформальной сферы и ее повсеместное проникновение, усиление потребности в негативной оценке освещаемых явлений [Русский 2000]. Жаргонизмы делают сообщение лично окрашенным, неформальным, приближенным к живой разговорной стихии, эмоционально насыщенным.

В «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова приводится следующее толкование единицы 'беспредел': «Отсутствии правил, законов, ограничивающих чей-либо произвол. *Правовой беспредел. Ценовой беспредел.* 2. Произвол, беззаконие. *В городе творится беспредел.* О поступках, цинично попирающих чьи-либо законные права» [Кузнецов 2000: 74]. Отмечается, что эта единица пришла в литературный язык из уголовного жаргона в кризисный период 1990-х гг. [Бельчиков 2004]. Анализируя разнообразные лексикографические источники и научные публикации, И. Баринава и И. Овчинникова извлекают следующие регулярные интерпретации семантики единицы: «1. бунт на зоне; 2. нарушение воровских законов; 3. преступная группировка, не соблюдающая воровских законов, стоящая особняком в преступном мире; 4. вор, ушедший из воровской среды и прекративший преступную деятельность» [Баринава, Овчинникова 2020: 377–378]. Исследователи при этом отмечают, что все выделенные значения имеют общую сему 'преодоление предела,

нарушение установленных границ, правил' [Баринаова, Овчинникова 2020: 377].

В языке СМИ эта единица, по всей видимости, являвшаяся ключевым словом текущего момента в середине 1990-х гг., продолжает использоваться и в настоящее время. Рассмотрим некоторые контексты. Материал журналиста Сергея Лебедева, посвященный проблеме алкоголизма и лоббированию интересов производителей алкогольной продукции, озаглавлен как *«Российский питейный беспредел: тысячи жизней и миллиарды убытков»*¹.

Жаргонизм *беспредел* занимает сильную позицию в тексте, являясь ключевым словом заголовочного комплекса, он также неоднократно повторяется и в основном тексте статьи, *беспределом* автор называет ослабление государственного контроля за производством ликеро-водочной продукции, утрату государственной монополии, потерю государственной прибыли, производство алкоголя низкого качества, наносящее непоправимый вред здоровью населения. В данном случае жаргонизм является средством вербализации концептуальной метафоры: актуальная производственная, экономическая и юридическая ситуация осмысливается как масштабное, всеохватное преступление. Такое уподобление способствует привнесению в текст дополнительных смыслов, автор убеждает читателя в беззаконии производителей алкоголя, беспечности властей, возможном уроне. Жаргонизм способствует экспликации ярко выраженной негативной оценки, при этом такая оценка получает наиболее эмоциональную форму. Подобный механизм присутствует и в материале Марины Третьяковой: *«Закон вступил в силу в 2016 году, и с этого момента коллекторский беспредел постепенно пошел на убыль»*². В данном случае криминальная концептуальная метафора используется для обозначения и оценки деятельности коллекторов, нарушающей если не юридические, то этические законы. В обоих случаях жаргонная единица помогает подчеркнуть всеохватность, масштабность негативно оцениваемого явления.

За подобной оценкой стоит выраженная морально-этическая позиция журналистов, заботящихся о всеобщем социальном благе,

¹ См.: https://www.pravda.ru/economics/1750658-tysjachi_zhiznei_i_milliardy_ubytkov_piteinogo_bespredela/ (дата обращения: 27.09.2022).

² См.: <https://www.pnp.ru/economics/chuzhie-dolgi-menya-ne-kasayutsya.html> (дата обращения: 27.09.2022).

маркирующих сложившуюся ситуацию как преступную, недопустимую, неприемлемую, стремящихся привлечь внимание общественности к проблеме и перевести вопрос о ее решении в юридическую плоскость. В данном случае употребление жаргонизма, продолжающего ассоциироваться у большинства носителей языка с криминальным миром и его речевыми практиками, представляется уместным. Однако подобное словоупотребление может иметь и другой эффект. Частотное использование подобных единиц способствует тому, что они не выходят из разряда актуализированной лексики. Если в 1990-е гг., лексема *беспредел* являлась ключевым словом текущего момента, то и спустя почти тридцать лет она продолжает активно использоваться в массовой коммуникации. В данном случае основной риск состоит в закреплении концепта «Беспредел» в сознании носителя языка. Устойчивая ассоциация с маргинальным миром преступности становится нормальной, неотъемлемой частью обыденного словоупотребления. Единица *беспредел* и обозначаемый с ее помощью комплекс значений не остается в 1990-х гг. и не становится узнаваемой приметой нестабильного прошлого, она остается в речевых практиках настоящего, способствует тому, что в сознании носителей русского языка девиантное переходит в разряд нормального.

Литература

Аветисян Н.Г. Язык СМИ как фактор развития языка // Вестник Московского Университета. – Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 4. – С. 80–86.

Баринова И., Овчинникова И. О семантике слова *беспредел* в русском литературном языке // Przegląd wschodnioeuropejski. – 2020. – № XI (1). – С. 375–385.

Бельчиков Ю.А. О стабилизационных процессах в русском литературном языке 90-х годов XX века. – В: Семиотика, лингвистика, поэтика. К столетию со дня рождения А.А. Реформатского. – М., 2004. – С. 27–36.

Давыдова С.В. Язык средств массовой информации // Lingua mobilis. – 2011. – № 2 (28). – С. 93–96.

Добросклонская Т.Г. Язык СМИ: становление и содержание понятия / Т.Г. Добросклонская // Вестник Московского Университета. – Серия 19. – Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2007. – № 4. – С. 9–15.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб: Норинт, 2000. – 1536 с.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / В.Л. Воронцова, М.Я. Гловинская, Е.И. Голанова и др.; отв. ред. Е.А. Земская; Ин-т рус. Яз. РАН. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – 477 с.

КЛИНИЧЕСКАЯ И НЕЙРОЛИНГВИСТИКА. ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Адамова Зоя Гаврильевна

Московский государственный лингвистический университет

УДК 81.23

Принцип конвенциональности как принцип этнопсихолингвистического исследования «социальных образов»

этнопсихолингвистика, социальные образы, этносоциальные представления, конвенциональный стереотип, мотивационная основа, принцип конвенциональности

Ассоциативный эксперимент является основным психолингвистическим инструментом сбора данных для решения проблем этнокультурной спецификой сознаний. При этом некоторые принципиальные вопросы методологического характера, касающиеся интерпретации вербальных ассоциаций, остаются открытыми, что нередко приводит исследователей к недостоверным выводам. В связи с этим предпринимаются попытки установить принципы этнопсихолингвистического исследования сознания [Адамова 2022].

Этнопсихолингвистика, главной практической задачей которой является обеспечение позитивной этнической идентичности и межэтнической толерантности, имеет дело с вопросами, связанными с социальной сущностью человека. В содержании этнической идентичности принято выделять этносоциальные представления, разделяемые в той или иной степени членами одной этнической группы – «социальные образы» в феноменологии, или «образы сознания» в отечественной лингвоконцептологии и психолингвистике.

К таким этносоциальным представлениям относятся, например, социальные нормы, или ценности, составляющие содержание социальных институтов, таких как демократия, власть или брак. В лингвистической концептологии они изучаются как «социально значимые концепты», а задачей исследователя становится осуществление «целостного описания мыслительного образа, закрепленного за словом *демократия* как главным репрезентантом одноименного концепта в сознании современных носителей русского языка» [Ручина 2022:

138]. В цитируемой работе исследователи, используя ассоциативный эксперимент для верификации содержания концепта *демократия* по лексикографическим данным и выявления его когнитивных признаков, «отражающих восприятие в национальном языковом сознании», делают вывод о приобретении исследуемым концептом «оценочных коннотаций, которые отсутствовали в словарных толкованиях *демократии*»; его «неоднозначном» восприятии носителями современного русского языка, что «манифестирует некие чуждые русскому обществу устройству социально-политические и идеологические смыслы» [Там же: 147]. Тем самым, исследователи допускают методологическую ошибку, отождествляя два разных лингвистических конструкта: семантическое поле как лексический инвариант языковых единиц и ассоциативное поле как компонент актуальной речевой деятельности индивида [Ассоциативный 2019: 10].

В лингвистическом описании «социально значимых концептов» мы, безусловно, имеем дело с *динамичными формами* вербального проявления сознания [Ушакова 2000], в основе которых лежат социальные взаимодействия как результат «понимания Другого и образов действий» [Шюц 2004: 24].

Если мы претендуем на описание социально значимых концептов, мы должны учитывать принципиально важные аспекты «социальных образов» – имеющих внутреннюю структуру релевантности «конструктов обыденного мышления повседневной жизни, воздействующих на поведение (людей), определяющих цели их действий и доступные им средства их достижения» [Там же]. Таким образом, нашей задачей становится *определение и проблематизация* этой релевантности, т.е. способов действия с «социальными образами» в речевой деятельности.

Ассоциативный эксперимент как основной психолингвистический метод сбора эмпирических данных при моделировании ассоциативного поля предоставляет нам такую возможность. В ассоциативном эксперименте обнаруживается деятельностное отношение (мотив) человека к миру, которое определяет актуальные для индивида стратегии вербальной деятельности и опосредованно – специфику концептуализации мира [Ассоциативный 2019: 5]. Именно в этом состоит главное преимущество психолингвистического подхода к этнокультурной специфике сознания: акцентируя внимание на процессе контакта человека и мира (С. Рубинштейн) мы имеем дело с действием

как единицей анализа. Согласно А.Н. Леонтьеву, в основе социальной идентичности как психологической структуры лежит фундаментальный психологический принцип противопоставления: с одной стороны, это встраивание «образа» действительности как условия формирования *потребности* деятельности, с другой стороны, процесс конструирования личностного смысла этого «образа», опосредованный предметным миром, включенным в социальную и культурную структуру реальности, который задает направление и регулирует конкретную деятельность, связанную с потребностью [Леонтьев].

Такой подход соответствует основополагающему теоретико-методологическому основанию субъектно-деятельностного подхода к проблеме сознания в отечественной гуманитарной науке, а именно требованию учета «потребности в действительности» как исходному побуждению к действию, которая может быть проявлена в возникающих на функциональной основе психических явлениях и процессах.

Кроме того, интерпретация эмоционально-оценочных реакций как когнитивных признаков «негативное» или «позитивное восприятие» анализируемых концептов *демократия, либерализм, плюрализм, толерантность* [Ручина 2022: 147] не может считаться достоверным, потому что она не принимает во внимание свойства этносоциальных представлений как конвенциональных стереотипов [Пичальникова 1997; Адамова 2006].

Экспериментально доказано, что конвенциональный стереотип формируется и функционирует по принципу динамических функциональных систем, где между доминантой и стимулом установлена такая связь, при актуализации которой возможно появление прогнозируемой реакции [Дмитриева 1996]. При этом структурообразующим компонентом стереотипа является эмоция, так как эмоция воздействует на поведение [Там же]. Именно поэтому эмоциональные представления, ассоциируемые с выражаемым языком эмоциональным отношением к предметному содержанию понятия, не только индивидуальны, но и социологизированы [Шаховский 2016].

Другим важным аспектом этносоциальных представлений как конвенциональных стереотипов является логическая и психологическая согласованность всех их компонентов, что позволяет выявить степень влияния культурологического и эмоционального компонентов на актуальное содержание стереотипа [Адамова 2006]. Таким образом, вывод о возрастающем «негативном восприятии *демократии*», интерпретируемом в рассматриваемом нами исследовании как

изменение в структуре классификационных признаков концепта и, как следствие, «фиктивности демократии» для носителей русского языка, следует рассматривать не как представленную в вербальной ассоциации «действительность», а как мотивационную основу деятельности, обусловленную конвенциональным отношением к знанию, обеспечивающим взаимодействие с миром.

Литература

Адамова З.Г. Вербальная диагностика межэтнической напряженности: дис. ... канд. филол. наук / З.Г. Адамова. – М., 2006. – 212 с.

Адамова З.Г. Принципы этнопсихолингвистического исследования сознания / З.Г. Адамова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – Вып. 6 (861). – С. 64–69.

Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики. – М.: Р.Валент, 2019. – 200 с.

Дмитриева Н.Л. Конвенциональный стереотип как средство регуляции восприятия вербализованного содержания: дис. ... канд. филол. наук / Н.Л. Дмитриева. – Барнаул, 1996. – 175 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – URL: <http://www.psy.msu.ru/people/leontiev/dsl/index.html>] (дата обращения: 14.10.2022).

Пищальникова В.А. Конвенциональный стереотип: сущность, структура, функционирование / В.А. Пищальникова, Н.Л. Дмитриева // Известия Алтайского государственного университета. – 1997. – № 2. – С. 80–84.

Ручина Л.И. Опыт экспериментального исследования социально значимых концептов в современном русском языковом сознании (концепт демократия) / Л.И. Ручина // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 3. – С. 135–151.

Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования / Т.Н. Ушакова // Языковое сознание и образ мира. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 13–24.

Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В.И. Шаховский. – М.: ЛИБРОКОМ, 2016.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц; пер. с нем. и англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.

Андреева Галина Александровна
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
УДК 159.9.072

Отрицания в речи как маркер описания эмоционально негативных стимулов

*отрицания, негативная оценка, дискурсивный маркер, ЭДЕ,
негативные стимулы, дискурс, устный корпус*

Введение. В практической психологии, в маркетинге, а также среди специалистов, практикующих гипноз, расхожим является представление о том, что отрицания лучше не использовать в речи или в рекламе, т.к. они либо запутывают реципиента, либо вообще не обрабатываются на неосознаваемом уровне [Горин 1995; Бэндлер 2000]. Всё дело в том, что при обработке отрицаний актуализируется отрицаемая лексема, а она противоположна основному значению фразы. Педагоги не рекомендуют использовать отрицания в запрете, потому что в такой фразе нет указания на то, как нужно делать [Ананьев 2007].

Эти широко известные и используемые в практической психологии предположения об отрицаниях в речи в целом остаются вне научного фокуса. Но есть некоторые зарубежные исследования, призванные прояснить характер влияния отрицаемой лексемы (или семантического ядра отрицания) на эмоциональную оценку этих фраз и эмоциональную реакцию [Wegner 1981; Herbert 2011]. Они показывают, что отрицательная формулировка фразы или слова может заметно сдвигать оценку в негативную сторону. Этот эффект связывают с влиянием эмоционально негативного значения ядра слова, которое принадлежит отрицанию, например, «no disease» (ядром здесь является слово «disease»). Но есть данные, которые показывают, что даже отрицаемые слова с позитивным ядром (например, «no love») вызывают заметный сдвиг оценки в негативную сторону, а также вызывают мигательный рефлекс как индикатор стрессовой реакции [Herbert 2011]. Сами авторы исследования с мигательным рефлексом считают свои результаты парадоксальными относительно разделяемой ими теории влияния семантического ядра.

Данные эксперименты показывают негативный эмоциональный характер восприятия отрицаний. Можем ли мы предположить, что такая закономерность есть и в противоположном, но очень близком по механизмам работы процессе – при порождении речи? Этот вопрос остается неисследованным.

Интересные теоретические рассуждения об отрицаниях в речи можно найти у З. Фрейда. Наиболее обобщенной является его идея о том, что отрицания в широком смысле – проявления Танатоса или деструктивного влечения, тогда как форма утверждения считалась результатом Эроса или влечения к жизни [Фрейд 2006]. Эти рассуждения Фрейда представлены в короткой, но очень емкой по смыслам статье «Отрицание» 1925 г. Говоря «нет», человек пытается отвергнуть, отбросить от себя плохое. Говоря «да» – наоборот, принять в себя хорошее. Если перевести эти тезисы на язык примитивных оральных инстинктов, то принятие и «да» – это способ проглотить нечто приятное, отвержение и «нет» – выплевывание отвратительного. Так, согласно психоаналитической трактовке, интеллектуальные функции суждения (согласия или несогласия) развились из примитивных инстинктов. И теперь становится понятно, почему отрицание в речи трактуется как проявление деструктивного влечения, а согласие или подтверждение рассматривается как заменитель единения и является проявлением Эроса.

Определенное влияние на характер выдвигаемой нами гипотезы оказал и прагматический характер отрицаний, заключающийся в том, что отрицания в речи сопряжены с эмоционально негативными ситуациями запрета, отвержения, критики [Убушаева 2008]. Эта констатация даже используется как доказательство негативного эмоционального характера фразеологизмов, сформулированных отрицательно [Белобородова 2010].

На основании вышеизложенных теоретических рассуждений можно предположить, что отрицания в речи действительно сопряжены с негативными эмоциями, но это утверждение изучено явно недостаточно. В нашем исследовании мы попытались экспериментально проверить, могут ли стимулы негативного эмоционального характера актуализировать употребление отрицаний при спонтанном устном описании этих стимулов. Для концептуализации исследования был выбран фрейм дискурса и дискурсивных маркеров (ДМ), как наиболее удобный и актуальный способ обработки и интерпретации полученных рассказов.

Эксперимент 1 «Картины». Испытуемым (N=42) нужно было устно описать две картины, противоположные по своим эмоциональным характеристикам – позитивная (рис. 1) и негативная (рис. 2). Испытуемыми были в основном студенты РАНХиГС в возрасте от 18 до 23 лет. Предварительная калибровка и оценка картин по шкале выражения эмоций показала высокую разницу в оценках испытуемых (N=10) своих эмоциональных реакций в ответ на предложенные картины (картина Мунка вызвала явно негативные переживания).

Гипотеза: при описании эмоционально негативной картины в рассказах испытуемых будет больше отрицаний, чем при описании позитивной картины.

Полученные устные рассказы транскрибировались по системе выделения фраз или элементарных дискурсивных единиц ЭДЕ [Кибрик 2003, 2009; Бутова 2021] и далее сравнивались по количеству отрицательных оборотов (частицы и приставки «не», «ни» и слова «нет») относительно количества фраз в рассказах.

Рис. 1. А.Н. Аверин «На этуадах», конец XX в.

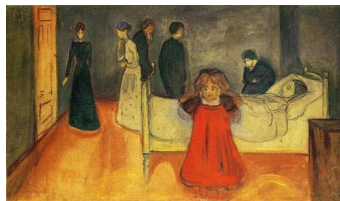

Рис. 2. Э.Мунк «Смерть и дитя», 1899 г.

Результаты исследования 1: если сравнивать индексы отрицаний по критерию Вилкоксона для связанных выборок, статистическая значимость различий высокая ($p \leq 0,001$). Значение критерия $Z = -3,720$, значимость $p = 0,000$.

Количество отрицаний в описаниях негативной картины встречаются в два раза чаще, чем при описании позитивной картины (индекс отрицаний 0,12 и 0,06 соответственно). Стандартное отклонение показывает большую вариативность количества отрицаний при описании позитивной картины (0,06), чем при описании негативной (0,08). Это говорит о том, что употребление отрицаний при описании негативной картины более согласованы и стабильны.

Эксперимент 2 «Воспоминания». Во втором исследовании (N=32) испытуемым нужно было рассказать два воспоминания о

себе: страшное и радостное. Гипотеза: страшные воспоминания будут описываться с большим количеством отрицательных фраз, чем радостные воспоминания. Участниками были также студенты РАН-ХиГС. Полученные данные анализировались аналогично первому исследованию с картинками.

Результаты исследования 2: при описании страшного воспоминания отрицания использовались испытуемыми в два раза чаще, чем при описании радостного воспоминания (индексы 0,16 и 0,08 соответственно). Сравнение индексов отрицаний в рассказах о воспоминаниях по критерию Вилкоксона для связанных выборок показало высокую статистическую значимость различий ($p \leq 0,001$). Значение критерия $Z = -3,606$, значимость $p = 0,000$. Стандартные отклонения показывают умеренную вариативность данных.

Обсуждение. Если обратиться к интерпретации данных в чисто механистическом ключе, то появление отрицаний при описании негативных стимулов может быть результатом ассоциации отрицательной формы в речи с эмоционально негативным характером стимулов. Истоки данной ассоциативной связи лежат в речевом опыте каждого из нас, когда с детства ребенок, а потом и взрослый сталкивается с отрицательными частицами в эмоционально негативных ситуациях запрета, депривации желания: «Не плачь, не кричи, не кури», критики: «Нет логики, не годится», отказа: «нет сил, не работаем» и т.п.

Вспоминая идеи Фрейда о том, что отрицания в речи подобны желанию отбросить от себя что-то плохое, можно сделать вывод о том, что актуализация отрицаний при **описании негативных стимулов вызвана именно этим желанием – выйти** из ситуации, в которой человек вынужден погружаться в негативные воспоминания или разглядывать и описывать картину, повествующую о смерти матери маленькой девочки.

В представленных здесь исследованиях анализировались суммарные отрицания на уровне текста. Дальнейшие же исследования будут направлены на выявление механизмов работы отрицаний на уровне фразы, т.к. остаётся непонятным механизм актуализации отрицания в каждом конкретном случае. Ведь употребление отрицательных маркеров не обусловлено недостатком лингвистических средств, почти в каждом случае фраза может быть построена утвердительно.

Выводы. Проведенные исследования показывают, что от эмоционального характера описываемого стимула может зависеть количественное употребление отрицаний в речи – негативный стимул актуализирует отрицания в речи. Данный вывод подкрепляется двумя экспериментальными процедурами, которые показывают количественно схожие результаты, что указывает на надежность полученных данных.

Литература

Белобородова А.В. Средства выражения отрицания и негативной коннотации во фразеологизмах со значением безразличия в русском и английском языках / А.В. Белобородова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2010. – № 1. – С. 147– 155.

Кибрик А.А. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего / А.А. Кибрик, В.И. Подлесская // Когнитивные исследования. – 2006. – Т. 1. – С. 138– 158.

Фрейд З. Психологические сочинения [в 10 т.]: Т. 4 / З. Фрейд. – М.: ООО «Фирма СТД», 2006. – 325 с.

Wegner D. Incrimination through innuendo: Can media questions become public answers? / D. Wegner, R. Wenzlaff, R. Kerker, A. Beattie // Journal of Personality and Social Psychology. – 1981. – 40. – Pp. 822– 832.

Herbert C. Negation as a means for emotion regulation? Startle reflex modulation during processing of negated emotional words / C. Herbert, R. Deutsch, S. Sütterlin, A. Kübler, P. Pauli // Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience. – 2011. – Vol. 11 (2). – Pp. 199– 206.

Сила ассоциативной связи глаголов социальных действий и отношений с характеристиками человека

*психолингвистический эксперимент, ассоциативно-вербальная
связь, глагол, характеристика человека, импликационал*

В современной психолингвистике значение слова рассматривается как «феномен, принадлежащий сознанию человека, как результат отражения действительности, сформированной в процессе различных видов деятельности, т.е. как превращенная форма деятельности» [Клименко 2009: 115]. Структура психологически реального значения выстраивается на основе ассоциативных связей, которые объединяют «кванты знания» о называемой сущности.

В рамках психолингвистического подхода к значению глагол представляет собой языковой знак, активирующий знание о ситуации, событии, положении дел. Е.С. Кубрякова указывает на особую роль глагола в концептуализации и описании положения дел и событий, подчеркивая наличие «импликаций в его семантике того или иного компонента событий – его причины или его результата, его цели или способа совершения, его участников и т.п.» [Кубрякова 2004: 265]. В нашем исследовании мы сосредоточили внимание на проблеме импликации характеристик человека в значении английских глаголов лексико-семантической группы социальных действий и отношений.

В словарных дефинициях некоторых глаголов из указанной группы можно обнаружить конкретизаторы, семантически ориентированные на концептосферу «человек». Например, в значении глагола *arrest* 'арестовывать' содержится указание на то, что исполнитель действия обладает законной властью: 'to deprive (a person) of liberty by taking him into custody, esp. **under lawful authority** = лишать (человека) свободы путем заключения под стражу, особенно на основании законных полномочий'. В дефиниции *betray* 'предать' определены социальные роли участников ситуации: 'to aid an **enemy** of (one's nation, **friend**, etc.), be a **traitor** to = помогать **врагу** (своей

нации, **другу** и т. д.); быть **предателем**'. Во вторичном варианте значения характеристика «вероломный» встроена в конкретизатор способа действия: 'to disclose (a secret, confidence, etc.) **treacherously** = раскрывать (секрет, тайну и под.) **вероломно**'. Определение значения глагола *worship* 'поклоняться, служить' включает конкретизаторы «преданность» «уважение»: 'to show profound religious **devotion** and **respect** to = проявлять глубокую религиозную **преданность** и **уважение** к кому-л., чему-л.'.

Примеры словарных дефиниций глаголов показывают, что даже при наличии компонентов значения, отражающих характеристику, необходимо провести определенную аналитическую операцию для соотнесения характеристики с участником ситуации. Так, компонент способа действия конкретизирует тип действия, но концептуальная связь компонента с антропосферой позволяет вывести априорную характеристику исполнителя, например: (*о человеке*) *действовать вероломно* – человек *вероломный*. В значении глагола имеет место метонимический перенос, когда характеристика исполнителя действия распространяется на характеристику действия в целом. В других случаях характеристика человека выводится на основе отношений принадлежности как необходимых условий для осуществления действия (что-то – часть действующего субъекта). Тот, кто имеет чувство (например, уважение, преданность) или статус (например, власть, полномочия), способен выполнять обозначаемое действие (поклоняться, арестовывать). Таким образом, уже на уровне лексикографической модели значения глаголов социальных действий и отношений удастся выделить характеристики человека как часть пре-суппозиций и импликаций.

Экспериментальные психолингвистические данные дают относительно надежные результаты, отражающие семантику единицы в языковом сознании коммуникантов [Рудакова 2016: 195]. Для исследования вопроса о том, насколько характеристика человека имплицирована в семантике английских глаголов социальных действий и отношений, был проведен эксперимент, направленный на оценку предъявляемых стимулов. Эксперимент проводился опосредованно на платформе *psytoolkit.org*. Респондентами в эксперименте выступили 70 студентов выпускных курсов факультета английского языка Минского государственного лингвистического университета.

Испытуемым было предложено оценить правильность характеристики человека, исполняющего определенное действие (правая

стрелка – да, верно, левая стрелка – нет, неверно). Предъявляемый испытуемым материал строился в виде двух стимульных синтагм: Person X [key verb] Person Y. Person X is [associate characteristics]. Чтобы направить ассоциирование на концептуальную сферу «человек», задан участник ситуации *person*. Имена участников неопределенны (X, Y), чтобы исключить возможное влияние на процесс ассоциирования (т.е. уже сложившиеся представления о характере или личности с определенным именем). Стимулы-синтагмы минимальны по составу, реальную семантику актуализируют только ключевой глагол (key verb) и слово, обозначающее характеристику (associate characteristics). В качестве последнего выступают прилагательные (например, *honest* ‘честный’, *angry* ‘злой’) или существительные, называющие тип человека по статусу (например, *partner* ‘партнер’, *authority* ‘представитель власти’).

Список ключевых глаголов-стимулов включал 30 единиц, для которых на основе анализа словарной дефиниции и интуиции исследователя были выделены импликациональные признаки, отражающие характеристики человека. Чтобы дифференцировать задание на оценку стимулов, в некоторых случаях во вторую синтагму вводились слова, противоположные по значению импликациональным характеристикам.

Определение силы ассоциативной связи между типом действия и характеристикой человека осуществлялось с опорой на стохастическую концепцию значения М.В. Никитина, в которой импликационал ранжируется по степени вероятности: жесткий (обязательная и необходимая импликация), сильный (высокая степень вероятности признака), слабый (наличие или отсутствие признака в равной степени вероятно) и неимпликационал (отрицательная импликация) [Никитин 1988: 164]. Прогнозируемый ответ в эксперименте определяется как реализованная вероятность импликации. Процентное соотношение одинаковых ответов позволяет определить силу импликации в терминах М.В. Никитина: 100% – жесткий импликационал, 99 – 80% положительных ответов – сильный импликационал, 99 – 80% отрицательных ответов – неимпликационал. Другие варианты процентного соотношения ответов соответствуют слабому импликационалу.

Результаты эксперимента подтвердили гипотезу о наличии ассоциативной связи между типом действия и характеристикой человека, однако сила ассоциативной связи достаточно вариативна. Так, на стимульные синтагмы с глаголом *arrest* и характеристикой *authority* было дано 77% положительных ответов, что соответствует слабому

импликационалу, приближенному к сильному (возможно, при большем количестве респондентов процент ответов будет в диапазоне 99 – 80%). Характеристика *faithful* 'верный' относится к негемпликационалу глагола *betray* (87% отрицательных ответов), что коррелирует с наличием импликационального признака «неверный», который был установлен на уровне дефиниции. Однако характеристика *devoted*, выделенная в дефиниции глагола *worship*, оказалась признаком слабого импликационала (56% положительных ответов).

Для следующих глаголов была установлена сильная ассоциативная связь с определенной характеристикой человека: *thank* 'благодарить' – *polite* 'вежливый' (98%); *save* 'спасать' – *brave* 'храбрый' (96%); *welcome* 'приветствовать, принимать' – *hospitable* 'гостеприимный' (93%); *teach* 'учить' – *knowledgeable* 'знающий, грамотный' (89 %); *abuse* 'издеваться' – *cruel* 'жестокий' (88%); *help* 'помогать' – *kind* 'добрый' (87%); *terrorize* 'терроризировать' – *hostile* 'враждебный, агрессивный' (86%).

Негемпликациональным оказался признак *stupid* 'глупый' для глагола *understand* 'понимать' (100% отрицательных ответов); признак *poor* 'бедный' для *sponsor* 'спонсировать' (91%); категориальная характеристика *enemy* 'враг' для глагола *negotiate* 'вести переговоры, договариваться' (89%); *indifferent* 'безразличный' для *advise* 'советовать' (88%); *aggressive* 'агрессивный' для *warn* 'предупреждать' (87%); *serious* 'серьезный' для *flirt* 'флиртовать' (84%). Остальные пары стимульных глаголов и характеристик проявили слабоимпликациональные связи.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что лексикографическая модель глагольного значения не фиксирует все импликациональные компоненты, отражающие характеристики участников ситуации, и не отражает степень вероятности актуализации таких компонентов при текстостовприятии. Тем не менее, некоторые глаголы социальных действий и отношений проявляют сильную ассоциативную связь с определенной характеристикой человека, что позволяет говорить о наличии в их структуре значения импликациональных признаков, относительно регулярно актуализируемых в речи.

Литература

Клименко А.П. Значение слова как предмет психолингвистики / А.П. Клименко, И.А. Бубнова // Славянские языки: аспекты исследования: сб. ст. – Минск: БГУ, 2009. – С. 111–116.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянских культур, 2004. – 560 с.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.

Рудакова А.В. Психолингвистический эксперимент и описание семантики слова / А.В. Рудакова, И.А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2016. – №1 (27). – С. 194–208.

Бурмакина Наталья Геннадьевна
Сибирский федеральный университет
УДК 81'234

Разработка и стандартизация русскоязычной версии теста МАКРО

*нейропсихологический тест, обработка текста,
кросс-культурная нейропсихология, межъязыковая локализация*

Цель доклада – осветить процесс создания русскоязычной версии скрининга обработки текстовых макроструктур пациентами с неврологическими расстройствами (МАКРО), созданного специалистами департамента германистики Университета Людвига-Максимилиана г. Мюнхена.

Тест МАКРО чувствителен к выявлению остаточных афазий и может быть использован как инструмент оценки терапевтической работы с пациентами на стадии легких форм проявления афатического синдрома. Скрининг применим для установления отклонений в обработке текста пациентами с когнитивными коммуникативными расстройствами после черепно-мозговых травм, для тестирования субъективных когнитивных расстройств, также нейрогенеративных процессов на ранней стадии развития болезни.

Целью теста является выявление способности человека обрабатывать различные типы текстов (процедурные и нарративные), воспринимать информацию, передаваемую через различные модусы (вербальный текст и изображения), и разработан с целью максимально детализированно оценить личный профиль нарушений пациента в данной сфере. Четыре раздела теста позволяют выявить способность человека выбирать релевантную информацию в тексте, выстраивать верные (логичные) последовательности высказываний, формулировать выводы на основании прочитанного и самостоятельно конструировать нарратив, используя визуальные стимулы. Кроме оценки успешности выполнения тестовых заданий, предусмотрена возможность выявить отклонения в скорости обработки текстов. Тестовая система включает две параллельных версии А и Б, что позволяет оценивать эффективность реализации языковой терапии.

Процесс перевода теста сопряжен с рядом трудностей. Нейропсихологические тесты отражают культурные особенности и интерпретацию мира их разработчиков. Перед создателями переводных версий тестов стоит задача адаптировать тестовую систему к видению окружающей действительности, доминирующему в их родной культуре, т.е. произвести межъязыковую локализацию конечного продукта к принимающей культуре. «The development of new neuropsychological instruments, appropriate for different cultural contexts, represents a challenge for neuropsychology. Brain pathology can be reflected in somehow different ways according to the cultural contexts and ecological demands. And neuropsychological tests must be adapted (i.e., redeveloped; not just translated) when applied to a cultural group different from the group in which they were originally developed» [Ardila 1995: 148].

Стандартизация нейропсихологической методики МАКРО потребовала от создателей русскоязычной версии значительных усилий по переработке выполненного перевода для достижения максимальной эквивалентности полученного продукта немецкоязычному оригиналу. Достижению названной цели способствовала разработанная Всемирной организацией здравоохранения методика адаптации психометрических инструментов на других языках, включающая этапы прямого и обратного перевода, обсуждение содержания с создателем оригинальной версии, апробирование и стандартизацию материалов тестов.

Создание переводной версии теста было связано с необходимостью внести многочисленные трансформации в содержание тестовых заданий, мотивированные кросс-культурными расхождениями: использование в заданиях культурно-специфичных сценариев действий в повседневной жизни; различия в представлениях о гендерных ролях в двух культурах; несовпадения во временном ритме культур; упоминание реалий жизни в Германии; использование культурно-специфичных имен собственных и др.

В настоящий момент тест переведен на русский язык в соответствии с описанными процедурами перевода ВОЗ, версия А апробирована на выборке здоровых испытуемых. Планируется продолжение работы по апробированию варианта Б с людьми без диагностированных неврологических нарушений и стандартизация теста в группе пациентов с легкой степенью проявления афазий различных типов.

Необходимость перевода тестовой системы МАКРО на русский язык обусловлена отсутствием в арсенале отечественных логопедов, афазиологов и нейропсихологов инструментов измерения отклонений на уровне обработки текста пациентами с неврологическими расстройствами. Представленная скрининговая система позволит ликвидировать данную лауну.

Литература

Ardila A. Directions of research in cross-cultural neuropsychology / A. Ardila // *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*. – 1995. – № 17 (1). – Pp. 143–150.

Büttner J. MAKRO Screening zur Verarbeitung der Makrostruktur von Texten bei neurologischen Patienten / J. Büttner. – Hofheim: NAT-Verlag, 2018. – 110 S.

Process of translation and adaptation of instruments. World Health Organization. – 2007. – URL: http://www.who.int/substance_abuse/research_tools/translation/en/ (дата обращения: 30.09.2022).

**Изучение процесса категоризации у детей
по методу Дж. Брунера**

*когнитивное развитие ребенка, эксперимент, категоризация,
перцептивное сходство, дифференциальные признаки*

Изучению когнитивного развития ребенка посвящено большое количество научных трудов, что вполне оправдано, так как их результаты позволяют понять процессы мышления в онтогенезе, а также вносят весомый вклад в когнитивные исследования в целом. Особо следует выделить работы Дж. Брунера [Bruner 1966; 1974; Bruner 1966], посвященные процессу категоризации у детей разного возраста, так как этот процесс связан с познанием, а его изучение дает представление о когнитивном развитии в широком смысле.

Нами было проведено экспериментальное исследование по методу Дж. Брунера [Брунер 1977], цель которого заключалась в изучении когнитивного развития детей, а именно способности детей к отнесению изображений и слов, именующих различные объекты, к тем или иным обобщающим категориям. Целью работы была проверка гипотезы, влияет ли современное общество (раннее знакомство детей с электронными устройствами, реклама, компьютерные игры и т.д.) на изменение процессов категоризации объектов окружающего мира. Полностью дублировалась методика Дж. Брунера: проведены две серии экспериментов – по сходству и различению слов и по сходству и различению изображений с тем же набором слов и изображений, как и в его экспериментах. В опросе участвовали дети в возрасте от 4 до 10 лет (всего 53 человека), посещающие один из подмосковных Центров развития детей. В проведении опросов участвовала К.П. Шевлякова.

В лексике детей в возрасте от 5 до 10 лет присутствуют языковые единицы – имена категорий, однако 30% детей не смогли подобрать имя категории, в результате чего заменяли имя на признак объектов той или иной категории (*это издает звук, все остальное – продукты*). Более того, на первый план в ответе ребенка выходит перцептивный признак, то есть категоризация по цвету, форме и т. д.

(это все зеленое). Дети 4–6 лет в процессе категоризации чаще подводят объекты под общую категорию, опираясь на перцептивное сходство. Дети в возрасте от 7 до 10 лет при выборе категории основываются на дифференциальных признаках. Именно в возрасте от 7 до 10 лет используют сразу несколько классификационных стратегий, например, «*это сделано из бумаги, другим можно управлять*» (свойство + функция).

На визуальном материале формирование категорий у детей происходит быстрее и увереннее. Они фиксируют внешние признаки, наличие деталей, свойства и качества объекта. Функциональные признаки объектов доминируют в эксперименте с вербальным материалом. Более старшие дети выбирают категории на основе предметно-практических действий, включения в конкретную ситуацию, и коммуникативно-речевых, закрепляя функциональный признак в синтаксических структурах.

Участники проведенного опроса в процессе категоризации опираются на дифференциальные признаки объектов визуального материала чаще, чем вербального материала (67% и 33%), реже на нерасчлененный комплекс признаков (вербальный – 47%, визуальный – 53%). Респонденты выбирают несколько оснований классификационной стратегии только с объектами вербального материала.

В своем исследовании Дж. Брунер выделял эмоциональное отношение к объекту (*я все это люблю*) в отдельный принцип категоризации. По результатам нашего исследования лишь у 5% детей в визуальном эксперименте этот принцип стал основанием для классификационного решения.

Результаты экспериментов с вербальным и визуальным материалом показали, что с возрастом возрастает категоризация по дифференциальным признакам, а также дети используют накопленные знания и опыт, быстрее делают умозаключения и справляются с поставленными задачами. Старшие дети способны выделить большее количество категорий, а также сразу несколько классификационных оснований. Это зависит от степени развития детей, влияния дошкольного, дополнительного образования и обучения в школе, а также использования накопленных ими знаний. По результатам сравнения вербального и визуального экспериментов можно сказать, что маленькими детьми изображения воспринимаются проще.

Таким образом, спустя пятьдесят лет на идентичном материале, но с детьми в возрасте от пяти до десяти лет, живущими в совершенно ином информационном обществе, когда в окружающем мире произошли кардинальные изменения, подтверждается положение о том, что в основе познавательной деятельности человека лежит способность к категоризации и обобщению, то есть овладению определенными структурами, обеспечивающими организацию получаемых ребенком знаний. Проблема категоризации связана с обсуждением роли языка в когнитивном развитии и может быть сведена к обсуждению функционирования обобщающих слов – слов, именующих не отдельные сущности, а классы и категории. Формирование этих способностей является важной задачей для исследователей когнитивного развития детей. Дж. Брунер рассматривает формирование категорий как переход от неразличения к различению. Определение количества и качества признаков, на основе которых дети относят объекты к той или иной категории, является одним из важнейших шагов, приводящих к возникновению категории.

Исследование Дж. Брунера, на основе которого мы проводили наш эксперимент, до сих пор не утратило своего значения для изучения процессов категоризации.

Литература

Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / Дж. Брунер. – М.: Прогресс. 1977. – 413 с.

Bruner J. The course of cognitive growth / J. Bruner // *American Psychologist*. – 1964. – Vol. 19. – P. 1–15.

Bruner J. Beyond the information given; studies in the Psychology of knowing / J. Bruner. – N.Y., 1973.

Bruner J. Studies in cognitive growth / J. Bruner, R. Oliver, P. Greenfield. – New York: John Willey, 1966.

Вашунина Ирина Владимировна
Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации
УДК 81.112

Креолизованный текст: 30 лет исследований

*креолизованный текст, смысловое восприятие текста,
экспериментальные исследования, параметры конститuentов
креолизованного текста, индекс креолизации текста*

Доклад представляет результаты исследований смыслового восприятия креолизованных текстов, проводимых в рамках московской психолингвистической школы.

На сегодняшний день существует около 100 диссертационных исследований, посвященных рассмотрению креолизованных/ поликодовых текстов. Эти исследования выполнены в русле разных научных парадигм. Наиболее широко представлены труды, в которых изучаются возможности сочетания вербального текста и невербального компонента (чаще всего изображения), а также работы, в которых рассматриваются характеристики креолизованных текстов определенного жанра (например, кулинарного рецепта, гороскопа), среди них наиболее многочисленны исследования жанра рекламы. Большая часть исследований носит таксономический характер, оставляя за гранью рассмотрения специфику восприятия креолизованного текста. Однако особо значимой представляется проблема смыслового восприятия креолизованного текста, которая изучается преимущественно в рамках московской психолингвистической школы экспериментальным путем.

Основной гипотезой проводимых исследований является следующее положение: креолизация текста (добавление к вербальному тексту невербального компонента) всегда изменяет смысловое восприятие вербального текста реципиентами, это изменение зависит от параметров как вербального текста, так и невербального конститuentа, и оно в принципе подлежит прогнозированию с определенной степенью вероятности. В ходе проведенных исследований эта гипотеза получила подтверждение, на ее базе формулировались и формулируются частные гипотезы отдельных исследований.

Начало системного изучения смыслового восприятия креолизованного текста положила диссертация Л.В. Головиной «Взаимовлияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста» (1986), в которой рассматривалось воздействие разных по содержанию иллюстраций на смысловое восприятие вербального текста. Одним из основополагающих выводов, сделанных в работе, было обнаружение того факта, что реципиенты рассматривают любое изображение, добавляемое к тексту, как его иллюстрацию, то есть при любом содержании изображения устанавливают смысловую связь между ним и текстом.

На сегодняшний проведен целый ряд исследований креолизованных текстов [Вашунина 2009; Косенко 2021; Матвеев 2021], в числе которых трехлетнее исследование в рамках гранта РФФИ 18-012-00652 РРФИ «Креолизованный текст как средство управления языковым сознанием: теоретико-экспериментальное исследование» [Смысловое 2020].

Все исследования проводились с применением метода семантического дифференциала. Поэтому, когда мы обсуждаем смысловое восприятие текста/изображения, исходными данными являются результаты оценок этого испытуемыми по шкалам семантического дифференциала. Если речь идет об изменении смыслового восприятия текста под воздействием изображения, это означает, что обнаружено системное (не единичное) изменение оценок текста в зависимости от конкретных параметров изображения.

Основные результаты проведенных исследований. Установлены параметры вербального текста и иллюстрации, влияющие на оценку текста. Среди этих параметров есть как независимые (например, использование цветов мажорной гаммы – красного, оранжевого, желтого – обычно повышает оценку текста по фактору АКТИВНОСТЬ), так и связанные (например, оценка по факторам ОЦЕНКА и КОМФОРТНОСТЬ может зависеть от корреляции цветовой гаммы иллюстрации и эмоционально-смысловой доминанты вербального текста).

Выявлены возможности визуального представления вербальных единиц: с определенной степенью вероятности можно предположить корреляцию вербально номинированного качества с определенными параметрами изображения.

Обнаружены механизмы интерсемиотического перевода, лежащие в основе корреляции вербально номинированных и визуальных

качеств: импрессивный, экспрессивный, конструктивный и собственно интерсемиотический.

Определен коэффициент креолизации текста. Это условное число, характеризующее отклонение оценок креолизованного текста от среднего арифметического оценок вербального текста и иллюстрации. Установлено, что принцип композиционности в чистом виде не представлен при смыслообразовании креолизованного текста, налицо либо смещение, либо эскалация оценок.

По результатам проведенных исследований можно наметить перспективы: в первую очередь нужно проверить действительность сделанных выводов на другом материале, а также продолжить изучение креолизованных текстов с варьирующимися параметрами как вербального текста, так и изображения.

Литература

Вашунина И.В. Взаимовлияние вербальных и невербальных (иконических) составляющих при восприятии креолизованного текста: автореф. дис. ... докт. филол. наук. / И.В. Вашунина. – М., 2009. 42 с.

Косенко В.С. Смысловое восприятие креолизованного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / В.С. Косенко. – М., 2021. – 21 с.

Креолизованный текст: Смысловое восприятие / И.В. Вашунина, А.А. Нистратов, М.О. Матвеев, Е.Ф. Тарасов. – М.: Институт языкознания РАН, 2020. – 206 с.

Матвеев М.О. Влияние вербальных и невербальных составляющих на восприятие креолизованного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.О. Матвеев. – М., 2021. – 21 с.

Величенкова Ольга Александровна
Хакимуллина Римма Рафаиловна
Московский городской педагогический университет
УДК 159.9.07; 159.95; 159.922; 376.3

Коморбидность нарушений чтения и письма и расстройств устной речи у младших школьников

коморбидность, расстройства языка и речи, общее недоразвитие речи, дислексия, дисграфия, дизорфография

Вопрос о коморбидности нарушений письма и чтения и расстройств устной речи у школьников остается недостаточно изученным в России. Многие авторы указывают на наличие если не причинно-следственной связи между недоразвитием устной речи и трудностями формирования письменной [Левина 2005: 25; Каше 1985: 7; Спирина 1962: 14], то, по крайней мере, на закономерную сочетаемость этих нарушений [Токарева 1971: 69, Лалаева 2019: 15; Корнев 1997: 48; Русецкая 2007: 19; Ахутина 2018: 81]. Возможность прогнозирования школьных трудностей до начала обучения, выяснение наиболее значимых патогенетических факторов, лежащих в основе дислексии и дисграфии, определение основных стратегий коррекции – вот круг задач, тесно связанных с исследованием коморбидности.

Однако ее изучение ограничено малым количеством статистических данных относительно российских школьников [Корнев 1997: 23; Русецкая 2007: 150; Иншакова 2013: 69; Григоренко 2012: 43] и отсутствием четко выделенных критериев диагностики расстройств устной и письменной речи.

Цель работы – проанализировать коморбидность нарушений чтения и письма и расстройств устной речи у младших школьников.

Представлены результаты логопедического онлайн-обследования устной и письменной речи 89 третьеклассников, законные представители которых обратились в 2020–2022 годах в Центр помощи Ассоциации родителей детей с дислексией с жалобами на трудности в обучении. Предоставление медицинской документации, заключений специалистов является желательным, но не обязательным условием консультирования. В связи с этим единственным критерием формирования выборки являлось наличие школьной неуспешности. Гендерное соотношение учащихся: 46 мальчиков и 43 девочки.

Исследование речевого статуса детей включало оценку всех компонентов устной речи (диагностические пробы Т.А. Фотековой – Т.В. Ахутиной [Ахутина 2017: 29], О.Б. Иншаковой [Иншакова 1998: 4], О.А. Величенковой [Величенкова 2015: 68]), анализ письменных работ (методика О.А. Величенковой [Величенкова 2015: 78]), анализ чтения вслух (СМИНЧ А.Н. Корнева [Корнев 1997: 169]). Диагностические критерии выделения нарушений письма и чтения и трудностей их формирования применялись в соответствии с описанной в методиках процедурой.

Безотносительная частотность различных расстройств устной речи, нарушений чтения и письма (включая трудности овладения графикой и орфографией) по исследованной выборке представлена в таблице 1. На пересечении – процент школьников, имеющих сочетание двух нарушений (% от всей выборки).

Таблица 1

Нарушения устной речи, письма и чтения
у третьеклассников с трудностями в обучении

		Письмо и чтение в норме	Дислексия	Дисграфия	Дизорфо- графия	Трудности чтения	Трудности письма
		5,6%	45%	60%	40%	25%	25%
Устная речь в норме	27%	3,2%	3%	6%	12%	9%	11%
Фонетическое недоразвитие речи	8%	0%	2%	4%	2%	1%	2%
Фонетико-фонема- тическое недораз- витие речи	8%	0%	3%	2%	3%	3%	3%
Общее недоразви- тие речи	36%	2,4%	21%	24%	18%	7%	6%
Признаки систем- ного недоразвития речи	10%	0%	8%	9%	8%	1%	1%
Лексико-граммати- ческое недоразви- тие речи	10%	0%	7%	7%	2%	2%	1%

Из таблицы видно, что при трудностях в обучении устная речь соответствует возрастной норме или близка к ней (при фонетическом недоразвитии) у 35% детей. У детей с нормативным речевым развитием чаще обнаруживаются проблемы с овладением орфографическим навыком, в то время как у школьников с общим недоразвитием речи чаще встречаются дислексия и дисграфия.

В таблице 2 данные о коморбидности дислексии, дисграфии, дизорфографии, а также трудностей формирования навыков письма и чтения у третьеклассников (% от всей выборки).

Таблица 2
Коморбидность трудностей в обучении у третьеклассников

Дислексия	Дисграфия	Дизорфография	Трудности чтения	Трудности письма	% выборки
+					1%
			+		2%
		+			2%
		+	+		3%
	+	+	+		3%
+		+			4%
+				+	4%
	+				6%
			+	+	7%
	+	+			8%
	+		+		9%
				+	10%
+	+				13%
+	+	+			20%

Заметно, что чаще всего наблюдаются сочетанные нарушения письма и чтения. Однако дислексия как самостоятельное явление, в отличие от нарушений письма, не встречается практически никогда. При ее наличии у ребенка велика вероятность расстройств письма. И, напротив, у 30% выборки есть нарушения формирования навыка письма при хороших читательских умениях.

Литература

Ахутина Т.В. Нейропсихологический анализ ошибок на письме Т.В. Ахутина // Нарушения письма и чтения у детей: изучение и коррекция: научная монография; под общей редакцией О.А. Величенковой. – М., 2018. – С. 76–95.

Ахутина Т.В. Диагностика речевых нарушений школьников: практическое пособие / Т.В. Ахутина, Т.А. Фотекова. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Изд. Юрайт, 2017. – 175 с.

Величенкова О.А. Логопедическая работа по преодолению нарушений чтения и письма у младших школьников / О.А. Величенкова, М.Н. Русецкая. – М.: Национальный книжный центр, 2015. –316 с.

Григоренко Е.Л. Чтение о чтении / Е.Л. Григоренко, Дж. Эллиотт. – Воронеж: Аист, 2012. – 415 с.

Дорофеева С.В. Речевой дефицит и дислексия: экспериментальное исследование русскоговорящих детей: дис. ... канд. филол. наук / С.В. Дорофеева. – М., 2020.

Иншакова О.Б. Альбом для логопеда / О.Б. Иншакова. – М.: ВЛАДОС, 1998. – 279 с.

Иншакова О.Б. Мультидисциплинарный анализ становления фонематического навыка письма у младших школьников: [монография] / О.Б. Иншакова. – М.: В. Секачев, 2013. – 282 с.

Каше Г.А. Подготовка к школе детей с недостатками речи: Пособие для логопеда / Г.А. Каше. – М.: Просвещение, 1985. – 207 с.

Корнев А.Н. Нарушения чтения и письма у детей: учебно-методическое пособие / А.Н. Корнев. – СПб.: ИД «МиМ», 1997. – 286 с.

Лалаева Р.И. Нарушения чтения и пути их коррекции у младших школьников: учебное пособие / Р.И. Лалаева. – СПб: КАРО, сор. 2019. – 254 с.

Левина Р.Е. Нарушения речи и письма у детей: Избранные труды / ред. сост. Г.В. Чиркина, П.Б. Шошин. – М.: АРКТИ, 2005. –224 с.

Русецкая М.Н. Нарушения чтения у младших школьников: анализ речевых и зрительных причин: [монография]. – СПб.: Каро, 2007. – 192 с.

Спирова Л.Ф. Вопросы методики обучения русскому языку детей с нарушениями речи: (Обучение грамоте) / Л.Ф. Спирова, Р.И. Шуйфер. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1962. – 100 с.

Токарева О.А. Расстройства письма у разных групп аномальных детей и принципы в работе по их устранению / О.А. Токарева // Патология речи: Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. – Том 406. – М.: МГПИ, 1971. – С. 63–98.

**Вербальные методы диагностики в неврологии:
проблемы и успехи**

боль, головная боль, головокружение, алекситимия, дети

Диагностика многих неврологических заболеваний (различные болевые синдромы, головокружение, тревожные расстройства, когнитивные нарушения) строится в том числе и с опорой на вербальный отчет пациента. Определенные слова-дескрипторы помогают определить тип боли (ноцицептивная или нейропатическая). Диагностика первичных головных болей практически полностью основывается на самоотчете пациента (интенсивность, характер, продолжительность эпизода, частота эпизодов), а также на полноте описания сопутствующих симптомов. При жалобах на головокружение необходим детальный отчет пациента, поскольку именно это состояние очень специфически трактуется страдающими от боли, имеет целый спектр возможных характеристик, которые надо вербализовать максимально точно для успешной дифференциальной диагностики.

Проблема вербализации ощущений встречается у пациентов с алекситимией (специфический когнитивный статус индивида, основной характеристикой которого является проблема вербальной экстериоризации телесных ощущений и эмоциональных переживаний). Для оценки уровня алекситимии у взрослых используется Торонтская шкала алекситимии (TAS-20, русскоязычная версия) [Старостина 2010: 31-38].

При изучении частоты алекситимии у пациентов с соматическими заболеваниями необходимо иметь в виду, что заболевание и алекситимия имеют двунаправленную связь: алекситимия может быть предвестником соматических болезней – и наоборот, соматические заболевания могут способствовать развитию вторичной алекситимии, регрессирующей вместе с заболеванием. В нашем исследовании алекситимии у взрослых пациентов с болью в шеи и спине было получено статически значимое превалирование алекситимии у пациентов с хронической болью [Есин 2018а: 31-34].

Описываемая проблема затрагивает не только взрослых, но также детей и подростков. Диагностика алекситимии у детей возможна с помощью специального инструмента «Опросник алекситимии у детей», который является упрощенной версией Торонтской шкалы алекситимии. Алекситимия распространена среди детей и подростков с различными болевыми синдромами. В одном из наших исследований была выявлена взаимосвязь алекситимии с частой и хронической головной болью напряжения у подростков [Есин 2018б: 40-43]. Необходим инструмент, который позволит исследовать состояние детей и подростков с использованием субшкал: а) трудности идентификации ощущений; б) трудности вербализации ощущений; в) ориентированность типа мышления.

Малоучитываемым фактором у различных пациентов (чаще – с хронической соматической патологией) является центральная сенситизация (ЦС) – феномен, проявляющийся увеличением ответов ноцицептивных нейронов центральной нервной системы в ответ на нормальные или подпороговые стимулы [IASP Terminology]. Инструментальные методы оценки ЦС неприменимы в практической медицине, однако разработан «Опросник центральной сенситизации» [Maier 2011: 275-285; Есин 2020: 51–56], который отлично себя показал в клинической практике как среди взрослых пациентов, так и среди подростков старше 14 лет [Есин 2021: 72–76].

К сожалению, в настоящее время не так много готовых наборов дескрипторов для тех или иных состояний, в особенности с учетом билингвизма и полилингвизма пациентов из разных регионов, что делает необходимым разрабатывать такие инструменты на разных языках.

В клинической практике необходимо применять уже существующие опросники и шкалы, поскольку ранняя диагностика коморбидных заболеваний дает возможность всецело оценить состояние пациента и выбрать правильную тактику лечения.

Благодарности

Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета) (Приоритет-2030).

Литература

Есин. О.Р. Алекситимия у подростков с головной болью напряжения / О.Р.Есин и др. // Неврологический вестник. – Журнал им. В.М. Бехтерева. – 2018. – Т. 50. – № 4. – С. 40–43.

Есин О.Р. Опросник центральной сенситизации – русскоязычная версия / О.Р. Есин и др. // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2020. – Т. 120. – № 6. – С. 51–56.

Есин О.Р. Опросник центральной сенситизации – русскоязычная версия / О.Р. Есин и др. // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2021. – Т. 121. – № 11–2. – С. 72–76.

Есин Р.Г. Алекситимия при острой и хронической неспецифической боли в шее и спине / Р.Г. Есин и др. // Неврологический вестник. Журнал им. В.М. Бехтерева. – 2018. – Т. 50. – № 4. – С. 31–34.

Старостина Е.Г. Торонтская шкала алекситимии (20 пунктов): валидизация русскоязычной версии на выборке терапевтических больных / Е.Г. Старостина и др. // Социальная и клиническая психиатрия. – 2010. – Т. 20. – № 4. – С. 31–38.

IASP Terminology. Central sensitization. – URL: <https://www.iasp-pain.org/resources/terminology> (дата обращения: 29.09.2022).

Mayer T. The Development and Psychometric Validation of the Central Sensitization Inventory / T. Mayer et al. // Pain Practice. – 2011. – Т. 12. – № 4. – P. 276–285.

**Специфика восприятия конструкций с переносным
значением пациентами с сахарным диабетом**

*сахарный диабет, когнитивные нарушения,
переносное значение*

На сегодняшний день сахарный диабет представляет собой одно из наиболее распространенных заболеваний. В частности, при таком осложнении сахарного диабета, как диабетическая энцефалопатия, происходит снижение когнитивных функций, кроме того, могут возникать проблемы с вербальной коммуникацией. К сожалению, на данный момент диабетическая энцефалопатия остается недостаточно изученной [Есин 2021].

Стоит отметить, что характер речевых расстройств у пациентов с диабетической энцефалопатией до проведения данного исследования не подвергался изучению, данные о речевых маркерах когнитивных нарушений носили разрозненный характер и не предоставляли возможности выявлять дефицит на ранних этапах развития. В работе впервые осуществлен нейролингвистический анализ специфики восприятия переносного плана высказываний у пациентов с диабетической энцефалопатией.

Нами был проведен эксперимент, в ходе которого пациентам с сахарным диабетом был предложен ряд конструкций с переносным значением с просьбой объяснить, как респондент понимает образную составляющую той или иной единицы. В ходе анализа полученных ответов была сформирована классификация вариантов искаженного восприятия единиц с переносным планом высказывания у пациентов с диабетической энцефалопатией в зависимости от тяжести заболевания. Способ, к которому прибегал пациент для объяснения единицы, указывал на степень выраженности нарушений вербального мышления. Полученные данные позволили выделить стадии нарушения восприятия единиц с переносным планом высказывания, помогающие оценить степень расстройств вербального мышления в клинической практике.

Стадия 1. Толкование с помощью аналогии (в том числе единиц с аналогичным значением), самостоятельное объяснение затрудняло пациента. Например, при объяснении единицы *«Не говори гоп, пока не перепрыгнешь»* часть пациентов приводила в пример синонимичную конструкцию *«Не дели шкуру неубитого медведя»*. Или объясняли пословицу *«Под лежащий камень вода не течет»* через единицу *«Без труда не вытащить и рыбки из пруда»*. При этом описать значение своими словами пациентам трудно.

Стадия 2. Конкретно-ситуативные толкования единиц.

Пациент дает объяснение переносного смысла на примере конкретной жизненной ситуации. Переносное значение пациенты понимают, при попытках объяснить его не могут сделать необходимого обобщения, прибегая к конкретно-ситуативной модели толкования [Беломестнова 2003]. Например: при предъявлении стимульной единицы *«В тихом омуте черти водятся»* пациентка сразу же говорит *«Это про меня! Я такая»*. Но что именно это означает, она объяснить затрудняется.

Или, например, переносный смысл единицы *«Любишь кататься – люби и саночки возить»* пациентка (63 года, начало заболевания – 2002 г.) объясняла через описание определенного события: *«Это вот когда ты идешь в магазин, покупаешь много новых вещей, а потом тебе за них нужно платить деньги»*.

Стадия 3. Частичное понимание переносного значения единиц.

В этом случае пациенты правильно понимают переносное значение только одной части единицы, значение же второй трактуется либо буквально, либо искаженно. Подобное явление имело место, например, при предъявлении стимульной единицы *«На безрыбье и рак рыба»*, переносный смысл которой заключается в следующем: *«за неимением чего-либо лучшего годится и то, что есть»* [Жуков 2000: 180]. Например, пациентка (71 год, начало заболевания – 2008 г.): *«Когда хочется вкусно покушать, а ничего нет, и рак сойдет»*. В данном случае видим, что пациентка верно декодирует значение отсутствия чего-либо, заявленное в первой части конструкции и выраженное существительным *безрыбье*, однако в целом не абстрагируется от семантики существительного *рак*.

Стадия 4. Буквальное понимание переносного значения единиц.

В этом случае пациенты, как правило, не способны отвлечься от прямого значения слов-компонентов и перейти на уровень обобщения. Например, при объяснении единицы *«Под лежащий камень вода*

не течет» часть пациентов не распознавала переносный смысл, связанный с бездеятельностью и отсутствием попыток предпринять какие-либо действия для решения той или иной проблемы. Переносное значение данной языковой единицы реализуется посредством образа камня, характерной чертой которого является неподвижность. Пациенты могут объяснять данную конструкцию буквально. Например, пациентка (73 года, начало заболевания – 2006 г.): *«Да. Если камень лежит на месте, то под него вода не сможет затекать. Это всегда так»*. Пациентка (78 лет, начало заболевания – 2007 г.): *«Камень мхом обрастает, когда долго на одном месте лежит»*.

«Кот заплакал» – единица, обозначающая очень малое количество чего-либо. Пациент (82 года, начало заболевания – 2002 г.): *«Ну, это кот плакал, плакал и заплакал. Обидели, наверно»*.

«Семь раз отмерь – один раз отрежь» – «перед тем как сделать, решить что-либо ответственное, серьезное, тщательно обдумай, все предусмотрй» [Жуков 2000: 296]. Часть пациентов объясняла образный смысл конструкции, исходя из описанной в паремии ситуации, представленной глаголами *отмерь* и *отрежь*, вызывающими в сознании образ человека, который что-то шьет. Пациент (71 год, начало заболевания – 1999): *«Семь раз отмерь – один раз отрежь, да. Ну, значит отмерить у портного где-то там. Что-то такое вот. То есть надо мерить много раз, прежде чем отрезать ткань»*.

«За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь» – «если возьмешься сразу за несколько дел, не добьешься результатов ни в одном» [Жуков 2000: 120]. Например, пациентка, 73 года (начало заболевания – 2006 г.): *«Ну, да. Все правильно. Они же в разные стороны могут побежать, зайцы-то. За кем идти тогда? За одним каким-то только»*. Обобщенное значение пословиц характеризуется тем, что денотаты слов-компонентов имеют слабую референцию; кроме того, они не привязаны к конкретному месту и времени действия, а также к какому-либо определенному объекту или субъекту. Однако в данном случае мы видим, что слова-компоненты паремии сохраняют свою изначальную референцию в процессе объяснения ее переносного значения. Существительное во множественном числе *зайцы* сохраняет свою отнесенность к конкретному объекту действительности, и, как следствие, пациент не выходит на образное содержание пословицы, воспринимает ее буквально.

Стадия 5. Неспособность объяснить переносного значения каким-либо образом. Как правило, пациенты либо отказываются от ответа, либо просто повторяют предложенное.

«Кот заплакал» – пациентка (66 лет, начало заболевания – 2003): *«Не знаю даже. Никогда не видела, чтобы коты плакали».*

«Яйца курицу не учат» – «молодой, менее опытный не научит старшего, более опытного» [Жуков 2000: 371]. Пациент (56 лет, начало заболевания 2012 г.): *«Да, не учат яйца курицу».*

Стадия 6. Грубые искажения переносного значения.

Пациент пытается объяснять единицу, но объяснение свидетельствует о полном ее непонимании, в том числе и в буквальном смысле. Часто в таких случаях пациенты многословны, склонны к резонерству, охотно вступают в беседу, не относятся критически к своему состоянию.

«Яйца курицу не учат» – пациент (72 года, начало заболевания – 2006 г.):

– Ну, правильно, яйца курицу как могут учить?

– А в переносном смысле о чем здесь говорится?

– Ну, о чем? Потому что, это же, как сказать... философское.

Вперед появилось яйцо или курица? Вот такая ведь бяка тоже ведь есть? И никто толком объяснить не мог, что же вперед-то появилось, яйцо или курица?

– Вы думаете, что с этим связана поговорка?

– Да.

В ходе исследования выявлено, что прилагательные, меняющие свой разряд в контексте, не могут использоваться для ранней диагностики когнитивного снижения в связи с тем, что низкие результаты по данному диагностическому материалу наблюдаются уже на стадиях выраженных когнитивных нарушений. Пациенты, искаженно либо ложно воспринимаящие значения пословиц и поговорок, на ранних стадиях когнитивного снижения легко справляются с верным объяснением значения прилагательных, меняющих свой разряд (нет статистически значимых отличий в группе нормы и в группе исследования).

Объяснение прилагательных, изменивших свой лексико-грамматический разряд в определенном контексте, как правило, не вызывало трудностей и отклонений от нормы в группе пациентов с диабетической энцефалопатией. Отклонение от нормативных трактовок составило всего 1%. Неверные ответы возникали только в случае объяснения единицы *гнилой человек*. Часть пациентов понимало под

этим словосочетанием *«очень больного человека, который прогнил со всех сторон»*, тогда как стандартным переносным значением, выявленным у конструкции в группе нормы, стало значение *«плохой, подлый, порочный»*. Тем не менее, данные единицы, хотя и не эффективны для ранней диагностики, все же являются диагностическими и указывают на когнитивное снижение при тяжелых формах энцефалопатии.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено несколько различных стадий ухудшения восприятия переносного значения конструкций с образной составляющей пациентами, страдающими сахарным диабетом, в зависимости от степени выраженности заболевания.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90044.

Литература

Есин Р.Г. Диабетическая энцефалопатия: современные представления и потенциальные терапевтические стратегии / Р.Г. Есин, И.Х. Хайруллин, О.Р. Есин // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2021. – 121 (7). – С. 49–54

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 544 с.

Беломестнова Н.В. Клиническая диагностика интеллекта. Психометрическая и клинико-психологическая оценка уровня развития интеллекта в клинической и судебно-психологической экспертной практике / Н.В. Беломестнова. – СПб.: Речь, 2003. – 128 с.

**Максимова Елена Николаевна
Кутяева Ольга Михайловна**

Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова
УДК 81-139

Системно-функциональный анализ как лингвистический инструмент диагностики афатического дискурса

*афазия, афатический дискурс, системно-функциональный анализ,
жанровая модель дискурса*

Афазия определяется как комплекс нарушений сформированной речи, вызванных дисфункцией определенных участков головного мозга. В клинической практике оценка таких нарушений проводится с применением инструментов психолингвистической диагностики, стандартизация которых обеспечивает надежность и эффективность процесса оценки речевых нарушений. Несмотря на это, результаты таких оценок имеют определенные ограничения, так как они не учитывают взаимодействие между структурными компонентами языкового потока речи.

В свою очередь, анализ дискурса как вербально-знакового построения позволяет в рамках речевой патологии провести такую оценку как на микроуровне дискурса (употребление отдельных языковых единиц, построение простого предложения), так и на макроуровне (целостная структура высказывания/текста, сохранение жанровой структуры, её соответствие целевой установке дискурса). Однако сложность анализа афатического дискурса заключается в выборе метода исследования. Зачастую требуется использование разнообразных лингвистических методов [Saffran 1989: 37] или многомерных систем [Ulatowska 1983: 18], чтобы провести всестороннюю оценку языка пациента, страдающего афазией.

Одним из лингвистических инструментов, позволяющих провести комплексную диагностику афатического дискурса, является системно-функциональный анализ. Он представляет собой изучение эмпирического компонента языка, который выражается в опыте говорящего, получаемого им из внешнего и внутреннего мира. Другими словами, системно-функциональный анализ позволяет провести диагностику языка в его социальном контексте.

Он проводится путем анализа простых предложений (подлежащее + сказуемое), в которых глагол соотносится с одним из типов процессов: материальными (процессы «делания» и «свершения», происходящие изменения через приложение энергии), ментальными (процессы «чувствования», происходящие изменения в подсознании), вербальными (процессы говорения), поведенческими (процессы физиологического и психологического поведения), экзистенциальными (процессы бытия, существования, местонахождения) и аналогии отношений (процессы «бытия» и «обладания», служащие для характеристики и определения). Затем проводится подсчет количества каждого типа процессов и анализируется соотношение каждого типа процесса к их общему количеству [Halliday 2004].

В нашем исследовании применение системно-функционального анализа для диагностики англоязычного афатического дискурса направлено в первую очередь на выявление содержания жанровых моделей дискурса пациента в сравнении выявленными особенностями соответствующих жанров, продуцируемых контрольной группой. Это потребовало ряд исследовательских процедур: 1) построение жанровой модели нарративного, аргументативного, дескриптивного и процедурального типов дискурса путем «наложения» инструментария системно-функциональной лингвистики на научное описание соответствующих жанров/ типов дискурса, полученное в результате анализа теоретических источников; 2) верификация данных моделей путем анализа образцов дискурса контрольной группы по параметрам исследуемых типов дискурса; 3) анализ образцов афатического дискурса по параметрам исследуемых типов дискурса в сравнении с результатами анализа дискурса контрольной группы.

Применение системно-функционального анализа показало, что построение жанровой модели на макроуровне учитывает соотношение используемых говорящим процессов (глаголов) и способа организации дискурса относительно его целевой установки. Так, например, типичная жанровая модель нарративного дискурса опирается изначально на то, что его цель – передать информацию о событии. Соответственно, строится он путем последовательного изложения прошедших событий, пересказом личного опыта и т.д. А это значит, что в нём должны преобладать материальные процессы, а также возможно частое использование ментальных процессов и процессов аналогии отношений. Подобный анализ проведён и относительно других типов дискурса, результаты которого приведены в таблице 1.

Следующие этапы исследования по верификации моделей по образцам контрольной группы и анализу образцов афатического дискурса потребовали обращения к банку афазии [MacWhinney 2011: 25], в котором были выбраны 160 речевых образцов (6860 предложений), из которых 80 (2600 предложений) – образцы афатического дискурса (исследуемая группа), 80 (4260 предложений) – образцы дискурса информантов без речевых нарушений (контрольная группа). В исследуемую группу вошли участники – носители английского языка с установленным диагнозом «афазия», период реабилитации которых составляет 4 года.

Таблица 1

Жанровые модели дискурса в системно-функциональном аспекте

Тип дискурса	Цель: способы организации	Жанровая модель на основе процессов (в порядке убывания частотности)
нарративный	передача информации: изложение событий темпоральная структура оценочность	материальные процессы ментальные процессы процессы аналогии отношений
аргументативный	выражение мнения: рассуждение, описание, использование примеров	ментальные процессы материальные процессы процессы аналогии отношений
дескриптивный	передача информации: визуальное описание отсутствие оценочности и темпоральной структуры	материальные процессы процессы аналогии отношений ментальные процессы
процедуральный	дать инструкцию: описание действий императивность	материальные процессы экзистенциальные процессы

В итоге проведенного системно-функционального анализа во всех четырех типах дискурса в контрольной и исследуемой группе были получены схожие результаты (рис. 1 и рис. 2 соответственно).

Рисунок 1. Распределение процессов в контрольной группе

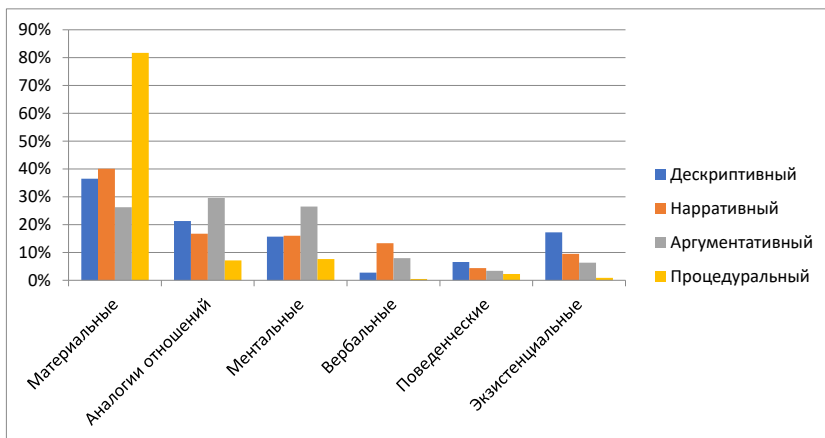
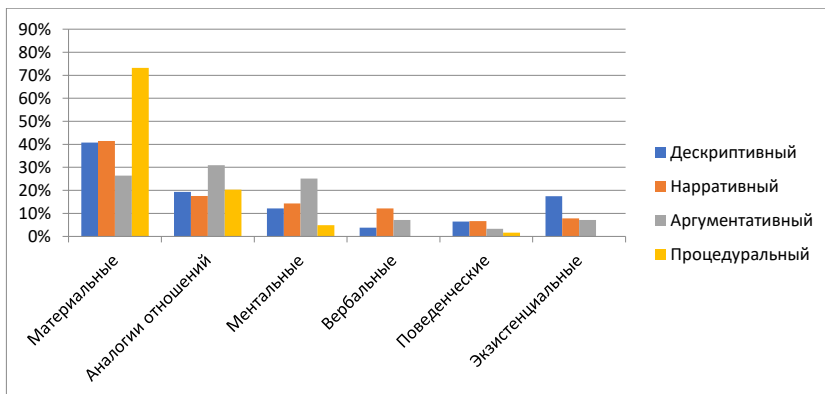

Рисунок 2. Распределение процессов в исследуемой группе

Полученные результаты говорят о том, что эмпирический компонент в речи людей с афазией, период реабилитации которых составил 4 года, не нарушен ни в одном из рассмотренных типов англоязычного дискурса. Несмотря на то, что на уровне слов и предложений в исследуемой группе были выявлены множественные речевые нарушения, целостность функции языка в его социальном контексте

говорит о сохранности более высоких уровней языка у людей с афазией в указанный период реабилитации.

Проведенное исследование указывает на корректность применения системно-функционального анализа (СФЛ) при построении жанровой модели дискурса, выступающей диагностическим инструментом определения нарушений макроструктуры афатического дискурса. В сравнении с наиболее распространенными методами анализа СФЛ, позволяя анализировать простые предложения в составе дискурса определенного жанра, показывает, что на макроуровне нарушения могут отсутствовать.

Литература

Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar / M.A.K. Halliday. – London: Edward Arnold, 2004. – 700 p.

MacWhinney B. Aphasia Bank: Methods for studying discourse / B. MacWhinney, D. Fromm, M. Forbes, A. Holland // Aphasiology. – 2011. – № 25. – P. 1286–1307.

Saffran E.M. The quantitative analysis of agrammatic production: procedure and data / E.M. Saffran, R.S. Berndt, M.F. Schwartz // Brain & Language. – 1989. – № 37 (3). – P. 440–479.

Ulatowska H.K. Production of procedural discourse in aphasia / H.K. Ulatowska, A.W. Doyle, R. Freedman-Stern, S. Macaluso-Haynes // Brain & Language. – 1983. – № 18. – P. 315–341.

Мустакова Татьяна Павловна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 81'234

**Лингвистическая валидация теста на устную
дифференциацию нейролингвистической батареи BVL_RU**

*нейролингвистика, нейролингвистический опросник, BVL_RU,
детская речь, фонематический слух*

Становление фонематического слуха происходит у ребенка в возрасте от 6 месяцев до 1 года 7 месяцев, однако не останавливается, а продолжает развиваться, даже в дошкольном возрасте (до 4-5 лет). Важнейшим фактором развития фонематического слуха ребенка становится его общение с окружающими людьми. При восприятии речи ребенок слышит множество вариантов звучаний, которые образуют слова и слоги. Ребенку нужно извлечь из них фонему и по определенным признакам (эталонам) опознать ее. Если ребенок не научится этому, он не сможет отличать слова друг от друга и столкнется с большими трудностями в учебе и дальнейшей социализации. При нарушениях фонематического слуха ребенок говорит и пишет слова так, как слышит, происходит нераспознавание близких по звучанию фонем.

Если фонематический слух развит плохо, или где-то произошла «поломка», развитие связной речи замедлится, формирование грамматического строя языка получит некоторую задержку, словарный запас будет развиваться медленнее, что, в свою очередь, приведет к ухудшению социальной жизни ребенка и отрицательному влиянию на развитие его личности в целом.

Фонематический слух выступает связующим звеном в цепочке «устная речь – чтение – письменная речь». Так, при нарушениях фонематического слуха возникают различные речевые нарушения: фонетико-фонематическое недоразвитие речи (ФФНР) и сопутствующие ему дисграфия и дислексия, различные нарушения произношения (дислалия, дизартрия). Количество детей с фонетико-фонематическим недоразвитием речи в России достигает 25%, а дисграфия становится все более частым явлением, по данным Т.А. Аристовой количество детей с дисграфией в 2017 году составляло 50% [Ари-

стова 2019]. Если заранее, еще на дошкольном этапе, выявить, диагностировать и своевременно скорректировать фонетико-фонематические нарушения, в младшем школьном возрасте можно избежать появления дисграфии и дислексии.

Для своевременной диагностики речевых нарушений ребенка нужны современные, валидные и стандартизированные инструменты. Для проверки фонематического слуха используются различные методики: «Диагностика сформированности фонематического слуха у детей со стертой дизартрией» Е.Ф. Архиповой [Архипова 2007], «Диагностика и коррекция фонематического восприятия» Н.И. Дьяковой [Дьякова 2010], «Диагностика речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов» Т.А. Фотековой и Т.А. Ахутиной [Фотекова 2007]. На территории Российской Федерации также большой популярностью среди логопедов пользуются логопедические альбомы и другие методики исследования речи, не имеющие общей базы, носящие разрозненный характер, большинство из которых не имеют современных процедур проверки и не стандартизированы. Нейропсихологическая батарея тестов для диагностики детских речевых расстройств BVL_RU [Marini 2017] соответствует необходимым для нас требованиям.

Тест «Проверка устной дифференциации» направлен на оценку сформированности лексической компетенции детей в возрасте 6-11 лет. Этот тест также входит в перечень методик, направленных на изучение фонематического слуха. Состоит тест из 42 слов-стимулов. Наряду с картинкой, репрезентирующей таргет-стимул, изображены еще 3 картинки, носящие отвлекающий характер (дистракторы). Дистракторы подобраны таким образом, чтобы один из них был фонетически схож с таргет-стимулом, второй был схож семантически, третий – никак не связан с таргет-стимулом. Детям называлось слово, они, в свою очередь, должны были указать на изображение, репрезентирующее слово. Нашей задачей была проверка валидности теста.

В тестировании принял участие 251 человек в возрасте от 6 до 11 лет: 128 девочек и 123 мальчика.

По результатам теста мы определили два типа ошибок: фонетические (связанные с выбором фонетического дистрактора) и семантические (связанные с выбором семантического дистрактора).

Первый тип ошибок по большей части характерен для детей 6-8 лет, так как их словарный запас еще пополняется и не все слова из-

вестны. Дети при выборе картинки выбирали то изображение, которое им казалось знакомым. Например, дети 6-8 лет в группе фонетических пар (*бивень – ливень, чаща – чаша, полено – колено, обонять – обвинять, стеречь – стереть, першить – перчить, укрощать – украшать, шаркать – чиркать*) выбирали ту картинку, которая казалась им более частотной. Дети 9-10 лет совершали фонетические ошибки в группах слов *першить – перчить, шаркать – чиркать, укрощать – украшать*. Дети всех возрастов допускали частую ошибку в указании изображения «*софа*», выбирая фонетический дистрактор.

Второй тип ошибок связан с выбором семантического дистрактора. Школьники могли не понять изображение или спутать его с другим словом из той же семантической области (чаще всего это происходило с близкими по значению словами). Дети 6-8 лет делали подобные ошибки в группах слов *тяпка – лопата, площадь – переулок, вить – строить*. Небольшое количество детей в возрасте 10 лет (8% опрошиваемых) сделало подобные ошибки в словах *чаща – поляна* и *обонять – есть*.

Выбор дистрактора третьего типа говорил о том, что ребенок не понимает смысла слова или не понимает саму картинку. Хотя дети могли выбирать любую картинку при непонимании изображения или слова. Это касается слов *обонять, колос, полено, укрощать, вить, шалфей*.

Большинство ошибок связано с тем, что часть стимулов некорректна, как с точки зрения изображения, так и с точки зрения дифференциации. Это слова *обонять, пень, лилия, кусать, кусок, стеречь, зверь, матрос, укрощать* и *шалфей*. Например, дистракторы к слову *пень* – тень, дерево и олень, дистрактор третьего типа нужно заменить, чтобы он был никак не связан с целевым стимулом. Вместо целевого стимула *кушать* дети могли выбрать дистрактор 2 типа – *укус*, слово, являющееся отглагольным существительным от заданного слова. Данное слово следует заменить, так как возникает двойственность.

В результате проведения лингвистической валидации субтеста на устную дифференциацию нейролингвистической батареи BVL_RU мы выявили невалидные единицы, которые следует заменить, что повысит чувствительность теста. Данный тест имеет большую значимость, он может использоваться в логопедической, педагогической

деятельности, поскольку с помощью него исследуется важный компонент нормального развития речи – фонематический слух. Преимущество данного теста заключается в том, что он стандартизирован.

Литература

Аристова Т.А. Коррекция нарушений письменной речи: Учебно-методическое пособие / Т.А. Аристова, Г.А. Архипова, Е.В. Боева и др., под ред. Н.Н. Яковлевой. – СПб: КАРО, 2019. – 208 с.

Архипова Е.Ф. Стертая дизартрия у детей / Е.Ф. Архипова. – М.: Айрис-Пресс, 2007. – 219 с.

Дьякова Н.И. Диагностика и коррекция фонематического восприятия у дошкольников / Н.И. Дьякова. – М.: ТЦ Сфера, 2010. – 64 с.

Фотекова Т.А. Диагностика речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов: методическое пособие / Т.А. Фотекова, Т.В. Ахутина. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 176 с.

Marini A. An introduction to the Russian adaptation of the battery for the assessment of language in children (BVL_RU) / A. Marini, N. Eliseeva, E.A. Gorobets, O.G. Filippova // 4th International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences & Arts SGEM, 2017. – V. 2. – Pp. 541–548.

Нимаева Эржена Зориктоевна
Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова
УДК 81'36+81'23

**Позиция предиката в устной речи как индикатор степени
взаимовлияния кодов би- и полилингва**

*полилингвизм, билингвизм, устный дискурс,
синтаксис, предикат*

В современном мире тесных и длительных языковых контактов масштаб актуализации би- и полилингвизма как социолингвистического явления продолжает расти, поэтому проблема взаимовлияния кодов би- и полилингва представляется актуальной. На наш взгляд, такое взаимовлияние можно наблюдать в синтаксической организации устного спонтанного (не подготовленного заранее) дискурса, в частности, в позиции предиката. Цель данной статьи состоит в кратком теоретическом обосновании выдвинутого предположения.

В отечественной лингвистике одним из исследователей устного дискурса в когнитивном аспекте является А.А. Кибрик. В монографии «Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса» А.А. Кибрик и В.И. Подлесская рассматривают сущностные свойства устного дискурса и представляют систему дискурсивной транскрипции, что позволяет исследователям «наблюдать» устную речь независимо от аспекта изучения объекта.

Исследование устного спонтанного дискурса в аспекте взаимовлияния кодов би- и полилингва представляется перспективным, т.к. в процессе именно устного речепорождения, по мнению А.Р. Лурии, средства кодирования мысли протекают «без осознания», т.е. именно устная (не письменная) внешняя речь наиболее близка к внутренней речью по своей грамматической структуре, что было выявлено Л.С. Выготским [Лурия 2019: 221].

Изучение процесса взаимовлияния кодов в дискурсопорождении би- и полилингва требует, на наш взгляд, обращения к синтаксису по следующим причинам: 1) А.А. Реформатский отмечает, что именно этот раздел лингвистики регистрирует момент коммуникации, который заключается в том, что «одно названное определяется другим»; 2) синтаксис би- и полилингва в аспекте потенциала взаимовлияния

контактирующих языков обладает наименьшей степенью изученности [Реформатский 2005: 324].

Л.С. Выготский выдвигал в исследованиях связи мышления и речи положение о предикативности внутренней речи: «Предикативность является основной и единственной формой внутренней речи, которая вся состоит с психологической точки зрения из одних сказуемых» ввиду «абсолютной и постоянной» известности нам самим темы нашего внутреннего диалога [Выготский 2021: 405, 407]. Также Выготский отмечал «тенденцию к сокращению и к чистой предикативности суждений» в устной речи в случаях известности темы собеседникам и при выражении психологического контекста, высказываемого с помощью интонации [Там же: 405].

Т.В. Ахутина в одной из глав монографии «Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса» представляет модель речепорождения, которая включает в себя: 1) синтаксис первого уровня – смысловой (отбор наиболее существенной информации, в результате которого «строится набор пропозиций»); 2) синтаксис второго уровня – семантический (группировка «предикативных пар в падежные рамки, соотносимые с поверхностными структурами»); 3) этап построения формально-грамматической структуры [Ахутина 2019: 191, 193, 194, 196]. Следует отметить, что Т.В. Ахутина в результате исследований приходит к выводу о «взаимодействии номинативных и синтаксических механизмов, их взаимодополнительности и взаимозаменяемости» [Ахутина 2019: 191].

Таким образом, приходим к выводу о том, что позиция предиката в структуре устного дискурса, т.е. на уровне внешнего синтаксиса, может отражать степень процесса взаимовлияния одного кода на другой, происходящего во внутренней речи, т.е. на уровне внутреннего синтаксиса, когда строится «набор пропозиций», что также характеризуется когнитивным взаимодействием с номинативными механизмами. Кроме того, данный вывод позволяет нам предполагать нормативную или девиантную позицию предиката или его отсутствие в синтаксической структуре устной речи би- и полилинга в зависимости от степени функциональной активности языков, которыми он владеет.

Литература

Ахутина Т.В. Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса / Т.В. Ахутина. – М.: ЛИБРОКОМ, 2019. –218 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – СПб: Питер, 2021. – 432 с.

Кибрик А.А. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрик и В.И. Подлесской. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 736 с.

Лурия А. Язык и сознание / А. Лурия. – СПб: Питер, 2019. – 336 с.

Реформатский А.А. Введение в языковедение: учебник для вузов / А.А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 536 с.

Ощепкова Екатерина Сергеевна
Психологический институт Российской академии образования
Бухаленкова Дарья Алексеевна
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
УДК 373.29

Связь понимания эмоций и порождения текстов детьми 5–8 лет в лонгитюдной перспективе

*связная речь, лонгитюдное исследование, понимание эмоций,
связь эмоционального и речевого развития*

Важнейшим показателем речевого развития детей является их умение создавать связные тексты повествовательного характера (нарративы). Для извлечения нарративов используют как серии картинок, так и пересказы. Как показывают исследования, развитие речи связано с развитием эмоций, однако не всегда эта связь является однозначной [Ощепкова 2021]. Лучше всего изучена связь понимания эмоций и эмоционального словаря детей [Pons 2003; Pons 2004]. А вот взаимосвязь между пониманием эмоций и связной устной речью исследована недостаточно [Cutting 1999].

Основной проблемой оценки связной речи является многообразие и неоднородность параметров, по которым ее оценивают. В связи с этим нам показалось полезным попробовать оценить нарративы по одному из параметров, которые предлагаются авторами инструмента MAIN [Gagarina 2012]. Одним из показателей, которые авторы предлагают оценивать в извлеченных нарративах, являются слова внутренних состояний (internal state terms).

Что касается эмоционального развития, то хорошо зарекомендовала себя и прошла апробацию в выборке русскоязычных детей [Верракса 2021] методика Понса и Харриса «Test of Emotion Comprehension» (ТЕС) [Pons 2000].

Мы решили посмотреть, насколько взаимосвязаны такие параметры развития ребенка, как его эмоциональное развитие, оцениваемое с помощью ТЕС, и использование им лексики внутренних состояний в разных возрастах (от 5 до 8 лет).

Гипотеза состояла в том, что дети, которые продемонстрировали хорошее понимание эмоций в возрасте 5 лет, будут значительно отличаться в этом возрасте от своих сверстников, имеющих плохие показатели по ТЕС, в употреблении лексики внутренних состояний. А с возрастом эти различия будут увеличиваться.

Первоначальную выборку составили 279 детей старшей группы детских садов г. Москвы. Все дети прошли тестирование по ТЕС, а также составили по три рассказа (по серии картинок «Башня», «Кошка и собака» и по картинке «Чашка») [Глозман 2012]. Через год дети из этой же выборки придумывали тексты по серии «Собака и кошка» и «Чашка», а также пересказывали рассказ «Галка и голуби». Наконец, еще через два года эта же выборка составляла рассказы по серии картинок «Мусор», «Кошка и собака» и пересказ по басне «Галка и голуби» [Ахутина 2018].

Мы отобрали в первоначальной выборке по 20 детей, показавших наилучшие и наихудшие результаты по тесту ТЕС. Группа 1 – это дети, показавшие наилучшие результаты, группа 2 – дети, показавшие наихудшие результаты. В лонгитюдной выборке, участвовавшей во всех трех срезах, у нас осталось 10 детей из Группы 1 и 11 детей из Группы 2.

С помощью непараметрической статистики (Т-test Манна-Уитни) мы проанализировали, насколько отличаются тексты детей из этих групп по использованию лексики внутренних состояний.

Оказалось, что, хотя дети, показавшие хорошие результаты по ТЕС, употребляют больше лексики внутренних состояний во всех возрастах, в 5 и 6 лет эти различия не достигают уровня значимости ($Z=0,6$; $p=0,5$). И только во втором классе различия становятся статистически достоверными ($Z=2,3$; $p=0,02$).

Кроме того, с помощью теста Вилкоксона мы проанализировали, в какой группе с возрастом улучшаются показатели использования лексики внутренних состояний. Мы предположили, что дети, показавшие лучшие результаты по ТЕС, будут делать большие успехи. Однако наша гипотеза оправдалась лишь отчасти: у детей из группы 1 значимое увеличение использования глаголов внутренних состояний произошло от 5 к 6 годам ($Z=2,1$; $p=0,04$), а у детей из группы 2 – между 6 и 8 годами ($Z=2,2$; $p=0,03$).

На приведенном рисунке мы видим, как изменяется число слов внутренних состояний в группе 1 и в группе 2 в трех срезах: в 5, 6 и

8 лет. В целом можно констатировать, что хотя дети из группы 1 действительно чаще используют в рассказах лексику внутренних состояний, уровня значимости эти различия достигают только в школе. Возможна различная интерпретация полученных результатов. Например, среди детей, показавших плохие результаты по ТЕС, есть те, которые используют действительно много слов внутренних состояний, несмотря на то что в целом их текст получается довольно несвязным. Например:

Собака... кошка была противная, а собака – нет. Собака спала, а кошка цветок хотела на нее бросить. А собака испугалась и проснулась. А цветок упал. Кошка... она еще раз кинула цветок. Собака рассердилась, а кошка ударилась метлой в нос.

Доча хотела... тут нет картинки... Нет, есть. Это мама, дочка и сын. Дочка разбила чашку, а мама ее погрузала. А брррррратик.... Нет. По-другому. Мальчик разбил чашку. Когда мама услышала, она зашла в комнату, она зашла в гостиную, и увидела то, что дочка разбила чашку. А потом братик сказал... Мама спросила: "Это ты разбила чашку?". Он сказал: "Нет". Он обманул маму. а мама ругала потом дочку. И потом она поняла, что это не она делала.

Другим объяснением может быть тот факт, что авторы относят к группе *Internal state terms* слишком разнородные явления, которые нуждаются в уточнении для описания нарративов.

В целом, мы считаем, что исследования взаимосвязи понимания детьми эмоций и особенности их текстопорождения должны быть продолжены.

Литература

Ахутина Т.В. Методы нейропсихологического обследования детей 6–9 лет / под ред. Т.В. Ахутиной. – М.: В. Секачев, 2018.

Веракса Н.Е. Тест на понимание эмоций: адаптация русскоязычной версии на российской выборке детей дошкольного возраста / Н.Е. Веракса, А.Н. Веракса, М.Н. Гаврилова, Д.А. Бухаленкова, К.С. Тарасова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 18, №1. – С. 56–70.

Глозман Ж.М. Нейропсихологическое обследование: качественная и количественная оценка данных / Ж.М. Глозман. – М.: Смысл, 2012.

Ощепкова Е.С. Связь развития речи и эмоций у детей дошкольного возраста: теоретический обзор / Е.С. Ощепкова, Н.А. Картушина, Д.А. Бухаленкова // Вестник Московского университета. – Серия 14: Психология. – 2021. – № 3. – С. 260–287.

Cutting A.L. Theory of mind, emotion understanding, language, and family background: Individual differences and interrelations / A.L. Cutting, J. Dunn // *Child Development*. – 1999. – 70 (4). – P. 853–865.

Gagarina N.V. MAIN: Multilingual assessment instrument for narratives / N.V. Gagarina et al. // *ZAS papers in linguistics*. – 2012. – Т. 56. – С. 155–155.

Pons F. Test of emotion comprehension: TEC / F. Pons, P. Harris. University of Oxford, 2000.

Pons F. Emotion comprehension between 3 and 11 years: Developmental periods and hierarchical organization / F. Pons, P. Harris, M. de Rosnay // *European Journal of Developmental Psychology*, 2004. – 1(2). – P. 127–152.

Pons F. Individual differences in children's emotion understanding / F. Pons, J. Lawson, P.L. Harris, M. de Rosnay // *Scandinavian Journal of Psychology*. – 2003. 44 (4). – P. 347–353.

Панасюгина Лада Евгеньевна
Экспертно-криминалистический центр
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Добрякова Мария Викторовна
Российский университет транспорта
УДК 801.8

Внутри- и межъязыковая универсальность хезитации в устноречевой коммуникации

устная речь, хезитационные периоды, языковые универсалии

Согласно многочисленным исследованиям устноречевой коммуникации, всем ее формам и жанрам присущи речевые сбои. Наибольшее их количество встречается в устной разговорной речи. Полностью избежать процесса нарушения плавного развертывания речевого потока невозможно, поскольку это связано с самой природой речепорождения, с ограничениями, накладываемыми психологическими, физиологическими и другими факторами. Долгое время бытовало мнение, которое, впрочем, и сегодня можно встретить среди филологов, что явление хезитации связано с низкой речевой культурой и невысоким социальным статусом говорящего. Однако разные научные подходы к изучению данного феномена показывают несостоятельность таких утверждений.

Для лучшего понимания природы хезитации и ее роли в речевой деятельности авторами были предприняты попытки изучить данное явление с разных позиций. Так, были исследованы вопросы оформления хезитационных периодов с учетом индивидуального и социального факторов, которые показали отсутствие корреляции между социальным статусом говорящего и способом оформления хезитационных периодов, а также их количеством. Выяснилось, что способы оформления пауз хезитации индивидуальны для каждого говорящего. Были отмечены такие экстралингвистические факторы, как предмет разговора, степень владения им со стороны говорящего, психологический настрой говорящего, степень комфортности ситуации общения, которые коррелировали с частотой употребления средств оформления пауз хезитации.

На данном этапе коллективом авторов проводится работа по изучению межъязыковой универсальности способов оформления хези-

тационных периодов. Известно, что устный дискурс представляет собой чередование речи и паузации. Данная особенность обусловлена физиологически и связана с психической организацией личности. Вполне логично предположить, что основные способы оформления хезитационных периодов одинаковы для разных языков, и не только индоевропейских, на что указывают полученные предварительные результаты исследования. Несмотря на то, что работа по поиску и аккумулярованию соответствующего материала из разных языков продолжается, уже сейчас со значительной долей уверенности можно сказать, что мы имеем дело с речевой универсалией.

Взгляд на хезитацию как на универсальное явление открывает новые возможности для практического исследования устной речи; в частности, рассмотрение способов оформления хезитационных периодов в качестве идентификационно значимых объектов исследования может быть использовано в криминалистике. Данные признаки без труда воспринимаются на слух, имеют высокую идентификационную значимость, при этом эксперту достаточно владеть исследуемым языком, который может быть неродным для него. На это обстоятельство было указано еще в 2003 году благодаря полученным данным о возможности корректного выявления и описания хезитационных пауз на неродном для эксперта языке. Таким образом, способы оформления хезитационных периодов можно рассматривать как универсальный инструмент для работы с речевым материалом на любом языке.

Литература

Добрякова М.В. Зависимость между вербальной спецификой эксперта и надежностью идентификации иноязычного говорящего: дис. ... канд. филол. наук / М.В. Добрякова. – М., 2003. – 197 с.

Добрякова М.В. Хезитация: социальное или индивидуальное? Культура речи или лингвопсихология? / М.В. Добрякова, Л.Е. Панасюгина // Языковое бытие человека и этноса: сборник научных трудов по материалам XVIII Березинских чтений / под ред. В.А. Пищальниковой, Л.Р. Комаловой. – М., 2021. – С. 32–38.

Добрякова М.В. Соотношение социального и индивидуального в организации спонтанной разговорной речи применительно к оформлению хезитационных периодов / М.В. Добрякова, Л.Е. Панасюгина // Интеллектуальные транспортные системы: материалы Международной научно-практической конференции «Интеллектуальные транспортные системы» (26 мая 2022 г.). – М.: РУТ (МИИТ), 2022. – С. 523–527.

Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис / О.А. Лаптева. – М.: Наука, 1976. – 399 с.

Лурия А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – СПб: Питер, 2019. – 336 с.

Потапов В.В. Прикладные аспекты современной фонетики / В.В. Потапов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. – № 3. – 2006. – С. 147–152.

Потапова Р.К. Язык, речь, личность / Р.К. Потапов, В.В. Потапов. – М.: Языки славянской культуры. – 2006. – 496 с.

Потапова Р.К. Речь. Коммуникация, информация, кибернетика / Р.К. Потапов. – М.: Едиториал УРСС, 2020. – 598 с.

**Способы выражения субъекта в устных пересказах
дошкольников и младших школьников**

*синтаксический субъект, эллипсис субъекта, детская речь,
устная речь, референция*

Выбор способа выражения субъекта в нарративах детей разного возраста как предмет исследования представляет научный интерес по двум причинам. Во-первых, способ референции имеет непосредственное отношение к связности текста [Ощепкова 2020: 35]. Как пишет П.М. Эйсмонт, анализируя эллипсис в связной детской речи, «основное развитие принципов организации связности текста и использования для этого эллипсиса происходит именно в возрасте от 4 до 6 лет, после чего дети достаточно стабильно используют уже усвоенные навыки и умения» [Эйсмонт 2016: 335]. Во-вторых, выбор способа референции связан с потенциалом восприятия дискурса, поскольку, как пишет К.Ф. Седов с опорой на Н.Д. Арутюнову, одной из функций референции имён является сохранение тождества предмета в процессе речи во избежание референциального конфликта, что, согласно К.Ф. Седову, «выступает показателем коммуникативной компетенции языковой личности говорящего субъекта» [Седов 2004: 137], развитие которой происходит по мере взросления.

О.В. Федорова пишет о трёх видах референциальных выражений, в качестве которых она называет полные именные группы и «редуцированные референциальные средства»: местоимения и нули [Федорова 2014: 282]. В данном исследовании в качестве нулей будут рассматриваться такие виды синтаксического опущения, как эллипсис и редукция. Е.В. Грудева определяет эллипсис как «контекстное или ситуационное опущение тех или иных элементов высказывания, которые могут быть восстановлены; при этом общий смысл высказывания, соответствующего конструкции с эллипсисом, с одной стороны, и соответствующего конструкции без него – с другой, один и тот же» [Грудева 2007: 150]. Редукцию Е.В. Грудева определяет как ситуацию «запрета на синтаксическое выражение того или иного (семантического аргумента)» [Грудева 2007: 150].

Целью исследования было выяснить, есть ли значимые различия в выборе способа обозначения субъекта у дошкольников и учеников начальных классов, и проанализировать влияние смены референта на этот выбор. Исследование проводилось на материале устных пересказов просмотренного мультфильма. В эксперименте принимали участие две возрастные группы русскоязычных детей: дошкольники в возрасте 5-6 лет и дети в возрасте 9-10 лет, ученики 3-4 класса общеобразовательных школ г. Череповца и Ленинградской области. Выбор именно этих возрастных групп обусловлен тем, что, согласно Н.И. Лепской, монологической форме речи дети начинают научиться в детском саду и продолжают совершенствовать ее во время обучения в школе [Лепская 2013: 106], следовательно, можно предположить, что будут наблюдаться различия в использовании синтаксических конструкций в монологической речи. В ходе эксперимента детям было предложено посмотреть фрагмент мультфильма «Как стать большим?» (Союзмультфильм, 1967), после чего их попросили пересказать всё, что они запомнили. Для исследования использовались записи, которые были собраны в рамках гранта РФФИ «Устный и письменный нарратив как вторичный текст: особенности порождения разными категориями носителей русского языка» (№20-012-00290). Было проанализировано 26 устных пересказов дошкольников и 22 устных пересказа учеников 3-4 классов. Тексты были разделены на клаузы с глагольной вершиной (417 и 959 клауз соответственно). Все они были проанализированы с точки зрения способа выражения синтаксического субъекта. В качестве возможных способов выражения субъекта были выделены эллипсис и редукция как механизмы незаполнения валентности на синтаксический субъект, а также именная группа (лексическое выражение субъекта) и местоимение. Клаузы с глаголом *быть* были исключены из анализа, остальные клаузы не были разделены на финитные и нефинитные, так как после выделения эллипсиса и редукции в этом не было необходимости. В качестве редукции рассматривалось опущение субъекта при инфинитиве, деепричастии и императиве, а также в односоставных предложениях [Грудева 2007: 150]. При разметке все местоимения (личные, указательные, относительные) были аннотированы как местоименный способ обозначения субъекта.

На основании проведённого анализа удалось получить следующие результаты:

1) наиболее частотным способом выражения субъекта в устных пересказах дошкольников оказалось местоимение (35,5% от всех способов выражения субъекта), наименее частотным – редукция (18% от всех способов выражения субъекта), на долю лексического способа выражения и эллипсиса пришлось 27,5% и 19% соответственно;

2) наиболее частотным способом выражения субъекта в устных пересказах учеников 3-4 класса оказалось также местоимение (35,7% от всех способов выражения субъекта), наименее частотным – редукция (17,7% от всех способов выражения субъекта), на долю лексического способа выражения и эллипсиса пришлось 24,6% и 22% соответственно;

3) процент эллипсиса в устных пересказах учеников 3-4 класса выше, чем в устных пересказах дошкольников (22% и 19% соответственно), а процент лексической номинации ниже (24,6% у учеников 3-4 класса и 27,5% у дошкольников), однако в результате статистического анализа с использованием таблиц сопряженности можно сделать вывод о том, что статистически значимой зависимости выбора способа выражения субъекта от возраста нет ($\chi^2=2,296$, $p=0,317$).

Для дальнейшего анализа пересказы обеих групп рассматривались отдельно для того, чтобы оценить, является ли смена референта значимым фактором при выборе способа выражения субъекта для каждой из них. Редукция как способ выражения на этом этапе была исключена, потому что её функционирование определяется грамматическими правилами языка. Все клаузы были охарактеризованы с точки зрения наличия или отсутствия смены референта. Для анализа статистической значимости связи между сменой референта и выбором способа выражения субъекта был произведён анализ таблиц сопряженности с использованием критерия χ^2 . Удалось установить, что связь между выбором способа выражения субъекта и сменой референта значима статистически как для пересказов дошкольников ($\chi^2=107,619$, $p<0,001$), так и для пересказов учеников младших классов ($\chi^2=355,467$, $p<0,001$).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что устная речь учеников младших классов только незначительно отличается от речи дошкольников с точки зрения способа выражения субъекта, а смена референта оказывается значимым фактором в обоих случаях.

Благодарности

Проект поддержан грантом РФФИ «Устный и письменный нарратив как вторичный текст: особенности порождения разными категориями носителей русского языка» (№20-012-00290).

Литература

Грудева Е. В. Избыточность и эллипсис в русском письменном тексте / Е.В. Грудева. – Череповец, 2007. – 251 с.

Лепская Н. И. Язык ребенка: онтогенез речевой коммуникации / сост. и подг. текста Т.В. Базжиной. – М.: РГГУ, 2013. – 311 с.

Ощепкова Е.С. Развитие связной устной речи в старшем дошкольном возрасте / Е.С. Ощепкова, Д.А. Бухаленкова, В.А. Якупова // Современное дошкольное образование. – 2020. – № 3 (99). – С. 32–39.

Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2004. – 317 с.

Фёдорова О.В. Экспериментальный анализ дискурса / О.В. Фёдорова. – М.: Языки славянских культур, 2014. – 512 с.

Эйсмонт П. М. Опускание синтаксического субъекта в русской связной детской речи / П.М. Эйсмонт // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции. Редколлегия: М.Б. Коношенко, Е.А. Лютикова, А.В. Циммерлинг. – М., 2016. – С. 348–358.

Тенеряднова Светлана Павловна
Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
Книсарина Малика Максатовна
Западно-Казахстанский медицинский университет
им. Марата Оспанова
Сисенова Айнура Тагабергеновна
Западно-Казахстанский медицинский университет
им. Марата Оспанова
УДК 37.034

Проявление социальной ответственности в этическом дискурсе личности

*социальная ответственность, этический дискурс,
личность, коммуникация, саморегуляция*

Дискурс как сложное коммуникативное явление, тесно связанное с продуктом речевого действия, всегда имеет соотносительность с определенным слоем культуры и социальной общности. Подобный ракурс в изучении научного объекта предопределен прежде всего его междисциплинарностью, связанной с лингвистикой, социальной семиотикой, теорией искусственного интеллекта, психологией, этикой и др.

Рассмотрение вопросов, касающихся проявления социальной ответственности в этическом дискурсе личности, способно привлечь различные области знаний, в первую очередь, психологию, этику и лингвистику.

Научная платформа в изучении вопросов порождения текстов как проявления социализации личности представлена внушительным списком работ, включающем труды Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Г. Асмолова, В.А. Аверина, Р. Берне, А.К. Михальской, Т.А. Ладыженской, Н.Е. Щурковой и др. Резюмируя научные мысли, приходим к двум выводам:

1. Речевое поведение – один из важных элементов социализации человека и основной способ самоактуализации личности в социуме.
2. Речевое поведение и его отражение в текстах как устных, так и письменных транслирует личностную культуру человека и позволяет регулировать коммуникативные взаимодействия.

Следовательно, рассматривая дискурс как процесс и результат речевой деятельности личности, можно утверждать, что он попадает в сферу влияния психолингвистических процессов, связанных ментальными представлениями деятелей коммуникации. Данные представления могут включать различные установки личности: начиная с психологических и заканчивая этическими и социокультурными.

Нетрудно заметить, что в указанной плоскости научных интересов речевая ответственность в текстах предстает в качестве многомерной конструкции, включающей речевую ситуацию и дискурс как поток речевого поведения. Как правило, зона речевой ответственности начинается с принятия, а затем происходит дальнейшее осмысление речевой ситуации. Коммуникатор сначала анализирует, а затем говорит/пишет или, наоборот, воспринимает сквозь призму собственных установок определенное высказывание.

Речевая ответственность сегодня является ярким показателем открытости, порядочности личности, ее способности держать свое лицо (слово). Например, в деловом дискурсе это еще инструмент, который позволяет монетизировать коммуникацию с коллегами и конкурентами по бизнесу. Очень доказательно об этом говорит Анна Валл, петербургский эксперт по деловому этикету и протоколу, преподаватель Речевой тренинговой компании IGRO: «Личность с речевой ответственностью понимает: чем выше ты находишься на социальной лестнице, тем больший резонанс имеет всё, тобою сказанное и написанное. Неряшливую мятую речь не компенсируют крахмальный воротничок и бриллиантовые запонки» [Валл 2018: 1]. Исходя из этой мысли, можно предположить, что речевая ответственность напрямую влияет на наш социальный, профессиональный статус и наоборот. Индивидуальное право человека – выбрать нужный ракурс в речевом поведении.

Ситуация личностного выбора всегда ставит пишущего и говорящего перед определенной дилеммой: что является объектом текстового интереса и как это выразить.

Не менее пристальный взгляд на указанную проблему может быть сосредоточен в плоскости образования. В рамках проекта «Социальная ответственность обучающихся в условиях профессиональной подготовки в вузах Западного Казахстана» были опубликованы статьи, в которых подчеркивалось, что ответственность выступает как наиболее общественно значимая универсальная категория, которая «проявляется во всех сферах жизнедеятельности современного

человека и выступает в свою очередь одним из критериев оценки характера взаимоотношений и взаимодействия одного человека с другими членами социума» [Книсарина 2021: 48]. Важно понимать, что ответственность человека проявляется в результатах и последствиях его деятельности в разрезе интересов общества.

Каждому преподавателю знакомы фразы студентов: «Я забыл сделать домашнее задание», «У меня не получилось в срок защитить свой проект» и т.д. Можем ли мы наблюдать проявление социальной ответственности в подобных высказываниях? Как научить студентов держать слово? У каждого свои методы. Но клишированные фразы-образцы типа «Не сделал, но могу предложить следующее...», «Не выполнил, но готов сделать другое задание» во время организационных моментов, особенно на первых занятиях, безусловно, станут выигрышными, поскольку в этическом дискурсе появятся ноты, свидетельствующие о критическом отношении к ситуации, желании показать личную заинтересованность в эффективности коммуникации.

Известно, что в основе ответственности как жизненно важного качества личности лежит процесс саморегуляции. И в первую очередь это эмоциональное регулирование коммуникативного процесса, при котором осуществляется поиск этически оправданного и коммуникативно целесообразного отбора языковых и невербальных средств.

Сегодня можно наблюдать, что многие профессиональные сообщества, в том числе и образовательные учреждения, задумались о продуцировании своеобразных этических кодексов, в которых были бы закреплены принципы нормативности, этики, ответственности. Безусловно, разработка подобных регламентированных текстов в нише этического дискурса вполне оправданна и востребована временем.

На наш взгляд, также весьма интересны мысли Shweta Mishra о том, что сегодня уделяется недостаточно должное внимание социальным сетям, социальному капиталу и социальной поддержке студентов, хотя «сети студентов, включая их семьи, этническую и религиозную принадлежность, друзей и преподавателей, играют важнейшую роль в академическом успехе [Mishra 2020: 104]. Данный пример свидетельствует о тесной взаимосвязи между различными социальными факторами и академической успеваемостью студентов, в основе которой всегда присутствует результат общения – его можно

рассматривать и как коммуникативный эффект, и как коммуникативную неудачу.

Поскольку речевое поведение личности детерминировано ее глубинными установками, убеждениями, нравственными ценностями, особое внимание необходимо уделять целенаправленному формированию внутренней культуры человека. Именно она предстает в виде регулятора внешнего поведения, способного обеспечить и уважительное отношение к окружающим, и тактичность в коммуникации, и осознанность в речевом поведении, ведущую к проявлению чувства ответственности за свои речевые поступки.

Таким образом, нашему научному исследованию был задан новый, но весьма интересный ракурс изучения социальной ответственности совсем в другом аспекте, с точки зрения речевого поведения, этического дискурса.

Благодарности

Данное исследование финансируется Комитетом по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан (Грант №АР09058126).

Литература

Валл А. Речевая ответственность как я ее понимаю / А. Валл // IGRO. – 2018. – 3 марта. – № 2. – URL: https://www.igro.ru/articles/rechevaya_otvetstvennost_kak_ya_ee_ponimayu/ (дата обращения: 12.09.2022).

Книсарина М.М. Онлайн-обучение в системе развития социальной ответственности обучающихся / М.М. Книсарина, А.Т. Сисенова, А.М. Байкулова [и др.] // Вестник Казахского национального педагогического университета имени Абая. Серия: Педагогические науки. – 2021. – № 3 (71). – С. 46–56.

Mishra S. Social networks, social capital, social support and academic success in higher education: A systematic review with a special focus on underrepresented students / S. Mishra // Educational Research Review. – 2020. – № 29. – 100307. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.edurev.2019.100307>

Файзуллина Резеда Абдулахатовна
Казанский государственный медицинский университет
Смолко Наталия Андреевна
Казанский государственный медицинский университет
Мухамедшина Яна Олеговна
Казанский государственный медицинский университет,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Садретдинова Эльвира Азгамовна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
УДК 81'234

Современные тенденции в физическом развитии детей с расстройствами аутистического спектра

*расстройства аутистического спектра,
междисциплинарное изучение аутизма, педиатрия,
развитие в норме и патологии*

Расстройства аутистического спектра (РАС) определяются как патологическое состояние развития нервной системы, обусловленное комплексом многочисленных факторов. Симптоматически, как известно, аутизм проявляется нарушением социального взаимодействия, коммуникации, а также стереотипиями. Встречаемость данного заболевания в последние годы резко возросла, что лишь частично можно объяснить повышением качества уровня диагностики. Данная проблема многопрофильная, требующая совместной работы психиатров, психологов, педагогов, а также врачей соматического профиля. Особенности подхода к данной группе пациентов в плане коммуникации обуславливают трудности диагностики сопутствующих заболеваний. Для врачей-педиатров и узкопрофильных специалистов сложнее обнаружить и скорректировать те или иные соматические патологии, а это усугубляет течение психоневрологической симптоматики аутизма (агрессия и беспокойство ребенка растет, что создает «порочный круг»).

С позиции врачей педиатрического профиля мы исследуем особенности пищевого поведения детей с РАС, поскольку его нарушение нередко ведет к нарушению нутритивного статуса, что для растущего ребенка всегда является предиктором развития иных соматических

патологий (проблемы с желудочно-кишечным трактом, органами дыхания, иммунной системой, нарушения обмена веществ и так далее).

На промежуточном этапе исследования был оценен нутритивный статус 27 детей с РАС при рождении, в возрасте 1 года, а также в настоящий момент при очном осмотре.

При рождении дети с РАС имели среднее (нормальное) физическое развитие (ФР) в 51,9% случаев (у 14 детей), в 37,0% (у 10 детей) ниже среднего и в 11,1% (у 3 детей) – низкое.

В 1 год распространенность среднего физического развития на основании определения индекса массы тела увеличилась до 77,8% (21 ребенок), а низкое ФР упало до 11,1%, при этом в 11,1% случаев начало выявляться ФР выше среднего.

По мере взросления в дошкольном возрасте сохранялась примерно такая же тенденция в частоте среднего ФР (в 74% или у 20 из 27 детей) и низкого (в 7,4%), однако увеличилась группа детей с РАС с параметрами ФР выше среднего (18,5%).

Оценка массы тела у детей с РАС по отношению к возрасту установила нормальные значения в 66,7% (у 18 из 27 детей). В 18,5% диагностирована белково-энергетическая недостаточность, причем у одного ребенка дефицит массы тела соответствовал БЭН 2-3 степени. Избыток массы тела выявлен в 14,8% (у 4-х из 27 детей).

Одной из ведущих причин нарушений физического развития детей является питание. Отмечено, что у 23 из 27 детей прикорм на первом году был введен в период 4-6 месяцев жизни, а 4 мамы точных сроков не помнят. У 18,5% детей отмечались трудности с введением новых продуктов.

В дальнейшем почти все дети (96% или 26 из 27 детей) имели избирательный аппетит. При этом рацион питания чаще всего был скудным и включал не более 10-11 наиболее употребляемых продуктов. Родители 25 детей с РАС (92,6%) отмечали, что их дети не будут пробовать новый продукт, даже при подаче в форме игры. Практически у каждого ребенка есть особенности пищевого поведения, например, в виде выраженного рвотного рефлекса, нежелания жевать, предпочтения по форме, цвету, консистенции и подаче продукта.

Все эти особенности пищевого поведения у детей с РАС ведут к стойким алиментарно-зависимым нарушениям. Регулярный дефицит в питании белка животного происхождения, железа, цинка, кальция,

омега жирных кислот, пищевых волокон и др. как усугубляет замедление нервно-психического развития, так и влияет на состояние здоровья в целом.

Несмотря на то что у детей с РАС распространенность нарушений нутритивного статуса по параметрам ФР в большинстве случаев оценена как средняя, нарастание избытка массы тела может способствовать возникновению новых заболеваний, скорректировать которые гораздо затруднительнее, чем нейротипичным детям.

Психолингвистические аспекты тревожно-депрессивных расстройств: экспериментальное исследование

тревога, депрессия, категория состояния, айтрекинг

Согласно статистическим данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), по меньшей мере 27% людей от общемировой популяции сталкивались с проявлением симптомов того или иного психического заболевания [Kessler 2007], что, в свою очередь, позволяет утверждать, что на сегодняшний день тревожно-депрессивные расстройства перестали быть исключительно психиатрической проблемой. Кроме того, в последнее время всё чаще появляются научные публикации, затрагивающие вопросы аффективных нарушений психики у больных с неврологической и соматической патологией [Толмачева 2022]. Также в свете последних событий актуальность данной проблемы усиливается тем, что у пациентов, перенёсших COVID-19, помимо разнообразных соматических осложнений и когнитивных нарушений, зачастую наблюдаются расстройства эмоционально-волевой сферы, на первый план среди которых выступают тревога и депрессия [Есин 2021]. Последние, в свою очередь, значительно снижают качество жизни человека, ведут к частичной или полной утрате трудоспособности, а также могут привести к полиморбидным состояниям, которые, как известно, заметно отягчают течение и провоцируют рецидив основного заболевания. Таким образом, всё более возрастает необходимость в своевременной диагностике субклинически выраженных тревожно-депрессивных состояний с целью дальнейшего предупреждения развития психических расстройств.

Как известно, в случае с тревожно-депрессивными расстройствами диагноз основывается преимущественно на вербальном отчете пациента и его ближайшего окружения. Факт того, что пациент жалуется на своё самочувствие в вербальной форме, открывает широкое поле для исследований в сфере психолингвистики, а именно для разработки и валидации психодиагностического инструментария с целью его последующего внедрения в клиническую практику. При-

няв во внимание тот факт, что психика – это результат функциональной активности мозговой деятельности, мы полагаем, что речевая и глазодвигательная активность могут быть рассмотрены в качестве наиболее показательных нейрофизиологических индикаторов динамики психоэмоционального состояния человека [Барабанщиков 2015]. Таким образом, нам представляется целесообразным применение метода айтрекинга (окулографии) в целях экспериментального исследования эмоционально-волевой сферы человека посредством количественной оценки процесса визуального восприятия респондентами вербальных стимулов – длительность эксплицитно фиксации на словах категории состояния, выступающих в роли дескрипторов полярных спектров психического состояния индивида – эмоций эйфорической и дисфорической модальностей [Фаттахов 2021]. В качестве оборудования был использован айтрекер Eyelink 1000 plus производства канадской фирмы «SR Research».

В процессе прохождения эксперимента каждым респондентом среди всего количества зарегистрированных айтрекером окуломоторных актов были отобраны эксплицитные фиксации на словах категории состояния эйфорической и дисфорической модальностей, а также найдено их среднее арифметическое, что, в свою очередь, позволило ввести понятия Индекса эйфорической модальности (ИЭМ) и Индекса дисфорической модальности (ИДМ), разница которых может быть показательной при оценке психоэмоционального статуса человека. Стоит отметить, что на данный момент в эксперименте приняло участие 132 человека – это русскоязычные студенты, магистранты, аспиранты, а также сотрудники Казанского федерального университета в возрасте от 18 до 45 лет.

В настоящее время продолжается проведение эксперимента в целях увеличения выборки среди нормотипичных респондентов. Также планируется подвергнуть полученные вычислительные данные методам медицинской статистики с целью выявления статистически значимой разности данных показателей, сопоставить настоящие результаты с данными, полученными в процессе эксперимен-

тально-психологического исследования (Госпитальная шкала тревоги и депрессии, Тест Люшера и др.) для последующего проведения непосредственно клинических исследований.

Литература

Барабанщиков В.А. Айтрекинг в психологической науке и практике / отв. ред. В.А. Барабанщиков. – М.: Когито-Центр, 2015. – 410 с.

Есин Р.Г. Неврологические осложнения новой коронавирусной инфекции COVID-19: учебно-методическое пособие / Р.Г. Есин, О.Р. Есин, Е.А. Горобец, И.М. Фаттахов. – Казань: Слово, 2021. – 120 с.

Толмачева В.А. Расстройства тревожно-депрессивного спектра при цервикальной дистонии / В.А. Толмачева, П.Г. Юзбашян, Д.С. Петелин, Б.А. Волель, Н.И. Салоухина, М.Р. Нодель, Д.В. Романов // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. – 2022. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasstroystva-trevozhno-depressivnogo-spektra-pri-tservikalnoy-distonii> (дата обращения: 27.10.2022).

Фаттахов И.М. Слова категории состояния, обозначающие психоэмоциональный статус человека / И.М. Фаттахов // Вызовы и тренды мировой лингвистики: Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 16–20 ноября 2020 г.): тр. и матер.: в 2 т. – Казань: Издательство Казанского университета, 2021. – Т. 2. – С. 168–170.

Kessler R.C. Lifetime prevalence and age-of-onset distributions of mental disorders in the World Health Organization`s World Mental Health Survey Initiative / R.C.Kessler, M.Angermeyer, Jc.Anthony et al. // World Psychiatry. – 2007. – Vol. 6 (3). – Pp. 68–176.

Особенности глазодвигательной активности у детей с разным уровнем развития навыка чтения при выполнении задачи идентификации парафовеальных единиц

айтрекинг, дислексия, парафовеа, чтение

Идентификация единиц чтения происходит как в фовеальном, так и в парафовеальном полях зрения. Связь процесса читательской деятельности и парафовеального зрения изучается специалистами в течение последних десятилетий, поскольку исследование парафовеальных эффектов, связанных с предварительным просмотром, расширяют сложившееся представление о функционировании навыка чтения. В функциональном поле читающего участвуют единицы, находящиеся в парафовеае [Алексеева 2017]. В исследованиях, проводившихся ранее, была установлена широта области восприятия текста у взрослого нормотипичного читателя, которая ограничена 3–4 знаками слева от точки фиксации и 14–15 знаками справа от точки фиксации [McConkie 1988]. Более того, исследования показали, что широта угла зрительного внимания, или зрительный интервал (размер области восприятия текста от точки фиксации), коррелирует с уровнем сформированности навыка чтения у взрослых читателей [Deyue 2018, Ахутина 2019]. Целью данного исследования является изучение особенностей глазодвигательной активности у детей 9-10 лет с разным уровнем сформированности навыка чтения при распознавании единиц, находящихся на границе фовеальной области и в парафовеае.

В исследовании принимали участие 49 детей (22 девочки и 29 мальчиков), не имеющие диагностированных неврологических нарушений, а также диагностированных нарушений зрительного и слухового анализаторов; возраст испытуемых составил от 9 до 10 лет включительно. В качестве стимульного материала, выводимого на экран, использовались числовые ряды, состоящие из двух равномерно расходящихся сверху вниз рядов случайных однозначных чисел и ряда последовательных чисел (от 1 до 18), расположенных по-

середине. В первой строке числовых рядов боковые числа отклонялись от центрального, предназначенного для фиксации, числа, на $1,6^\circ$ справа и слева, в каждой последующей строчке угол вывода боковых чисел увеличивался на $0,45^\circ$, достигая таким образом угла в $9,7^\circ$ справа и слева в последней строке стимульного материала. Задачей испытуемых стали фиксация взгляда на числах центрального ряда и идентификация чисел правого и левого рядов. Участникам предоставлялась подробная инструкция к эксперименту; затем исследователями предлагалось пройти тренировочную сессию после прохождения процедур калибровки и валидации. Для более точной регистрации всех параметров движений взора использовалась стойка для фиксации головы. Числа выводились черным цветом на белом фоне, использовался моноширинный шрифт Courier New, размер которого составил 26 pt. Моноширинные шрифты уступают пропорциональным в задаче повышения точности распознавания единиц читателями [Алексеева 2019], однако в качестве ключевых фрагментов исследования выступают не кириллические буквы, а однозначные числа; использование моноширинности дает возможность контролировать длину единицы в пикселях. В эксперименте использовались однозначные числа, поскольку, согласно методике тестирования на определение оперативных единиц чтения (ТОПЕЧ) [Корнев 2010], данные единицы являются наиболее автоматизированными единицами чтения для всех детей с разными уровнем сформированности навыка чтения.

Регистрация движений взгляда осуществлялась с помощью оборудования EyeLink 1000 (SR Research), частота опроса 1000 Гц. Испытуемый сидел на расстоянии в 70 см перед экраном диагональю в 22 дюйма. Обработка записи движений глаз осуществлялась с помощью программного обеспечения DataViewer (SR Research).

Для сравнения коэффициентов техники чтения и некоторых параметров движения взгляда, таких как количество регрессивных саккад в заданную центральную область, общая продолжительность фиксаций взгляда на периферийных рядах с числами, расположенными до 7° от точки фиксации включительно и более 7° от точки фиксации (до 7° от точки фиксации – средние показатели широты фовеальной области читателей текстов на языках алфавитической системы [Korinth 2020]); доля продолжительности фиксаций на интересующей области, был использован корреляционный анализ Спирмена.

По результатам первичного анализа были определены коэффициенты техники чтения исследуемых детей [Корнев 2010]. Итоги диагностического обследования выявили, что 12 из 49 детей имели признаки дислексии: соответствующие дислексии низкие коэффициенты техники чтения наблюдались при сохранном невербальном интеллекте, нормальном речевом развитии и отсутствии нарушений слухового и зрительного восприятия у детей; 11 из 49 детей имели непато-логическое отставание в формировании навыка чтения; 26 из 49 детей имели показатели чтения на уровне среднестатистической нормы. Первичный анализ движения глаз исследуемых детей показал, что с поставленной задачей безотрывной фиксации взгляда только на числах центрального ряда не справился никто из исследуемых детей: лишь в единичных случаях отсутствовали фиксации либо в правом ряду чисел (у 4 детей из 49), либо в левом ряду чисел (у 2 детей из 49). При этом все респонденты справились с задачей распознавания чисел правого и левого рядов. Дети с более высоким уровнем сформированности навыка чтения имеют более высокую долю продолжительности фиксаций взгляда в заданной центральной области, тогда как дети с более низким уровнем сформированности навыка чтения меньше фиксируют взгляд в центре. Можно было бы предположить, что данный факт связан с ограниченным зрительным интервалом у детей со слабо развитым навыком чтения, что коррелирует с рядом зарубежных исследований [Deyue 2018]. Однако стоит принять во внимание тот факт, что перед испытуемыми стоит задача сознательного оттормаживания саккад, в которой активное участие принимают управляющие функции, что может объяснять более низкий уровень концентрации зрительного внимания на заданной точке фиксации у детей с низкими показателями сформированности навыка чтения [Bellocchi 2018, Корнеев 2020].

Ранговый корреляционный анализ показателей уровня сформированности навыка чтения и параметров глазодвигательной активности детей при выполнении задания на развитие угла зрительного внимания продемонстрировал взаимосвязь на разных уровнях, таких как доля продолжительности фиксации взгляда в центральном числовом ряду, количество регрессионных движений глаз в область центрального числового ряда, суммарная продолжительность фиксаций на интересующих областях центрального и периферийного числовых рядов, а также продолжительность фиксации взгляда на числовых ря-

дах, периферийная область которых находится в среднестатистических пределах фовеи и парафовеи. Необходимы исследования связи функций программирования и контроля, зрительно-пространственного восприятия и широты угла зрительного внимания; а также дальнейшее проведение кластерного анализа для определения однородных групп читателей младшего школьного возраста и более детальный анализ взаимосвязи читательских стратегий и особенностей глазодвижительной активности при выполнении задач на распознавание единиц, находящихся на границе фовеальной и в парафовеальной области.

Литература

Алексеева С.В. К вопросу о механизмах распознавания кириллических букв при чтении: роль типа шрифта / С.В. Алексеева, А.С. Доброго, А.А. Кониная, Д.А. Чернова // Вестник Томского государственного университета. – № 438. – 2019. – С. 11–18.

Алексеева С.В. Эффект длины при парафовеальной обработке слов во время чтения / С.В. Алексеева, Н.А. Слюсарь // Вестник Томского государственного университета. – № 45. – 2017. – С. 5–29.

Ахутина Т.В. Методические рекомендации образовательным организациям по оптимизации системы оценивания и улучшению организации психолого-педагогической помощи обучающимся с нарушениями чтения и письма / Т.В. Ахутина, О.А. Величенкова, А.Н. Корнев // Изд-во ФГБНУ «Центр защиты прав и интересов детей», 2019.

Корнев А.Н. Методика диагностики дислексии у детей: методическое пособие / А.Н. Корнев, О.А. Ишимова. – СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2010. 70 с.

Корнеев А.А. Исследование движений глаз у младших школьников с разным уровнем развития навыка чтения / А.А. Корнеев, Е.Ю. Матвеева, Т.В. Ахутина // Физиология человека. – 2020. – Т. 46. – № 3. – С. 5–14.

Bellocchi S. Effects of inter-character spacing on saccade programming in beginning readers and dyslexics / S.Bellocchi, D. Massadari, J. Grainger, S. Ducrot // Child Neuropsychology. A Journal on Normal and Abnormal Development in Childhood and Adolescence. – 2018. – V. 171.

Deyue Y. Training peripheral vision to read: Boosting the speed of letter processing / Y. Deyue, G. Legge, G. Wagoner, S.T.L. Chung // Vision Research. – 2018. – V. 152. – P. 51–60.

Korinth S. P. Wider letter-spacing facilitates word processing but impairs reading rates of fast readers / S.P. Korinth, K. Gerstenberger, C.J. Fiebach // *Frontiers in Psychology*. – 2020. – V. 11.

McConkie G.W. Eye movement control during reading: I. The location of initial eye fixations on words / G.W. McConkie, P. Kerr, M.D. Reddix, D. Zola // *Vision Research*. – 1988. – № 28. – P. 1107–1118.

Gorobets Elena Anatolyevna
Ivanova Olga Alexandrovna
Gamirova Rimma Gabdulbarovna
Kazan (Volga region) Federal University
УДК 81'33, 81'23

Sensory alalia: terminology and differentiated diagnosis

*impressive speech, developmental disorders, sensory alalia,
developmental dysphasia*

Sensory alalia needs complex interdisciplinary scientific description. The available data are disparate, the diagnosis is often regionally and locally specific, highly dependent on the subjective interpretation of the specialist and his/her experience; there are problems with the terminological apparatus [Bobylova 2017] – in addition, the terminology data do not correlate with foreign studies in the field of specific language impairment (SLI) [Grill 2019], disorders of language comprehension [Bishop 2014], language delay [Wang 2018] or developmental dysphasia [Duvelleroy-Hommet 1995], which makes it difficult to universalize the diagnosis and correction of this severe type of speech disorders in early childhood. As the analysis of foreign scientific databases shows, the term alalia is present only in Russian-language journals [Krakovskaya 2018].

In Russia there is no universal model for diagnosis of speech disorders in non-speaking young children (up to 4 years) and speech disorders in children after four years at different stages of compensation.

Sensory alalia is regarded as underdevelopment of impressive speech; the child has impaired understanding of the speech despite good hearing and intact ability to develop active speech. Sensory alalia is the least studied (and most severe) type of speech disorder in children. The motor component of alalia is described and analyzed sufficiently deeply, but the data on sensory alalia can be conditionally generalized in the following way: the causes are not revealed, the habilitation is slow and complicated, the prognosis is unfavorable, the comorbidity is frequent.

Auditory perception is a form of perception that provides the ability to perceive and navigate sounds in the environment using an auditory analyzer. There are cases of alalia which appear as a result of organic brain damage, which can be detected with the help of MRI and EEG. Sensory

alalia manifests in disorders of speech understanding caused by the dysfunction of auditory speech analyser which occurs in damage of temporal lobe in the dominant hemisphere. A child does not correlate the sounds of speech with semantics (the mechanism looks like the same in Wernicke's aphasia) [Gorobets 2015], perceives them as noises and "background". The absence of auditory differentiation in this case extends to sounds of human speech, there are usually no problems with hearing and with recognition of non-speech sounds: the child correlates non-speech sounds with sources and understands the meaning of what is happening, reacts to barking dogs, croaking crows, phone calls etc.

A child with specific sensory alalia can repeat the words and sentences after the adults, and often it looks like psychiatric disorders because a child answers the questions inadequately (he/she can only repeat without understanding). Sensory alalia without motor component is often accompanied by echolalia (repetition of phrases like the echo) – the same symptomatology is characteristic of autistic children – and logorrhea (uttering a meaningless set of sounds and pseudowords).

Most often neurologists, psychiatrists, speech therapists and neuropsychologists face with such type of alalia, which is associated not with brain damage, but with the low level (or absence) of development of the cortex in brain areas responsible for speech. MRI and EEG do not reveal abnormalities, organic lesions, neoplasms and atrophies are not recorded, neurological examination does not reveal pathologies, nevertheless, a child does not understand speech.

In some cases, absence of speech is accompanied by behavioral disorders (disinhibition, aggression, autoaggression), autistic behavior; eating behavior may be disturbed; the skills of self-care may be not developed or regress; but in a significant number of children speech problems are specific.

For adequate and timely assistance, it is necessary to develop a consistent system of diagnosis and differential diagnosis, new Russian-language diagnostic psychometric instruments for children and questionnaires for their parents in order to identify specific markers of sensory alalia. Often, non-speaking children are diagnosed and treated as children with sensorimotor alalia, whereas in reality it is only motor, or as children with autism, whereas it is sensory alalia (the behavioral features are alike in several positions). Sometimes they are habilitated as children with mental retardation (because of complete ignorance of verbal instructions and lack of response to speech), sometimes they are treated as deaf or hard-of-hearing children (whereas in sensory alalia hearing is usually normal or

reduced slightly). The principles of habilitation in these situations are not the same, they are different for children with autism, sensory alalia, hard-of-hearing and mental retardation. Thus, receiving ineffective therapy, the child loses precious time, during which it is still possible to partially or (in some cases, with early and timely treatment of specialists) completely habilitate him/her.

The multidisciplinary research in this field helps to establish a system of habilitation for children with sensory and sensorimotor alalia, which certainly has a high social value and is an important contribution to public health and to the development of personalized medicine.

References

Bishop D.V.M. Uncommon understanding: Development and disorders of language comprehension in children, classic edition / D.V.M. Bishop. University of Oxford, 2014. – 349 p.

Bobylova M.Y. Delayed speech development in children: Introduction to terminology / M.Y. Bobylova, T.E. Braudo, M.V. Kazakova, I.V. Vinyarskaya // *Russkii Zhurnal Detskoi Nevrologii*. – 2017. – Vol. 12. – Issue 4. – Pp. 56–62.

Duvelleroy-Hommet C. Sleep EEG and developmental dysphasia: lack of a consistent relationship with paroxysmal EEG activity during sleep / C. Duvelleroy-Hommet, C. Billard, B. Lucas et al. // *Neuropediatrics*. – 1995. – Vol. 26. – Pp. 4–18.

Gorobets E.A. Programming, regulation and control functions in children with specific language impairment and sensorimotor alalia / E.A. Gorobets, R.G. Gamirova, E.A. Sakharov, V.I. Gorobets, V.I. Marulina // 5th International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences & Arts SGEM 2018. – P. 321–328.

Grill P. Classification of children with SLI through their speech utterances / P. Grill // *IFMBE Proceedings*. – 2019. – Vol. 68. – Issue 2. – Pp. 441–447.

Khrakovskaya M.G. Aphasia and Alalia from the Perspective of Natal'ya N. Traugott's Studies on Higher Cognitive Processes / M.G. Khrakovskaya, G.M. Sumchenko // *Human Physiology*. – 2018. – Vol. 44. – Issue 2. – Pp. 124–128.

**Artificial intelligence in the game environment as an assistive tool
for dyslexic children**

*dyslexia, intervention, computer-based approach,
artificial intelligence*

In modern society, if the person has difficulties in reading, he/she may experience the barrier hindering realization of his/her own potential which might impact greatly on his future. Dyslexia may be regarded as one of the examples of such obstacle. Dyslexia is a specific learning disability that is neurobiological in origin which is characterized by difficulties with accurate and/or fluent word recognition and by poor spelling and decoding abilities [Lyonet 2003].

Although a sufficient basis for working with dyslexic children has already been accumulated, new, more productive methods are emerging. These methods save a certain amount of time, an example of such smart assistance is artificial intelligence. Artificial intelligence (AI) can be subdivided into machine learning (ML), artificial neural network (ANN) and deep learning (DL) [Alkabbani 2021]. The use of artificial intelligence at different stages of work with people with dyslexia is based on the flexibility of machine and deep learning, which, having the ability to work with large amount of data, self-learn, adapt to dyslexics and choose the necessary set of exercises for the future work.

At the stage of dyslexia detection, artificial intelligence is used to work with data and their further interpretation, quite a few AI-based approaches have been developed. Laura Tomaz Da Silva et al. classified related works employed deep learning into two types: the first one aimed to identify participants with dyslexia using traditional machine learning algorithms (e.g., SVM), the second one – work that used Deep Neural Networks (DNNs) in brain imaging data for disease classification [Tomaz Da Silva L 2021]. For instance, with traditional machine learning algorithms, the combination of eye-tracking and text reading task data may be analyzed [Nerušil 2021]. S.Zahia et al proposed the approach for automatic recognition of dyslexic children using deep learning neural network from the 3D volumes of brain

activation [Zahia 2021]. The problem is that brain activation models sometimes hard to interpret and deep learning classifiers provide the accurate identification of dyslexics. Such visual explanations of deep learning models were proposed in order to simplify the results [Tomaz Da Silva L 2021].

The next step is the development reading comprehension in dyslexic group. A wide range of mobile applications based on machine learning support exist most of them were created in order to solve this issue. Their main advantage is that because of portabling mobile applications can support dyslexics in day-to-day activities. One of them is "ALEXZA", a mobile application, which includes optical character recognition, word chunking, text to speech facility, text highlighting and auto scrolling, dictionary integration and machine learning in which complex words can be associated with easier similar word [Rajapakse 2018]. Such features which can be customized according to the disability and kind of dyslexia making dyslexic included in their surroundings.

Lakchani Sandathara and colleagues proposed another system providing unique and better phonological supportive methodologies which is mainly based on Voice recognition, Natural Language Processing, Machine Learning and Deep Learning concepts collaborating with reading and gaming environments for early identification and intervention of dyslexia in a user-friendly manner. The author claims that "ARUNALU" «is the first ever learning ecosystem which provide four screening and intervention methodologies unique from each other, to overcome Sinhala reading weaknesses due to dyslexia for children in age 5-6 which required early identification» [Sandathara 2020]. The teacher/parent/trainer and children have the mobile application with the function of Vocal Patter analysis through letters and words and motion pictures, feature extraction from Sinhala letters through reading and voice pattern, screening and intervention through voice pattern analysis via Story Building concept. All these functions are included in App Database which on the base of Progress Analysis and Report works with the application [Sandathara 2020].

The core advantage of artificial intelligence in working with dyslexic children is the ability to process a huge amount of data, thanks to which the features of each child are taken into account. Attempts were made to introduce AI into the digital environment at a certain stage of work with dyslexics, but, in our opinion, the potential of AI was not fully exploited. On the basis of an as yet unformed precise approach to understanding the nature of dyslexia and its classification, AI may provide possibility to find the intersection of approaches and to coordinate application features. In

further research, it would be interesting to create an application that will work entirely on the basis of AI at all stages: detection of features of the dyslexia manifestation in a particular child, determining whether lighting and other conditions are suitable for work with dyslexic, selection of exercises and features of its presentation. For making children motivated in using this application, it is possible to shift the exercises in a game environment. To date, some experience has already been accumulated in the use of AI in the development of, for instance, video games. AI methods or techniques have been used to enhance graphical realism, to establish player profiles, to create levels, sceneries and storylines, to balance complexity or to add intelligent behaviors to nonplaying characters [Westera 2020]. If all the features of the work with dyslexics are combined in one program, such an application will help the child to study independently at home and would become the assistive tool for educators.

But there are ethical concerns about using AI in the development the assistive tools for learning. We should take into account the issue of child's privacy, data security [Jain 2020]. In addition to ensuring data security, some AI techniques require too much computational power [Petrovic 2018]. Another limitation is that AI tools require repair and it becomes possible to the loss of information [Barua 2022].

The vital factor for educators in the work with dyslexic children is to be familiar with all peculiarities connected with this disorder. A plethora of approaches to classifying dyslexia exists, discussions about the nature of dyslexia and its causes also continue. Dyslexia has different ways of manifestation, there is no universal approach for treating and classifying it. The current intervention for improving reading comprehension exists in a computer-based approach or in a traditional multi-sensory activity. The addition to these approaches is the AI which is showing great promise. AI, by means of capability of working with large amount of data, allows interventions to be tailored for each person with dyslexia and help him improve the reading ability. In our opinion, it is necessary to take into account the accumulated experience of working with dyslexics and develop an assistive tool that will adapt to each child and propose to him or her the necessary exercises. These exercises will be placed in the play environment and help to educators motivate children and work with them remotely during lockdown.

References

Alkabbani H. Machine Learning and Metaheuristic Methods for Renewable Power Forecasting: A Recent Review / H. Alkabbani, A. Ahmadian, Q. Zhu, A. Elkamel et al. // *Frontiers in Chemical Engineering*. – 2021. – Vol. 3. – Article 665415.

Barua P.D. Artificial Intelligence Enabled Personalised Assistive Tools to Enhance Education of Children with Neurodevelopmental Disorders – A Review / P.D. Barua, J. Vicnesh, R. Gururajan et al. // *Int. J. Environ. Res. Public Health*. – 2022. – Vol. 19. – Article 1192.

Jain P. Virtual reality: an aid as cognitive learning environment—a case study of Hindi language / P. Jain, R. Bhavsar, K. Shaik et al. // *Virtual Reality*. – 2020. – Vol. 24. – Pp. 771–781.

Lyon G.R. A definition of dyslexia / G.R. Lyon, S.E. Shaywitz, B.A. Shaywitz // *Annals of Dyslexia*. – 2003. – Vol. 53 (1). – Pp. 1–14.

Nerušil B. Eye tracking based dyslexia detection using a holistic approach / B. Nerušil, J. Polec, J. Škunda, et al. // *Sci Rep*. – 2021. – Vol. 11. – Article 15687.

Petrovic V.M. Artificial Intelligence and Virtual Worlds – Toward Human-Level AI Agents / V.M. Petrovic // *IEEE Access*. – 2018. – Vol. 6. – Pp. 39976–39988.

Rajapakse S. ALEXZA: A Mobile Application For Dyslexics Utilizing Artificial Intelligence And Machine Learning Concepts / S.Rajapakse, D. Polwattage, U. Guruge et al. // *3rd International Conference on Information Technology Research (ICITR)*. – 2018. – Pp. 1–6.

Sandathara L. Arunalu: Learning Ecosystem to Overcome Sinhala Reading Weakness Due To Dyslexia / L. Sandathara, H. Hapuarachchi, S. Tissera et. // *International Conference on Advancements in Computing*. – 2020. DOI: 10.1109/ICAC51239.2020.9357268

Tomaz Da Silva L. Visual Explanation for Identification of the Brain Bases for Developmental Dyslexia on fMRI Data / Da Silva L Tomaz et al. // *Front. Comput. Neurosci*. – 2021. – Vol.15. – Article 594659.

Westera W. Artificial intelligence moving serious gaming: Presenting reusable game AI components / W. Westera, R. Prada, S. Mascarenhas et al. // *Educ Inf Technol*. – 2020. – Vol. – 25. – Pp. 351–380.

Zahia S. Dyslexia detection using 3D convolutional Neural Networks and Functional Magnetic Resonance Imaging / S. Zahia, B. Garcia-Zapirain, I. Saralegui, B. Fernandez-Ruanova // *Computer Methods and Programs in Biomedicine*. – 2020. – Vol. – 197. – Article105726.

The behavioral response to the situation. Understatement

*understatement, behavioral response, non-verbal way,
communicative means*

The communicative behavior of people, both verbal and non-verbal, is a component of the national culture and has its own specific features, regulated by the norms and traditions of this nation. In the sentences of speakers there are always marked units that reflect the speech characteristics of the social group, the representative of which is this individual [Kitaygorodskaya 1996: 222]. For British culture, one of these markers is understatement – ‘a socio-historical category of speech of an educated Englishman, an indirect way of communication aimed at maintaining friendly relations. Multifunctionality and variety of ways of its expression are socially determined’ [Vlasova 2005:149].

Understatement, being a typical English category of speech, reflects the specific way of life of the English [Ivushkina 1996:15]. Among many existing ways of expressing understatement, the most interesting is the behavioral reaction to the situation. Understatement can be expressed in a non-verbal way – a behavioral reaction to a situation when the character's behavior is a deterrent, reducing the intensity of emotions, a kind of "brake" [Ivushkina 1997:69]. The non-verbal way of expressing understatement of the beginning of the XXI century is typical for middle-generation women, business and practical people who are energetic and interested in career growth and therefore more reserved.

In this study, we will address the non-verbal way of expressing understatement in the speech of modern Englishmen and reveal the hidden socio-cultural information in the speech of characters in the modern novel "I owe you one" (2019) by Sophie Kinsella. Based on the analysis of this contemporary art work, it is established that the non-verbal way of expressing understatement is also characteristic of young middle-class women. The behavioral response to the situation is implemented in a non-verbal way of expressing understatement, which is manifested in the reserved behavior of the characters in the novel. In addition, understatement

in the speech of heroes is represented by verbal means: a moderator and a pause. Communicative means of expressing understatement in the speech of the characters in this novel are aimed at harmonious, conflict-free communication and compliance with socially accepted norms when establishing, maintaining and completing interpersonal contact.

Analysis of the novel has shown that the main characters use more understatement, expressed by behavioral reaction to the situation and using verbal means-moderators and pauses. Let's consider the example:

(1) "It's great," I say. "It's delicious. I'm just ... you know. Will our customers appreciate it?" Sure enough, my voice has started shaking. I'm asking questions instead of making statements. Jake's presence has that effect on me. And I hate myself for it, because it makes me sound uncertain, when I'm not – I'm not. "Jake, maybe we should talk about this first?" I venture. "I just..." My voice is wavering again and I clear my throat. "Our customers come here for sensible, value-for-money products. They don't buy luxury food items" [Kinsella 2019: 17].

The main character Fixie constantly restrains her negative emotions towards her brother, and is afraid to express her dissatisfaction. In this context, Fixie tries to dissuade Jake from buying and selling expensive olive oil. Understatement in this example is expressed with the help of moderators and pauses: "I'm just...", "I just...", as well as the modal verb "maybe", which indicate the hesitancy of the heroine, her fear of contradicting her brother. Fixie's uncertainty is also evident in the fact that she asks questions instead of stating facts: "Will our customers appreciate it?", "Jake, maybe we should talk about this first?". The description of the heroine's voice, which sometimes breaks down, then shakes, also shows uncertainty and fear. These verbal means of expressing understatement help to understand the character of the heroine and her reserved behavioral response to the situation. Instead of trying to force her brother to shut up and abandon the delusions, Fixie agrees with him. Later she makes another attempt to dissuade her brother:

(2) "Look, Jake, I'm sorry," I begin, then curse myself for apologizing. Why do I always do that? "I just ... I really think –". [Kinsella 2019: 19]

Fixie apologizes to Jake, but again loses confidence, as evidenced by the presence of a moderator: 'I just...' and pauses in her speech. Understatement, expressed by verbal and non-verbal means, demonstrates not only the character, but also the upbringing of the heroine, for whom family is above all. Fixie can't break down and scold her brother, under any circumstances. Let's consider the following example:

(3) “Jake!” gasps Leila. “You’re my hero!”

“Oh, Jakey.” Leila’s eyes glow, and she turns to me. “Isn’t he the sweetest?”

“Er ... yes.” I smile feebly at her. “Totally”. [Kinsella 2019: 21-22]

In this example, Leila, Jake’s girlfriend, admires him, despite the fact that he constantly uses her for his own purposes. Instead of objecting and trying to reason with the girl, Fixie agrees with her. The behavioral reaction of the main character once again confirms the presence of English politeness in order to please the needs of other people who do not want to be imposed on or interfere with their private life [Tislenkova 2019: 494]. English politeness is the observance of rules, not the expression of genuine participation. The presence of a pause expressed by an ellipsis and the interjection “Er...” demonstrate doubt, and indicates the unwillingness of the heroine to speak frankly. In order to convince Leila of her correctness, Fixie uses the overstatement in his speech adverb “totally”.

(4) “Mum!” As I burst in, my chest is rising and falling. “About this olive oil ...” The ravens are flapping around me, but I’m trying desperately to ignore them. “I’ve already talked to Jake, and I ... I really don’t think ...”

Oh God, my voice has gone wobbly again. My courage has disintegrated. I loathe myself [Kinsella 2019: 53].

In this example, the heroine of the novel tries to convey to her mother all her resentment over her brother’s decision to buy and sell expensive olive oil in their store. But instead of boldly expressing her anger, the heroine restrains herself for fear of offending her brother and upsetting her mother. Understatement in this context is represented by pauses and the moderator “I really don’t think...”. In addition, the description of the heroine’s voice, which trembles – “my voice has gone wobbly”, the heaving chest “my chest is rising and falling”, the ravens “The ravens are flapping around me”, which seem to swarm around her, also help to describe the state and feelings of the character in the novel. It should be noted that the English tend to communicate with their family members with restraint, not to invade their personal space, not to interfere in their own lives and affairs. The characters of the novel are brought up in accordance with the rules of behavior and culture of British society. In the following example Fixie tries to make another attempt to convince the mother of his arguments:

(5) “And then Jake brought round his olive-oil people.... You know, he has all these really grand ideas, Mum,” I say, feeling a knot of tension rise. “He wants to open a branch in Notting Hill. He wants to rename the shop the Notting Hill Family Deli; can you believe it? We’re not even a deli!”

I'm expecting Mum to be as wounded by this idea as I am. But she just nods thoughtfully and says, "That'll never happen. You know Jake. He needs his little schemes. Always has done." She glances at me and smiles. "Don't worry, Fixie. I'll have a word."

She sounds so easy and unruffled, the knot in my stomach starts to unclench. Mum is magic like that. She's like one of those therapists who know where all the pressure points are [Kinsella 2019: 62-63].

The hero in this example again restrains her emotions, which are expressed in speech with pauses and a description of her state "feeling a knot of tension rise", and, expecting that the mother and son will be affected as well as herself. But my mother's reaction is quite calm: "That'll never happen. Don't worry, Fixie. I'll have a word." At the same time, the woman smiles with imperturbable calm.

All of the above examples demonstrate the communicative means of expressing understatement that are typical for young and older middle-class women. The verbal way to express understatement is represented by the moderator 'I just' and the syntactic tool – ellipsis, where an intentional pause is caused by an unwillingness or inability to continue the conversation for some reason. At the same time, 'read' what is behind this pause, which is silent. The examples of behavioral responses to situations where the speaker's reticence is shown in a non-verbal manner are interesting for the reader. The behavior of the main characters demonstrates restraint, but at the same time – the origin and upbringing. These communicative means of expressing understatement help to better understand the behavior, character and specific way of life of the English.

References

Vlasova E.V. Sociolinguistic aspect of studying understatement and overstatement in the speech of a modern Englishman (based on the material of literature works of the beginning of the XXI century): dis. ... kand. filol. nauk / E.V. Vlasova. – Volgograd, 2005. – 169 p.

Ivushkina T.A. The Language of the English aristocracy: socio- historical aspect. Monograph / T.A. Ivushkina. – Volgograd: Peremena, 1997. –157 p.

Ivushkina T.A. "Vocabulary" of the aristocrat in the works of fiction of the XIX century / T.A.Ivushkina // Filologicheskie nauki. – 1996. – № 2. – P. 81–89.

Tislenkova I. A Irony-status symbol of the upper classes of England] / I.A. Tislenkova, I.V. Bganceva, E.A. Glebova, E.Ju. Ionkina // Modern study of social problem. – 2019. – Vol. – 11. – No 5. – P. 227–246.

Kitajgorodskaja M.V. Oral text as a source of socio-cultural information] / M.V. Kitajgorodskaja, N.N. Rozanova. – 1996. – P. 222–232.

Kinsella S. I owe you one / S. Kinsella. London: Transworld Publishers, 2019. – 411 p.

СОДЕРЖАНИЕ

КОМПЬЮТЕРНАЯ И КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА	3
Антипова А.С. Некоторые аспекты полевой семантизации термина COVID-19 (корпусное исследование).....	3
Вольская Ю.А. Квантификация непроемких абстрактных субстантивов: на материале базы данных рейтингов абстрактности.....	8
Гатиатуллин А.Р., Кубединова Л.Ш., Прокопьев Н.А., Абдураманов И.А. Инструментарий портала «Тюркская морфема» для создания электронных корпусов тюркских языков в рамках единого концептуального пространства.....	12
Гизатулина Д.Ю. Применение метода Eye Tracking для выявления сложности экономических терминов в тексте...	17
Гунькова Д.Е. Семантическая верстка как инструмент выявления аксиологических ориентиров политического комментатора – радиоведущего.....	22
Донина О.В. Интеллектуальный анализ региональных текстов.....	25
Ерастова Д.А. Контент-анализ произведения Е. Шварца «Сказка о потерянном времени».....	30
Зиганшина Ю.Р. Языковой корпус CORDIAM как средство сохранения испанского культурного наследия на американском континенте.....	34
Иванова Т.К. Сопоставительный анализ лингвистической репрезентации понятия «союз» в английском, немецком и русском медиадискурсе (по корпусным данным).....	39
Караваева В.Г. Новозеландский английский и язык маори в современном аудиопрактикуме: корпусной подход к решению лингводидактической проблемы.....	42
Климова М.А., Виклова А.В., Оверникова Д.А. Аннотирование учебного корпуса в аспекте его использования для исследовательских задач.....	46
Монахов С.И., Турчаненко В.В., Чердаков Д.Н. Векторизация корпусных данных как метод сопоставительного изучения терминопотребления.....	51
Мухамедшин Д.Р. Расширенные возможности поиска по морфологическим свойствам в системе управления корпусными данными.....	56

Непомнящих Н.М. Эволюция образа кавказского горца в русском языковом сознании (на материале языковых корпусов).....	60
Pleshkova E. Social Network Analysis of Covid19 in Internet Discourse: Russian Experience.....	65
Satria V.R. Foreign media portrayal of Russia: A corpus-based critical discourse analysis.....	70
Степаненко А.А., Резанова З.И. Эмоционально-оценочная лексика в гендерной и жанровой атрибуции текстов	76
Toldova S.J., Sokur E.O. Standard Dargwa Corpus.....	81
Фаронская С.А. Речевые акты в русскоязычном интернет-дискурсе: на примере комментариев пользователей сети «ВКонтакте»	87
Хакимов Б.Э., Гафарова В.Р. Размеченный корпус именованных сущностей на татарском языке.....	90
ПАЛЕОРУСИСТИКА И ЦИФРОВАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА...	95
Афанасьева Т.И. Русские книжники, работавшие в Константинополе в 80–90 гг. XIV в.: новые данные.....	95
Баранов В.А., Гнутиков Р.М. Дистрибутивный словарь славянских текстов X–XV веков: параметры запросов и визуализация результатов.....	99
Ермолова М.В. К вопросу о происхождении антирезультативного значения у плюсквамперфекта в истории русского языка.....	104
Жолобов О.Ф. Глаголы-местоимения в древнерусском языке (на материале исторического корпуса Манускрипт).....	109
Иордани Н.П. О конкуренции форм сослагательного наклонения и инфинитива с частицей <i>бы</i> (на материале жалованных грамот XV–XVII вв.).....	113
Мольков Г.А. Влияние древнерусского бытового письма на книжное в XIII веке.....	117
Новак М.О. О метаморфозах имен собственных в восточнославянских паримейниках XII–XIV вв. (на материале электронной коллекции «Манускрипт»).....	120
Токсубаева А.А. О лингвистических особенностях апостольских чтений в раннедревнерусских рукописях (на материале исторического корпуса Манускрипт).....	124

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА	128
Абдрахманова Р.Р., Солнышкина М.И. Основные параметры для проверки сложности текста при помощи метода окулографии на примере синтаксических конструкций	128
Акбаева Ф.Б. Особенности процесса метафоризации в англоязычном массмедийном нутрициональном дискурсе (на материале кулинарных рецептов).....	133
Ахмадеев И.Р. Лексико-стилистические средства актуализации самопрезентации (на материале выступлений кандидата в премьер-министры Великобритании Риши Сунака).....	138
Ахмадеева Е.В. Гендерные особенности стратегии самопредъявления в текстах объявлений международного сайта знакомств.....	143
Батулина А.В. 'Дух пытливости и желание увидеть чуда природы': познавательная активность как средство формирования индивидуального лексикона.....	148
Бегаева М.Н. Лингвистические исследования с применением eye-tracking в области образования и науки....	153
Белова П.Е. Особенности реализации концепта «пространство» в русской поэзии (на материале поэтического подкорпуса НКРЯ).....	157
Bingbing Huang, Kamensky M.V. A comparative research of the concept of marriage and family in proverbs of Han and Anglo-Saxon nations.....	162
Боженкова Н.А., Катышев П.А., Иванов П.К. Диагностика статуса языковой личности в рамках автороведческой экспертизы.....	167
Боярская Е.Л., Шевченко Е.В., Томашевская И.В. Манипуляция: структура событийного фрейма.....	173
Бузинова Л.М., Пашковская Н.Д. Концепт <i>учитель</i> в немецкоязычной лингвокультуре.....	178
Вайрах Ю.В. Символические признаки макроконцепта <i>Род</i>	183
Владимирова В.Е. Когнитивная обработка падежных форм русских существительных: влияние фактора одушевленности.....	188

Волкова Я.А. Деструктивный текст как объект лингвокогнитивных исследований.....	193
Воробьева Е.Ю. Цвет как способ активации подсознательных мотиваций.....	198
Воронина Т.М., Камалова Ю.А. Концептуализация <i>тайны</i> в русском языке: идеографический аспект.....	201
Голубева Ш.А., Режук З.В. Язык как главный маркер маргинальной идентичности.....	206
Давыдова М.А. Динамика в функционировании метафор как составляющая идиостиля языковой личности политического лидера.....	209
Дудорова М.В. Концептуализация худобы в русском языке.....	213
Зарипов Р.И. Язык массовой коммуникации и информационно-психологическое воздействие.....	218
Зотова А.С. Лингвокультурологический аспект коммуникативной стратегии в рекламном дискурсе.....	222
Иконникова О.Н. Деривационные модели формирования субстантивной лексики в салишских языках оканаган и кёр-д'ален.....	227
Каллистратидис Е.В. Инфантилизация образа маскулинности в гендеризированных речевых практиках русскоязычного Интернета.....	231
Кирколуп О.В. Концепт «поколение» через призму медиадискурса (на материале издания «Аргументы и факты»).....	235
Клейменова В.Ю. Концептуальная метафора как дорожная карта образа.....	238
Кодзова З.Н. Понятийно-тематическая классификация терминов предметной области «Здоровый образ жизни»... (на материале арабского языка).....	243
Колесникова Н.Л. Международная повестка в зеркале языка дипломатии.....	247
Колесникова О.И. Язык как фиксатор ценностных приоритетов медиаличности в дискурсе.....	251
Коренькова С.А. Мировосприятие через призму фразеологии.....	256
Коршунова И.С. Оценки вклада модальностей восприятия в значение русских слов (к проблеме влияния билингвизма).....	260

Крайнова А.А. Метафора вращения в номинации абстрактного понятия «Время».....	264
Краснопеева Е.С., Краева С.С., Волчкова А.С. Устный перевод удаленного инструктажа в режиме видеоконференции: когнитивный аспект.....	267
Кузнецова Н.И., Макарычева А.В. Особенности языкового выражения политической корректности в современном испанском языке.....	272
Кузьмиченко А.А. Conceptual metaphors of FIRE in British National Corpus.....	277
Курбанова М.М., Дадаходжаева З.А. Языковые единицы, реализующие человеческую концепцию.....	281
Локонова А.Е. Когнитивные основания формирования контраста в политическом дискурсе.....	288
Мартынова Е.В. Сложность восприятия вторичных текстов.....	292
Медведев В.Б. Связность текста и перевод.....	296
Metelev M.V. Cognitive approach to the description of meaning.....	302
Mikeladze N., Purkaradze E., Chelebadze N. For Etymological Understanding of Toponym Manchkhauri.....	306
Милькевич Е.С. Когнитивная структура литературного значения <i>mouth</i> в современном английском языке.....	311
Мубаракшина А.М. Структура текста гороскопа как речевого акта.....	316
Мухаметзянова Л.А., Солнышкина М.И. Общенаучная лексика как предиктор сложности текста.....	320
Напольских Е.А. Концепт «Irishman» в британской языковой картине мира.....	325
Носиров О.Т. Универсальные (общечеловеческие) средства выражения концептосферы «Времена года» в русской и узбекской языковых картинах мира.....	327
Онал И.О. Что может быть «политическим»? Корпусное исследование турецких метафорических сочетаний с лексемами “siyasi”, “siyasal” и “siyaset” со сферой-источником «Социум».....	333
Пименова М.В. Концепция, концепт, концептум и лексико-семантическая система языка.....	338

Ростовцева С.А., Таскаева А.В. Представление о Боге в профессиональной концептосфере врача-хирурга.....	342
Руденко В.В. Различия в понимании понятия «перевод» в отечественных и зарубежных переводческих школах.....	346
Рядовых Н.А. Когнитивная верификация как инструмент анализа информационного текста при обучении студентов-юристов.....	351
Савельева А.Ю. Номинативно-когнитивный потенциал собственно метафоры <i>холодная война cold war</i> в русском и английском языках.....	355
Сапиева С.К. Концепт <i>Кавказ</i> в аспекте когнитивного подхода.....	359
Скулимовская Д.А. Прогностический потенциал речевого акта предупреждения в политическом дискурсе.....	363
Смирнова У.В. Религиозные когнитивные иллюзии в политическом дискурсе.....	368
Степанова А.Н. Парадоксальная характеристика эмоций в поэтической речи (на материале поэтического корпуса НКРЯ).....	372
Сяо И. Когнитивные основания репрезентации противоположностей китайским иероглифическим письмом...	377
Токарева И.А. Актуализация семантико-синтаксического фрейма «человек труда» в текстах отечественных интернет-изданий.....	380
Толмачева И.Н., Якимова О.А. Роль лексических и грамматических средств в формировании бесконфликтных смыслов в политическом дискурсе.....	384
Тун Чао. Квантитативная метафора с компонентом «море» в русском и китайском языках.....	389
Файзуллина Н.И. К вопросу о реализации когнитивной модели в народной загадке.....	393
Файзуллина О.Р. Значение феномена «постправда» в современном английском языке и при его преподавании.....	396
Филимонова Е.В. Функции жеста УЖЕ/ВСЕ в нарративном дискурсе в русском жестовом языке.....	398
Хань Фан. Семантика и прагматика глаголов состояния в русском и китайском языках.....	402
Харитоновна Е.Ю. Языковая репрезентация немецких национальных ценностных ориентиров.....	406

Хрипкова Д.И., Каюмова Д.Ф. The research of paremiological units with a component of modality in English, Tatar and Spanish languages.....	409
Шарифуллина Э.А. Спектр значений лексемы <i>view</i> : корпусный подход.....	413
Шестак Л.А. Спецоперация России на Украине: вербализация слотов фрейма.....	418
Шидловская Д.Ю. Семантика колебательного движения в образном осмыслении действительности.....	423
Ширяева О.В., Режук З.В. Жаргонная лексика в текстах СМИ в аспекте рискогенности (на примере особенностей употребления единицы «беспредел»).....	427
КЛИНИЧЕСКАЯ И НЕЙРОЛИНГВИСТИКА.	
ПСИХОЛИНГВИСТИКА	432
Адамова З.Г. Принцип конвенциональности как принцип этнопсихолингвистического исследования «социальных образов».....	432
Андреева Г.А. Отрицания в речи как маркер описания эмоционально негативных стимулов.....	436
Бекреева Ю.В. Сила ассоциативной связи глаголов социальных действий и отношений с характеристиками человека.....	441
Бурмакина Н.Г. Разработка и стандартизация русскоязычной версии теста МАКРО.....	446
Валуйцева И.И. Изучение процесса категоризации у детей по методу Дж. Брунера.....	449
Вашунина И.В. Креолизованный текст: 30 лет исследований.....	452
Величенкова О.А., Хакимуллина Р.Р. Коморбидность нарушений чтения и письма и расстройств устной речи у младших школьников.....	455
Есин О.Р. Вербальные методы диагностики в неврологии: проблемы и успехи.....	460
Лайкова Ю.В. Специфика восприятия конструкций с переносным значением пациентами с сахарным диабетом...	463
Максимова Е.Н., Кутяева О.М. Системно-функциональный анализ как лингвистический инструмент диагностики афатического дискурса.....	468

Мустакова Т.П. Лингвистическая валидация теста на устную дифференциацию нейролингвистической батареи BVL_RU.....	473
Нимаева Э.З. Позиция предиката в устной речи как индикатор степени взаимовлияния кодов би- и полилингва	477
Ощепкова Е.С., Бухаленкова Д.А. Связь понимания эмоций и порождения текстов детьми 5–8 лет в лонгитюдной перспективе.....	480
Панасюгина Л.Е., Добрякова М.В. Внутри- и межъязыковая универсальность хезитации в устноречевой коммуникации.....	484
Пономарева М.А. Способы выражения субъекта в устных пересказах дошкольников и младших школьников.....	487
Тенеряднова С.П., Книсарина М.М., Сисенова А.Т. Проявление социальной ответственности в этическом дискурсе личности.....	491
Файзуллина Р.А., Смолко Н.А., Мухамедшина Я.О., Садретдинова Э.А. Современные тенденции в физическом развитии детей с расстройствами аутистического спектра.....	495
Фаттахов И.М. Психолингвистические аспекты тревожно-депрессивных расстройств: экспериментальное исследование.....	498
Шайхутдинова Р.И. Особенности глазодвигательной активности у детей с разным уровнем развития навыка чтения при выполнении задачи идентификации парафовеальных единиц.....	501
Gorobets E.A., Ivanova O.A., Gamirova R.G. Sensory alalia: terminology and differentiated diagnosis.....	506
Lekhnitskaya P.A. Artificial intelligence in the game environment as an assistive tool for dyslexic children.....	509
Vlasova E.V. The behavioral response to the situation. Understatement.....	513

Научное издание

**СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА:
ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ**

III Казанский международный лингвистический саммит

Казань, 14–19 ноября 2022 г.

Труды и материалы

Том 1

Подписано в печать 30.05.2023.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Arial».

Усл. печ. л. 30,6. Уч.-изд. л. 23,4. Тираж 100 экз. Заказ 175/5.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
тел. (843) 206-52-14 (1704), 206-52-14 (1705)